

Л. Л. Мельгуновъ.

Мельгуновъ

ОЧЕРКИ

ПО

ИСТОРИИ РУССКОЙ ТОРГОВЛИ

IX—XVIII ВВ.

СЪ КАРТОЮ.

ПОСМЕРТНОЕ ИЗДАНИЕ.

Цена 1 р. 50 к.

МОСКВА.

Издание магазина „Сотрудникъ школы“ А.К. Загѣской.

1905.

HF3624
174

Дозволено цензурою. Москва 13 октября 1904 года.

Типографія Г. Лиснера и Д. Собко.
Крестовоздвиженскій пер., д. Лиснера.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стран.</i>
Глава I. Первоначальныя торговыя сношенія Руси и Царьграда. Географическія особенности Россіи и ихъ вліяніе на развитіе промышленности и торговли. Начало русской исторической жизни на Западномъ водномъ пути. Сношенія съ Византіей. Договоры Олега и Игоря съ греками. Введеніе христіанства и его послѣдствія	1— 13
Глава II. Торговля съ Востокомъ. Начало исторической жизни на Восточномъ водномъ пути. Торговая дѣятельность арабовъ и ея вліяніе на цивилизацію Поволжья	13— 23
Приложеніе. Торговые договоры съ греками.	24— 30
Глава III. Кіевская Русь. Состояніе торговли Южной Руси въ періодъ дотатарскій. Кіевъ и его значеніе. Торговые пути: Греческій, Солянкой и Верховой. Причины упадка Кіева и Южной Руси.	30— 56
Глава IV. Новгородъ Великій. Торговля Руси Верховой. Новгородъ Великій, какъ типъ древне-русскаго торговаго города. Причины торговаго значенія Новгорода. Ганза и ея торговыя и дипломатическія сношенія съ Новгородомъ. Устройство Ганзейской конторы. Характеръ взаимныхъ отношеній торгующихъ народовъ. Торговля сношенія Новгорода съ Русью. Заволочье и Приуральскій край. Значеніе Низовой земли для Новгорода. Торговля съ Южной Русью и ея упадокъ. Предметы, вывозимыя ганзейцами изъ Новгорода и ввозимыя въ Русь. Общія и частныя причины упадка Новгорода и его торговли.	56—105
Глава VI*). Суздальская Русь и татары. Суздальская низовая земля въ періодъ татарскаго ига. Общее стремленіе на Востокъ и вліяніе татаръ, какъ его представителей. Измѣненія, произведенныя въ русской жизни подъ ихъ непосредственнымъ вліяніемъ	105—126
Глава VII. Итальянскіе купцы и Юго-Восточная торговля въ XIV и XV вѣкахъ. Торговый путь къ Сурожскому морю. Образованіе и возвышеніе генуэзскихъ колоній въ Крыму. Способъ, размѣры и значеніе ихъ торговли. Значеніе Восточной торговли для Руси	

*) При нумераціи главъ произошла опечатка.

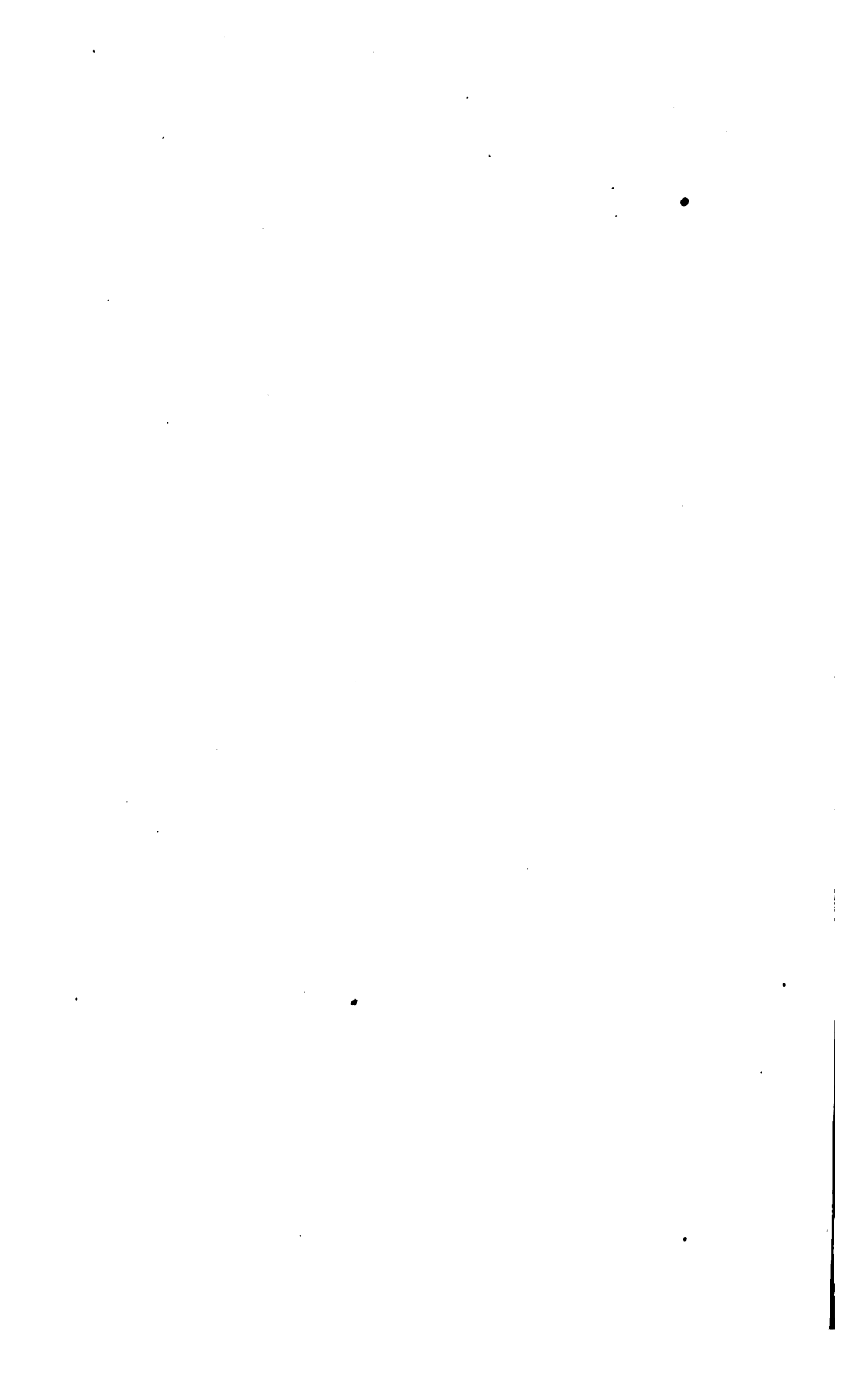
Суздальской въ татарскій періодъ. Промышленность въ Азіи и ея главные центры. Европейцы въ Азіи. Хожденіе за три моря Аванасія Никитина	126—162
Приложеніе. Торговые документы домосковского періода	163—166
Глава VIII. Торговля въ Московскомъ государствѣ XV—XVII вв. Общій характеръ и особенности жизни русскаго народа и его торговли за московскій періодъ. Усиливающееся вліяніе Запада. Бѣломорскій путь и торговля Московскаго государства съ англичанами. Торговые пути: Литовскій, Украинскій и Балтійскій. Путь Волжскій и торговля сношенія Московскаго государства съ Востокомъ	166—232
Глава IX. Эпоха преобразованій въ Московскомъ государствѣ и петровскія реформы. Подготовка къ реформѣ во второй половинѣ XVII вѣка. А. Л. Ордынъ-Нащокинъ и торговый уставъ 1667 г. Реформы Петра Великаго по отношенію къ жизни русскаго народа вообще и къ его промышленной и торговой дѣятельности въ особенности. Петербургъ и новое развитіе торговли. Пути сообщенія. Денежное дѣло. Горное дѣло. Фабричная дѣятельность	232—256
Глава X. XVIII вѣкъ. Положеніе и дальнѣйшее развитіе русской промышленности и торговли при преемникахъ Петра Великаго. П. И. Шуваловъ. Учрежденіе перваго банка и отмінъ внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ. Новыя идеи и реформы, распространенныя въ Европѣ въ половинѣ XVIII вѣка. Комиссія объ уложеніи 1667 г. и вопросъ о положеніи и правахъ торговаго сословія. Вліяніе реформъ Екатерины II на развитіе торговли	257—279

Настоящіе „Очерки“ представляютъ изъ себя воспроизведеніе лекцій, читанныхъ покойнымъ авторомъ въ 70-хъ годахъ въ Московской Практической Академіи Коммерческихъ Наукъ. Обработывая для печати сохранившіяся записки, мы дополнили ихъ лишь нѣкоторыми фактическими данными, преимущественно изъ „Очерковъ по исторіи русской культуры“ П. Милюкова и статьи В. Покровскаго „Исторія торговли въ Россіи“ (Энциклопедич. словарь Брокгауза и Ефрона, т. 66). Авторъ разсматриваетъ исторію русской торговли въ связи съ общей исторической эволюціей Россіи и заканчиваетъ свой обзоръ временемъ Екатерины II. Несомнѣнно, издаваемая книга въ настоящее время требовала бы значительнаго обновленія матеріала, особенно въ тѣхъ частяхъ, которыя посвящены реформамъ Петра и послѣдующей эпохѣ, разсмотрѣнной авторомъ по сравненію съ предыдущими періодами довольно схематично. Принимая во вниманіе однако отсутствіе въ нашей научно-популярной литературѣ аналогичнаго пособія, мы думаемъ, что и въ настоящемъ своемъ видѣ „Очерки“ будутъ не бесполезны. Къ изданію приложена карта европейскихъ торговыхъ сношеній съ Азіей въ XIV и XV вѣкахъ.

С. М.

I.

Первоначальныя торговыя сношенія Руси и Царьграда.

Приступая къ изученію исторіи русской торговли, мы прежде всего должны въ общихъ чертахъ познакомиться съ свойствамъ и особенностями той страны, въ которой она развивалась, ибо предметы, пути, способы и размѣры торговли находятся въ прямой, непосредственной связи съ природными условіями.

Главныя географическія особенности страны русской извѣстны: это — ея однообразно равнинное положеніе, невыгодныя климатическія условія („природа-мачиха“, по выраженію Соловьева), сосѣдство со степью и двѣ великія водныя артеріи, прорѣзывающія великую равнину. Обширная равнина, которою раскинулась русская земля, доставила возможность одному народу занять ее во всѣхъ направленіяхъ и претворить въ себѣ другія народности; она, далѣе, противодѣйствовала долговременному раздѣленію этого народа на отдѣльные центры. Но, съ другой стороны, она оказала и свое невыгодное вліяніе. Не говоря уже объ отсутствіи моря, оказывающаго столь развивающее на народъ вліяніе, о неспособствующей многостороннему развитію однообразной природы — наша равнина представляла слишкомъ широкій просторъ для свободнаго расселенія. Народъ расходился безпрепятственно по всѣмъ направленіямъ, а не сосредоточивался, не скупивался въ одномъ мѣстѣ: отсюда постоянное малолюдство и недостатокъ рабочихъ рукъ, столь вредно отозвавшійся и до сихъ поръ отзывающійся во всѣхъ сферахъ дѣятельности русскаго народа. А между тѣмъ, природа, особенно сѣверная, требовала упорныхъ и дружныхъ усилій со стороны народа, ею окруженнаго, ибо она ничего не давала даромъ: все приходилось брать съ боя.

За нѣсколько вѣковъ до нашего времени русскій сѣверъ представлялся покрытымъ лѣсами и болотами: по словамъ Геродота изъ огромныхъ болотъ берутъ начало скиѣскія рѣки; наши современные лѣса (даже знаменитые Муромскіе и Брянскіе) представляютъ только жалкіе остатки тѣхъ непроходимыхъ дебрей, которыя когда-то занимали сплошныя сотни верстъ такъ называемой „лѣсной страны“. Выжечь и вырубить лѣса, осушить болота — это былъ тяжелый и вѣковой трудъ, на долгое время поглотившій народныя силы. Почти нетронутая рукою человѣческою, древняя Русь таила въ себѣ, конечно, поразительныя по количеству естественныя богатства; мы знаемъ, что въ этихъ лѣсахъ въ громадномъ числѣ водились дорогіе пушные звѣри: бобры, соболи, куницы, чернобурыки и обыкновенныя лисицы; здѣсь стадами водились дикіе лоси, зубры (теперь уцѣлѣвшіе только, какъ въ лѣсномъ островѣ, въ Бѣловѣжской пущѣ), даже, повсюду теперь исчезнувшіе, дикіе быки — ярыги, за которыми охотился еще Владимиръ Мономахъ¹⁾; на югѣ лѣса изобиловали также всякаго рода птицами и дикими пчелами. массами роившимися въ дуплахъ, почему естественное, бортяное („борть“) пчеловодство въ старину доставляло громадныя запасы меда и воска.

Этими естественными богатствами и свойствами самой страны надолго обусловился характеръ русской торговой и промышленной дѣятельности. Народъ, поселившійся въ такой странѣ и вышедшій изъ быта звѣролововъ, потратить много труда на обработку земли и при своей численной незначительности не скоро будетъ въ состояніи перейти къ высшимъ формамъ экономическаго развитія: этотъ народъ будетъ долго заниматься исключительно земледѣіемъ и добычею сырыхъ матеріаловъ, не переходя къ промышленности передѣлывающей и обрабатывающей.

Въ болѣе выгодныя условія поставленъ югъ, но рядомъ съ нимъ расположилась степь-поле. Степь, какъ извѣстно, въ исторіи играетъ роль отрицательную; ея народы, подавленные въ своемъ развитіи природою, не были способны къ прогрессу и не могли выйти изъ первой ступени общественнаго развитія, они остались кочевниками и потому не выработали у себя ни государства, ни цивилизаціи; не при-

¹⁾ См. его „Духовное Завѣщаніе“; ср. также прозвище одного изъ героевъ „Слова о полку Игоревѣ“ — Всеволодъ буй-турь.

мая такимъ образомъ участія въ посильномъ трудѣ всего чело-
вѣчества на пути самоусовершенствованія, степь, напротивъ, за-
медляла и часто разрушала этотъ трудъ, высылая изъ своей среды
разбойниковъ и грабителей. Тяжело приходилось тѣмъ народамъ,
которые на своихъ плечахъ принуждены были выносить степные
погромы — къ числу ихъ принадлежитъ и народъ русскій. Такие
народы могутъ по праву назваться передовыми борцами за цивили-
зацію, но это почетное положеніе покупается ими слишкомъ доро-
гою цѣною и обыкновенно — въ ущербъ своему собственному раз-
витію.

Едва мелькнулъ свѣтъ исторіи для нашей страны, а степь ри-
суется уже намъ въ извѣстномъ повѣствованіи отца исторіи (Геро-
дота — V в. до Р. Х.) о скивахъ съ ея обычными чертами: дикая,
неподвижная, упрямая въ своихъ предразсудкахъ, недоступная чу-
ждому вліянію. Повѣсть о трагической судьбѣ Анахарсма и Скила,
двухъ скиескихъ царевичей, не устоявшихъ противъ соблазновъ
развитой цивилизаціи и погибшихъ отъ руки своихъ соплеменни-
ковъ, лучше всего рисуетъ намъ степной характеръ. Степь, зале-
гавшая по всему поморью, отъ Яика до Дуная, мѣшала такимъ
образомъ всякому доступу цивилизаціи въ глубь страны. А между
тѣмъ на югъ открывалось два великихъ водныхъ пути, которые,
подобно артеріямъ, прорѣзывали великую Восточную равнину:
Волга и путь „изъ варягъ въ греки“. По великимъ воднымъ пу-
тямъ обыкновенно зарождается и расходится историческая жизнь:
наша исторія должна была начаться на нихъ же. Но выходы,
какъ мы видѣли, находились въ рукахъ враждебной силы, не до-
пускавшей внѣшняго вліянія, слѣдовательно историческая жизнь
должна была зародиться самостоятельно на сѣверѣ и собственными
силами пробиться къ источнику просвѣщенія. Такъ, дѣйствительно,
и случилось.

Въ IV столѣтіи мы въ первый разъ встрѣчаемся съ попыткою
къ государственной жизни на европейскомъ востокѣ: это было госу-
дарство остъ-готовъ. Эта попытка была мимолетная, ибо гунскій
погромъ въ своемъ бурномъ движеніи смялъ и уничтожилъ все, что
было сдѣлано въ самое короткое время. Прошли вѣка — и только
въ IX столѣтіи мы встрѣчаемся съ новыми зародышами историче-
ской жизни на двухъ великихъ артеріяхъ страны: культура европей-

ская вырастает рядомъ съ азіатскою. На Волгѣ въ IX столѣтіи появляются два государства, Болгарское и Хозарское, развитіе которыхъ находится подъ сильнымъ вліяніемъ арабовъ. Какая жизнь развилась на Волгѣ и какое цивилизаторское значеніе имѣли арабы, мы увидимъ впоследствии, теперь достаточно сказать, что ея вліяніе сказалось и на западѣ русской равнины, такъ какъ многія славянскія племена платили дань хозарамъ еще во времена Владимира Святого. Великій князь, по хозарскимъ воспоминаніямъ, назывался каганомъ (ханъ), а вмѣстѣ съ именемъ, конечно, соединялось и извѣстное представленіе.

Цивилизація поволжская не имѣла однакоже прочнаго и устойчиваго развитія, она носила слишкомъ степной характеръ, и поэтому гораздо болѣе имѣла значенія историческая жизнь, развившаяся по теченію западнаго воднаго пути. По этому пути въ IX вѣкѣ мы встрѣчаемся съ различными славянскими племенами, живущими еще въ родовомъ бытѣ, но уже осѣдлыми. Среди нихъ мы видимъ первые зародыши общественной жизни: между отдѣльными родами устанавливаются сношенія, „игрища межи селы“ совершаются въ опредѣленные дни и собираютъ окрестныхъ жителей для общаго жертвоприношенія, здѣсь же, конечно, совершается первый торгъ, первая мѣна (см. объ этомъ ниже), существуютъ города, въ нѣкоторыхъ племенахъ появляются князья — однимъ словомъ, существуютъ всѣ данныя для историческаго развитія, недостаетъ только внутренняго или внѣшняго толчка, чтобы соединились отдѣльные роды и племена и составили народъ. Такой толчокъ дали пришельцы варяги.

Неусидчивые, предприимчивые, не знавшіе препятствій жители негостепріимной Скандинавіи искали себѣ счастья въ другихъ, болѣе одаренныхъ природою странахъ и по всѣмъ направленіямъ искрещивали на своихъ ладьяхъ окружающее море. Въ своихъ странствованіяхъ они часто заходили и въ Гардарику („страну городов“, т.-е. укрѣпленій — подъ этимъ названіемъ слыла у нихъ Русь¹⁾), брали дань съ ея разединенныхъ жителей и проникали все дальше и дальше по рѣкамъ внутрь страны въ погонѣ за новою добычею; людямъ, открывшимъ Исландію, Гренландію и Венландію (Сѣверная Америка), нетрудно было сдѣлать открытіе великаго воднаго пути

¹⁾ Скандинавскія саги.

(Auster-vigi — восточный путь). Этот путь приводил ихъ въ тотъ городъ, который и прежде привлекалъ ихъ вниманіе и по справедливости могъ въ тѣ времена назваться столицей свѣта — это была для нихъ Miklagard (средній городъ, середина свѣта), Царьгородъ для ихъ потомковъ. Какъ древняго германца тянуло неудержимо во всемірный городъ, такъ и для норманна въ неодолимой прелести рисовался богатый городъ съ его неслыханными чудесами развитой цивилизаціи. Онъ шелъ туда, самъ не зная, что въ немъ дѣлать: представлялся удобный случай, онъ его грабилъ; нѣтъ, онъ нанимался на службу, поступалъ въ гвардію повелителя всесвѣтной столицы или свою въ другихъ странахъ награбленную добычу мѣнялъ на изумлявшія его чудесныя произведенія Girkialand'a (Греція).

Такъ начиналась первая внѣшняя торговля. Все чаще и чаще стали ходить варяжскія дружины по водному пути, и по праву стала тотъ называться: „путь изъ варягъ въ греки“. Естественно, что норманны, основавшіе столько государствъ на западѣ Европы, основали ихъ и на столь посѣщаемомъ водномъ пути. Въ IX столѣтіи является на Руси цѣлый рядъ варяжскихъ государствъ среди славянскаго населенія: Новгородъ на восточномъ рукавѣ пути, Полоцкъ на западномъ, Смоленскъ на великомъ волокъ-перерывѣ, Кіевъ на южномъ его окончаніи, тамъ, гдѣ начиналось „чистое поле“. Естественно было также, что эти отдѣльные государства, вышедшія изъ одного стремленія и лежавшія на одной дорогѣ, рано или поздно должны были объединиться. Такое объединеніе совершилось при Олегѣ Вѣщемъ — русская исторія началась.

Первое время русскаго государства есть время какого-то смутаго и неопредѣленнаго броженія. Прежде всего являются неопредѣленными границы и размѣры русской земли, не установилось самое понятіе — русскій народъ. Не всѣ славянскія племена объединяются подъ властью пришельцевъ: до XI вѣка нельзя было, напр., опредѣлить, къ кому ближе хорваты Червонной Руси (предки галичанъ) — къ ляхамъ ли или руси, до XII вѣка вятичи пользуются полною самостоятельностью и имѣютъ своихъ князей („ходихомъ на Ходоту и на сына его“ — говорилъ Владимиръ Мономахъ). Между пришельцами-побѣдителями и побѣжденными существуетъ еще глубокая рознь, и арабскіе писатели того времени имѣютъ полное право говорить, что есть два народа: русь и славяне. Побѣдители собираютъ дань

съ побѣжденныхъ ихъ мѣстными произведеніями: скорою (мѣхами) и медомъ платятъ дровляне, по бѣлѣ и вѣверицѣ (вѣкшицѣ) съ дыма (двора), по шлягу¹⁾ съ рала²⁾ платятъ другіе, и только съ цѣлью этого сбора совершаютъ князья свое обычное зимнее „полюдь“, т.-е. административно-финансовую поѣзду по подвластнымъ племенамъ, о которой рассказываетъ византійскій историкъ императоръ Константинъ Багрянородный. Тяжкимъ бременемъ ложится эта дань на население, „не хуже оброчъ“³⁾ примучиваютъ князья своими произвольными требованіями: словно „волкъ въ овчарню“ ходившій — Игорь; возстаніе дровлянъ и его трагическая смерть — только одинъ изъ эпизодовъ этого примучиванья.

Въ походѣ Олега на Царьградъ участвуютъ уже славяне-дружинники, но прежняя рознь существуетъ⁴⁾: русь получаетъ шелковые паруса, а славяне •полотняные и въ сознаніи своего ничтожества принимаются за свою холстину. Послѣдній князь этого періода, тотъ неусидчивый князь-богатырь, которому не нравился Кіевъ, — Святославъ, не русскій народный князь, а вождь вольной дружины, еще не опредѣлившей своего мѣста жительства. Онъ пренебрегаетъ, не считаетъ своимъ Новгородомъ, не знаетъ и Кіева: „не любо ми есть въ Кіевѣ быти, хою жити въ Переславци на Дунаи, яко то есть среда земли моей“. Кіевляне упрекаютъ его за то, что онъ не блюдетъ своей земли, гоняясь за чужими, но для князя-авантюриста не могло и быть различія между своею и чужою землею. Въ борьбѣ со степью, съ печенѣгами, кладетъ свою голову Святославъ — степь такимъ образомъ ограничила, опредѣлила русскую землю своей неодолимой преградой, не пустила за ту рѣку, которая по праву стала называться „Росью“.

Святославомъ мы можемъ закончить первый періодъ нашей исто-

¹⁾ Шиллингъ — вообще иноземныя металлическія деньги, преимущественно арабскій дирхемъ.

²⁾ Дымъ — дворъ, рало — плугъ въ сущности были тождественными понятіями и обозначали участокъ земли, обрабатываемый силами одного домохозяина.

³⁾ Т. е. аварочъ, о владычествѣ которыхъ, упоминая славянское племя дѣлбовъ (волынянъ), говоритъ наша начальная лѣтопись.

⁴⁾ Въ этомъ случаѣ мы встрѣчаемся, конечно, не съ племенной уже рознью, а соціальной: подъ *русью* здѣсь подразумѣвается высшій классъ общества, преимущественно княжеская дружина, а также лучшіе, „нарочитіи люди“ среди мѣстныхъ жителей.

риѣ, Владимиромъ Святѣмъ начать второй: принятіе русскою землею христіанства было тѣмъ великимъ событіемъ, которое дало дѣйствительное начало русскому народу и государству. Это событіе было естественнымъ послѣдствіемъ усилившихся сношеній съ Византіею, учительницею и наставницею нашего народа.

Варяжскій бродяга-воинъ и присоединившійся къ нему славянинъ шли въ столицу міра, конечно, не съ цѣлью учиться, просвѣщаться, но это были и не дикіе сыны пустыни, неспособные къ развитію, на нихъ не могло не отозваться частое соприкосновение съ остатками античной цивилизаціи, уцѣлѣвшими на берегахъ Босфора. Мы можемъ сказать смѣло, что цивилизація явилась у насъ ненасильно навязанная извнѣ, она была завоевана собственными трудами нашихъ предковъ (такъ же какъ извѣстное преданіе о крещеніи Руси заставляетъ ихъ завоевать и самое христіанство): возможность просвѣтиться была куплена дорогою цѣною.

Императоръ Константинъ Багрянородный рисуетъ намъ живую картину хожденія руси въ Царьградъ и тѣхъ препятствій, которыя приходилось преодолевать на пути. Тяжелъ и суровъ образъ жизни руссовъ — говорить онъ; съ ноября-мѣсяца князь съ своею дружиною выходятъ изъ Кіева и полюдьемъ обходятъ всѣхъ своихъ данниковъ славянъ въ продолженіе цѣлой зимы, но съ наступленіемъ апрѣля, когда вскрыются рѣки, они готовятся къ новому пути въ Византію. Къ тому времени изъ лѣсныхъ странъ собираются въ Кіевъ лодки-однодеревки (душегубки), изготовленныя мѣстными жителями, и скупаются русью. Въ Витичевъ собираются, какъ въ общій центръ, отдѣльныя ладьи и дальнѣйшій путь совершаютъ уже вмѣстѣ, однимъ караваномъ. Такое общее плаваніе было необходимою, потому что для того, чтобы пробраться на берега Босфора, надо было прежде пробиться силою сквозь враждебную степь.

Казалось, сама природа положила тяжкую преграду стремленію Руси на югъ: выходъ изъ великаго воднаго пути былъ загражденъ извѣстными Днѣпровскими порогами („протолчье“ нашихъ предковъ, т.-е. мѣсто, гдѣ вода толчется) съ ихъ камнями и скалами. Первый порогъ, встрѣчавшійся руссамъ, по словамъ того же писателя, носилъ характерное для всего дальнѣйшаго плаванія названіе „Несни“ (*Иссонлѣ*): вода подымается до вершины торчащихъ изъ

воды, наподобіе острововъ, скаль и оттуда съ пѣною и плескомъ съ страшнымъ шумомъ ниспадаетъ внизъ; руссы принуждены в грузить свои суда, раздѣваются и съ великою осторожностью, оппывая ногами почву и упираясь длинными шестами, проводятъ су мимо камней. За первымъ порогомъ слѣдуетъ второй и третіе проходимые съ такимъ же трудомъ, но всего опаснѣе былъ ч четвертый порогъ „Неясыть“ (теперь Ненасытець)¹⁾, такъ названн по множеству гнѣздящихся на немъ пеликановъ. Здѣсь русск караванъ поджидаютъ дикіе печенѣги съ цѣлю разграбить ег. Не доходя порога, всѣ руссы высаживаются на берегъ и готовятъ къ бою; лодки вытаскиваются на берегъ, и волокомъ на биче или на собственныхъ плечахъ тянутъ ихъ невольники на разстоян 6000 шаговъ, а грузъ распредѣляется между людьми. За Неясытемъ предстоитъ пройти почти такимъ же образомъ чрезъ 3 порогъ, ибо Константинъ Багрянородный насчитываетъ ихъ всего 7. И съ послѣднимъ порогомъ („Напражье“) опасность еще не прекр щается, такъ какъ предстоитъ пройти чрезъ самое узкое мѣст рѣки, такъ называемый Краріевъ перевозъ, на которомъ съ одно берега виденъ простымъ глазамъ другой; здѣсь опять поджидаютъ печенѣги и стрѣлами своими осыпаютъ проходящій караванъ. Оттуда наконецъ, руссы прибываютъ къ острову св. Георгія („Варяжскі островъ“, Хортичь, Хортица) и здѣсь уже отдыхаютъ два-три дн отъ потерпѣнныхъ трудовъ и подъ тѣнью великаго дуба приносятъ благодарственныя жертвы своимъ богамъ. Затѣмъ плаваніе продол жается по Днѣпру до острова св. Елѣверія (теперешняя Березань и Бѣлаго берега (Бѣлобережье, гдѣ теперь Аккерманъ, т.-е. бѣлы городъ; Бугъ до сихъ поръ у турокъ зовется Ак-су, т.-е. бѣла вода), гдѣ наступаетъ новый отдыхъ, послѣ котораго суда уж моремъ, вдоль берега, идутъ до рѣки Селины (Сулинское усть Дуная); только здѣсь, наконецъ, прекращаются опасности пути, и руссы перестаютъ бояться не перестававшихъ ихъ преслѣдовать печенѣговъ. Таковъ былъ выходъ изъ Руси въ просвѣщенную Европу по разсказу современника: наглядно знакомимся мы изъ его повѣ ствованія съ неукротимою энергіею того народа, которому для

¹⁾ Ненасытець тянется теперь на протяженіи версты, имѣетъ болѣе двухъ сажень паденія и 12 уступовъ.

сближенія съ образованнымъ центромъ пришлось преодолѣть и природу и людей, равно дикихъ и враждебныхъ.

Въ IX вѣкѣ походы Руси въ Царьградъ носятъ еще случайный, спорадическій характеръ набѣговъ, но мало-по-малу устанавливаются болѣе правильныя сношенія, хотя принимавшія и въ X вѣкѣ иногда тотъ же характеръ, но переходящія постепенно въ болѣе мирныя *торговья* связи.

Съ X вѣка варягъ въ Византіи изъ война понемногу превращается въ купца. Торговья сношенія, разъ завязавшіяся, начинаютъ становиться все болѣе и болѣе постоянными и обширными, такъ что, наконецъ, является потребность регулировать взаимныя отношенія договорами. Изъ такого побужденія вытекаютъ извѣстные договоры Олега и Игоря съ греками (911 и 945 гг.), первый документальный памятникъ русской торговли. Русскіе купцы уже поселяются въ Царьградъ на время торговли и получаютъ особый кварталъ, св. Мамы; ихъ число весьма значительно, такъ какъ въ одной свѣтл. кн. Ольги Константинъ Багрянородный насчитываетъ 44 купца, а въ договорѣ Игоря мы встрѣчаемся съ постановленіемъ, что они имѣютъ право входить въ городъ отрядами не болѣе 50 человекъ; купцы ходятъ не изъ одного только Кіева: Константинъ сообщаетъ, что русскія ладьи приходятъ изъ Чернигова, Любеча, Вышеграда и даже отдаленной Немогарды (Новгородъ), а договоръ 945 г. раздѣляетъ „гостей“ на три разряда: кіевскихъ, черниговскихъ и перяславскихъ, изъ чего мы можемъ заключить, что центрами русской торговли того времени были именно эти три города. Сравненіе обоихъ договоровъ показываетъ намъ, какіе быстрые успѣхи совершились на пути мирныхъ международныхъ отношеній въ промежуточные 40 лѣтъ. Въ договорѣ Олега едва мимоходомъ упоминается о торговлѣ, въ договорѣ же Игоря торговые интересы на первомъ планѣ: въ числѣ пословъ, заключившихъ самый договоръ, встрѣчаются таковыя не только отъ бояръ (вѣнжихъ-мужей т.-е. высшаго класса общества, куда входили дружинные и земскіе элементы), но и отъ гостей (горожанъ-купцовъ); русь прямо раздѣляется на пришедшую „съ куплею“ и безъ купли, при чемъ первые получаютъ отъ грековъ „мѣсячину“; для отличія руси осѣдлой, мирной отъ бездомной вольной дружины, первые представляютъ въ Царьградѣ грамоты отъ своего князя; появляются различныя торговья поста-

новленія, напр., о томъ, что Русь¹⁾ входитъ для торговли въ городъ опредѣленными воротами подъ руководствомъ царскаго чиновника, не имѣеть права покупать шелковыя ткани дороже 50 золотыхъ кусокъ и т. д., попадаютъ, наконецъ, обязательства взаимныхъ услугъ, напр., относительно судовъ, потерпѣвшихъ крушеніе, снабженія на дорогу съѣстными припасами и т. д. Однимъ словомъ, договоры Руси съ греками вводятъ насъ въ среду довольно уже развитой торговой международной дѣятельности.

Какіе же товары служили предметомъ такого оживленнаго обмѣна? Русскій князь Святославъ своими собственными словами укажетъ намъ на то, что сходилось на Балканскомъ полуостровѣ: „ту вся благая сходятся“, говоритъ онъ про Переяславецъ на Дунаѣ, „отъ Грекъ золото, паволоки (шелковыя ткани), вина, овощи разнообразныя, изъ Чехъ же, изъ Угорь серебро и комони, изъ Руси же скоря и воскъ, медъ и челядь“. Въ этихъ словахъ намъ бросается въ глаза рѣзкая противоположность предметовъ, привозимыхъ изъ Руси и Византіи: съ одной стороны, это естественныя произведенія неразвитой сѣверной страны, съ другой—продукты обрабатывающей промышленности цивилизованнаго центра — продукты сельскіе и городскіе. Варяго-русь собиралъ дань съ подчиненныхъ ему славянскихъ племенъ, и дань эта, конечно, уплачивалась натурою, единственнымъ богатствомъ лѣсной страны — мѣхами, шкурами животныхъ (скоря) или медомъ и воскомъ, такъ какъ славяне съ особою любовью, по свидѣтельству арабскихъ писателей, занимались пчеловодствомъ, или, наконецъ, кожами домашняго скота. „Что хочещи у насъ?“ говорятъ древляне Ольгѣ, „ради даемъ скорою и медомъ“; поляне платятъ „по вѣверицѣ и бѣлѣ съ дыма“ и т. д. Такой грубый, необдѣланный товаръ скоплялся у сельскаго жителя въ изобиліи, нужно было сбывать излишекъ; но такія именно произведенія составляютъ потребность многолюднаго города съ его утонченными привычками, города непроизводящаго, но перерабатывающаго природныя цѣнности — такъ устанавливается ввозъ товаровъ изъ села въ городъ, такъ же установился и ввозъ изъ Руси въ Царьградъ. Къ вышеназваннымъ

¹⁾ Въ X и XI вѣкахъ слово „русь“ постепенно теряетъ уже сословное значеніе и пріобрѣтаетъ значеніе политическое; этимъ терминомъ обозначается сперва кievская область, а затѣмъ вся территория, подвластная русскимъ князьямъ; въ данномъ случаѣ, конечно, имѣются въ виду представители русской земли.

статьямъ привоза присоединялся еще товаръ, въ наше время, въ Европѣ по крайней мѣрѣ, немислимый; но въ прежнія времена въ высшей степени распространенный и удобный для сбыта: рабы (челядь). Ниже, говоря объ арабской торговлѣ, мы укажемъ, какъ далеко и въ какихъ размѣрахъ производился торгъ невольниками, теперь достаточно вспомнить, что варяги-русь того времени представляются намъ разбойниками-удальцами, ради грабежа-поживы предпринимавшіе постоянныя набѣги на окрестныя страны: при такихъ условіяхъ, когда военнопленныи (володникъ) дѣлался рабомъ, въ живомъ человѣчьемъ товарѣ, преимущественно славянскомъ, у нихъ не могло быть недостатка, а въ богатой столицѣ свѣта онъ находилъ легкій сбытъ. Взамѣнъ привозимаго варягъ бралъ то, чего ему не доставало въ его сельской сѣверной глуши: чудеса и диковины роскошнаго юга и плоды мануфактурной дѣятельности развитога населенія, тѣ предметы жизненнаго комфорта и роскоши, съ которыми, разъ познакомившись, онъ расстаться не могъ, которые неудержимо влекли его въ Царьградъ. „Руси есть веселіе пити, не можемъ безъ того быти“, говорилъ Владимиръ Святой, пока еще былъ вождемъ разгульной дружины: виноградное вино, украшеніе пиршества, шло исключительно изъ Византіи. Южныя плоды всегда и вездѣ составляли неодолимый соблазнъ для жителей скуднаго сѣвера: „овощеве разноличныя“ упоминаются Святославомъ тѣмъ болѣе, что въ IX—X вѣкахъ никакого садоводства въ нашей родинѣ не могло быть. Со временъ Юстиніана (527—565) Византія ввела у себя шелководство, и съ тѣхъ поръ дорогія шелковыя ткани всею Европою стали добываться изъ нея; оттуда добывали ихъ и наши предки. Греки ревниво оберегали столь выгодное для нихъ производство и не позволяли вывозить самыя дорогія ткани: не однимъ только руссамъ запрещено было покупать матеріи дороже 50 золотыхъ. Лудбрандъ Кремонскій, посоль Оттона Великаго (X в.), горько жалуется на то, что у него отобраны были богатыя ткани, прибрѣтенныя для германскаго императора. Святославъ упоминаетъ только о „паволокахъ“, но, нѣтъ сомнѣнія, и другія, болѣе простыя византійскія матеріи служили для одежды русскыхъ дружинниковъ, которые у себя могли имѣть развѣ одно только полотно. Въ какомъ количествѣ доставались иногда въ ихъ руки шелковыя ткани Византіи, можно видѣть изъ извѣстнаго пре-

данія о шелковыхъ парусахъ, которыя сдѣлалъ Олегъ Вѣщій, и пожалѣвшій, вообще, богатыхъ грековъ. Въ той же Византіи варяги пріучился, наконецъ, цѣнить золото и серебро, котораго онъ не могъ добыть на своей родинѣ: за золото продавалъ онъ свои военныя услуги императору, золото бралъ въ случаѣ удачнаго набѣга (Олегъ) на золото мѣнялъ и свой товаръ. Благородные металлы переходили въ его руки или въ видѣ слитковъ, или разныхъ издѣлій, болѣе всего, вѣроятно, въ видѣ различныхъ украшеній, особенно оже релій („гривенъ“) или обручей, которые носились въ тѣ времена не однѣми женщинами (ср., напр., сказаніе объ убіеніи Георгія, от рока Борисова). Таковы были главные товары, шедшіе къ намъ изъ Византіи съ древнѣйшихъ временъ и служившіе предметомъ обмѣна; изъ краткаго обзоренія ихъ мы можемъ убѣдиться, что Византія первая внесла въ сельскую глушь нашей жизни зародыши болѣе развитыхъ городскихъ потребностей и первая удовлетворяла имъ.

Но былъ еще одинъ товаръ, тѣсно связанный съ предыдущими, хотя и отличающійся отъ нихъ рѣзко своимъ характеромъ, — товаръ невещественный, невѣсомый и неизмѣримый: просвѣщеніе. Торговля идетъ рука объ руку съ цивилизаціею и, увеличивая матеріальное благосостояніе, вызывая и расширяя сношенія съ иностранцами, увеличиваетъ кругозоръ народный и вмѣстѣ съ новымъ товаромъ вноситъ и новыя идеи: общее правило примѣняется и въ русской исторіи. Неусидчивый бродяга варягъ по самому бродячему образу жизни своей, былъ какъ бы созданъ для пропаганды, разнесенія тѣхъ идей, вліянію которыхъ онъ самъ подчинялся на далекой чужбинѣ, на своей родинѣ. Просвѣщеніе того времени было тождественно съ христіанствомъ, и потому степенью его распространенія можно измѣрять большее или меньшее проникновеніе извѣстнаго народа идеями цивилизованныхъ его собратьевъ.

Первые русскіе христіане — варяги, живущіе въ Царѣградѣ и имѣющіе уже въ X вѣкѣ свою церковь св. Іліи; какъ отголосокъ, появляется христіанская колонія въ Кіевѣ съ церковью того же имени, первые русскіе „граждане небеснаго царства“, по счастливому выраженію лѣтописи, были тѣ же варяги; христіанами, наконецъ, становятся и вожди народа: Аскольдъ, Диръ, Ольга Мудрѣйшая; еще шагъ — и сознаніе необходимости принятія христіанства всѣмъ народомъ становится настоятельнымъ. Но шагъ этотъ не совершился

безъ колебаній. Не одно только византійское вліяніе проникало къ намъ въ Русь: великій западный путь открывался и въ западную латинскую Европу, а на востокъ, на Волгъ, какъ увидимъ ниже, развилась своя самобытная и не на низкой степени стоящая цивилизація. Между разнородными вліяніями Византіи, Востока и Запада произошла борьба, которая такъ наглядно отозвалась въ народномъ воспоминаніи въ извѣстномъ сказаніи объ испытаніи вѣрѣ Владиміромъ. Исходъ этой борьбы долженъ былъ предрѣшить дальнѣйшее теченіе русской исторической жизни: христіанская Европа или магометанская Азія, латинскій Западъ или православный Востокъ?... Борьба разрѣшилась духовною побѣдою Византіи, столькими связями приковывавшей къ себѣ молодую русскую жизнь, и Русь въ своемъ развитіи применила къ тому центру, который далъ ей возможность вырасти самобытно, спасти свою національность отъ порабощенія и Западу и Востоку. Начинается новый періодъ нашей жизни.

II.

Торговля съ Востокомъ. Договоры съ греками.

Полуразбойничьи дружины варяговъ не ограничивались тѣмъ, что ходили за добычею въ богатый Миклагардъ и брали, что могли, съ славянскихъ племенъ, они далеко расходились по морю и сушѣ, ища себѣ новой дани и добычи. Ихъ тянуло также и на востокъ. При Святославѣ и св. Владимірѣ они доходили до камскихъ болгаръ и хозаръ и нашли тамъ желанную добычу. Но не одни князья ходили, — ходили и вольные дружинники, которыхъ нельзя было удержать дома въ мирное время. Въ своихъ легкихъ ладьяхъ они развѣзжали по всѣмъ направленіямъ Понтъ-моря, „ежъ словеть *море Русское*“, по словамъ летописца. Въ одномъ изъ угловъ Чернаго моря, а именно на островѣ Тмутаракани (теперь Тамань), образовался даже, сначала временный, а потомъ постоянный, притонъ для русскихъ бродячихъ удальцовъ — это было какъ бы Запорожье IX и X вѣковъ. Арабскіе путешественники рассказываютъ

намъ, что на берегахъ Волги встрѣчали руссовъ, которые описывали имъ свою страну какъ островъ болотистый и лѣсистый въ три дня пути, на которомъ жили одни вольные дружинники, не обрабатывающіе земли, а занимающіеся исключительно сборомъ дани т.-е. разбоемъ. Многихъ вводило въ недоумѣніе это повѣствованіе а между тѣмъ оно совершенно ясно относится къ тмутараканскому Запорожью. Изъ этого притона русскіе удалыцы узнали о богатствахъ Востока, ибо мы знаемъ, что въ IX—X вѣкахъ на восточномъ водномъ пути возникла своя цивилизація, и возможность найти тамъ богатую добычу маячила ихъ. Для смѣлыхъ руссовъ, которые все набѣги производятъ на корабляхъ (Ибнъ-Даста), путь туда былъ нетруденъ; онъ шелъ изъ Тмутаракани по низовьямъ Дона, затѣмъ небольшой волокъ, рѣка Итиль и море Хвалынское (Каспійское). По пути этому ходили издавна. Существуетъ довольно темное преданіе, что русскіе уже въ 870 г. ходили въ Персію и напали на провинцію Тоберистанъ, а въ 914 г. тѣ же русскія дружины, которыя вмѣстѣ съ Олегомъ ходили на Царьградъ, пробрались въ море Каспійское, разграбили мусульманскій городъ Бердаа (на Кавказѣ), навели великій страхъ на жителей Гиляна и Тоберистана и четыре мѣсяца безъ препятствій хозяйничали въ этихъ отдаленныхъ странахъ, проливая кровь, увозя плѣнниковъ, грабя и сожигая. Такой же набѣгъ повторился въ 40-хъ годахъ X вѣка, и разоренію подвергся Адзербайджанъ и другія прикаспійскія области Арабскаго халифата. Арабскіе писатели сохранили, конечно, память только о самыхъ разорительныхъ вторженіяхъ, мелкіе же набѣги были, вѣроятно, обычнымъ явленіемъ.

Варяги такимъ образомъ сами пробили себѣ путь на востокъ и вступили съ нимъ въ сношенія; эти сношенія были первоначально враждебныя и ограничивались разбойничьими набѣгами, но и здѣсь, какъ и въ Византіи, разбой шелъ рука объ руку съ торговлею, изъ разбойника вырасталъ купецъ.

Мы переходимъ къ другой водной артеріи русской, къ великой Волгѣ, прежней Итиль. Восточная водная артерія ведетъ прямо на азіатскій югъ и на пути ея не встрѣчается никакихъ препятствій, подобныхъ Днѣпровскимъ порогамъ; здѣсь, слѣдовательно, цивилизація юга широкимъ путемъ могла проникать въ глубь страны и, если на западѣ русской равнины житель сѣвера долженъ былъ самъ про-

бить себѣ выходъ изъ своей темницы, то на востокѣ дверь была открыта для посѣщенія со стороны чужеземца. На Волжскихъ берегахъ издавна скопились люди и продукты отдаленнаго запада и отдаленнаго востока, ибо самая рѣка имѣетъ восточно-западное и европейско-азиатское положеніе, и до сихъ поръ еще она полурусская, полуинородческая рѣка. Это международное положеніе Волги обратило на себя вниманіе уже перваго нашего лѣтописца: Волга, говоритъ онъ, течетъ изъ лѣса Волковскаго (Озовьскаго) и впадаетъ 70 устьями въ море Хвалынское, „тѣмъ же изъ Руси можетъ дойти на Востокъ въ жребій Симова“. Предпримчивый чужеземецъ, впервые проникнувшій на берега великой рѣки, разбудившій, подобно варягамъ, ея мертвыя силы нашелся — это былъ арабъ.

Въ IX и X столѣтіяхъ поволжскія страны находились подъ сильнымъ вліяніемъ арабовъ, которые вносили сюда свою роскошно расцвѣтшую цивилизацію. Арабы — послѣдній семитическій народъ, выступающій на сцену исторіи; въ его характерѣ есть что-то страстно-порывистое, стремительно развивающееся само изъ себя и своимъ натискомъ оказывающее поразительное вліяніе на все окружающее. Въ поразительно короткое время у арабовъ появляется громадное государство, охватывающее значительную часть Азіи, Африки и часть Европы; въ этомъ государствѣ быстро возникаетъ развитая гражданская жизнь, многосторонняя роскошная цивилизація; появляются и богатые, громадные города: Дамаскъ, Багдадъ, Кордуба — это миллионныя центры арабской культуры съ развитою общественною жизнью, утонченными потребностями и многостороннею промышленною дѣятельностью, для которой естественно необходимы сырые продукты; потребность въ этихъ продуктахъ вызываетъ, въ свою очередь, дѣятельность торговую, которая развивается тѣмъ болѣе, что арабы, какъ и всѣ семитическіе народы (финикійяне, арабы и евреи) обладаютъ какою-то врожденною склонностью и способностью къ торговлѣ. Арабъ по природному характеру, по воспоминаніямъ бедуина пустыни такой же неусидчивый бродяга, какъ и его современникъ — варягъ, хотя побужденія, толкавшія обоихъ, и бывали различны: въ немъ также долго живутъ стремленія къ скитальческой жизни, подобно варягу онъ заходитъ въ далекія края: и во внутренность Африки, и въ западную Европу, и въ Индійскій океанъ, и къ берегамъ Китая. Арабъ того времени вопло-

щаетъ въ себѣ три силы: война, миссіонера и купца; и этотъ тройной человѣкъ оказываетъ могучее претворяющее вліяніе на страны, которыя посѣщаетъ: своимъ мечомъ, своею фанатическою религіозною рѣчью и своею развитою промышленностью. Если прибавить къ этому кипучую жизнь, неукротимую энергію и страстный напоръ, то насъ не удивитъ обширное распространеніе мусульманства и его громадное ассимилирующее вліяніе, противъ котораго во многихъ мѣстахъ не могло устоять даже христіанство.

Однимъ изъ удобнѣйшихъ путей, открывавшихся съ юга на сѣверъ, была наша Волга. Какъ только арабы достигли Каспійскаго моря, уже въ VII вѣкѣ они попытались проникнуть на сѣверъ — сухимъ путемъ пробирались они чрезъ Дербентъ, ворота воротъ (бабъ-ель-абуабъ), и далѣе на сѣверъ до предѣловъ хозарскихъ, но гораздо удобнѣе былъ путь морской и другія широкія ворота, устья Волги; разъ узнавъ этотъ путь, они познакомились съ мѣстными народами, узнали о товарахъ, нужныхъ этимъ народамъ, стали привозить ихъ и взаменъ вывозить товары сѣвера. Такимъ образомъ возникла оживленная торговля. Торговля эта начинается еще въ VIII вѣкѣ, такъ какъ намъ извѣстно, что уже въ VIII вѣкѣ у арабскихъ халифовъ были мѣха чернобурыхъ лисицъ, которые могли привозиться только съ нашего сѣвера, но наибольшаго развитія достигаетъ она въ X столѣтіи. На Волгѣ являются два торговыхъ центра: одинъ пунктъ — у самаго устья, куда впервые являлись иностранные купцы; другой пунктъ — тамъ, гдѣ сливаются двѣ громадныя рѣки: Волга и Кама, изъ которыхъ первая направляется на сѣверо-западъ, а вторая на сѣверо-востокъ, одна сближаетъ съ Европою, другая съ Азіею.

При сліяніи этихъ двухъ рѣкъ сходятся, слѣдовательно, естественнымъ путемъ товары сѣверо-запада и сѣверо-востока. Этотъ центральный пунктъ, какъ бы самою природою выбранный для посредничества между Европою и Азіею, теперь Нижній Новгородъ, въ тѣ времена это былъ городъ, лежавшій нѣсколько ниже, „Болгарь Великій городъ“, какъ его называли русскіе.

При устьѣ Волги лежалъ городъ Итиль, столица хозаръ; часть его — одинъ кварталъ, называвшійся Хазеранъ, былъ самый богатый; здѣсь жили мусульманскіе купцы. Въ Хазеранѣ былъ тоже кварталъ Славянскій, который, по мнѣнію арабовъ, былъ самый

богатый, потому что здѣсь въ изобиліи могли они добывать нужные товары, ибо сюда шли русскіе удалцы сбывать добро, награбленное въ славянскихъ земляхъ и Византіи, и мѣнять на произведенія Востока.

Но сами хозары, среди которыхъ производился этотъ обмѣнъ, относились къ торговлѣ пассивно, такъ какъ они были народъ полуосѣдлый и полукочующій, полустепной; они доставляли, по словамъ арабскихъ писателей, только бѣлужій клей, а сами получали все прочее чрезъ посредство другихъ народовъ.

Другое дѣло г. Булгарь, который лежалъ на сѣверѣ, гдѣ сходились два пути, въ мѣстности, изобиловавшей товарами, нужными для восточныхъ купцовъ. Въ негостепримныя страны далекаго сѣвера съ его дремучими лѣсами и дикими обитателями было трудно проникнуть безъ знанія мѣстности и языка. Такимъ образомъ посредники были необходимы, и ими сдѣлались болгары. Болгарскіе купцы ловко воспользовались своимъ положеніемъ и развили свои торговныя способности: они сами ходили на сѣверъ, добывали и скупали необходимые продукты, сбывали ихъ арабамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и сами производили новыя цѣнности. Но несмотря на такое, казалось бы, самостоятельное положеніе болгаръ, всѣ эти мѣстности находились подъ несомнѣннымъ и могущественнымъ вліяніемъ арабовъ; здѣсь они чувствовали себя господами, которые безъ конкурентовъ распоряжались на рынкахъ товарами, давали первый толчокъ и направленіе всей торговой и промышленной дѣятельности. Однимъ словомъ, арабъ чувствовалъ себя просвѣтителемъ, цивилизаторомъ этихъ странъ. Вліяніе цивилизаціи и здѣсь оказалось прежде всего въ религіи: среди хозаръ появилось много мусульманъ, а около 920 г. принялъ исламъ и самъ каганъ болгарскій Альмошъ (Ибнъ Шальки Балтаваръ).

Къ 922 г. относится знаменитое арабское посольство халифа Мохтедира къ новообращеннымъ въ исламъ волжскимъ болгарамъ, въ которомъ секретаремъ былъ извѣстный Ибнъ-Фадланъ, оставившій намъ любопытное описаніе своего путешествія. По его словамъ, торговля этихъ мѣстностей съ арабами была очень оживлена; главнымъ центромъ, изъ котораго выходили арабскіе караваны, какъ сухопутные, такъ и водные, была мѣстность, теперь полудикая и полунаселенная—Туркменскій край и Хива (Ховарезмъ), а главный

городъ этой страны была Джурджанія, которая лежала недалеко отъ впаденія Аму-Дарьи въ Аральское море, слѣдовательно, находилась немного сѣвернѣе современной Хивинской столицы.

Посольство съ Ибнъ-Фадланомъ отправилось изъ Багдада къ Каспійскому морю, отсюда направилось въ Джурджанію и прибыло, какъ говорить арабскій писатель, черезъ 70 дней безъ препятствій по знакомому пути въ Булгаръ. Такимъ образомъ за 1000 лѣтъ до нашего времени путь, по которому еще недавно съ такимъ трудомъ прошли наши войска, былъ открытъ для торговли. Волга и ея берега во время посольства представляли оживленный видъ. На ней было много судовъ арабскихъ, болгарскихъ и русскихъ; на берегахъ ея, въ Булгарѣ были выстроены балаганы, гдѣ происходила торговля съ ярмарочнымъ характеромъ. Далѣе на сѣверъ и западъ за Булгаръ арабы не проникли, потому что болгары, дорожа своей торговлей, препятствовали проникать имъ далѣе и ревниво берегли свое торговое посредничество, распуская нелѣпыя слухи о племенахъ абарма (пермь), которые убиваютъ иноземцевъ, и вису (финское племя — весь), гдѣ вѣчная ночь и ведется нѣмая торговля.

На западъ, въ сторону отъ воднаго пути, арабскіе купцы тоже не ходили, а потому многіе ихъ географы, не зная западной страны, считаютъ даже Донъ рукавомъ Волги, такъ что, по ихъ мнѣнію, Каспійское море и Черное соединяются (Бахръ-ель-Ниталь) непрерывнымъ воднымъ путемъ. Это предположеніе было вызвано, конечно, появленіемъ на Волгѣ русскихъ удалцовъ, и ихъ же разбой и грабежи, по всей вѣроятности, удерживали арабскихъ купцовъ отъ попытки проникнуть въ Азовское море.

Въ Хазеранѣ и Булгарѣ арабы вступали въ обмѣнъ съ иноземными купцами¹⁾, такъ какъ сюда являлись хозарскіе и русскіе купцы и продавцы буртасскіе (неизвѣстный народъ, по нѣкоторымъ предположеніямъ, это — народъ чудскаго племени, предки чувашей, жившихъ между болгарами и хозарами).

Русскіе купцы приходили въ Булгаръ на лодкахъ цѣлыми дружинами, такъ же какъ ходили и въ Византію; здѣсь они строили свои балаганы, привозили идоловъ, совершали молитвы и похороны своими оригинальными, такъ поразившими Ибнъ-Фадлана, обрядами,

¹⁾ У хозаръ, между прочимъ, существовало 7 специальныхъ судей для разбора торговыхъ споровъ, въ томъ числѣ одинъ для русскихъ славянъ.

такъ какъ иногда проживали здѣсь довольно долго; въ балаганахъ раскладывали они для продажи свои товары.

Товары русскихъ были двоякаго рода: во-первыхъ, уже извѣстныя намъ естественныя произведенія, которыя они получали въ дань, преимущественно отъ славянъ; во-вторыхъ, произведенія Византіи и отдаленныхъ западно-европейскихъ странъ. Благодаря послѣднему варяги являютя какъ бы посредниками между Европой и Азіей.

Въ числѣ товаровъ перваго рода главную роль играли мѣха. Мѣховые товары цѣнились очень дорого въ халифатѣ и считались царскимъ украшеніемъ: нѣтъ князя, сообщаютъ намъ арабы, который бы не имѣлъ мѣховой шапки или такой же опушки на праздничномъ костюмѣ. При такомъ спросѣ на этотъ товаръ, единственнымъ мѣстомъ, откуда онъ добывается, были приволжскія страны. Неудивительно, что мѣха были главною ходячею единицею. Куньи мѣха употреблялись вмѣсто монеты: и слово „куня“ долго замѣняетъ позднѣйшія деньги: 2 куньи шкуры—2 арабскихъ диргема и у болгаръ, и у насъ (около 45 к.). „Чеканенной монеты своей у нихъ нѣтъ; звонкую монету замѣняютъ имъ куньи мѣха“, говоритъ Ибнъ-Даста. Русскіе мѣха, которые шли изъ центральной Россіи, считались лучшими: соболіные, куньи, бобровые, горностаевые, бѣличьи, заячьи и лисьи; послѣдніе были двухъ родовъ: 1) чернобурые, которые арабами цѣнились выше соболей, 2) красные, болѣе дешевые, которые продавались для обыкновеннаго употребленія; низшій сортъ ихъ назывался арабскими, лучшіе же были изъ земли буртасовъ. Второго рода продукты заключались въ медъ и воскъ, которые вывозились на Волгу въ такомъ же большомъ количествѣ, какъ и въ Византію; третьяго рода продуктъ—невольники и невольницы. Русскіе, грабя разныя страны, набирали невольниковъ и продавали ихъ. Славянскіе невольники и невольницы очень дорого цѣнились, потому что они были способны ко всякой работѣ, особенно невольницы, которыя покупались для гаремовъ и работъ; часто встрѣчались, конечно, и греческіе плѣнники; кромѣ того, въ арабской торговлѣ въ числѣ невольниковъ упоминаются и русскіе мальчики. Джурджанія была однимъ изъ главныхъ невольничьихъ рынковъ, славянскіе рабы часто встрѣчались и въ отдаленномъ Багдадѣ. Ибнъ-Фадланъ изъ всѣхъ товаровъ руссовъ указываетъ преимущественно на красивыхъ невольницъ.

Чужіе товары, привозимые руссами на Волгу, были преимущественно византийскіе, и отчасти западные; напр., они доставляли, по словамъ арабовъ, шелковыя ткани румскія (т.-е. римскія, византийскія), ковры и т. д. въ Хазерахъ; носили сами и передавали на востокъ мечи и кольчуги франиской (фряжской) работы и т. д. Кромѣ русскихъ мѣховъ, арабы получали ихъ также изъ странъ Югры и Вису чрезъ посредство болгаръ (арабы передаютъ рассказъ объ этой торговлѣ болгаръ съ упомянутыми народами съ-вера, напоминающій извѣстный рассказъ Геродота о нѣмой торговлѣ финикянъ въ Африкѣ); оттуда же шелъ и такъ называемый рыбій зубъ, подъ этимъ именемъ была извѣстна слоновою и моржовая кость. Норвежець Они (въ IX в.) сообщаетъ, что онъ ходилъ въ Югру и Пермь бить этихъ моржей.

Изъ приуральскихъ странъ добывали мамонтовую кость, которая встрѣчалась также и въ Болгарской землѣ. Арабы получали отъ болгаръ даже кожу (юфть), такъ какъ послѣдніе дѣятельно занимались скотоводствомъ; самая подать кагану заключалась въ бычачьей шкурѣ съ дома; такая шкура продавалась или въ сыромъ, или въ обдѣланномъ видѣ — юфти. Оттуда же арабы вывозили березовый лѣсъ, стрѣлы изъ того же дерева, орѣхи и рыбу и даже нѣкоторыя произведенія болгарской мануфактурной промышленности, какъ, напр., войлочные шапки, которыя и теперь въ ходу на Поволжьѣ. Чрезъ посредство болгаръ приходили даже товары изъ Балтійскаго моря¹⁾, напр., янтарь, въ естественномъ и обработанномъ видѣ.

Взамѣнъ мѣстныхъ сырыхъ продуктовъ арабы привозили издѣлія своихъ фабрикъ, иногда тоже сырое, купленное на Волгѣ, но обработанное и, конечно, удешевившееся къ цѣнѣ; здѣсь мы встрѣчаемся, слѣдовательно, съ постояннымъ отношеніемъ народа болѣе развитого къ менѣе развитому. Изъ арабскихъ товаровъ на первомъ мѣстѣ стояли золото и серебро, преимущественно въ видѣ монеты-диргемовъ. Арабы очень рано начали чеканить свою монету и именно въ городѣ Куфѣ, почему она и носить названіе куфической. Число диргемовъ арабскихъ, расходившихся на нашею сѣверѣ, было очень велико, такъ какъ русскіе купцы старались продавать

¹⁾ На побережьяхъ Балтійскаго моря въ послѣднее время раскапывается множество арабскихъ монетъ, что указываетъ на существованіе торговыхъ путей между Каспійскимъ и Балтійскимъ морями.

все за наличныя деньги, которыхъ у нихъ было очень мало, а между тѣмъ явилось сознание ихъ удобства, какъ орудія мѣны. Этимъ приливомъ монеты объясняется сравнительно значительное количество кладовъ куфическихъ монетъ даже въ центральной Россіи. Кромѣ того, золото и серебро употреблялось въ видѣ украшеній: русскій купецъ, говорятъ арабы, имѣя 10.000 диргемовъ капитала, покупалъ женѣ золотой подарокъ въ видѣ цѣпи, ожерелья, запястья, подвѣски и т. д. и, приобретаая еще 10.000, дарилъ новую цѣпь и т. д. Ткани, какъ мы видѣли, привозились къ намъ изъ Византіи, но въ значительномъ количествѣ шли также и отъ арабовъ изъ Джурджаніи. Вотъ почему у насъ еще и теперь нѣкоторыя части одежды носятъ восточныя названія: напримѣръ, *сарафанъ* (сарапа — персидское слово: почетное длинное мужское одѣяніе), *парча* — тоже персидское (кусочекъ), *камка* (камакъ — шелковая дамасская ткань), армякъ, куршна, коствакъ — это все восточныя названія; очевидно, что арабы въ извѣстномъ смыслѣ были законодателями модъ того времени. Отъ арабовъ шло также оружіе; дамасская сталь славилась повсюду, вслѣдствіе чего и въ этомъ отношеніи на Руси сохранилось много восточныхъ названій, какъ, напримѣръ, сабля, вицжалъ (ханджиръ — арабское слово) харалугъ (вороненая сталь), будомсъ (арабская сталь). Далѣе къ товарамъ, привозимымъ арабами, относятся: издѣлія изъ стекла и драгоценныя камни — алмазь (арабское слово), бирюза (персидское слово), яхонтъ, сапфиръ, жемчугъ, извѣстный у насъ въ тѣ времена подъ именемъ бурмицкихъ или гурмыжскихъ зеренъ, ормуздскихъ (г. Ормуздъ). Издѣлія изъ стекла дорого цѣнились, въ особенности дорого стоилъ бисеръ и зеленныя бусы изъ глины, особенно почему-то любимыя русскими женщинами. Одна такая зеленая буса стоила диргемъ (почти на вѣсъ золото).

Таковы были товары, которые ввозили и вывозили арабы; они свидѣтельствуютъ намъ объ оживленности поволжской торговли того времени. Насколько она была развита и какъ далеко распространялась, можно судить по роскошамъ мерянскихъ кургановъ въ Московской и Владимирской губерніяхъ, совершенныхъ извѣстнымъ археологомъ, покойнымъ графомъ Уваровымъ. Въ курганахъ этой дикой лѣсной страны найдено много арабскихъ бусъ и монетъ, процентное содержаніе которыхъ можетъ слу-

жить нагляднымъ доказательствомъ вліянія арабовъ и Востока на центральную Русь. Процентное содержаніе монеть можно вывести изъ слѣдующихъ данныхъ: найдено 80 монеть западно-европейскихъ, 3 византійскихъ, 250 восточныхъ. Громадное преобладаніе послѣднихъ много говоритъ за господство арабовъ на поволжскихъ рынкахъ.

Такимъ образомъ, начиная съ IX вѣка восточная часть великой европейской равнины представляетъ болѣе оживленный характеръ, чѣмъ западная: по Волгѣ ходятъ суда арабовъ и болгаръ, по Каспійскому морю идутъ арабскіе товары изъ Дамаска, Джурджаніи и др., на немъ же появляются и мелкія суда руссовъ, приходящія съ запада; по степи ходятъ караваны, которые въ 70 дней изъ Джурджаніи достигаютъ центра волжской торговли — Булгара. Есть даже извѣстіе¹⁾, что русскіе купцы доходили на верблюдахъ до Багдада. Торговля и здѣсь, какъ и вездѣ, шла рука объ руку съ цивилизаціей, потому-то въ предѣлахъ Россіи на берегахъ Волги и возникаютъ первыя цивилизованныя государства, какими были государства: Болгарское и Хозарское. Положимъ, что цивилизація эта не была прочна, да и не могла быть такою, потому что какъ хозары, такъ и болгары, не были способны къ чему-нибудь прочному, носили слишкомъ степной характеръ, но все-таки результатомъ цивилизаціи, прямо вытекающей изъ торговыхъ сношеній, были, — „всеобщая благодать, богатство, довольство и процвѣтаніе“ на берегахъ Волги X вѣка; но уже въ концѣ X вѣка эта торговля потерпѣла такой ударъ, отъ котораго оправиться долго не могла.

У насъ на Руси въ то время былъ княземъ тотъ бродяга-богатырь, которому не жилось въ Кіевѣ, которому не сидѣлось спокойно на мѣстѣ, между тѣмъ какъ богатства сосѣднихъ государствъ Востока тянули его къ себѣ, и вотъ въ 968 г. онъ сдѣлалъ на нихъ набѣгъ. Есть преданіе, что хозарскіе старцы, взявъ дань съ полянь, сказали: „не хороша дань, будутъ брать они дань и съ насъ“. Послѣдующія событія оправдали ихъ предсказаніе. Въ русскихъ лѣтописяхъ упоминается объ этомъ походѣ лишь мимоходомъ, но зато у арабскихъ писателей онъ разсказанъ во всѣхъ подробно-

¹⁾ Это извѣстіе, за достовѣрность котораго, впрочемъ, нельзя поручиться, принадлежитъ арабскому писателю Ибнъ-Хордадбе писавшему не позже 780-хъ годовъ.

стяхъ. И дѣйствительно, погромъ былъ ужасный: Итиль взятъ и разграбленъ, Булгарь лежитъ въ развалинахъ, князь доходитъ до Семендара, около теперешняго Кизляра. Немногіе хозары успѣли спастись въ Крымъ, а прочіе принуждены платить дань. Хозарское государство исчезаетъ изъ исторіи. На томъ мѣстѣ, гдѣ находилось государство съ извѣстною цивилизаціею, поселяются со временемъ дикіе коمانы-половцы, которые ни въ какомъ случаѣ не были способны къ торговымъ сношеніямъ. Паденіе Итиля и хозарь, появленіе степняковъ не могло не повліять на торговлю, но особенно сильный ударъ былъ ей нанесенъ татарскимъ погромомъ въ 1224 году. Во время нашествія татарь, замѣчается арабь-современникъ, прекратилась торговля, и изъ этихъ странъ не привозили болѣе ни черныхъ лисиць, ни бѣлокъ, ни бобровыхъ шкуръ. Прошло долгое время, прежде чѣмъ торговая дѣятельность пошла прежнимъ путемъ. Но, кромѣ этихъ внѣшнихъ причинъ, нельзя не замѣтить, что арабская цивилизація, такъ быстро и прекрасно развившаяся въ X и XI вѣкахъ, замѣтно начинаетъ клониться къ упадку. Пропадаетъ та бодрость и энергія, которая отличала арабскихъ купцовъ и заставляла ихъ преодолевать всѣ трудности. Купцы съ ихъ караванами все рѣже и рѣже идутъ на сѣверъ, занятый дикими половцами, и неспособные къ цивилизаціи турки сельджуки, занявшіе южные берега Каспійскаго моря, подавляли всякую попытку къ торговымъ сношеніямъ.

Паденіемъ торговли арабовъ мы закончимъ 1-й періодъ русской торговли. Въ XIII и XIV вѣкахъ въ этихъ мѣстностяхъ возникаетъ новая торговля, которая относится уже къ другому періоду. Второй періодъ можетъ быть раздѣленъ на 2 отдѣла, при чемъ первый распадается на 2 главы: 1-я — Русь южная, центромъ которой былъ Кіевъ, соперникъ Константинополя. Южная Русь возноситъ цивилизацію на сѣверъ, но она не могла объединить всей Россіи, она сама пала въ борьбѣ со степью и подчинилась вліянію сосѣдней Польши; 2-я глава: Русь Новгородская. Второй отдѣлъ есть Русь Суздальская, которая группируется около Москвы. Потому мы уже перейдемъ къ 3-му періоду, къ разсмотрѣнію торговли Московскаго государства, которое достигло того, чего не могли сдѣлать другія, т.-е. объединенія всей Руси.

Для большого знакомства съ русской торговлей первого периода мы прочтемъ тѣ главные памятники, въ которыхъ объ ней говорится. Къ нимъ принадлежатъ: рассказъ Константина Багрянороднаго о пути Руси въ Царьградъ и договоры съ греками: Олега въ 911 и Игоря въ 945 г.

Константинъ Багрянородный жилъ въ X столѣтїи († 959). Въ продолженїи своего царствованїя онъ мало принималъ участїя въ государственныхъ дѣлахъ и больше сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и занимался науками. Самъ неспособный къ управленїю, этотъ ученый педантъ оставилъ цѣлый рядъ сочиненїй, которыя предназначилъ своему сыну въ руководство къ управленїю имперїей. Изъ нихъ можно указать на два, какъ болѣе замѣчательныя: 1) объ управленїи имперїей, 2) о церемонїяхъ византїйскаго двора. Въ первомъ изъ нихъ онъ совѣтуетъ своему сыну придерживаться обычной византїйской политики: вооружать варваровъ на варваровъ; во второмъ среди массы нелѣпныхъ и скучныхъ разсказовъ есть много интереснаго для нашей исторїи, напримѣръ, описанїе принятїя Ольги. Въ первомъ сочиненїи важна въ особенности 9-я глава, озаглавленная такъ: „О Руси, приходящей въ Константинополь на лодкахъ-однодеревкахъ“.

Договоръ заключенъ былъ послѣ удачнаго набѣга Олега на Царьградъ 2 сентября 911 г. Начинается онъ заглавїемъ: „Равно другаго свѣщанїя, бывшаго при тѣхъ же царяхъ Льва и Александра“, т.-е. копія (списокъ) съ другой договорной грамоты, находящейся у тѣхъ же царей, и т. д. Затѣмъ слѣдуютъ имена пословъ Олега-выхъ (все варяжскїя: Карлъ, Инагельдъ, Фарлофъ, Веремудъ, Руальдъ и т. д.) и рѣшенїе заключить миръ, чтобы подтвердить „отъ многихъ лѣтъ межи христіаны и Русью бывшею любовь“, послѣ чего уже начинаются различныя статьи договора. 1) Прежде всего это постановленїя относительно часто случавшихся столкновенїй между греками и руссами, приходившими въ Царьградъ. Убийца предается смерти, а въ случаѣ его бѣгства изъ его имущества (за исключенїемъ части, принадлежащей „по закону“ его женѣ) выдается денежное вознагражденїе родственнику убитаго. Нанесшїй ударъ мечомъ платитъ 5 литръ серебра „по закону русскому“ или отдастъ все, что имѣеть, до послѣдняго платья, и даетъ роту (присягу), что болѣе ничего не имѣеть. Воръ возвращаетъ украден-

ное втрое и можетъ быть убитъ на мѣстѣ преступленія. 2) Обѣ договаривающіяся стороны вступаютъ въ обязательство относительно взаимныхъ услугъ. Такъ, напр., руссы обязываются помогать греческимъ судамъ, подвергшимся крушенію, или, если это случилось около русской земли, продавать ихъ „ругла“ (товаръ) и вырученные деньги привозить въ Византію, „егда ходишь въ Греки, или съ куплею или въ солбу (посольство) къ царици“. Обязательство о взаимной выдачѣ „полоянниковъ“, находящихся у обоихъ народовъ или приводимыхъ къ нимъ на продажу. Такое же обязательство въ случаѣ бѣгства рабовъ той или другой стороны. Князь русскій обязывается не стѣснять тѣхъ дружинниковъ, которые изъявляютъ желаніе служить въ византійской гвардіи, — „своею волею да будутъ“. Относительно этихъ „работающихъ въ Грецѣхъ руси у хрестыанскаго царя“ есть постановленіе, что, въ случаѣ смерти кого-либо изъ нихъ, его имущество отдается въ Русь его родственникамъ чрезъ „взимающихъ куплю Руси, ходящихъ въ Греки и *удолжающихъ*“. Договоръ заканчивается клятвою не переступить условленныхъ статей. Хотя въ договорѣ 911 г. мы и не встрѣчаемъ подробныхъ постановленій о торговлѣ, но тѣмъ не менѣе мы заключаемъ, что она существуетъ въ значительныхъ размѣрахъ: греки ходятъ въ Русь *съ рузломъ*, Русь ходитъ *съ куплею* въ Царьградъ и „*удолжаютъ*“ тамъ; мирныя сношенія настолько устанавливаются и ихъ важность настолько входитъ въ сознаніе, что является потребность регулировать ихъ особенными условіями и взаимными обязанностями.

Дальнѣйшій шагъ впередъ представляетъ намъ договоръ Игоря съ греками, содержаніе котораго мы и разсмотримъ. Онъ начинается такъ же, какъ и разобранный нами договоръ Олега, словами: „равно другаго свѣщанія“, указывающими на то, что онъ былъ написанъ въ 2 экземплярахъ; но затѣмъ также слѣдуютъ имена пословъ отъ великаго князя и князей, сущихъ подъ рукою его, но въ числѣ пословъ являются уже не одни только лица „официальныя, но также и послы отъ купцовъ — людей, очевидно наиболѣе заинтересованныхъ въ этомъ договорѣ; появленіе ихъ въ числѣ представителей русской земли можетъ указывать на важное значеніе, которое начинаютъ придавать торговлѣ. При чтеніи договора мы можемъ увидать, что онъ раздѣляется на нѣ-

сколько отдѣловъ. 1) Различныя постановленія о сношеніяхъ русскихъ съ греками, какъ они должны жить въ Константинополѣ, объ отношеніи къ законамъ и вообще различныя условія на всякій случай. 2) Вторымъ пунктомъ опредѣляются отношенія русскихъ князей къ Корсунской странѣ. 3) Третій пунктъ заключаетъ съ себѣ, если такъ можно выразиться, международныя отношенія. Въ первомъ отдѣлѣ заключается прежде всего миръ на вѣчныя времена, „до тѣхъ поръ, пока сіяетъ солнце, и весь миръ стоитъ“.

Самое желаніе заключить *стичный* миръ указываетъ на то, что торговыя сношенія между обоими народами значительно развились и упрочились, мирные интересы стали брать верхъ надъ интересами военными. Кто нарушитъ этотъ миръ, говорится въ договорѣ, тотъ, если онъ христіанинъ, то пусть будетъ осужденъ на гибель въ этой жизни и будущей, а если язычникъ, то пусть не имѣетъ защиты ни отъ Бога, ни отъ Перуна, не укроется за своимъ щитомъ, погибнетъ отъ собственнаго оружія и будетъ рабомъ въ этой и будущей жизни. Во-вторыхъ, опредѣляются торговыя правила и отношенія русскихъ гостей къ грекамъ. „Великій князь и люди его имѣютъ право послать корабли свои съ послами и купцами, сколько захотятъ. Прежде купцы пріѣзжали съ серебряными печатями, а послы съ золотыми, а теперь князь вашъ рѣшилъ посылать ихъ съ грамотами, а кто не будетъ имѣть грамоты, того мы можемъ взять въ плѣнъ и держать до тѣхъ поръ, пока не напишетъ вашему князю, и если они будутъ сопротивляться аресту, то могутъ быть убиты, и смерть ихъ ни на комъ не взыщется, а если они убѣгутъ изъ плѣна и явятся на Руси, то мы напишемъ князю вашему, и пусть онъ съ ними, какъ ему любо будетъ“.

То обстоятельство, что покровительствомъ греческихъ законовъ пользуются только тѣ изъ русскихъ людей, которые приносятъ грамоты отъ своего князя, указываетъ на то, что верховная власть на Руси установилась гораздо крѣпче, а замѣна печатей грамотами указываетъ на появленіе на Руси грамотныхъ людей подъ вліяніемъ образованной Византіи. Обычай посылки печати есть также византійскій, ибо тамъ въ средніе вѣка обыкновенно привѣшивали золотыя или серебряныя печати или медали. Въ своемъ сочиненіи Константинъ Багрянородный указываетъ, какъ надо писать грамоты къ разнымъ государямъ и какія привѣшивать печати; между

прочимъ, грамота къ русскому князю начиналась такими словами: „Отъ великихъ христіанскихъ царей такого-то и такого-то князю Руси грамота“ („архонту“), и при этомъ привѣщивалась печать вѣсомъ въ два золотыхъ солида. „Если Русь — продолжаетъ договоръ — придетъ съ товарами, то получаетъ содержаніе отъ византійскаго правительства, а если безъ товаровъ, то не получаетъ. Да запретить князь людямъ своимъ творить безчинства въ странѣ нашей“.

„По прїѣздѣ въ Царьградъ пусть живутъ они въ предмѣстьи Св. Мамы, и тогда власти наши пошлютъ къ нимъ чиновниковъ, чтобы переписать ихъ имена и выдать купцамъ ихъ мѣсячное, а посламъ посольское. Въ городъ пусть входятъ одними воротами человекъ по 50 безъ оружія въ сопровожденіи нашихъ чиновниковъ, и, купивъ что надо, пусть опять уходятъ. Чиновникъ же нашъ долженъ охранять ихъ, и, если русскій или грекъ поступать несправедливо, пусть онъ разберетъ дѣло. Входя въ городъ, Русь не имѣетъ права покупать паволоки дороже 50 золотыхъ, а если кто и купитъ, то долженъ сказать чиновнику, и тотъ, наложивъ plombы („и то е запечатъ“), отдаетъ ихъ. Когда же Русь будетъ отъ насъ отправляться, пусть беретъ сколько понадобится съѣстнаго на дорогу и лодокъ, какъ это установлено уже прежде, и благополучно возвращается въ страну свою; но зимовать у Св. Мамы никто изъ руссовъ не имѣетъ права. Если кто-нибудь изъ Руси захочетъ взять что-нибудь у нашихъ людей насильно, то заплатить вдвое и будетъ наказанъ“. (А между тѣмъ, въ договорѣ Олега за украденную вещь платится втрое; по случаю болѣе частыхъ сношеній плата уменьшается, ее уже находятъ дорогою). То же самое постановляется и по отношенію грековъ къ русскимъ.

Такъ же, если грекъ или русскій что-нибудь украдетъ, то долженъ возратить не только украденное, но также и заплатить цѣну его, а если украденное найдется проданнымъ, то кромѣ того, что заплатить вдвое, будетъ наказанъ по закону греческому и „по уставу и закону русскому“. Если Русь приведетъ греческихъ плѣнниковъ, то получить за юношу и дѣвицу по 10 золотыхъ, за человека среднихъ лѣтъ — по 8, а за стараго или ребенка — по 5. А если найдется русь въ рабствѣ у грековъ, то Русь выкупаетъ ихъ по 10 золотыхъ, а если грекъ купилъ русскаго раба, то пусть онъ клятвою покажетъ, сколько заплатилъ за него, и тогда получить эту цѣну.

Далѣ въ договорѣ слѣдуютъ международныя постановленія относительно Херсонеса и греческихъ колоній въ Тавридѣ, столь важныхъ для Византіи и вмѣстѣ съ тѣмъ, столь часто подвергавшихся нападенію сосѣдей: а что касается корсунской страны и всѣхъ находящихся въ ней городовъ, то князь русскій не имѣетъ права воевать съ ними, пусть эта страна вамъ не покоряется.

„Если Русь встрѣтитъ въ устьѣ Днѣпра корсунскихъ рыбаковъ, то пусть не дѣлаетъ имъ никакого зла; Русь не имѣетъ права зимовать ни въ устьѣ Днѣпра въ Бѣлобережѣ (гдѣ теперь Аккерманъ... бѣлый городъ), ни на островѣ Св. Елевферія и съ наступленіемъ осени пусть возвращается домой.

„А что касается до черныхъ болгаръ¹⁾, приходящихъ воевать страну греческую, то мы повелѣваемъ князю русскому не допускать ихъ до этого.

„Если князь русскій попроситъ у насъ воиновъ, то мы дадимъ ему, сколько ему будетъ нужно. Если Русь встрѣтитъ греческую кубару, выброшенную на какомъ-нибудь мѣстѣ, то пусть ея не обижаютъ и, если что возьметъ съ нея или поработитъ человека, или убьетъ его, то отвѣчаетъ передъ закономъ греческимъ и русскимъ“.

Затѣмъ договоръ снова возвращается къ постановленіямъ, касающимся возможныхъ столкновеній съ греками, большею частію уже предусмотрѣннымъ въ договорѣ Олега. „Если случится преступленіе отъ грековъ, находящихся подъ нашею властію, то князь русскій не имѣетъ права казнить ихъ; они судятся по нашему закону. Если грекъ убьетъ русскаго или русскій грека, то пусть задержать убійцу родственники убитаго и убьютъ его, а если онъ скроется, то пусть родственники убитаго возьмутъ его имѣнье, а если у него нѣтъ ничего и онъ убѣжитъ, то пусть его ищутъ до тѣхъ поръ, пока не найдутъ, и тогда пусть его убьютъ. Если русскій грека или грекъ русскаго ударитъ мечомъ или копьемъ, или какимъ-нибудь другимъ оружіемъ, то платитъ пять литръ серебра по закону русскому, а если онъ человекъ недостаточный, то пусть продастъ все, что можно, даже и одежду, въ которой онъ ходитъ,

¹⁾ Болгары раздѣлялись на бѣлыхъ и черныхъ, что значить вольныхъ и зависимыхъ. Первые жили на Дунаѣ, а вторые были подчинены хозарамъ. Они жили въ степяхъ, бродили тамъ и нападали на страну корсунскую.

и пусть онъ поклянется по своему закону, что больше ничего не имѣетъ, и тогда его отпустить. Если у насъ встрѣтится надобность въ вашихъ войнахъ, то объявляемъ мы о семъ вашему князю, и пусть присылаетъ намъ, сколько намъ нужно, и да видятъ другія страны, какую любовь имѣютъ греки къ русскимъ“.

Договоръ заканчивается вопросомъ о его ратификаціи. Вотъ въ краткихъ словахъ ея содержаніе: „А написали мы договоръ въ двухъ экземплярахъ, одинъ изъ нихъ, на которомъ переписаны наши имена и крестъ стоитъ, остался у насъ, а на другомъ, на которомъ переписаны имена пословъ и купцовъ вашихъ, возьмете вы съ собою и отнесете къ князю вашему и людямъ его, а тѣ, получивъ его, пусть клянутся по закону своему въ присутствіи пословъ нашихъ соблюдать все, что написано на хартии, а мы, т.-е. послы уже клялись, сколько насъ есть христіанъ, во всемъ томъ въ церкви Св. Іліи крестомъ честнымъ нерушимо исполнять все, что не описано въ договорѣ семъ“.

Въ сравненіи съ договоромъ Олега, договоръ Игоря представляетъ значительный шагъ впередъ. Сношенія устанавливаются и дѣлаются болѣе прочными; для русскихъ купцовъ сдѣлалось потребностью ѣздить въ Царьградъ; число ихъ было такъ значительно, что для ихъ жительства назначается особый кварталъ; купцы, очевидно, заинтересованы въ составленіи договора, поэтому-то они въ немъ и участвуютъ, чего мы не находимъ въ договорѣ Олега; Константинъ Багрянородный говоритъ въ своемъ сочиненіи, что съ Ольгою было только 44 купца, но тутъ онъ, по всей вѣроятности, упоминаетъ лишь о самыхъ главныхъ, потому что условіе грековъ, чтобы русскіе купцы входили въ городъ отрядами, числомъ не болѣе 50 человекъ, доказываетъ намъ, что ихъ число было гораздо значительнѣе; но въ этомъ же условіи выразилось и то недовѣріе къ русскимъ купцамъ, которое питали къ нимъ греки, не перестававшіе смотрѣть на нихъ какъ на разбойниковъ, способныхъ всегда „сотворить безчинія“. Въ принятіи христіанства выразилось самое сильное проявленіе греческаго вліянія. Въ договорѣ Игоря упоминается уже о христіанахъ изъ русскихъ, чего не встрѣчается въ договорѣ Олега. Очень возможно, что церковь Св. Іліи была собственно для нихъ выстроена и была ихъ собственностью. Она сдѣлалась первымъ разсадникомъ греческой цивили-

заціи на Руси, и по ея имени выстраивается христіанская церковь и въ Кіевѣ.

Международныя отношенія также болѣе или менѣе регулируются. Русскій князь не есть только, какъ прежде, начальникъ сброда дружинниковъ, но онъ есть дѣйствительный князь, и его власть получаетъ подъ вліяніемъ греческой цивилизаціи большее государственное значеніе. Греки отличаютъ подвластныхъ русскому князю отъ тѣхъ бездомныхъ и безголовныхъ дружинниковъ, которые бродятъ вездѣ и свили себѣ гнѣздо въ Тмутаракани. Великій князь ручается за своихъ бояръ и гостей, и ручательствомъ его служатъ грамоты.

Изъ этого договора мы видимъ, какое великое значеніе имѣла для русскихъ уже въ тѣ отдаленныя времена торговля съ греками, и что греческіе купцы были первыми проводниками греческой цивилизаціи на Руси.

Разсмотрѣніемъ этого документа мы окончили первый періодъ русской торговли.

III.

Кіевская Русь.

Первая глава второго періода будетъ заключать исторію Руси Южной. Мы остановились на крещеніи русской земли.

Благодаря великому водному пути „изъ варяговъ въ греки“, благодаря варягамъ, ходившимъ въ Византію, перенимавшимъ византійскіе обычаи и подвергавшимся византійскому вліянію, благодаря частымъ сношеніямъ съ корсунцами, греческая цивилизація одержала верхъ надъ арабо-болгарскою и латинскою, которыя, хотя и не могли удержаться у насъ на Руси, однако имѣли на нее большое вліяніе. Извѣстное сказаніе объ испытаніи вѣръ Владиміромъ, если и не имѣетъ значенія исторически достовѣрнаго факта, то тѣмъ не менѣе представляетъ намъ вѣрную картину тѣхъ разнородныхъ элементовъ, которые боролись въ Кіевѣ и обуславливались, какъ его центральнымъ положеніемъ на великомъ вод-

номъ пути, такъ и постоянными походами варяго-русскаго дружинника на западъ, на Волгу и въ Царьградъ. При европейскомъ строе народнаго вліяніе восточно-хазарское не могло быть глубоко, но зато тѣмъ упорнѣе была борьба западнаго латинства съ византійскимъ.

Темныя и скудныя источники не позволяютъ намъ видѣть этой борьбы въ полномъ размѣрѣ, но и немногія уцѣлѣвшія указанія показываютъ, что Русь долго стояла на распутьѣ и примкнула, наконецъ, къ славянамъ южнымъ, а не западнымъ, не безъ колебаній. Мы знаемъ, напримѣръ, что сама Ольга, крестившаяся въ Царьградѣ, посылала въ Германію за латинскими священниками. Во времена Владимира Святого св. Брунонь Кверфуртскій, католическій монахъ, заходилъ въ страну русскую съ цѣлью крещенія печенѣговъ, ласково былъ принятъ русскимъ княземъ, проведенъ имъ до страны печенѣжской, хотя тамъ, конечно, не имѣлъ большого успѣха; у Святополка, сына Владимірова, живетъ латинскій епископъ Рейбернь Кольбергскій; въ печерской церкви находятся образа варяжскаго написанія и вещи латинскаго стиля, важныя въ археологическомъ отношеніи Корсунскія и Новгородскія врата тоже латинскаго пошиба. Преподобный Иларіонъ долженъ былъ бороться и препираться за вѣру съ латинами, живущими въ Кіевѣ. Тѣмъ не менѣе, не смотря на всѣ усилія Запада, восточное вліяніе взяло верхъ, осталось господствующимъ и опредѣлило въ значительной степени характеръ и направленіе позднѣйшей русской исторіи. Съ принятіемъ христіанства и тѣсно съ нимъ связанной гражданственности устанавливается, наконецъ, начало русскаго государства, ибо вѣра служитъ могучимъ орудіемъ національнаго объединенія.

Только теперь Кіевъ дѣйствительно мать городовъ русскихъ. Кіевъ становится сосредоточіемъ новой государственной жизни, потому что изъ него расходятся проповѣдники новой вѣры въ Ростовъ, Муромъ, Новгородъ и во всѣ далекія окраины; тамъ пребываетъ глава церкви, митрополитъ, рассылающій повсюду епископовъ. Изъ Кіева выходятъ новыя государственныя понятія, потому что византійскія понятія, хотя и чуждыя для русскихъ того времени, не могли однакоже не имѣть извѣстнаго вліянія чрезъ посредство греческаго духовенства. Оттуда же распространяются и первые зачатки дѣятельности умственной.

Смягчающее вліяніе христiанской религіи и греческой цивилизаціи видно изъ первыхъ русскихъ законодательныхъ памятниковъ — Русской Правды и церковныхъ уставовъ: родовая мѣсть отмѣняется и замѣняется денежнымъ взносомъ. При Ярославѣ Мудромъ въ Кіевѣ же устраиваются первыя школы, и такимъ образомъ являются первые зародыши русскаго просвѣщенія, но такъ какъ въ то время просвѣщеніе и христiанство были тождественны, то въ Кіевѣ и его окрестностяхъ появляются и другіе разсадники этого просвѣщенія — монастыри, изъ которыхъ самое важное значеніе имѣють Печерскій и монастырь св. Михаила Выдубецкаго, въ которомъ была дополнена и передѣлана его игуменомъ Сильвестромъ первая лѣтопись, первоначально составленная въ монастырѣ Печерскомъ. Въ монастыряхъ появляются первые литераторы, первые переписчики, первые врачи, какъ, напр., безвозмездный врачъ Агапиль, о которомъ упоминается въ патерикѣ Печерскомъ, и вообще изъ монастырей выходило много гуманныхъ людей. Какъ мѣсто пребываніе главнаго князя и митрополита, какъ сосредоточіе школь и монастырей — Кіевъ становится центромъ, гдѣ все сходится и откуда все расходится по Руси.

Сдѣлавшись центромъ умственнаго развитія, Кіевъ дѣлается также центромъ торговымъ и промышленнымъ. Лежа на великомъ водномъ пути, Кіевъ не могъ не развиться. И дѣйствительно, если изумительны тѣ гигантскіе шаги, которые сдѣлала Русь въ какія-нибудь 40 лѣтъ, протекашія между договоромъ Олега и Игоря, въ торговыхъ сношеніяхъ съ Константинополемъ, то еще быстрѣе разростается Кіевъ въ одинъ изъ самыхъ значительныхъ городовъ Европы; когда на Руси установилась общая религія и національность, опредѣлились размѣры и установились болѣе правильныя отношенія, Кіевъ становится торжищемъ народовъ востока и запада, сѣвера и юга.

Западные лѣтописцы XI, XII вѣка, какъ Титмаръ Мерзебургскій и Адальбертъ Бременскій, могутъ служить намъ свидѣтельствомъ, какъ высоко стоялъ Кіевъ въ глазахъ западной Европы.

Адальбертъ Бременскій называетъ городъ Киве (Кіевъ) богатѣйшимъ и громаднымъ городомъ, соперникомъ скипетра царьградскаго; Титмаръ Мерзебургскій говоритъ, что этотъ городъ отличается необыкновеннымъ богатствомъ, въ немъ множество церквей и 8 однихъ

торговых рынковъ. Кіевъ начинаетъ привлекать къ себѣ иноземцевъ; одни прїѣзжаютъ съ товарами, другіе служатъ въ дружинѣ княжеской. И дѣйствительно, мы находимъ въ Кіевѣ массу варяговъ-дружинниковъ. Скандинавскія саги подтверждаютъ сказанія русскихъ лѣтописцевъ, рассказывая о своихъ викингахъ-богатыряхъ, часто находившихъ убѣжище и даже воспитывавшихся при дворѣ Вольдемара (т.-е. Владимира Святого) и Ярслева (т.-е. Ярослава). Такова, на примѣръ, знаменитая сага о Олафѣ Тригвессонѣ, воспитанномъ при дворѣ Ярославомъ. Замѣчательно, что эти саги смотрятъ на Русь какъ на нѣчто родное, а русскаго князя онѣ почти не отличаютъ отъ своихъ конунговъ, и не даромъ же Ярославъ былъ женатъ на варяжской княжнѣ Ингагердѣ. Но кромѣ варяговъ на Руси много и другихъ иноземцевъ: у св. Бориса есть, на примѣръ, венгры въ дружинѣ, его любимый отрокъ также угринъ; у Андрея Боголюбскаго въ ключникахъ служить даже житель Кавказа — ясинъ, именованъ Анбалъ; при дворѣ Святослава кїевского живутъ венеціанцы, мороване, греки, нѣмцы и, по выраженію поэта „Слова о полку Игоревѣ“, поютъ ему славу, — и другія свѣдѣнія подтверждаютъ слова поэта.

Къ числу иноземцевъ можно причислить евреевъ, въ рукахъ которыхъ находилась, вѣроятно, вся мелочная торговля Кіева уже съ XII вѣка. Евреямъ было не трудно проникнуть въ Кіевъ, такъ какъ они очень рано утвердились на берегахъ Чернаго моря, и ихъ было такъ много, что они обратили въ свою вѣру кагана хозарскаго; потомки жидовствующихъ хозарь поселились въ Крыму и стали извѣстны подъ именемъ караймовъ.

Городъ, который былъ соперникомъ „скипетра царградскаго“, который привлекалъ массу иноземцевъ, такой городъ долженъ былъ имѣть многочисленное и вмѣстѣ съ тѣмъ привыкшее къ роскошной жизни народонаселеніе. И дѣйствительно, былины кїевского цикла, не имѣющія значенія достовѣрно — историческаго источника, потому что народъ перепутываетъ въ нихъ лица и событія, однако наглядно рисующія бытовыя черты извѣстной мѣстности, рельефно изображаютъ намъ богатую жизнь южной столицы. Въ этихъ былинахъ сказывается знакомство съ комфортомъ городской жизни, сказывается богатство торговаго города. Ихъ герои отличаются не одною удалью, но также щегольствомъ и богатствомъ своей одежды

изъ матеріи иностранной. Женщины, отличавшіяся страстью къ роскоши и своею красотой, оказываютъ большое вліяніе на общество и потому также являются героинями былинъ. Очевидно, здѣсь проявляется характеръ малороссійскаго народа, болѣе игривый и увлѣкающійся, чѣмъ замкнутый, сдержанный характеръ великоруссовъ.

Вообще мы не должны забывать, что жизнь южнорусская въ многихъ отношеніяхъ рѣзко отличалась отъ послѣдующей московской: она допускала гораздо болѣе простора многообразнаго развитія сторонъ своихъ, болѣе сближенія съ иностранцами и чужеземнаго вліянія. При богатствѣ южной природы развитіе шло быстро и на одинаковой ногѣ съ значительною частію западныхъ государствъ. Во многихъ отношеніяхъ Кіевъ ни въ чемъ уступалъ, но даже превосходилъ своихъ западныхъ славянскихъ собратьевъ: поляковъ и даже отчасти грековъ. Мы увидимъ однакоже вскорѣ, что въ развитіи этомъ было много обманчиваго и непрочнога, и что Кіевъ долго не могъ удержаться на той высотѣ, на которую такъ быстро поднялся.

Обратимся теперь къ русской торговлѣ за указанный выше періодъ.

Съ появленіемъ первыхъ проблесковъ государственной *народной* жизни и городовъ, какъ общественныхъ центровъ, дѣлающихся разсадниками цивилизаціи и болѣе развитыхъ и утонченныхъ потребностей, рука объ руку идетъ и удовлетвореніе этихъ потребностей черезъ мѣстное производство — промышленность, внутрѣнній размѣнъ ея продуктовъ и внѣшнюю торговлю.

Мы встрѣчаемся съ зачатками русской промышленности. Такъ, напр., мы находимъ извѣстія о русскихъ кожевникахъ (напр., извѣстный Янъ Усмовичъ, или усмовивецъ, что значитъ кожевникъ („усніе“ — кожа), поборовшій при Владимирѣ печенгѣйскаго богатыря) и скорнякахъ. Въ „Русской Правдѣ“, уже упоминается о „ремесвенникахъ и ремесвенницахъ“. За убійство ремесленниковъ платится вдвое дороже (12 гривенъ), чѣмъ за простого челоуѣка, что доказываетъ, что ихъ умѣли цѣнить, ими дорожили.

Въ извѣстныхъ мѣстностяхъ появляется свое специальное производство: такъ новгородцы славятся какъ хорошіе плотники, владимирцы извѣстны какъ каменьщики.

Соотвѣтственно увеличенію производства увеличивается и внутрѣнній обмѣнъ его продуктовъ. Этотъ обмѣнъ, благодаря зачинаю-

щейся общей жизни и устанавливающейся понемногу безопасности начинает получать болѣе правильный и мирный характеръ: купецъ начинаетъ терять свой первобытный характеръ разбойника. Мы имѣемъ основаніе предполагать, что за описываемое время почти каждое важное поселеніе имѣетъ свой „торгъ“, на который собираются „гости“¹⁾. Такой торгъ или носилъ характеръ нашей рыночной торговли и, замѣтимъ, имѣлъ особенное важное значеніе, потому что въ древней Руси мы не встрѣчаемся съ магазинами и лавками, занимающимися мелочною распродажею подобно нашимъ, или принималъ характеръ нашего сельскаго базара (татарское названіе замѣнило наше русское), происходящаго или въ урочные дни или сопровождающаго храмовой праздникъ: старинное названіе „погость“, сохранившееся для церкви, указываетъ намъ на ту связь, которая и въ отдаленныя времена существовала между торговлею и мѣстнымъ праздникомъ, привлекавшимъ толпу народа и обуславливавшимъ возможность сбыта и обмѣна произведеній различныхъ мѣстностей. Несомнѣнно, что въ значительномъ большинствѣ случаевъ эти торги не принимали значительныхъ размѣровъ, не дѣлались „ярмарками“ и не выходили за предѣлы извѣстной весьма ограниченной области, товары на нихъ сбываемые были весьма незатѣливы и неразнообразны: хлѣбъ, овощи, медъ, воскъ, деревянные подѣлки и т. п. Вообще всѣ данныя приводятъ насъ къ тому убѣжденію, что промышленность русская того времени находилась въ дѣтскомъ состояніи. Она ограничивалась лишь обдѣлываніемъ сырыхъ продуктовъ для удовлетворенія самыхъ обыденныхъ, простыхъ потребностей: производились лишь самыя грубыя издѣлія, какъ-то: сапоги, лапти, грубое сукно, холстъ и т. п. Русскіе умѣльцы (художники, мастера) не могли приняться за что-нибудь выходящее изъ ряда и сравниться съ иностранцами: выдѣлываются мѣстныя матеріи, но всѣ высшіе сорта привозятся съ Востока или изъ Византіи; упоминаютъ золотыхъ, серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, но всѣ лучшія издѣлія византійской работы; извѣстны каменщики, но всѣ сколько-нибудь замѣчательныя сооруженія воздвигнуты византійскими строителями и т. д.

Такимъ образомъ для удовлетворенія болѣе утонченныхъ потреб-

¹⁾ Въ XII вѣкѣ на Руси можно насчитать уже до 300 городовъ.

ностей общества могла служить только внѣшняя торговля, которая дѣйствительно принимаетъ значительные размѣры.

Жизненнымъ центромъ южной Руси, какъ мы видѣли, сдѣлался Кіевъ, справедливо названный лѣтописцемъ „матерью городовъ русскихъ“: здѣсь скопляется многолюдное населеніе, потребностями котораго въ значительной степени обусловливается развитіе его промышленности и торговли¹⁾. Говоря о торговлѣ Кіева, мы такимъ образомъ будемъ въ состояніи охарактеризовать цѣлую Русь того времени, ибо въ Кіевѣ сосредоточиваются всѣ внѣшнія сношенія Руси XI—XII вѣковъ.

Нѣкоторые самое названіе Кіевъ объясняютъ мордовскимъ словомъ, означающимъ „многодорожный“. Если это объясненіе само по себѣ и невѣрно, то все-таки за Кіевомъ можетъ остаться названіе многодорожнаго, такъ какъ въ немъ дѣйствительно сосредоточиваются торговые пути — и уже извѣстный намъ великій водный путь „изъ варягъ въ греки“ попрежнему остается главною артеріею, по которой льется русская кровь.

Въ XII вѣкѣ одинъ русскій князь созываетъ своихъ собратьевъ и жалуется имъ на половцевъ: „отняли они у насъ всѣ выходы, всѣ пути торговые — и греческій, и соляной, и заловный“. Пропитированныя слова указываютъ на главные внѣшніе пути тогдашней кіевской торговли, которыя могли перехватить половцы, живя въ степи.

На этихъ-то путяхъ мы прежде всего и остановимся.

Главный изъ нихъ былъ греческій, который велъ изъ Кіева въ Византію.

1) О значительности торговыхъ оборотовъ въ Кіевской Руси намъ говорить, между прочимъ, развитіе столь необходимаго для торговыхъ операцій кредита — отдачи денегъ „въ куплю“ или „гостьбу“, который законодательные памятники того времени пытаются даже регулировать: такъ рядъ статей „Русской Правды“ опредѣляютъ способы уплаты долга заимодавцамъ несостоятельными должниками; устанавливается также ходячій годовой ростъ — 20%, при чемъ по закону Владимира Мономаха, внимавшій три „рѣзы“ (т.-е. 60%) лишался „иста“, т.-е. капитала. Уже въ XII в. въ Кіевской Руси вырабатывается цѣлая система торговыхъ и таможенныхъ пошлинъ: мыто (первоначальная провозная пошлина), перевозъ (за переправу товара черезъ рѣку), мостовщина (за проѣздъ по мостамъ), гостиное (за помѣщеніе товара на гостиномъ дворѣ), помѣрное, вѣсчее (за взвѣшиваніе товаровъ) и др. Все это указываетъ, что торговля въ описываемый періодъ получила уже извѣстную организацію.

Это былъ путь, уже проторенный варягами — мы знаемъ, что во времена еще Игоря по этому пути шли дѣятельныя сношенія Россіи съ Греціей. Нѣтъ сомнѣнія, что сношенія эти значительно усилились принятіемъ Россіей христіанства. Византія дѣлается главнымъ источникомъ нашего государственнаго развитія и просвѣщенія. Изъ Византіи идетъ религія и ея обстановка; отсюда же идетъ наука и, несмотря на свою педантичность и мертвенно-схоластическій характеръ, сообщаетъ нѣкоторымъ слоямъ общества извѣстныя развитыя идеи. Шло отсюда же и монастырское просвѣщеніе; нашъ первый монастырь Печерскій беретъ свой уставъ изъ Студійскаго — Аеонскаго, дѣлается разсадникомъ монашества на Руси и играетъ важную роль въ нашемъ просвѣщеніи. Такъ неразрывно соединены были въ то время просвѣщеніе духовное со свѣтскимъ.

Изъ Византіи же выносятся нѣкоторые политическіе, гражданскіе и общественные взгляды. Греческій Номоканонъ не могъ остаться безъ вліянія на русское духовное законодательство: подъ его вліяніемъ вырабатываются наша Коричная книга и уставы Владимира и Ярослава о духовенствѣ; наши монахи, знакомые отчасти съ развитыми политическими взглядами античнаго мира, сохранившимися въ Византіи, старались вносить ихъ въ русскую жизнь.

Наконецъ, изъ той же Византіи идутъ къ намъ и предметы моды, роскоши и жизненнаго комфорта. Благодаря такому многостороннему значенію для насъ Византіи, сношенія съ нею представляются самыми живыми и разнообразными. Греческіе духовные пріѣзжали изъ Византіи къ намъ въ Русь, и выборъ митрополита изъ туземцевъ представляется случайнымъ явленіемъ; также отправляются многіе русскіе люди въ Византію съ религіозною цѣлью и подъ видомъ странниковъ и паломниковъ проникаютъ даже въ общехристіанскую святыню — Іерусалимъ.

Если одинъ только Даніиль-игуменъ оставилъ намъ описаніе своего хожденія, то изъ того, что епископы XII вѣка должны были проповѣдывать противъ странничества, отъ котораго земля пустѣетъ, показываетъ намъ, что этихъ калікъ-перехожихъ было значительное количество. Но странствованіе по святымъ мѣстамъ было не единственною цѣлью посѣщенія Царьграда русскими людьми; если нѣкоторые странники захватывали уже съ собою товары и распро-

давали ихъ по пути своего странствованія, то между Русью и Греціей того времени мало-по-малу устанавливаются правильныя сношенія, удовлетворяющія не религіозному, а торговому интересу.

Греческіе купцы живутъ въ Кіевѣ или часто туда прѣзжаютъ, какъ мы можемъ заключить изъ немногихъ, дорогихъ для насъ, какъ бы ненарокомъ оброненныхъ свидѣтельствъ, и распродаютъ свои товары.

Русскіе купцы, въ свою очередь, живутъ въ Константинополѣ, гдѣ противъ нихъ перестали принимать, какъ прежде, тѣ предосторожности, какія принимались противъ полуразбойниковъ — варяговъ.

Извѣстный еврейскій географъ XII вѣка Веньяминъ Тудельскій сообщаетъ, что онъ видѣлъ русскихъ купцовъ не только въ Царьградѣ, но даже и въ далекой Александріи. Сношенія и связи обѣихъ сторонъ настолько тѣсны, что греческіе царевичи часто находили себѣ убѣжище у тавро-скивовъ, какъ называли насъ ученые Царьграда, а русскіе князья у Византійскаго двора, какъ, на примѣръ, князья Полоцкіе, изгнанные Мономахомъ.

Такимъ образомъ вліяніе Византіи оказывается сильнѣе вліянія западнаго и восточнаго, и Русь окончателно вступаетъ на тотъ путь, по которому она пошла въ X вѣкѣ: Русь развивается въ народъ европейскій, но не въ *западно-европейскій*.

Греческіе купцы, такъ же какъ и русскіе, ходившіе въ Грецію за товарами, назывались у насъ въ то время *гречниками*. Изъ Византіи они подымались обыкновенно вверхъ по Днѣпру цѣлыми караванами „ладей“, на которыя товаръ перегружался изъ морскихъ „кубарь“, вѣроятно, въ Олешкахъ при устьѣ Днѣпровскомъ. Ихъ путь по Днѣпру былъ очень затруднителенъ, такъ же какъ и во времена Константина Багрянороднаго, особенно на *протолчѣ* т.е. порогахъ, проходя которые, они отдыхали на островѣ, впоследствии названномъ Хортицею, а тогда слышемъ подъ именемъ Варяжскаго. Какъ въ старину печенѣги, такъ теперь половцы, эти дикія дѣти пустыни, поджидали ихъ у протолчѣя и разбивали богатые караваны. Греческіе товары имѣли такое важное значеніе, что гречниками у насъ сильно дорожили: сами русскіе князья, ходившіе навстрѣчу этимъ греческимъ караванамъ, простаивали иногда все лѣто у города Канева или у протолчѣя, поджидая ихъ, чтобы потомъ охранить ихъ отъ нападений кочевниковъ; для этого существовалъ собій терминъ: „звести гречники“.

Такъ какъ проходы каравановъ были постоянные, то у устья Днѣпра является, какъ мы видѣли, свой складочный товарный пунктъ, хотя въ договорѣ Игоря и было сказано: „не имать русскій князь власти зимовать на Бѣлобережьи“. Теперь же вырабатывается русскій морской портъ — *Олешье* (теперь Олешки, Херсонской губерніи). Свѣдѣнія наши объ этомъ городѣ, къ сожалѣнію, очень незначительны. По всей вѣроятности, здѣсь происходила перегрузка товаровъ, такъ какъ мы знаемъ, что греческіе кубары не могли ити по рѣкѣ, а должны были замѣняться болѣе легкими ладьями. Изъ этого можно заключить, что Олешье не имѣло самостоятельнаго значенія и играло такую же роль, какъ теперь, напримѣръ, Рыбинскъ, и, по всей вѣроятности, въ Олешьѣ, какъ и въ Рыбинскѣ, кипѣла по временамъ оживленная рабочая дѣятельность, преимущественно во время половодья. Насколько Олешье было важно въ торговомъ отношеніи, видно изъ того, что, когда одинъ русскій князь-авантюристъ, извѣстный подъ именемъ Ивана Берладника, занялъ Олешье, то кievскій князь поспѣшилъ на помощь городу, чтобы избавить его отъ врага, который, грабя гречниковъ, приостановилъ подвозъ и отправку товаровъ.

Какіе же товары были предметомъ торговыхъ сношеній Россіи съ греками? Товары въ сущности остаются тѣ же, что и во времена Игоря и Олега.

Мы, русскіе, вывозимъ сырыя произведенія, греки же вывозятъ къ намъ обработанныя. Уже упомянутый Веньяминъ Тудельскій сообщаетъ намъ, что русскіе купцы торгуютъ въ Константинополѣ и Александріи мѣхами и невольниками, т.-е. точно тѣмъ же, чѣмъ торговали они, по словамъ арабскихъ писателей, и въ X вѣкѣ.

Меха добывались преимущественно изъ отдаленныхъ странъ сѣвера, какъ, напримѣръ, изъ Новгорода и Сувдала, а сбывались въ Кіевомъ какъ на востокъ, такъ и на западъ. Одинъ западный писатель прямо говоритъ, что Кіевъ былъ складочнымъ мѣстомъ европейской мѣховой торговли и былъ въ этомъ отношеніи первымъ городомъ въ Европѣ. Сырыя *кожи* остаются попрежнему предметомъ вывоза. Кожевенное или усмовецкое дѣло процвѣтало съ давнихъ поръ — и процвѣтаетъ даже и теперь у насъ. Близость степи съ ея обиліемъ въ скотъ не мало содѣйствовала развитію этого рода издѣлій.

Медь и воск вывозятся, какъ и прежде.

Болѣе всего наше вниманіе останавливаетъ *торговля челядью*, которая производится въ большихъ размѣрахъ. Впрочемъ, между невольниками, продаваемыми русскими, мало уже встрѣчается славянскихъ плѣнниковъ, какъ прежде, но нельзя поручиться, чтобы во времена междоусобій не хватались и не продавались плѣнники той или другой изъ враждовавшихъ сторонъ для продажи въ рабство не только у себя, но и чужеземцамъ. Съ другой стороны, половцы, захватывая массами русскихъ „полоняниковъ и пололяннокъ“, или отпускали ихъ за выкупъ, или еще чаще, продавали въ рабство въ сосѣдніе города Византіи, особенно въ Корсунь.

Русскіе купцы также, съ своей стороны, добывали плѣнниковъ половецкихъ, что было нерѣдко при общихъ походахъ, при разореніи степныхъ „вѣжъ“ и селеній, и команскіе, т.-е. половецкіе, мальчики и дѣвушки или „красныя дѣвки половецкія“ по выраженію „Слова о Полку Игоревѣ“, конечно, въ большомъ количествѣ въ числѣ другихъ товаровъ вывозились въ Византію и въ Александрію русскими купцами. Александрія и въ то время была главнымъ невольничьимъ рынкомъ. „Команскіе мальчики“ часто упоминаются въ числѣ русскихъ подарковъ венгерскими писателями того времени; изъ половецкихъ же плѣнниковъ, навѣрно, въ значительной степени состояло войско мамелюковъ, хотя нѣкоторые и предполагаютъ, что это войско составляли плѣнные черкесы.

Товары же, привозимые греками въ Россію, представляли издѣлія болѣе развитого народа, нежели тогдашняя Русь.

Первое мѣсто среди ввозимыхъ предметовъ занимали *золото и серебро* и вообще металлы, какъ въ простомъ, такъ и въ обработанномъ видѣ, такъ какъ Русь была небогата благородными металлами и искусство ихъ разработки было неизвѣстно. Серебро и золото шли или съ востока, торговая связь съ которымъ однакоже ослабѣвали, или изъ Византіи, откуда, дѣйствительно, они шли какъ въ слиткахъ, такъ и въ самыхъ разнообразныхъ издѣліяхъ, начиная съ оклада церковнаго Евангелія и кончая какимъ-нибудь женскимъ украшеніемъ. Всѣ эти издѣлія носили названіе *кузми*. Хотя у насъ были и свои мастера этого дѣла, но они производили самыя простыя вещи: кольца, серьги, монисты и т. д. для народнаго употребленія; но высшій разрядъ подобныхъ издѣлій постоянно

привозился изъ Греціи. Такъ мы знаемъ, напримѣръ, что окладъ извѣстнаго Евангелія Мстислава не только есть произведеніе греческихъ мастеровъ, но что на этотъ окладъ былъ сдѣланъ особый заказъ. Украшенія костюма, начиная съ серегъ и кончая монистами¹⁾, *тринами*, которыя носили любимые дружинники князей, — все это привозилось изъ Греціи. Изъ Греціи же вывозились и первыя *денги*. Главная ходячая монета въ то время была мѣховая *куна*; вмѣсто монеты употребляли также и морды звѣрей съ воткнутыми въ нихъ серебряными гвоздиками („мордки“), настоящихъ же монетъ было весьма мало. Можно даже предположить, что первыя монеты, до насъ дошедшія, имѣли скорѣе значеніе награды, медали, а никакъ не денегъ. Первая попытка чеканить русскую монету была произведена греками и едва ли не въ самой Греціи, по крайней мѣрѣ, сохранившіяся монеты Владимира и Ярослава вычеканены даже съ греческой надписью вмѣстѣ съ русскою, въ родѣ: „князь Ярославъ на столѣ, а се его злато“ и т. п., что указываетъ на ихъ происхожденіе. Обыкновенно же вмѣсто правильно чеканенной монеты съ опредѣленною цѣнностью употреблялись слитки, отъ которыхъ отрубали куски по мѣрѣ надобности — откуда и слово рубль.

Вмѣстѣ съ золотыми и серебряными издѣліями изъ Греціи вывозились и другіе предметы украшенія. Вся церковная утварь, напримѣръ, шла изъ Византіи: иконы, финифтяныя (эмалевыя) вещи, раки мраморныя (мраморныя), въ которыя клались мощи, и т. д. Въ церквахъ же встрѣчается мусія (мозаика), произведеніе тѣхъ же греческихъ умѣльцевъ. Постройка церквей производится по планамъ тѣхъ же мастеровъ и подъ ихъ надзоромъ. Фрески, найденныя въ нѣкоторыхъ древнихъ церквахъ, — тоже произведеніе византійцевъ или ихъ русскихъ учениковъ. Наконецъ, и самыя богослужебныя наши книги переписывались часто въ Греціи или болгарами и славянами и продавались въ Русь, число грамотныхъ людей которой было очень незначительно. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи Русь находилась въ совершенной зависимости отъ грековъ и училась у нихъ.

Предметы *моды и роскоши* идутъ оттуда же. Дорогія ткани, *наволочки*, о которыхъ упоминаетъ уже Олегъ и Игорь и которыми

¹⁾ Монисты — отъ слова *manus*, что значить ожерелье.

лавилась Византія, привозятся въ значительномъ количествѣ, равно какъ и другія матеріи. Правда, что у насъ уже въ то время выдѣлывались сукно, полотно и даже кружева, но все это было такъ грубо, что не могло удовлетворить потребностямъ высшихъ классовъ. Количество ввозимой шелковой матеріи увеличилось въ сравненіи съ прежнимъ, потому что требованіе на нее увеличилось: теперь она нужна и для князей, и ихъ бояръ, и для духовенства, и для украшенія алтарей. Греческая суконная матеріа подѣ названіемъ *фобудія* довольно часто упоминается въ лѣтописи. Упоминаются также бархатъ рытый, полубархатъ и *гексамитъ*, т.-е. толстая шелковая ткань, сотканная изъ 6 нитокъ. Лѣтописецъ съ особеннымъ удовольствіемъ останавливается на одеждѣ Даниіла Галицкаго, у котораго она изъ „оловира гречскаго“, т.-е. изъ чисто пурпуровой матеріи.

Вмѣстѣ съ тканями изъ Византіи привозились издѣлія изъ *кожи*.

Кожи въ Грецію шли изъ Руси необработанными, а возвращались въ обработанномъ видѣ и, конечно, съ удешевленною цѣнностью. Эта обработанная кожа носила обыкновенно названіе хза¹⁾, и любимый цвѣтъ былъ зеленый и красный: у того же Даниіла Галицкаго сапоги изъ „хза зеленого“, говоритъ лѣтописецъ.

Но несмотря на распространенное употребленіе греческихъ тканей, покроемъ одежды остается не греческій, исключая порфиры, а восточный. Вотъ почему названіе носимыхъ народомъ одеждъ имѣетъ не греческое происхожденіе. Изъ этого видно, что климатическія условія имѣли верхъ надъ вліяніемъ цивилизованной страны.

Изъ того же источника получали наши предки пергаментъ, столь необходимый для книжнаго дѣла.

Изъ Греціи же, знаемъ мы изъ словъ Святослава, вывозились *вина и овощи различные*. У насъ вино нигдѣ не воздѣлывалось, а потреблялось во множествѣ, кромѣ того, что оно нужно было для богослуженія. Откуда же ему и взяться было, какъ не изъ Византіи?

Есть указанія, что и на Дону воздѣлывалось вино, вѣроятно, остатками хозаръ, жившихъ среди половцевъ, но это вино только случайно попадало въ Русь. Изъ плодовъ и овощей, вывозившихся изъ Греціи, упоминаются финицы, рожцы (царьградскіе стручья),

1) Отъ греческаго слова *хасдіонъ*.

черешни, на которыхъ указываетъ Данииль-паломникъ. Но къ названнымъ именамъ плодовъ надо прибавить и многія другія. Вообще надо полагать, что садоводство, которое такъ процвѣтаетъ теперь на югѣ Россіи, беретъ свое начало именно въ то время и, безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ грековъ, которые привозили яблоки, груши, вишни, сливы и т. д.

Изъ этого краткаго очерка товаровъ, ввозившихся въ Россію изъ Византіи, мы можемъ смѣло заключить, что весьма значительная часть обстановки древнерусской жизни находилась въ прямой зависимости отъ того, что получалось путемъ торговли изъ Византіи — путь греческій дѣйствительно былъ жизненнымъ путемъ русскимъ, съ которымъ не могъ по важности сравниться никакой другой.

Прежде остановимся навторомъ, залозномъ пути изъ Кіева къ западу.

Этотъ путь, навѣрно, шелъ по двумъ направленіямъ: по одному — къ берегамъ Дуная, другимъ — чрезъ Галичь, Моравію въ Регенсбургъ германскій и получилъ свое названіе отъ того, что онъ велъ за лозу, т.-е. камышъ, которымъ поросли берега Дуная; сношенія по нему были въ значительной степени оживлены, и русскіе люди того времени заходили такъ далеко на западъ, что намъ, зная положеніе Европы того времени, трудно себѣ это представить. Между тѣмъ, положительно извѣстно, что русскіе имѣли постоянныя сношенія по Дунаю, которыя только впоследствии потеряли въ борьбѣ со степью. Эти города „подунайскіе“ были въ Бессарабіи, Молдавіи и Валахіи, они отстояли такъ далеко отъ остальной Руси, что эта отдаленность вошла въ пословицу: „вѣдь мы не подунайскіе“, что намъ нельзя помочь, говорятъ жители одного города, прося помощи. Городъ Берладъ былъ значительнѣйшимъ среди нихъ и подчинялся галичскому князю.

По залозному пути идутъ товары какъ византійскіе, такъ и западно-европейскіе. По этому же пути производится и значительная внутренняя торговля. Такъ, напримѣръ, этимъ путемъ въ Кіевъ идетъ соль изъ Галича, первое извѣстіе о соляной торговлѣ мы встрѣчаемъ въ XI вѣкѣ. Патерикъ Печерскій говоритъ, что во время борьбы Святополка Изяславича съ Давидомъ Игоревичемъ послѣдній не пропустилъ возовъ съ солью въ Кіевъ, гдѣ поэтому „великая печаль“ распространилась въ народѣ; такъ какъ соль главнымъ образомъ привозилась изъ Галича, то за прекращеніемъ

торговли благодаря войнѣ произошло общественное бѣдствіе. Нѣкоторые купцы пользуются случаемъ и продаютъ соль въпятеро дороже, слѣдовательно, являются купцы-монополисты, умѣющіе поживиться во время народнаго бѣдствія. Противъ этихъ купцовъ-монополистовъ выступаетъ монахъ Печерскаго монастыря, у котораго оказывается также запасъ соли: онъ продаетъ ее по обыкновенной цѣнѣ и наноситъ ударъ купцамъ; тѣ жалуются князю, князь принимаетъ сторону купцовъ, отбираетъ всю соль у монастыря и продаетъ ее по той же цѣнѣ, какъ и купцы. Такъ и князь не прочь побарышничать.

Насколько обширна была торговля солью, показываетъ то обстоятельство, что однажды во время наводненія Днѣстра потонуло 300 возовъ торговцевъ солью. Соль преимущественно вывозилась изъ галичскаго *Коломыя*. На сѣверѣ, собственно въ Галичѣ и Перемышлѣ, торгуютъ солью, вывозившеюся изъ сосѣдней Венгріи или добывавшейся въ Карпатскихъ горахъ (каменная соль Бохни и Велички); городъ *Удечевъ* также былъ пунктомъ развитой соляной торговли, такъ какъ онъ лежалъ на торговомъ западномъ пути.

По этому пути часто ходили торговцы. До насъ дошли отъ конца XII вѣка двѣ латинскія грамоты, Оттокара Штирійскаго и Леопольда Австрійскаго, которыя сообщаютъ намъ о *руссаріяхъ*, т.-е. о купцахъ, торговавшихъ въ Россіи, и, наоборотъ, конечно. Изъ этихъ грамотъ мы узнаемъ, что руссаріи ходили изъ Регенсбурга чрезъ Эмсъ, Вѣну, Угрію, Галичъ, Перемышль, Удечевъ въ Кіевъ. Оттуда же извѣстно, что многіе иностранцы жили въ Кіевѣ; тамъ же упоминается объ одномъ жителѣ Регенсбурга, который живетъ въ Кіевѣ и занимается постоянною торговлею. Какъ давно начались эти сношенія, не извѣстно, но извѣстно, что они были оживлены, потому что нѣмецкіе послы часто пріѣзжали въ Русь, а наши въ Германію. У насъ есть извѣстіе въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ о нѣмцахъ и моравѣхъ при дворѣ кіевскаго князя; вѣроятно, подъ этимъ надо разумѣть нѣмецкихъ и чешско-моравскихъ купцовъ.

Вообще надо замѣтить что въ XI—XII столѣтіяхъ сношенія Руси и Запада были тѣснѣе и ближе, чѣмъ въ послѣдующія времена, когда національная и религіозная рознь превратилась въ взаимную вражду.

Мы видѣли, на примѣръ, что русскіе князья очень часто женятся на германскихъ принцессахъ, какъ, на примѣръ, Святославъ Яросла-

вичь и другіе, и, наоборотъ, западные государи берутъ русскихъ князей: русскіе князья находятъ убѣжище на западѣ, напримѣръ, Святополькъ у Генриха IV германскаго, вторая жена котораго была русская, и обратно.

Что же касается до товаровъ, то изъ Чехіи шло серебро, стекло, которымъ издавна она славилась („бемское“) и др.; изъ Венгріи — угорскіе иноходцы, носившіе названіе *фари*, что значитъ добрый, хорошо выѣзженный конь; тѣмъ же путемъ шли мануфактурныя германскія, а можетъ-быть, и италянскія издѣлія („Виндици“ при дворѣ Святослава). Кіевъ же взамѣнъ посылалъ то же, что и въ Византію: мѣха, сырыя произведенія и иногда хлѣбъ, скоть, и, конечно, товары отдаленнаго востока.

Теперь обратимся къ третьему пути — соляному.

Соляной путь вель изъ Кіева въ степь, въ поле; онъ шелъ по Днѣпру до Протолчя, т.-е. до Днѣпровскихъ пороговъ, и оттуда шелъ самымъ полемъ, степью.

Самое названіе *соляной* указываетъ намъ на одинъ старый путь нашей торговли, который не измѣнился до настоящаго времени, такъ что въ этомъ отношеніи соляной путь представляетъ большой интересъ въ исторіи направленія торговыхъ путей.

Извѣстно, что еще до настоящаго времени въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Крыма, преимущественно на Перекопскомъ перешейкѣ по берегу Сиваша или гнилого моря, находятся соляныя озера и солончаковая почва; отъ лучей солнца, которые заставляютъ воду испаряться, озера покрываются соляной коркой, которую снимаютъ; эта соль перекопская возится въ настоящее время въ Малороссію обозами чумаковъ, и несмотря на то, что способъ перевозки неудобенъ, медлителенъ, потому что возы тянутъ волю, но дешевизна продуктовъ и сказывающаяся въ немъ потребность поддерживаютъ эту торговлю до настоящаго времени. Эти же причины поддерживали ее на Руси въ XII и XIII вѣкахъ; вмѣстѣ съ каменной солью изъ Галиціи везлась соль морская изъ Крыма, и поэтому-то этотъ путь назывался солянымъ.

Однако не должно предполагать, что этотъ путь ограничивался Крымомъ, этотъ путь направлялся также въ степь; около Протолчя соединялись также караваны, „шедшіе изъ далекаго поля“.

„Поле“ въ то время населялось дикимъ народомъ, занимав-

шимся исключительно разбоемъ, — народомъ, совершенно неспособнымъ къ торговлѣ — *половцами*; поэтому наши сношенія съ средней Азіей начинаютъ падать; мы уже не встрѣчаемся съ такой живой торговой дѣятельностью, которую мы видѣли на берегахъ Волги. Однако, несмотря на то, что дикій степнякъ, несклонный къ торговлѣ и грабившій Русь, задерживалъ торговля сношенія, торговля все-таки существовала, по крайней мѣрѣ мы имѣемъ, хотя очень скудные, извѣстія объ этомъ.

Мы знаемъ, напримѣръ, что послѣ одного набѣга половцевъ русскіе князя отправились въ походъ на половецкія вѣжи, т. е. кибитки, палатки, но тутъ русскимъ князьямъ встрѣчаются „гости“ *изъ половецъ*, которые указываютъ на мѣсто, въ которое перемѣщаютъ вѣжи. Какіе это были гости, заключить изъ такого скуднаго извѣстія ничего опредѣленнаго нельзя; предполагаютъ, что это были гости не русскіе, а иностранные и, по всей вѣроятности, восточные. Во всякомъ случаѣ, это доказываетъ, что половцы позволяли гостямъ торговать въ своихъ земляхъ и проходить по нимъ и, естественно, потому, что они пользовались этой торговлей, благодаря которой можно было сбывать какъ собственныя, такъ и награбленныя на Руси произведенія.

Собственныя произведенія страны Половецкой переходили въ руки нашихъ путемъ войны и путемъ обмѣна, хотя эти произведенія были немногочисленны. У половцевъ, какъ у всякаго степного народа, богатство заключалось въ стадахъ рогатаго скота и въ особенности въ лошадяхъ; эти богатства не могли не переходить различными способами въ руки русскихъ. Если русскіе, напр., брали въ плѣнъ половецъ, то за выкупъ плѣнниковъ брали большею частью лошадей: такъ степныя лошади, какъ наиболѣе выносливыя, были особенно дороги для русскихъ, какъ въ послѣдствіи татарскія, а теперь донскія. Такія произведенія степи могли, конечно, и мирнымъ путемъ попадать въ Русь, но чаще они были результатомъ войны, походовъ, которые русскіе князья постоянно предпринимали въ „поле“. При всякомъ походѣ русскихъ на половецъ упоминается, что русскіе берутъ плѣнниковъ „кощеевъ“ и „чагъ“, „красныхъ дѣвокъ половецкихъ“, юношей и затѣмъ скоть, коней и верблюдовъ. Что у русскихъ послѣдніе были, можно судить по тому, что венгерскій лѣтописецъ, пересчитывая дары, полученные отъ русскаго князя, упо-

минаетъ о мальчикахъ половецкихъ и верблюдахъ, какъ о рѣдкостяхъ и какъ о почетныхъ дарахъ. Но половецкая вѣжа, взятая русскими во время похода, представляла не одни степныя богатства; грабежъ, которымъ жили половцы, доставлялъ возможность накапливать произведенія всякаго рода. Половцы, нападая на русскія земли, доставали въ огромномъ количествѣ произведенія русской земли. Для половцевъ набѣги были положительнымъ источникомъ существованія, и этотъ промыселъ основывался главнымъ образомъ на добываніи русскихъ плѣнниковъ; „полонъ“ русскихъ христіанъ, какъ называлось это, въ то время уводился въ громадномъ количествѣ; точныя извѣстія объ этомъ до насъ не дошли, но изъ одного лѣтописнаго извѣстія мы узнаемъ, что половцы, въ качествѣ союзниковъ одного русскаго князя, увели за разъ изъ Смоленска до 10 тысячъ человекъ; этотъ фактъ показываетъ, какъ пустѣла русская земля и какъ увеличивалось число русскихъ плѣнниковъ въ вѣжахъ, и поэтому-то почти при каждомъ удачномъ походѣ упоминается о большомъ количествѣ „челяди“, „колодниковъ“, „полону хрестыянскаго“, отбитыхъ у половцевъ.

Русскій плѣнникъ составлялъ для хищника выгодную статью по слѣдующимъ причинамъ: во-1-хъ, половецъ могъ получить выкупъ, „искупъ“, какъ говорили; выкупъ предлагался или родственниками плѣнника, или его приносили князья, просто, „христолюбцы“, которые часто „спасенія ради души“ выкупали извѣстное количество несчастныхъ невольниковъ; во-2-хъ, русскій плѣнникъ дѣлался рабомъ половеца, а плѣнница шла на украшеніе гарема, и, наконецъ, въ-3-хъ, плѣнникъ могъ быть проданъ, и плѣнники русскіе особенно охотно покупались; такъ, мы знаемъ, что русскіе плѣнники приводились въ Корсунъ и другіе греческіе города. Мы имѣемъ также извѣстія, что русскіе невольники встрѣчались и на далекомъ востокѣ, у арабовъ. По всей вѣроятности, караваны съ невольниками шли на востокъ, за Каспійское море, и тамъ-то несчастные безъ вѣсти пропадали въ далекой чужбинѣ, напрасно вздыхая о своей родинѣ.

Благодаря тому, что половцы имѣли постоянный избытокъ русскихъ плѣнниковъ, они взамѣнъ ихъ могли получить какъ произведенія Востока, такъ и Запада, большею частью изъ рукъ арабовъ, все еще продолжавшихъ ходить по Волгѣ; это подтверждается

тѣмъ, что русскіе князья всегда находили въ половецкихъ вѣжахъ восточныя и западныя произведенія.

Пѣвецъ „Слова о полку Игоревѣ“ такими словами, напимѣрь, рисуеть побѣду русскихъ надъ половцами: Игорь и братъ его Буйтуръ Всеволодъ одерживаютъ побѣду надъ дикими, и вотъ побѣдители помчали по полю „красныя дѣвѣкы половецкыя“, затѣмъ пѣвецъ перечисляетъ добро, найденное въ вѣжахъ: „злато и паволокы и драгыя оксамиты; орѣтьмами и япончицами и кожоухы начаша мосты мостити по болотамъ и грязивымъ мѣстомъ и всякыми узорочы половецкыми“; изъ этого видно, что богатство въ вѣжахъ было велико; здѣсь мы встрѣчаемъ съ названіями произведеній, которыя указываютъ на свое восточное происхожденіе, а именно: оксамиты (парча), кожоухы, япончицы, орѣтьмы (слово, очевидно, восточное, но еще неопредѣленное — означаетъ, вѣроятно, дорогой плащъ); всѣ эти товары приходили къ половцамъ путемъ торговли, а не грабежа; слѣдовательно, половцы извѣстнымъ образомъ вымѣнивали эти предметы, что показываетъ, что сношенія съ Востокомъ еще не прекратились. По всей вѣроятности, оружіе, упоминаемое такъ часто съ восточными названіями въ „Словѣ о полку Игоревѣ“, получалось тоже съ востока, но на Руси это оружіе смѣшивалось съ западнымъ, и вотъ почему часто рядомъ съ чисто восточнымъ названіемъ, какъ, напимѣрь, „шеломы оварскіе“, „мечъ харалужный“, мы встрѣчаемъ „латинскіе попорзы“ (т.-е. панцири), „лядькыя (польскія) сулицы“ (копья); встрѣчаемъ также названіе шерешеры—самострѣль (отъ византійскаго слова сарисари, что значить копье).

Кромѣ того, въ XII и XIII вѣкахъ на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей появляются новые предприимчивые торговые люди; это появленіе было результатомъ крестовыхъ походовъ и развитія торговли морскихъ городовъ Италіи: Венеціи, Генуи и др. Энергичные купцы европейскіе (венедіанцы и генуэзцы преимущественно) проникаютъ въ бывшія въ то время на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей греческія колоніи и употребляютъ всѣ усилія, чтобъ проникнуть внутрь степи, несмотря на ея сопротивленіе. Есть извѣстія, что въ концѣ XII и въ началѣ XIII вѣковъ на берегу Азовскаго и Чернаго морей являются два пункта, въ которыхъ идетъ оживленная торговля, гдѣ промѣниваются предметы юго-восточныхъ странъ на предметы сѣверо-восточные. Первый пунктъ находился при устьѣ Дона и назывался *Орной* (впослѣдствіи Тана-

Азовъ), второй — *Солдая*, теперешній Судакъ, лежащій на южномъ берегу Крыма. Мы знаемъ, что въ Орнѣ сходились купцы русскіе, аланскіе, хозарскіе, остатки которыхъ сохранялся въ то время въ Крыму и занимался торговлей. Извѣстія о торговлѣ этой весьма скудны и темны за текущій періодъ, и потому мы только впоследствии будемъ въ состояніи остановиться на этомъ предметѣ подробнѣе. Теперь достаточно сказать, что эта торговля существовала, что подтверждается еще тѣмъ, что при дворѣ кн. Святослава встрѣчаются „вендичи“, или венеціанцы; а если вспомнить, что два вышеназванные города были единственными путями, чрезъ которые проходили венеціанцы въ древнюю Русь, то едва ли можно сомнѣваться въ существованіи этой торговли.

Мы видимъ, что соляной путь, несмотря на препятствія степи, по своей важности никогда не могъ прекратить своего существованія, и купцы преодолевали всевозможныя сопротивленія, встрѣчаемыя ими на этомъ пути.

Къ разсмотрѣннымъ нами тремъ главнымъ путямъ мы должны присоединить 2 менѣе главные пути, которые носятъ болѣе внутренней характеръ и служатъ для сообщенія внутри государства; это *верховой* и *суздальскій*.

Верховой путь велъ до Кіева и шелъ изъ Новгорода съ промежуточнымъ складнымъ мѣстомъ въ Смоленскѣ, находящемся на срединѣ пути „изъ варягъ въ греки“ на волокъ и поэтому служившемъ мѣстомъ перегрузки товаровъ, куда сходились особенно новгородскіе купцы. Что касается до Новгорода, то теперь достаточно сказать, что онъ завелъ сношенія съ западной Европой на Балтійскомъ морѣ, и новгородскіе купцы, пользуясь посредствующимъ положеніемъ своего города, доставлявшимъ имъ возможность добывать произведенія какъ сѣверной, такъ и южной Руси, промѣнивали эти произведенія на произведенія западныя. Кіевъ для нихъ въ этомъ дѣлѣ былъ особенно важенъ, потому что чрезъ Кіевъ преимущественно они могли получать дорогіе для нихъ византійскіе товары, и поэтому путь „изъ варягъ въ греки“ и въ XII вѣкѣ сохраняетъ свое общеевропейское значеніе. Цѣня значеніе Кіева, новгородцы въ XII вѣкѣ часто живутъ въ немъ, имѣютъ свой дворъ и, по ихъ тогдашнему обычаю, собственную церковь Св. Михаила.

Товары, привозимыя новгородцами въ Кіевъ, были двоякаго рода:

во-первыхъ, заграничныя, именно нѣмецкіе и шведскіе, напримѣръ, нѣмецкое сукно; во-вторыхъ, предметы своей страны: сѣверныя мѣха, которые удавалось добывать благодаря большому пространству владѣній Новгорода и предпримчивости ихъ людей, желѣзные вещи и въ особенно большомъ количествѣ лѣсъ, потому что безлѣсная южная Россія въ это время снабжалась лѣсомъ новгородскимъ.

Второй путь — суздальскій; въ другомъ мѣстѣ мы скажемъ болѣе о значеніи этого пути, теперь ограничимся нѣсколькими словами.

За лѣсами, которые простирались сплошною массою отъ Мурома до Брянска, лежала такъ называемая *Залѣсная* страна; эта страна долго оставалась въ сторонѣ и была чужда всякой цивилизаціи и политической жизни; но предпримчивый славянинъ началъ проникать чрезъ эти лѣса съ двухъ сторонъ: онъ шелъ со стороны Новгорода и Кіева вырубая эти лѣса и основывая тамъ свои колоніи. Таково скромное начало объединительницы Руси. Эта колонія, названная суздальскою, естественно, должна была поддерживать сношенія съ южной Русью, откуда колонія получила свое начало; поэтому неудивительно, что первый князь суздальскій, Юрій Долгорукій, весь проникнутъ южнорусскимъ духомъ и что онъ даетъ названія выстроеннымъ городамъ южнорусскія, напр., Переяславль, Галичъ и т. д.

Сношеніе Суздаля съ Кіевомъ было тѣмъ необходимѣе, что изъ Кіева въ Суздаль шло все то, что было нужно среди глуши: слѣдовательно приходили князья, духовенство и разные продукты, ставшіе потребностью сколько-нибудь развитого общества, но, съ другой стороны, и изъ Суздаля въ Кіевъ шли товары; эти предметы, конечно, были грубые, сырые, напр., тѣ же многократно упоминаемые мѣха. вмѣстѣ съ тѣмъ суздальская страна была расположена по Волгѣ и лежала такимъ образомъ рядомъ съ древнимъ Булгаромъ, почему суздальскіе купцы должны были посѣщать этотъ торговый городъ. Положимъ, отношенія суздальцевъ къ болгарамъ были болѣе враждебны, чѣмъ мирны, но торговля тѣмъ не менѣе завязалась и здѣсь. Путь, проходимый суздальцами, едва ли былъ легче степного пути: онъ велъ чрезъ Муромъ, на пути приходилось прорѣзывать громадныя лѣса и мѣстности, въ то время совершенно ненаселенныя, гдѣ приходилось бороться съ лѣсными людьми, напримѣръ, съ муромой, мордой и другими народами, которые залегали

въ своихъ дебряхъ и не пропускали людей въ Кіевъ. Не даромъ сохранилось преданіе объ этой борьбѣ въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ, первый подвигъ котораго была побѣда надъ Соловьемъ-разбойникомъ, застѣвшимъ въ Муромскомъ лѣсу и не пропускавшимъ никого въ Кіевъ.

Мы окончили обзоръ русскихъ путей, сходящихся въ Кіевѣ; бросимъ теперь общій взглядъ на свойство этой торговли и на ея судьбу.

Мы видимъ, что Кіевъ есть дѣйствительный центръ земли русской, не только политическій и умственный, но и торговый. Кіевъ не даромъ называется матерью городовъ русскихъ и соперничаетъ съ Царьградомъ: дѣйствительно, въ Кіевѣ сосредоточиваются пути разныхъ странъ Европы, и замѣтимъ вообще, что русская земля въ этотъ періодъ играетъ немаловажную посредствующую роль, нисколько не уступая въ своемъ развитіи нѣкоторымъ западнымъ странамъ, напримѣръ, Венгріи, Польши, даже стоитъ выше: товары Германіи, напримѣръ, перевозятся чрезъ Польшу только для того, чтобы попасть въ Кіевъ. Это посредствующее значеніе зависитъ отъ положенія русской земли: она находится на срединѣ пути между Азіей и Европой и между сѣверо-западомъ и югомъ; купецъ моря Варяжскаго могъ сойтись съ купцами моря Русскаго. Кіевъ, далѣе, лежитъ на срединѣ караванной дороги въ степь, и поэтому здѣсь купецъ востока могъ столкнуться съ купцомъ запада, чешскимъ, венгерскимъ и германскимъ.

Въ этотъ періодъ русская торговля развилась и приняла болѣе правильный, систематическій характеръ. Является извѣстный центръ торговли, извѣстная постоянность — торговля сдѣлалась потребностью общества, что видно изъ того высокаго положенія, которое начинаютъ занимать представители торговли и промышленности во взглядахъ общества и закона. Гость и ремесленникъ по Русской Правдѣ, поставленъ выше простаго человѣка: за убійство послѣдняго платится 6 гривенъ, а за убійство перваго въ два раза болѣе—12 гривенъ. Замѣчательно также, что иностранные купцы живутъ въ Кіевѣ постоянно; это постоянное пребываніе указываетъ на правильный способъ торговли. Въ сознаніи общества является убѣжденіе, что торговля необходима, и князья русскіе сами идутъ „на протолчь“ защитить караваны отъ дикихъ степняковъ. Торговля настолько дѣ-

дается необходимой, что самъ князь занимается ею, какъ выгодной операціей. Русскіе купцы устраиваютъ правильныя спекуляціи: на-примѣръ, воспользовавшись недостаткомъ соли, они возвышаютъ цѣну на нее въ 5 разъ; наконецъ, въ этотъ періодъ появляются правильныя пошлыны вмѣсто прежнихъ неправильныхъ и неограниченныхъ.

Однако, несмотря на такое развитіе торговли, ея процвѣтаніе оказывается непрочнымъ; причина этого лежитъ какъ внутри русской земли, такъ и извнѣ. Разсмотримъ сначала причину *внутреннюю*.

Не забудемъ, что южная Русь за все это время не выработала правильныхъ государственныхъ началъ, и если она и сдѣлала шагъ впередъ, то этотъ шагъ былъ небольшой; варяжскіе князья, покоривъ славянъ, сами слились съ побѣжденными въ одинъ народъ, но русское государство отъ этого не сплотилось; князь русскій былъ предводитель дружины, а не земства, имѣлъ слишкомъ мало солидарныхъ съ земствомъ интересовъ; поэтому земство и князь стоятъ рядомъ другъ съ другомъ, подчасъ соединяясь, но не сливаясь. Князь переходилъ съ мѣста на мѣсто и потому не привыкъ къ своей землѣ; такимъ образомъ и происходило, что у земства были свои интересы, а у князя свои. Примѣръ этого видимъ изъ исторіи. Изяславъ Мстиславичъ боролся съ Юріемъ Долгорукимъ, Изяславъ II собирается съ дружиною въ походъ и зоветъ съ собою кievлянъ, но кievляне ему отвѣчаютъ, что на Ольговичей они пойдутъ, но на Мономаховичей руки не подымутъ: „на Ольговичей и съ дѣтьми поидемъ, а на Володимере племя руки подыати не можемъ“. Въ результатъ оказывается, что князь сдѣлать ничего не могъ, и идетъ одинъ съ своею дружиною. Съ другой стороны, въ русской землѣ не выработалось никакого единства; конечно, нельзя согласиться съ тѣми изслѣдователями, которые думаютъ, что на Руси была постоянная и бессмысленная безурядица, такъ какъ каждый князь добывалъ любой столъ, но въ то же время нельзя не согласиться, что нѣчто подобное этому было; во-первыхъ, русская земля считалась достояніемъ всѣхъ Рюриковичей: „какъ не быть для насъ доли въ русской земли“, говорили князья, „мы не угры и не ляхи, а одинаго дѣда есмь внуцы“. И хотя князь садился обыкновенно только на тотъ столъ, про который онъ могъ сказать, что это его „отчина и дѣдина“, но и это

единственное обычное ограниченіе часто нарушалось: закона не было, а обычай не всегда можетъ замѣнить его. Такимъ образомъ русская земля раздроблялась все болѣе и болѣе. Во главѣ всѣхъ князей стоялъ князь старшій, который, какъ уважаемый всѣми, получалъ и старшій столъ, а такъ какъ старшій князь былъ имъ „вмѣсто отца“, а Кіевъ матерью городовъ русскихъ, то старшій князь получалъ Кіевъ, а остальные получали остальные столы, смотря по тому, кто изъ князей старше и какой столъ старше, но и на это не было закона, былъ обычай, а вы знаете, какъ не твердъ обычай. Когда родъ раздѣлился на многіе отдѣльные роды, то соблюденіе родовыхъ положеній сдѣлалось трудно, даже невозможно, обычай не соблюдался.

Къ тому же характеръ и размѣръ власти старшаго князя не были опредѣлены: она поддерживалась, обычаемъ того времени, опиралась не на болѣе сильнѣ, почетъ, уваженіе къ лѣтамъ, не на болѣе умѣнь ладить въ землѣ русской, мирить князей, но болѣею частью на *рядъ*, договорѣ съ народомъ и другими князьями; не всегда однако было, чтобы на старшемъ столѣ сидѣлъ достойный князь, который бы соединялъ въ себѣ всѣ качества, не всѣ князья, занимавшіе кіевскій престолъ, были Владиміромъ-Мономахомъ, и тогда порядокъ, установленный обычаемъ, нарушался, потому что народъ не хотѣлъ брать къ себѣ въ старшіе князья неспособнаго или нелюбимаго князя, и еще потому, что младшіе князья часто не уважали своего старшаго князя. Результатомъ всего этого было плачевное состояніе нашей родины. Центральной власти не было, и потому Кіевъ понемногу начинаетъ терять свое политическое значеніе, ибо рядомъ съ нимъ вырастаетъ цѣлый рядъ областныхъ центровъ, и „мать городовъ русскихъ“ превращается въ обыкновенный богатый городъ, богатства котораго составляютъ приманку для всѣхъ. И вотъ въ 1169 г. произошло важное событіе: Кіевъ былъ въ первый разъ разоренъ русскими войсками, — войсками сѣвернаго князя. Это событіе показало, что собирающее значеніе Кіева болѣе не существовало, и раздоры князей при занятіи престоловъ все болѣе и болѣе нарушали возможное единство Руси; а эти междоусобицы тяжело отзывались на благосостояніи русской земли; извѣстно, что изъ всѣхъ лѣтъ этого періода лишь очень немногіе прошли безъ междоусобій, и если прошли безъ междоусобій, то прошли

въ нападеніяхъ степняковъ. Русскіе во время междоусобій приводили дружины степныхъ народовъ, которые страшно грабили русскую землю¹⁾).

Такимъ образомъ мы видимъ, что на южной Руси не выработалось правильнаго понятія о государствѣ; она не объединила Руси и поэтому не выполнила своей исторической задачи. Эту задачу суждено было выполнить далекому сѣверу, гдѣ выразились впервые новыя понятія о государствѣ, гдѣ вмѣсто князя-дружинника является князь-вотчинникъ, который дорожитъ своей вотчиной и имѣетъ солидные, общіе съ земствомъ интересы. Образцомъ князя-дружинника можетъ служить Мстиславъ Удалой, который на своемъ вѣку все бродяжничалъ и перебивалъ княземъ вездѣ: въ Киевѣ, Смоленскѣ, Галиціи. Когда Мстиславъ Удалой пожелалъ быть княземъ въ Новгородѣ, его дружина отговаривала отъ этого: „не покидай твоей вотчины“, говорила она. „А чѣмъ Новгородъ мнѣ не вотчина!“ отвѣчаетъ Мстиславъ. Эти слова могутъ служить девизомъ южнаго русскаго князя XII и XIII вѣковъ.

Вторая причина паденія — *внѣшняя*, заключалась по преимуществу въ давленіи поля, степи. Степь и поле всегда выступали для русскихъ враждебно: поле мѣшаетъ цивилизаци, и едва начинается русская исторія, какъ уже начинается кровавая борьба, — борьба лука съ плугомъ; едва появляются на Руси зародыши торговли, какъ печенѣги уже поджидаютъ купцовъ у Днѣпровскихъ пороговъ. Послѣ исчезновенія печенѣговъ Азія въ XII столѣтіи высылаетъ новый народъ. Этотъ народъ *половцы*, народъ еще болѣе грубый, необразованный, дикій, чѣмъ печенѣги. Половцы залегаютъ въ степи

¹⁾ Не одни только княжескія междоусобія, сопровождавшіяся повсемѣстно разореніемъ селъ и городовъ и тяжело такимъ образомъ отзывавшіяся на народѣ, подрывали благосостояніе русской земли; одной изъ главныхъ внутреннихъ причинъ упадка Киевской Руси надо признать неблагоприятныя условія жизни, въ которыхъ находились низшія классы общества, особенно сельское населеніе. На поработеніи этихъ низшихъ классовъ высшими было построено все благосостояніе государства, и естественно, что рабовладѣніе, достигшее высшаго своего развитія въ XII вѣкѣ, деморализируя общество, въ корень подрывало установившійся общественный строй; безправное положеніе рабочихъ классовъ, постепенное закрѣпощеніе свободнаго населенія немало содѣйствовали опустѣнію Киевской Руси, откуда населеніе, несочувствовавшее господствующему порядку, бѣжало на сѣверъ.

отъ Яика до Дуная и не пускають русскихъ въ образованную Византию. Характеръ отношеній половцевъ къ русскимъ могъ быть только одинъ, который и рисуеть намъ русскій лѣтописецъ въ слѣдующихъ словахъ: „Половцы,—говорить онъ,—законъ отцовъ держать, кровь проливають“. Понятно, что рядъ разорительныхъ набѣговъ послѣдовалъ съ водвореніемъ въ степи половцевъ, противъ которыхъ не помогали ровно никакія мѣры: не помогали ни шелома (валы), ни поселеніе цѣлой военной линіи, черныхъ клобуковъ, ни походы русскихъ князей, такъ какъ походы при раздорахъ не могли быть слишкомъ часты. Не бывши въ состояніи прекратить набѣги силою, русскіе князья пытались купить миръ деньгами, они предлагали половцамъ дорогіе дары, брали заложниковъ, но ничего не помогало: дикій хищникъ не стѣснялся никакими договорами и, не держа клятву, продолжалъ появляться на Руси такъ же неожиданно, какъ до клятвы; эта неожиданность и быстрота нападений половцевъ на Русь пользовалась даже славой, напр., особенной славой пользовались Бонякъ въ XI и Кончакъ въ XII вѣвѣ. Слѣдствіемъ этихъ нападений является крайнее разореніе страны, бѣдность ея обитателей, опустошеніе городовъ и селъ, жители которыхъ бѣгутъ въ лѣса. „У меня,—говоритъ одинъ князь,—въ городахъ и селахъ остались одни псаи, да половцы сидятъ“. Понятно, что при такихъ условіяхъ народъ съ блаженнаго юга уходилъ на далекій, негостепримный сѣверъ, и такимъ образомъ мы видимъ, что степь заставила русскаго человѣка уйти на сѣверъ, т.-е. сдѣлать понятный шагъ въ своемъ развитіи. Цивилизація шла съ юга, и поддержаніе сношеній съ нимъ было для насъ вопросомъ жизни и смерти, а мы видимъ, что половцы отрѣзываютъ у насъ главный путь сношенія съ югомъ, — путь, котораго съ такимъ трудомъ добивались русскіе въ этотъ періодъ. Южная Россія была разорена; населеніе не могло оставаться тамъ и уходило въ глубину сѣвера — вотъ результатъ вліянія степи.

При такихъ условіяхъ южная Русь долго продержаться въ своемъ значеніи не могла и она должна была подчиниться вліянію своей сѣверной младшей сестры; если степи и не удалось побѣдить южную Русь въ лицѣ половцевъ, то она этого достигла, выставивъ новыхъ восточныхъ завоевателей — татаръ. Извѣстно, что южная Русь послѣ татарскаго погрома не могла уже подняться: она сыг-

рала свою историческую роль. Разореніе Кіева и вообще южной Руси, ея униженіе было полное, и не даромъ одинъ путешественникъ XIII столѣтія сообщаетъ, что вся южная Русь покрыта черепами и скелетами. Въ Кіевѣ, прежнемъ соперникѣ Царьграда, гдѣ нѣкогда считалось однихъ торговыхъ рынковъ 8, гдѣ прежде гостили иностранные купцы — остались лишь развалины отъ пожара, до 200 бѣдныхъ лачугъ и хижинъ.

Таково развитіе и паденіе южной Руси. Если часть Россіи уцѣлѣла, то все-таки степное сосѣдство сказалось тяжкимъ образомъ на Руси; Русь, не имѣвшая единства, еще болѣе разъединяется, и нѣкоторыя части ея поддаются вліянію иноземцевъ: Венгрія и Польша одержали верхъ надъ Галиціей, а остальная часть юго-западной Руси поддается литовскому владычеству. На этомъ мы остановимся впоследствии, теперь перейдемъ къ другому торговому центру, къ Новгороду, на которомъ остановимся подробнѣе, начиная съ самаго начала его развитія до порабоженія его Москвою. Новгородъ по своему внутреннему развитію можетъ служить образцомъ внутреннихъ русскихъ городовъ, возвысившихся исключительно благодаря торговли.

IV.

Новгородъ Великій.

Итакъ переходимъ теперь къ сѣверному началу великаго воднаго пути „изъ варягъ въ греки“. Какъ извѣстно, съ сѣвера на югъ шла эта жизненная артерія, и по ней было сильное кровообращеніе. Понятно, эта дѣятельная жизнь необходимо должна была сосредоточиться въ нѣкоторые постоянные центры, и дѣйствительно, явились такіе центры; ихъ было два: одинъ изъ нихъ, какъ мы видѣли, Кіевъ, былъ при концѣ этого пути, другимъ же явился Господинъ Великій Новгородъ — въ началѣ его.

Новгородъ не былъ рассадникомъ просвѣщенія, какимъ былъ Кіевъ; онъ не задавался также объединеніемъ русской земли, какъ

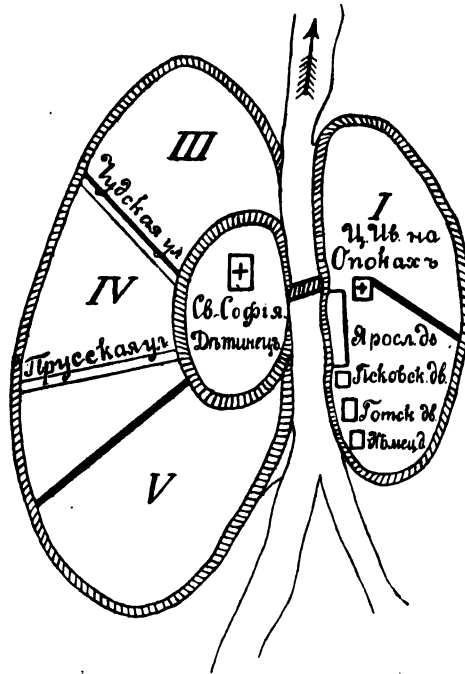
суздальская область; тѣмъ не менѣе онъ имѣетъ важное значеніе въ исторіи русскаго народа. Онъ важенъ какъ торговый центръ, и задача его въ этомъ отношеніи состояла въ сближеніи Руси съ западной Европой черезъ Средиземное море сѣвера, море Балтійское. Слѣдовательно, ему предстояла задача такая же, какую выполняетъ теперь Петербургъ. Мы увидимъ впоследствии, что Новгородъ по многимъ внутреннимъ и внѣшнимъ условіямъ своей исторической жизни не могъ выполнить своей задачи. Къ тому же, и самое сближеніе съ европейскимъ сѣверо-западомъ не могло имѣть того значенія, которое оно получило для Россіи XVII вѣка. Такимъ образомъ Новгородъ могъ оставаться только исключительно торговымъ центромъ, и, какъ представитель этой торговли, можетъ познакомить насъ съ характеромъ, особенностями, направленіями и возможнымъ развитіемъ *русской до московской торговли*.

Прежде нежели приступить къ торговлѣ Новгорода, мы должны остановиться на исторіи Великаго Новгорода и, хотя въ общихъ чертахъ, бросить взглядъ на жизнь и политическую дѣятельность его общества, потому что главнымъ образомъ эти двѣ стороны полагаютъ тѣ рамки, въ которыхъ должна была дѣйствовать и кончиться торговая дѣятельность Новгорода.

Несмотря на свое названіе, Новгородъ одинъ изъ старинныхъ городовъ, онъ даже можетъ считаться древнѣе Кіева; есть даже предположеніе, что Новгородъ упоминается уже въ V вѣкѣ въ известномъ сочиненіи Иордана о готахъ подъ именемъ Навего. Но едва ли вѣроятно это предположеніе — вѣроятнѣе всего отнести основаніе этого города къ тому времени, когда славяне съ береговъ Дуная явились въ російскую равнину, достигли здѣсь по великому водному пути крайняго его предѣла — озера Ильменя, клиномъ врѣзались здѣсь въ чуждыя племена, преимущественно въ чудское населеніе, и на границахъ этого клина образовали пункты, въ которыхъ сосредоточились славянскія силы, оказавшія претворяющее вліяніе на своихъ сосѣдей, финскія полудикія племена; между этими первоначальными поселеніями и выдвинулся впоследствии «Новгородъ»¹⁾. Весьма вѣроятно также наше лѣтописное извѣ-

¹⁾ Если мы въ известномъ лѣтописномъ разказѣ о призваніи князей русскихъ вмѣстѣ съ новгородскими славянами и кривичами встрѣчаемъ также и нѣкоторыя финскія племена, то это можетъ служить намъ доказательствомъ

стіе, по которому вождь варяжской дружины, положившей начало русской землѣ, Рюрикъ, первоначально поселился въ Ладогѣ (знаменитый Aldejaborg скандинавскихъ сказаній) и только впоследствии перебрался въ главную славянскую колонію этой мѣстности, срубилъ на правомъ берегу Волхова новый городъ (укрѣпленіе), за которымъ и осталось навсегда это названіе, распространившееся

впоследствии и на первоначальную колонію лѣваго берега (Софійская сторона).

При ознакомленіи съ новгородской исторіей важно знать топографію Новгорода.

того, что претворяющее вліяніе славянской народности было очень сильно. О славянской колонизаціи намъ говоритъ тотъ фактъ, между прочимъ, что среди финскаго населенія мы встрѣчаемся съ городами съ чисто русскими названіями, на примѣръ, Вѣлозерскъ, Ростовъ. Самое названіе Нового города, можетъ быть, дано славянами при поселеніи ихъ въ этихъ мѣстахъ уже существовавшему чудскому поселенію.

На правой сторонѣ Волхова находилась сторона торговая, сосредоточіе общей торговой дѣятельности. На этой сторонѣ были два конца — Плотницкій и Славянскій. Въ срединѣ между ними на самомъ берегу Волхова находился Ярославовъ дворъ съ вѣчевымъ колоколомъ и ступеню, на которой возсѣдалъ во время совѣщанія посадникъ, здѣсь же находилась церковь Ивана на Опокахъ, получившая свое названіе отъ урочища, на которомъ была поставлена. Торговая дѣятельность сосредоточивалась здѣсь около набережной.

Непосредственно за Ярославовомъ дворомъ слѣдовалъ Псковскій дворъ, а за нимъ готскій дворъ св. Олафа, около готскаго двора на плотахъ происходила торговля лѣснымъ матеріаломъ, наконецъ, за готскимъ дворомъ былъ нѣмецкій дворъ св. Петра. Съ этой стороны велъ мостъ черезъ Волховъ на сторону Софійскую, называемую такъ потому, что здѣсь находилась соборная церковь Св. Софіи.

Соборъ этотъ до такой степени сдѣлался для новгородцевъ святыней, что съ Св. Софіей новгородецъ соединяетъ самое представление о Новгородѣ: „не быть Новгороду Торжкомъ, а Торжку Новгородомъ“, говоритъ Мстиславъ Удалой, „а гдѣ Св. Софія, тамъ и Новгородъ“. Такое понятіе о городѣ сливалось, отождествлялось въ умахъ новгородскихъ съ понятіемъ о его святынѣ, и разнообразные враждующіе личные интересы находили свое примиреніе въ символѣ религіознаго единства.

Софійская сторона раздѣлялась на три конца: на сѣверѣ находился конецъ Неревскій, на югѣ — Гончарный или Людинъ, а на срединѣ между обоими былъ Загородный конецъ съ двумя улицами — Чудскою и Прусскою, изъ которыхъ первая разграничивала его съ Неревскимъ концомъ, а вторая прорѣзывала его. Именно то обстоятельство, что на Софійской сторонѣ мы встрѣчаемся съ названіемъ улицъ иностраннаго происхожденія, преимущественно финскаго, какъ, напримѣръ, двѣ самыя богатыя аристократическія улицы Загороднаго конца, служить намъ доказательствомъ того, что первоначальные жители Новгорода были финны, но не славяне. Что касается Неревскаго конца, то едва ли онъ не чудскаго происхожденія (Нарова?).

Первоначальная новгородская исторія извѣстна. Новгородцы совершаютъ призваніе князей для водворенія внутренняго спокойствія,

потому что у них возсталъ родъ на родъ — такъ повѣствуетъ наша лѣтопись. Многіе считаютъ добровольное призваніе князей позднѣйшимъ искаженіемъ дѣйствительнаго факта, предполагая, что водвореніе князей имѣетъ завоевательный характеръ¹⁾. Какъ бы то ни было, но отсутствіе власти, исходящей изъ среды самого народа, порождавшее вражды партій, борьба родовъ, несогласія отдѣльныхъ лицъ между собой, словомъ, совершенное общественное нестроеніе, съ одной стороны, и безсиліе сдерживающей власти — съ другой, неизбежно должны были вызвать въ населеніи потребность имѣть у себя третье лицо въ качествѣ третейскаго судьи, — лицо, совершенно чуждое борющимся сторонамъ. Этимъ третьимъ лицомъ, видимъ мы, являются варяжскіе князья. И если основаніе Варяжскаго государства, весьма вѣроятно, было завоеваніемъ, то позднѣйшее его существованіе, какъ доказываетъ вся исторія новгородская, основывалось именно на этой необходимости третьяго лица, какъ посредника.

Первые князья недолго оставались въ одномъ Новгородѣ: естественный водный путь ведетъ на югъ, и ихъ манятъ къ себѣ богатства этого юга; на своихъ легкихъ ладьяхъ они пускаются на югъ по этому пути, встрѣчаютъ Кіевъ, берутъ его въ свои руки съ условіемъ защищать его отъ внѣшнихъ враговъ, и вотъ этотъ городъ, лежащій такъ далеко на югѣ, на границѣ со степью, крѣпнетъ подъ властью варяговъ, вырастаетъ въ цивилизующій центръ и дѣлается

¹⁾ Темный вопросъ о появленіи варяжскихъ князей на Руси до сихъ поръ еще не рѣшенъ окончательно наукой; проф. Ключевскій такъ изображаетъ процессъ образованія этихъ варяжскихъ княжествъ: уже въ IX вѣкѣ варяги появляются на Руси въ качествѣ вооруженныхъ купцовъ, пробирающихся въ богатую Византію. Осаживаясь въ большихъ торговыхъ городахъ, которые образовывались по мѣрѣ развитія торговли изъ наиболѣе крупныхъ рынковъ и захватывали власть надъ прилегающимъ къ городу промышленнымъ округомъ, варяги нанимались здѣсь для охраны русскихъ торговыхъ каравановъ. Въ этихъ городахъ варяги встрѣчались съ ранѣе образовавшимися подъ влияніемъ необходимости охраны торговыхъ интересовъ классомъ такихъ же вооруженныхъ мѣстныхъ купцовъ и входили въ его составъ. Почувствовавъ свою силу, наемные охранители легко могли превращаться во властителей обороняемыхъ ими городовъ. Такимъ образомъ нѣкоторыя городовыя области превращались въ варяжскія княжества, а изъ соединенія мѣстныхъ варяжскихъ княжествъ и сохранившихъ самостоятельность городовыхъ областей образовалось великое княжество кievское, сдѣлавшееся, благодаря своему центральному положенію, средоточіемъ русской торговли.

„матерью городовъ русскихъ“. Но Новгородъ не хочетъ признавать верховенство Кіева; онъ какъ будто стремится въ сторону отъ общаго русскаго движенія, и въ то время, когда всѣ русскія силы сосредоточивались на югѣ, изъ-за котораго шла борьба, въ Новгородѣ вырабатывалась организація совершенно самобытнаго развитія. Онъ, будучи въ сторонѣ отъ общей жизни, музаетъ и все болѣе и болѣе обособляется. Но, несмотря на всю любовь къ самостоятельной жизни, Новгородъ не могъ поставить себя абсолютно внѣ всякой зависимости отъ Кіева. Если Переяславль, Черниговъ и даже волынскіе города тянуть къ Кіеву, то Новгородъ извѣстнымъ образомъ также связанъ съ „матерью русскихъ городовъ“, а слѣдовательно, и съ остальной Русью. Съ южной Русью онъ связанъ религіей: изъ Кіева онъ получаетъ высшее духовное лицо — архіепископа, изъ Кіева же ему назначаютъ князя, но этимъ только и ограничиваются всѣ его связи. Эти связи не давали Новгороду отдѣлиться отъ общаго строя русской жизни, но, съ другой стороны, онѣ не были настолько обширны, чтобы связать Новгородъ съ интересами остальной Руси и не дать ему стать на собственные ноги. Новгородцы скоро привыкли къ своему обособленному положенію и стали строго отдѣлять себя отъ остальной Руси. Это отчужденіе рѣзко сказывается въ новгородскихъ выраженіяхъ, въ которыхъ подѣ „Русью“ разумѣется только южная Русь, а подѣ „Низомъ“ — сѣверо-восточная суздальская Русь. Такъ, напримѣръ, новгородецъ, собираясь итти въ южную Русь, говорилъ, что онъ идетъ въ „Русь“, а отправляясь въ Суздальскую область, сказывался, что идетъ на „Низъ“ (Низовье).

Своимъ отчужденіемъ отъ остальной Руси новгородцы возбуждали противъ себя враждебныя отношенія другихъ земель русскихъ. Разсказъ Суздальской лѣтописи отъ XII вѣка, повѣствуя о походѣ своего князя Андрея Боголюбскаго на Новгородъ, знакомитъ насъ съ тѣмъ взглядомъ, который господствовалъ относительно Новгорода: „Новгородцы взяли въ обычай“, говоритъ лѣтописецъ, „прогонять своихъ князей, смѣнять ихъ, когда вздумаютъ, и порочить ихъ сыновъ и внуковъ. Да не подумаютъ при этомъ“, прибавляетъ онъ, „что новгородцы когда-нибудь были освобождены дѣдами или пра-дѣдами; нѣтъ, но они самовольно поставили себя въ такое положеніе. То доволъ Богови терпѣши надъ нами?“

Говоря о Новгородѣ, не надо однако полагать, что новгородецъ

совѣмъ выдѣлился изъ строя убѣжденій и характера всѣхъ русскихъ городовъ вообще.

Нѣкоторые изъ нашихъ историковъ, выходя изъ такого взгляда, Новгородъ называли республикой, вѣчевой общиной, народоправствомъ и т. д. Всѣ эти выраженія, развѣ за исключеніемъ республики, были бы справедливы и мѣткі, если бы съ ними не соединялось понятіе, что другіе города древнерусскіе были совершенно непохожи на Новгородъ. Первоначальный строй новгородской жизни совершенно былъ такой же, какъ строй всѣхъ остальныхъ городовъ Руси: тѣ же начала, тѣ же убѣжденія, особенности — надо замѣтить только одно, что новгородцы, въ силу исторической жизни русскаго государства, самобытіе развили эти общія для всѣхъ формы и мѣтѣ подчинялись пришлымъ элементамъ, и потому эти исконныя формы приняли характеръ чего-то самобытнаго, оригинальнаго.

Извѣстно, что со времени водворенія князей на Руси въ каждомъ русскомъ городскомъ центрѣ вмѣсто одной власти — вѣча, стали двѣ: вѣче и князь, представлявшія собою совершенно разнородные элементы и имѣвшіе свою независимую политику. Нельзя однако сомнѣваться, что иногда князь, несмотря на свой бродяжническій характеръ, не могъ оставаться совершенно чуждымъ интересамъ своей земли, но, съ другой стороны, и самъ народъ долженъ былъ по необходимости невольнo подчиняться личному вліянію князя и его дружины, тѣмъ болѣе, что въ рукахъ этого послѣдняго была сила. Въ южнорусскихъ городахъ, гдѣ въ особенности нуждались въ помощи княжеской силы, власть князя превысила вѣче; но совершенно противное мы видимъ въ Новгородѣ: благодаря своему удаленному (вдали отъ степи) положенію, онъ въ этомъ отношеніи сталъ самостоятельнѣе южнорусскихъ городовъ. Сперва въ немъ было также вѣче и князь, но мало-по-малу вѣче получаетъ первоначальное значеніе, если не исключительное, то во всякомъ случаѣ преобладающее. О паденіи власти князя въ Новгородѣ и о противорѣчій, въ которое стало новгородское вѣче къ князю сравнительно съ другими городами, можно судить по слову „посадникъ“. Это было лицо, которое князь на время своего отсутствія сажалъ вмѣсто себя во главѣ города; но въ Новгородѣ посадникъ становится выборнымъ лицомъ всего народа и съ теченіемъ времени дѣлается представителемъ городского вѣча, а не

княжеской власти. Первоначально, надо полагать, въ Новгородѣ, какъ и въ другихъ древнерусскихъ городахъ, представителемъ народа былъ тысяцкій, вождь городского ополченія, а не посадникъ.

Во всякомъ городѣ было прирожденное право у народа измѣнять нелюбому своему князю и призывать къ себѣ другого; такъ мы знаемъ, что кievское вѣче не разъ пользовалось этимъ правомъ (напр., Изяславъ I, Святополкъ, Изяславъ II и т. д.), но фактически право это было стѣснено или княжескими родовыми счетами, по которымъ уже отводилась извѣстному князю земля, или же насиліемъ со стороны князя: случалось такъ, что какой-нибудь князь захватывалъ въ свои руки власть, и вѣче не было настолько сильно, чтобы выпнать его изъ города. Но новгородское вѣче не допускало у себя такихъ ограниченій своего права и относилось къ этому вопросу совершенно самостоятельно. Призывая къ себѣ князя, оно прежде всего заключало съ нимъ рядъ. Такихъ рядовъ до насъ дошло много, и большая часть ихъ начиналась требованіемъ: „держати ти, княже, Новгородъ по поплинѣ по новгородской; *яко устави отць твоѣ Ярославъ*“. Такимъ образомъ съ именемъ Ярослава начинается для новгородцевъ историческое воспоминаніе о своихъ правахъ. Грамота Ярослава до насъ не сохранилась, и о содержаніи ея мы можемъ только догадываться. Можно предположить, что Ярославъ, нуждаясь въ помощи новгородцевъ въ борьбѣ противъ брата своего Святополка, утвердилъ закономъ извѣстныя преимущества за новгородцами. Эти преимущества, вѣроятно, судя по послѣдующимъ договорамъ, состояли въ томъ, чтобы новгородцы могли: 1) ставить сами посадника, 2) имѣть свой собственный судъ помимо княжескаго и 3) управлять волостями своими волостелями, а не княжескими. Съ самостоятельнымъ положеніемъ Новгорода въ первый разъ мы встрѣчаемся въ XI вѣкѣ: когда въ 1095 году наиболѣе вліятельные князья на Руси, Святополкъ Кіевскій, Владимиръ Мономахъ Новгородскій, хотѣли заключить между собой рядъ, по которому Новгородъ доставался Давыду Смоленскому вмѣсто княжившаго тамъ Мстислава, сына Владимира Мономаха, то новгородцы высказались прямо противъ этого рѣшенія князей: „мы сами себѣ вскормили князя“, „не ходи къ намъ“, говорятъ они Давыду. Этотъ вскормленный князь былъ Мстиславъ. Князья, не имѣя силы и не будучи въ состояніи итти вооружен-

ною рукою противъ Новгорода, поневоля́ должны были уступить. Съ этихъ поръ мы постоянно встрѣчаемся въ Новгородѣ съ выборомъ князей по собственному желанію народа. Если выбранный князь не оправдывалъ надеждъ и не нравился вѣчу, то оно прямо, не стѣсняясь, говорило ему: „кланяемся ти, княже, иди, князь, ищи себѣ новаго города въ другой странѣ, а мы тебя не хотимъ имѣть“. Иногда же перемена князя происходила и не по общему согласію, а вслѣдствіе борьбы партій. Понятно, что такой произволъ въ выборѣ и сверженіи князя все болѣе и болѣе ставилъ князей въ зависимость отъ народа и вѣча, и потому князья всегда были не прочь оставить Новгородъ, если представлялся къ тому удобный случай. Въ 30-хъ годахъ XII столѣтія, когда новгородскимъ княземъ былъ Всеволодъ Мстиславичъ, сынъ князя, вскормленнаго новгородцами, и когда между этимъ княземъ и Новгородомъ произошелъ раздоръ, тогда, можно сказать, окончательно установились эти новыя отношенія между княземъ и вѣчемъ новгородскимъ, и съ этого времени эти отношенія дѣлаются все болѣе и болѣе опредѣленными. Самая причина несогласія очень характерна. Всеволодъ покинулъ Новгородъ, но черезъ нѣсколько времени явился опять туда; новгородцы однако сочли себя оскорбленными и встрѣтили его съ слѣдующими словами: „Ты лишился насъ¹⁾), и ушелъ отъ насъ, а теперь мы хотимъ имѣть своего князя“.

Хотя положеніе князей новгородскихъ было несвободно и стѣснительно, тѣмъ не менѣе новгородцы, какъ бы опасаясь встрѣтить въ князѣ сильнаго врага своей независимости, всегда старались упрочить ее договорами при принятіи князя. Условія такихъ договоровъ сохранились и до нашего времени. Они обезпечиваютъ новгородцевъ въ самоуправленіе и не позволяютъ князьямъ вмѣшиваться въ ихъ внутреннія дѣла.

Главные пункты этого договора слѣдующіе:

1) Держати тебѣ, княже, все по пошлннѣ, не нарушать старины и не уничтожать старинныхъ договоровъ („грамоть ти, княже, не нарушати“).

2) Судъ тебѣ, княже, судити съ мужи новгородскими и городскимъ посадникомъ; волостей тебѣ, княже, новгородскихъ своими мужами не держать, и держать мужами новгородскими.

¹⁾ Т.-е. погнушался нами.

Второй пунктъ опредѣляетъ отношенія князя къ гражданамъ. Онъ клонится къ тому, чтобы не дать князю возможности найти точку опоры противъ Новгорода въ волостяхъ, и новгородцы зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы княжескіе мужи не ходили въ эти владѣнія князя за сборами дани, опасаясь того, что черезъ это можетъ увеличиться его вліяніе.

Въ этихъ двухъ пунктахъ, собственно говоря, и заключаются всѣ главныя условія, но въ заключеніе ряда новгородцы не забывали еще прибавлять того, что *въ выборъ князя они волны*. Русскіе князья большею частью признавали законнымъ это исконное право за Новгородомъ и подписывали условія, зная, что въ случаѣ ихъ отказа ими не понуждаются.

Такимъ образомъ мы видимъ, что, съ одной стороны, Новгородъ сильно хлопочетъ о своей самостоятельности, но съ другой — никакъ не можетъ отрѣшиться отъ призванія князей. Это обстоятельство не должно насъ удивлять: бурный духъ и разгульная натура не давали Новгороду ужиться самому по себѣ, а вопіющее насиліе и произволъ отдѣльныхъ лицъ и партій требовали безпристрастнаго судью, вслѣдствіе чего необходимо было имѣть князя.

Притомъ, надо замѣтить, въ выборахъ себѣ князя новгородцы всегда останавливались на Рюриковичахъ¹⁾. Правда, иногда новгородцы не прочь были поддаться литовскому князю, но на это явленіе мы должны смотрѣть, какъ на исключеніе, какъ на временное состояніе, вынужденное безысходностью положенія. Такъ напримѣръ, въ XV вѣкѣ во время сильныхъ притязаній московскихъ князей новгородцы, чтобы сохранить свою пошлину, свою независимость, стали звать къ себѣ на княженіе Казимира литовскаго. Но это желаніе новгородцевъ присоединиться къ странѣ, самый строй жизни которой не соотвѣтствовалъ ихъ началу, среди самого Новгорода возбудилъ сильное негодованіе.

Что въ новгородскомъ характерѣ не было задатковъ государственныхъ понятій, что Новгородъ не могъ быть крѣпкимъ центромъ государственной жизни, мы увидимъ изъ разсмотрѣнія существовавшего административнаго устройства въ Новгородѣ.

¹⁾ И впоследствии, во время татарскаго владычества, выбирали обыкновенно великаго князя, потому что съ нимъ была татарская сила.

Устройство Новгорода не представляет намъ правильно развитыхъ государственныхъ формъ: не было правильныхъ опредѣленныхъ отношеній между правительствомъ, княземъ и народнымъ вѣщемъ. Отношенія къ князю являются какими-то случайными, колеблющимися. Новгородъ не могъ обойтись безъ князя, и почти не было попытокъ обойтись безъ него, но вмѣстѣ съ тѣмъ дать ему участіе въ дѣлахъ правленія, опредѣлить его отношенія къ народу, вообще сдѣлать его не чуждымъ общимъ интересамъ города, не внѣшнимъ лицомъ для жизни народа, этого новгородцы сдѣлать не умѣли. Ихъ отношенія къ князю рѣдко оставались добрыми, но почти всегда они были враждебныя, и, естественно, такое отсутствіе правительственнаго значенія князя должно было отозваться на всей жизни Новгорода. Точно также не видимъ мы никакихъ правильныхъ попытокъ учредить крѣпкія правительственныя начала внѣ князя, и поэтому понятно, чѣмъ болѣе князь становился лицомъ внѣшнимъ, тѣмъ болѣе должны были выдвигаться впередъ выборныя лица изъ новгородцевъ. Такимъ образомъ все управленіе городомъ сосредоточивается въ рукахъ посадника и тысяцкаго; договоры стали совершаться отъ ихъ имени; они прикладывали свою печать и выступали представителями города во всѣхъ важныхъ дѣлахъ. Но и эти высшія власти Новгорода явились съ тѣми же случайными, неопредѣленными очертаніями. Не было опредѣлено ни продолжительности времени, ни срока ихъ служебной дѣятельности: одни правили годъ, другіе меньше, иные по нѣскольку лѣтъ¹⁾.

Посадникъ похожъ на казацкаго атамана, который пользовался по временамъ неограниченною властью, но въ то же время безъ всякаго суда могъ быть лишенъ своей власти; онъ легко могъ быть замѣняемъ другимъ и вполне зависѣлъ отъ легко мѣнявшагося народнаго мнѣнія. Вѣче, это народное собраніе, представляло нестройный казацкій кругъ шумящихъ людей, никѣмъ не управляемыхъ. Здѣсь не выработалось понятія о правильной подачѣ голосовъ, а приходили къ извѣстнымъ результатамъ большею частью вслѣдствіе настроенія главной партіи въ извѣстную минуту. Вѣче

¹⁾ Въ началѣ XV вѣка, впрочемъ, въ Новгородѣ устанавливается уже опредѣленный срокъ для занятія должностей — посадникъ и тысяцкій смѣняются ежегодно.

поэтому очень часто представляло всеобщее побоище, такъ какъ дѣла рѣшались не силой убѣжденія и общимъ согласіемъ, но силой кулаковъ, неожиданностью нападенія и т. д. Иногда какой-нибудь уличникъ разгонялъ вѣче силою своихъ захребетниковъ и рѣшалъ дѣла по своему усмотрѣнію. Намъ не должно удивлять, что при такомъ настроеніи вѣча, и некоторые успѣвали проводить свои мысли по заранѣе обдуманному плану. Они являлись на вѣче вооруженными и приобретаеи согласіе черни. Такъ, на примѣръ, какой-нибудь бояринъ, желая рѣшить извѣстный вопросъ по своему желанію, собиралъ всѣхъ своихъ подсудниковъ, отправлялся на вѣче и бралъ перевѣсъ въ спорѣ. Случалось, что недовольная толпа съ вѣча направлялась къ посаднику, грабила его домъ и имущество, а иногда его самого бросала съ Волховскаго моста и тотчасъ же выбирала другого. Все это дѣлалось подъ впечатлѣніемъ минуты и часто безъ всякой вины со стороны посадника. Таже самая картина была и при выборѣ князя. Положимъ, что борются двѣ партіи, обыкновенно такими партіями были суздальская и кievская¹⁾, и кievская беретъ верхъ и ставитъ своего князя, но суздальскій князь оскорбляется такимъ невниманіемъ къ себѣ или своему сыну, онъ объявляетъ войну новгородцамъ и прежде всего запрещаетъ вывозъ хлѣба. Въ Новгородѣ иначинается голодъ; народное бѣдствіе производитъ дурное впечатлѣніе; настроеніе города мѣняется, бурная толпа отправляется на вѣче, обвиняетъ во всемъ противную партію, винитъ посадника и князя, и опять иначинается расправа. Кievскій князь изгоняется, достается также и посаднику, совершенно ни въ чемъ неповинному; приглашается суздальскій князь, и все это дѣлается для того только, чтобы вскорѣ поссориться съ этимъ послѣднимъ княземъ, прогнать его и снова просить кievскаго; а при водвореніи этого снова повторяются тѣ же явленія.

Съ этими явленіями мы часто встрѣчаемся въ Новгородѣ, и эта безурядица, играя главную роль въ исторіи его, и была одна изъ главныхъ причинъ его паденія, потому что онъ не могъ усвоить себѣ болѣе прочныхъ началъ общественной жизни.

¹⁾ Партіи въ Новгородѣ складывались подъ вліяніемъ торговыхъ интересовъ наиболѣе крупныхъ представителей мѣстной денежной аристократіи.

При слабомъ правительствѣ мы встрѣчаемся, какъ и всегда въ средніе вѣка, съ господствомъ единичной силы, проявляется ли эта сила въ обществахъ, корпораціяхъ или отдѣльныхъ личностяхъ. Въ Новгородѣ также были всѣ эти элементы. Мы видимъ, что Новгородъ весь раздѣленъ на отдѣльные союзы, которые назывались общинами, и такую общину съ извѣстнымъ независимымъ кругомъ дѣйствій представляла каждая частица Новгорода. Новгородъ дѣлился на концы, и въ каждомъ концѣ были свои улицы, но дѣленіе это было не административное или устроенное для удобства, напротивъ, каждая улица какъ бы представляла особую корпорацію, соединенную съ другими такими же корпораціями. Каждый конецъ имѣетъ своего кончанскаго старосту; каждая улица — своего уличанскаго старосту, и только въ лицѣ посадника, представителя всего города, эти разнородные элементы какъ будто соединяются въ одно цѣлое. Притомъ каждая улица ведетъ свои политическіе расчеты и враждуетъ съ другой или же съ какимъ-нибудь богатымъ вельможей. Мы имѣемъ, на примѣръ, фактъ, что одинъ бояринъ, желая проучить какую-то улицу, съ которою онъ поссорился, вѣроятно, изъ-за денегъ, собираетъ своихъ подсуздниковъ и захребетниковъ и съ ними идетъ грабить ту улицу. Если цѣлая улица могла терпѣть отъ какого-нибудь богатаго купца, то чтó же могло обезпечить спокойствіе отдѣльныхъ лицъ при такомъ произволѣ и невозможности добиться правосудія?

Неудивительно, что при такомъ казацкомъ образѣ жизни, молодцы новгородскіе выходили изъ Новгорода съ тѣмъ, чтобы на свободѣ порасправить свои силы, т.-е. заняться разбоемъ, и это явленіе не случайное, но постоянное: новгородцы жили такъ, какъ можно было только жить въ степяхъ. Какъ запорожскіе молодцы выѣзжали потѣшиться въ поле, такъ и новгородскіе ушкунники заходили, куда только можно было зайти. И во время грабежа, щадя новгородцевъ, не щадили другихъ русскихъ. Не надо думать, что они являлись изъ среды низшаго слоя общества — здѣсь были сыновья самыхъ именитыхъ бояръ и купцовъ новгородскихъ, и они отправлялись на свои подвиги съ разрѣшенія и даже по требованію вѣча, отпускавшаго молодежь погулять.

Такимъ образомъ въ новгородской жизни мы не встрѣчаемся съ сознаніемъ государственныхъ понятій не только въ массѣ, но

и въ правительственныхъ лицахъ, хотя надобно бы было ожидать, что въ Новгородѣ при преобладаніи торговой силы дающее фактическое господство тѣмъ классамъ, которые обладаютъ торговымъ капиталомъ, самыя вліятельныя лица захватятъ въ свои руки всю власть и составятъ, какъ случилось въ Венеціи, олигархію. Въ противоположность Венеціи, Новгородъ не выработалъ въ своемъ управленіи крѣпкой олигархіи, этому мѣшали обычныя явленія новгородской жизни — борьба одной корпораціи противъ другой, одной улицы противъ такой же улицы, раздоръ бояръ съ своими захребетниками и подусѣдниками, съ цѣлыми улицами и т. д., а потому Новгородъ не могъ даже выдержать того времени, которое было назначено для него¹⁾.

Послѣ обозрѣнія политическаго устройства Новгорода перейдемъ къ его торговлѣ, характеръ которой прямо вытекаетъ изъ разсмотрѣнныхъ нами условій новгородской общественной жизни. Мы видѣли, что Новгородъ лежитъ въ началѣ великаго воднаго пути, и

¹⁾ Мы встрѣчаемся однако въ Новгородѣ съ правленіемъ, близко стоящимъ къ олигархіи. Въ теченіе всей исторіи этого вольнаго города фактическое преобладаніе принадлежитъ представителямъ мѣстной торговой знати: богатые боярскія фамиліи — „лучшіе“ или „вычшіе“ люди стоятъ во главѣ борющихся партій и направляютъ жизнь Новгорода; „молодшіе“ или „меньшіе“ люди, какъ новгородская гѣтопись называетъ низшіе классы общества (купцовъ и черныхъ людей, т. е. мелкихъ ремесленниковъ и рабочихъ) въ противоположность знати — боярамъ и житейнымъ людямъ (капиталистамъ средней руки), всецѣло находясь въ экономической зависимости отъ капиталистовъ, всегда должны были слѣдовать за своими работодателями. Все управленіе въ Новгородѣ собственно захватили въ свои руки немногіе знатные дома; такъ, мы видимъ, напримѣръ, что двѣ боярскія фамиліи, Михаличи и Недвиничи въ теченіе многихъ лѣтъ поставляютъ исключительно изъ своей среды кандидатовъ на высшія должности въ мѣстномъ управленіи Новгорода: изъ фамиліи Михаличей въ XIII и XIV вв. однихъ посадниковъ вышло двѣнадцать. Члены этихъ немногочисленныхъ знатныхъ фамилій наполняютъ новгородскій правительственный совѣтъ — „совѣтъ господъ“, т. е. учрежденіе, которое предварительно подвергало разработкѣ проекты, вносимые на обсужденіе законодательнаго собранія — вѣча. Въ составъ этого, въ сущности распорядительнаго, учрежденія входили высшія должностныя лица по новгородскому управленію: степенные (т. е. занимающіе въ данный моментъ свои должности — стоящіе на степеняхъ) посадники и тысяцкіи, кончанскіе и сотскіе старосты, бывшіе посадники и тысяцкіе, такъ называемые „старые“. Собирается этотъ совѣтъ господъ подъ предсѣдательствомъ новгородскаго архіепископа.

собственно этимъ обуславливается его торговое значеніе. Этотъ путь въ продолженіе среднихъ вѣковъ оставался главнымъ, черезъ который сѣверная Европа могла сноситься съ южной. Къ этому пути присоединялся путь, который велъ изъ Азіи черезъ Волгу, и сюда же примыкалъ еще путь, шедшій съ Урала. Въ центрѣ этихъ-то путей находился Новгородъ. Какъ промежуточный пунктъ, гдѣ сходились эти пути и стекались разнообразныя товары, Новгородъ, естественно, сдѣлался важнымъ торговымъ городомъ. Новгородъ является съ болѣе опредѣленно развитыми формами и характеромъ русской городской общественной жизни, чѣмъ какой-либо другой городъ тогдашней Руси; поэтому, конечно, и новгородская торговля является съ болѣе опредѣленнымъ и развитымъ характеромъ; этимъ-то и можно объяснить то явленіе, что новгородскій купецъ, преслѣдуя свои торговыя цѣли, встрѣчается намъ во всѣхъ земляхъ. Купецъ новгородскій впервые на Руси получаетъ въ городѣ особое, высокое положеніе, и дѣйствительно, разсматривая государственныя грамоты и договоры, мы встрѣчаемся съ именами депутатовъ отъ новгородскихъ купцовъ. Купечество въ Новгородѣ получило болѣе правильное развитіе и болѣе правильное устройство, и можно предположить, что значительная часть бояръ новгородскихъ или занималась торговлею, или вышла изъ богатыхъ купцовъ¹⁾).

Общее свойство средневѣковой торговли — крайняя небезопасность, препятствія, которыя она встрѣчала, вызвали общія послѣдствія. Вездѣ мы замѣчаемъ въ средневѣковой Европѣ, что купцы для большихъ удобствъ соединяются въ общины, компаніи или артели. Такихъ артелей было много, и купцы раздѣлялись или по товару, которымъ торговали, или по мѣстности, куда они ходили; такимъ образомъ и въ Новгородѣ были купцы: нивовскіе, поморскіе, ходившіе въ Варяжское море, прасолы, преимущественно занимавшіеся торговлею солью. Общность ихъ занятій, слѣдовательно ихъ интересовъ, заставляла ихъ соединяться въ артели. Между всѣми новгородскими артелями того времени выдѣлялась особенно одна: это была такъ называемая Иванова ста — Ивановская гильдія,

¹⁾ Бояре, являясь отчасти крупными землевладѣльцами, были и крупными капиталистами — банкирами, на оборотныя средства которыхъ торговали купцы.

могли бы мы сказать, употребляя современное слово. Понятно, такія общества или артели должны были имѣть мѣсто для совѣщаній; такимъ мѣстомъ въ средніе вѣка была церковь, какъ въ восточной, такъ и въ западной Европѣ; для Ивановой сотни такое мѣсто была церковь Св. Ивана на Опокахъ, недалеко отъ Ярославова двора. Всякій купецъ, желавшій вступить въ сотню или гильдію, долженъ былъ вносить вкладъ. Этотъ вкладъ, „вложеніе“, состоялъ изъ 50 гривенъ единовременнаго взноса, и кромѣ того каждый купецъ долженъ былъ еще жертвовать 29¹/₂ гривенъ въ пользу церкви Ивана на Опокахъ — такой купецъ уже навѣки дѣлался членомъ Ивановой сотни и передавалъ это право своему сыну, а тотъ своему и т. д. Такой купецъ въ отличіе отъ другихъ назывался „пошлымъ“ купцомъ, т.-е. старымъ (пошлина = старина). У церкви обыкновенно находился общественный гостиный дворъ, въ которомъ купцы складывали свои товары и гдѣ собирались для общаго дѣла. Для того, чтобы съ большимъ порядкомъ завѣдовать своими дѣлами, купцы изъ своей среды выбирали старосту, а тотъ въ свою очередь, выбиралъ себѣ помощниковъ, которые распоряжались деньгами и завѣдовали дѣлами. Общественная касса находилась въ церкви. Въ тѣ грубыя времена, — времена разбоя и насилія, только одна власть внушала къ себѣ уваженіе и заставляла преклоняться передъ собой: это была именно власть церкви, и въ Новгородѣ при его буйномъ строѣ общественной жизни церковь не потеряла своего умиротворяющаго значенія. Глава новгородской церкви стоялъ рядомъ съ посадникомъ и тысяцкимъ и прикладывалъ свою печать на договорахъ; архіепископъ не былъ чуждъ жизни народа, среди котораго онъ находился, и вмѣстѣ съ тѣмъ старался дѣйствовать умиротворяющимъ образомъ на партіи.

Битвы во время вѣча, происходившія обыкновенно на Волховскомъ мосту, прекращались только тогда, когда владыка съ крестомъ въ рукѣ выходилъ изъ Софійскаго собора и становился между враждующими партіями. Но случалось иногда, что удалъ не останавливался и передъ церковной властью, и увѣщанія архіепископовъ оставались втунѣ. Это выражено наглядно въ былинѣ о Буслаевѣ, который не только разогналъ все вѣче, но даже поднялъ руку и на старца пилигримища, т.-е. на самого владыку; но какъ бы то ни было, такіе случаи были исключеніемъ, и церковь все-таки

была единственнымъ безопаснымъ мѣстомъ того времени, вотъ почему тогда церковь имѣла такое благотворное вліяніе и значеніе; храмъ не только былъ мѣстомъ молитвы, но былъ мѣстомъ безопаснымъ, гдѣ можно было обратиться для совѣта, укрыться отъ преслѣдованій и скрыть все имущество; и церковь того времени приспособлялась къ этимъ требованіямъ. Постройкой своей церковь рѣзко отличалась отъ нынѣшней: она строилась съ темными камерами („комары“) или налетами наверху, т.-е. хорами, которые назначались не для слушанія богослуженія, а для склада товаровъ; точно также подъ поломъ церкви устроены были подвалы, клѣтки, какъ тогда ихъ называли, въ которыхъ хранилось наиболѣе драгоценное имущество. Во время нашествія церковь дѣлалась крѣпостью, гдѣ запирался князь и жители съ своими женами и дѣтьми и куда приносили свое имущество и еще потому, что церковь была единственно каменнымъ зданіемъ среди массы деревянныхъ. Но такое значеніе церковь имѣла не только въ Новгородѣ, но и въ западныхъ государствахъ, напримѣръ, въ Германіи, гдѣ она вся была завалена товарами; только на самый алтарь изъ уваженія къ святынѣ запрещали класть товары подъ страхомъ опредѣленнаго денежнаго штрафа. Въ церкви Св. Ивана на хорахъ находились лари—стѣнные шкапы. Эти лари были государственнымъ архивомъ; здѣсь хранились торговыя книги, документы и всѣ новгородскія грамоты и договоры; въ ларяхъ же Св. Софіи находились и духовныя грамоты. Въ клѣткахъ были товары и находилась общественная касса, ключи отъ которой были въ рукахъ старосты. Около церкви былъ торговый рынокъ и стояли вѣсы, на которыхъ вѣшали и перевѣшивали товары. Сначала на этихъ вѣсахъ вѣшались только главные предметы отпуска новгородской торговли, именно воскъ и медь, но потомъ стали вѣшать и другіе товары. Около вѣсовъ были особые чиновники, которые должны были наблюдать за правильнымъ вѣсомъ и торговлею; вѣщики брали извѣстную пошлину за взвѣшиваніе и продажу товара. Въ то время пошлина бралась нѣсколько иначе, чѣмъ теперь; ее платилъ не тотъ, кто продавалъ товаръ, а тотъ, кто покупалъ его. Около большихъ вѣсовъ находились также малые вѣсы, на которыхъ взвѣшивали драгоценные металлы. Чеканной монеты въ то время не было, и серебро рубилось и отпускалось на вѣсъ; эти-то отрубки, употребляемые вмѣсто

монеты, и вѣшались на малыхъ вѣсахъ; вѣщику за взвѣшивание серебра также полагалась извѣстная пошлина, и кромѣ того вѣщикъ за извѣстное небольшое вознагражденіе долженъ былъ сплавлять всѣ приносимыя вещи въ одинъ кусокъ. При церкви Ивана на Опокахъ также находился и судъ, по всей вѣроятности для торговыхъ дѣлъ, потому что въ немъ засѣдалъ тысяцкій, который и разбиралъ дѣла. Наконецъ, здѣсь же собирались купцы, когда нужно было рѣшить споръ, возникшій между иностраннымъ и новгородскимъ купцами. Если Св. Софія въ представленіи новгородцевъ являлась тогда тождественною съ единствомъ и существованіемъ Новгорода, то церковь Ивана на Опокахъ является центромъ торговли Великаго Новгорода, и Иванова ста заключаетъ въ себѣ самыхъ лучшихъ купцовъ того времени. Купцы, вписываясь въ такую сту, получали извѣстныя привилегіи: отпуская свои товары, они имѣли свои конвойные отряды, которые сопровождали эти товары и вмѣстѣ съ ними ходили собирать дань, даже на Уралъ; если купецъ проторговывался, дѣлался „изгоемъ“, по-теперешнему банкротомъ, онъ получалъ вспомошествованіе изъ общей кассы, и это раскладывалось на каждаго члена. Къ Ивановой стѣ преимущественно принадлежали самые богатые новгородскіе купцы, а самыми богатыми новгородскими купцами были купцы заморскіе, и торговое значеніе Новгорода опредѣлялось торговлею заморскою, такъ какъ эти купцы, купившіе товары на сѣверѣ, востокѣ и югѣ, могли предавать эти товары на западъ и мѣнять на иностранныя.

Сношенія Новгорода съ западной Европой начались уже съ глубокой древности, первоначально въ эту страну являютея варяжскіе витязи-авантюристы съ полуразбойничьимъ и полуторговымъ характеромъ. Мы можемъ вѣрить показаніямъ сагъ, что въ Гардарику, страну городовъ (т.-е. Новгородъ), пріѣзжали уже въ VII и VIII стол. не только варяжскіе рыцари, но даже и варяжскіе купцы; эти купцы, желавшіе купить шелковыя ткани, парчи и паволоки, покупали ихъ у русскихъ купцовъ. Это было понятно потому, что, какъ намъ извѣстно, новгородскіе витязи ходили въ Византію и поддерживали свои сношенія съ Кіевомъ, откуда они могли получать все нужное. Въ XI и XII вѣкахъ торговля, о которой существуютъ такія древнія показанія, должна была усилиться, потому что варяги приходили въ Россію въ огромномъ количествѣ, и уже

въ X стол. мы встрѣчаемъ при дворѣ кievскаго князя много варяговъ, русскій князь даже женатъ на варяжской княжнѣ, — все это указываетъ на тѣсныя отношенія между русскими и варягами, ходившими въ Girkialand¹⁾. Когда въ XI вѣкѣ въ Скандинавіи являются зачатки правильной государственной жизни и вмѣсто разбойниковъ, вождей дружинъ, появился король, тогда прекратилось движеніе варяговъ по великому водному пути; рѣдко они появлялись въ Новгородѣ, еще рѣже въ Византіи. Наконецъ, сама сплотившаяся Русь не позволяла варягамъ проходить разбойничьимъ образомъ по этому пути. Но если варяги перестали ходить въ Грецію, то они не переставали ходить въ Россію, по крайней мѣрѣ въ ея сѣверныя части. Самое превращеніе этихъ путей способствовало тому, что товары покупались въ Новгородѣ, а не въ Византіи. Поэтому въ XI и XII вѣкахъ морское торговое движеніе не прекращается. Новгородскіе купцы вѣзятъ продавать свои товары на берега Швеціи и даже въ отдаленную Данію, гдѣ вырастаетъ новый торговый городъ Шлезвигъ. Случайно въ разсказѣ о разореніи этого города упоминается, что напавшій на него какой-то конунгъ перебилъ русскихъ купцовъ, а товары ихъ раздѣлялъ между своей дружиной. Въ свою очередь и жители побережья совершаютъ правильные рейсы по Балтійскому морю. По словамъ Адама Бременскаго (лѣтописца XII вѣка), суда ходили и въ Острогардъ Руси (восточный городъ); нѣтъ сомнѣнія, что подъ этимъ восточнымъ городомъ подразумѣвается Новгородъ.

Изъ городовъ, лежащихъ на южномъ берегу Балтійскаго моря, былъ особенно замѣчательнъ нѣкоторое время Юсгинъ, полуславянской и полуваряжскій городъ съ смѣшаннымъ населеніемъ разбойниковъ-авантюристовъ, сбывавшихъ за дешевую цѣну свою всюду награбленную добычу. Западныя сказанія указываютъ также намъ Альдейгаборгъ, по-нашему Ладога, который имѣлъ посредствующее значеніе между русскими и варягами. Чѣмъ болѣе проникаетъ торговля внутрь страны, тѣмъ болѣе развивается цивилизація на Бѣломъ (т.-е. Балтійскомъ) морѣ и тѣмъ болѣе она принимаетъ характеръ мирнаго развитія. Юсгинъ, будучи населенъ большей частью разбойниками, не могъ долго удержатъ своею

¹⁾ Варяги, являясь въ Россію, часто смѣшивали ее съ Греціей и называли Girkialand, т.-е. греческой страной.

значенія; но съ увеличеніемъ потребностей должна была увеличиться и торговля; она также должна была выбрать новые пути и новые центры, соотвѣтствующіе характеру того времени. Такими новыми центрами въ XII вѣкѣ явились два города: Любекъ и Висби на Готландѣ или на готскомъ берегу, какъ говорили тогда новгородцы. Висби лежалъ почти на серединѣ пути, отчего и сдѣлался главнымъ посредствующимъ пунктомъ балтійской торговли. И дѣйствительно, мы знаемъ, что готы издавна живутъ въ Новгородѣ; у нихъ, какъ кажется, во времена Ярослава Мудраго въ Новгородѣ является свой готскій дворъ. Впослѣдствіи, когда на Балтійскомъ морѣ утвердились нѣмцы, настала пора развитія и германскихъ поморскихъ городовъ. Изъ городовъ, который былъ наиболѣе удобнымъ, чтобы сдѣлаться центромъ, является Любекъ. Сначала жители Любека являются только въ Висби и тамъ сбываютъ свои товары, но, по мѣрѣ того какъ нѣмецкая торговля развивается все болѣе и болѣе, этотъ городъ понемногу переходить въ руки нѣмцевъ, которые получали преобладающее значеніе на Балтійскомъ морѣ. Жители Любека сами начали ходить въ такіе города, откуда имъ привозили восточные товары, и рядомъ съ готскимъ дворомъ въ Новгородѣ является дворъ нѣмецкій. Торговля, производимая купцами нѣмцами, приняла обширные и неслыханные до того времени размѣры, потому что купцы дѣйствовали не отдѣльно и даже не отдѣльными артелями, но сплотились въ одинъ довольно тѣсный союзъ, называемый Ганзой. Нѣсколько общинъ соединяются вмѣстѣ и образуютъ одну общину — Ганзу; эта община растетъ и быстро увеличивается; наконецъ, Ганза мало-помалу привлекаетъ къ себѣ всѣ другіе торговые города Балтійскаго моря и становится посредницей между торговлей южно-европейской и средне-европейской, а черезъ Новгородъ и посредницей въ обмѣнѣ товаровъ европейскихъ на азіатскіе.

Первоначально ганзейскій союзъ имѣлъ только торговые интересы, но торговые интересы того времени соприкасались съ интересами политическими. Такимъ образомъ политика идетъ рука объ руку съ торговлей, и союзъ купеческій дѣлается могущественнымъ государствомъ. Это могущественное государство имѣло въ своемъ составѣ почти всѣ торговые города Балтійскаго моря, и нѣтъ ничего удивительнаго, что противъ такого тѣсно сомкнутаго цѣлаго государства

не могли устоять другія. Островъ Готландъ становится однимъ изъ союзныхъ и подвластныхъ Ганзѣ пунктовъ. Когда Ганза такимъ образомъ сплотилась — соединилась, то естественнымъ ея желаніемъ было расширить, укрѣпить и обезпечить свою торговлю и, наконецъ, регулировать жизнь тѣхъ купцовъ, которые жили въ чужихъ странахъ, имѣть тамъ своихъ особыхъ агентовъ и складочныя мѣста и вообще стараться содѣйствовать правильному успѣху этой торговли. Эти обстоятельства вызываютъ, съ одной стороны, постройку въ Новгородѣ двора¹⁾, гдѣ бы могли пребывать ихъ купцы, и, съ другой стороны, стремленіе обезпечить себя и свою торговлю договорами. Вотъ почему въ исторіи сношенія Новгорода съ ганзейцами мы встрѣчаемъ массу договоровъ. Самый древнѣйшій и достовѣрный договоръ, дошедшій до насъ, былъ договоръ 1270 года; но кромѣ того было много другихъ договоровъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія купцовъ. Ганзою издавались также особые законы, касавшіеся ея подданныхъ, жившихъ въ Новгородѣ, потому что нигдѣ не было такой потребности въ строгомъ соблюденіи порядка и предписаннаго закона, какъ здѣсь, въ чужой и часто враждебной средѣ. Эти законы извѣстны были подъ названіемъ (*Die Skra van Novgarden*) *скры*; это слово обыкновенно объясняется изъ исландскаго языка, оно значитъ: книга, доска, грамота; впрочемъ, важно обратить вниманіе на то, что скрою у ганзейцевъ назывались исключительно законы, касающіеся ихъ купцовъ, жившихъ на Руси, вслѣдствіе чего можно предположить, что это слово есть русское, происходящее отъ слова „скора“ (шеура, кожа), на которыхъ, по всей вѣроятности, могли писаться самые древніе договоры; впрочемъ, это одно только предположеніе, за которое совершенно ручаться нельзя. На основаніи этихъ договоровъ (всѣхъ договоровъ, заключенныхъ между Новгородомъ и Любекомъ, можно насчитать до 10) мы можемъ видѣть, какъ обширны и часты были сношенія нѣмецкихъ купцовъ съ новгородскими и какую важность придавали обѣ стороны этой торговлѣ²⁾).

¹⁾ Этотъ дворъ въ Новгородѣ былъ первой нѣмецкой конторой и впоследствии послужилъ образцомъ для Бергена, Лондона и др. ганзейскихъ торговыхъ конторъ; точно такъ же, какъ новгородскія „скры“ служили образцомъ торговыхъ законовъ для другихъ городовъ.

²⁾ О значительности оборотовъ новгородской торговли можно судить по числу нѣмецкихъ купцовъ, жившихъ въ Новгородѣ, — нѣсколько сотенъ; нѣмцы по-

Изъ города Любека или Висби суда выходили караванами въ известное, опредѣленное время; но мѣста, гдѣ проходили эти караваны, были не безопасны, потому что на Балтійскомъ морѣ жили морскіе разбойники, такъ какъ грабежъ въ то время былъ легкій и удобный способъ обогащенія. Они принадлежали къ различнымъ націямъ: здѣсь были славяне съ южнаго побережья, финны, корела, также можно было встрѣтить и удалцовъ новгородскихъ и нѣмецкихъ; удалцы соединялись подъ предводительствомъ атамана, который руководилъ ими во время похода. Даже въ XIV вѣкѣ есть нѣсколько случаевъ, изъ которыхъ видно, что торговцы Балтійскаго моря должны были вступать въ договоры съ разбойниками, какъ бы съ особыми государствами: такъ Ганза въ 1382 году заключила перемиріе съ этими разбойниками, заплативъ, конечно, имъ приличное награжденіе; около того же времени Маргарита датская заключила съ ними перемиріе на 4 года, условившись платить известную сумму денегъ. Для охраненія каравановъ нѣмцы держали особую военную стражу, которая сопровождала товары. Отправляющихся изъ Любека каравановъ было 2, и всѣ гости нѣмецкіе раздѣлялись на два отдѣла: на зимнихъ и лѣтнихъ. Зимніе пріѣзжали осенью, жили зиму и потомъ со вскрытіемъ рѣкъ уѣзжали, взамѣнъ же ихъ пріѣзжали гости лѣтніе.

Соединившись въ караваны, кушцы ганзейскіе въ сопровожденіи военныхъ судовъ, охраняющихъ ихъ отъ морскихъ разбойниковъ, доходили до острова Кетлингена или Котлина, на которомъ теперь стоитъ Кронштадтъ. Здѣсь иностранные гости совершенно переходили въ руки новгородцевъ, которые давали имъ своихъ лопмановъ и провожали ихъ до устья Невы, гдѣ происходила перегрузка товаровъ съ морскихъ судовъ на рѣчныя лодки, суда болѣе легкія¹⁾.

Черезъ Неву, Ладогу и Волховъ эти суда шли въ Новгородъ.

сылали даже молодыхъ прикащиковъ въ разныя мѣста новгородскихъ владѣній со спеціальной цѣлью изученія русскаго языка.

¹⁾ Для доставки нѣмецкихъ товаровъ въ Новгородѣ организовывались особые союзы лопмановъ, лодочниковъ, сухопутныхъ возчиковъ, носильщиковъ (дрягилей) и т. д., представляющихъ прототипъ современныхъ артелей: члены товарищества устанавливали взаимный контроль, выбирая изъ своей среды

Нѣкоторые суда останавливались у Гостинополя (въ верстахъ 35 отъ Ладоги), гдѣ у нѣмцевъ были особые склады и помѣщенія; другая же большая часть судовъ, управляемая искусными новгородскими лоцманами, шла дальше по Волхову въ Новгородъ. Не доѣзжая до Новгорода, суда останавливались, и здѣсь производился счетъ товаровъ. Наконецъ, суда приходили въ Новгородъ, гдѣ они разгружались и отвозились въ особыя для нихъ помѣщенія. По договору 1270 года, строго опредѣлялась цѣна, платимая возчиками за перевозку товаровъ; такъ, напримѣръ, до двора готскаго имѣ платили 10 кунъ, а до двора нѣмецкаго, который отстоялъ нѣсколько дальше, платилось 15 кунъ.

Дворъ для иностранныхъ гостей представлялъ собою нѣчто особое, цѣлое, какъ будто государство въ государствѣ; онъ былъ обнесенъ высокою стѣною, и его охраняла стража. Въ договорахъ упоминаются даже цѣпныя собаки, которыя окружали этотъ дворъ въ большомъ количествѣ. Кромѣ того въ договорахъ запрещалось новгородцамъ строить зданія около этого двора и сваливать товаръ, а также собираться около него и играть въ свайку. За стѣной было выстроено большое зданіе, которое представляло собою большую комнату, „гридницу“, въ которой собирались всѣ иностранные купцы; около этой комнаты была другая, меньшая, для слугъ, которыхъ привозили съ собой купцы; тутъ же помѣщались отдѣльныя спальни.

Кругомъ этого зданія были выстроены клѣти или амбары для склада товаровъ; но товаровъ было такое множество, что они не помѣщались въ этихъ амбарахъ, а сваливались въ общей комнатѣ или даже въ церкви. Видно было, что торговля снопенія были преобладающими, потому что они заслоняли собою все остальное.

Ганзейскія власти старались обезпечить купцовъ, пріѣзжающихъ въ Новгородъ, относительно правильнаго соблюденія своей вѣры: такъ купцы были обязаны брать съ собою своего священника изъ Любека, который получалъ извѣстное жалованье и уѣзжалъ обратно вмѣстѣ съ купцами. Если былъ священникъ,

---

старосту, который долженъ былъ служить посредникомъ между нѣмецкимъ купечествомъ и членами артели, опредѣляли таксу за перевозъ товара и пр. Все это указываетъ на развитіе въ Новгородѣ товарищескаго принципа — характерная особенность торговли того времени.

то была и церковь; ихъ было дѣйствительно двѣ: церковь Св. Петра (на нѣмецкомъ дворѣ) и Св. Олафа (на готскомъ дворѣ), которыя содержались на общественныя деньги, на пожертвованныя и собранныя въ пользу Св. Петра, и на тѣ изъ штрафовъ, которые платили люди, преступившіе постановленія „скры“. При церкви было и свое нѣмецкое кладбище. Изъ той же предосторожности и изъ опасенія столкновений, которыя, естественно, должны были происходить, новгородскія скры старались какъ можно правильнѣе установить порядокъ этой временной нѣмецкой колоніи. Здѣсь является попытка правильнаго устройства власти; гости обязаны были выбирать изъ своей среды ольдермана, который долженъ былъ совѣщаться съ своими 4 помощниками ратманами, всѣ вмѣстѣ они составляли совѣтъ или *стеверн*, и ему обязаны были повиноваться всѣ купцы. Прежде всего этотъ совѣтъ долженъ былъ держать порядокъ у себя дома; власть стевена была очень высока: онъ имѣлъ право даже предавать казни купцовъ, нарушившихъ его постановленія. Скра строго опредѣляла правила противъ столкновений: въ ней даже предписано было, въ которомъ часу должны были гости возвращаться домой; однимъ словомъ, все было предусмотрено и опредѣлено.

Въ случаѣ, если происходило несогласіе между слугами и хозяевами или между равноправными купцами, всегда являлся ольдерманъ съ своими ратманами, и тотъ, кого онъ осуждалъ, долженъ былъ повиноваться его суду. Обыкновеннымъ наказаніемъ служилъ денежный штрафъ, иногда очень значительный. Если виновникъ оказывался несостоятельнымъ заплатить известную сумму денегъ, то его сажали въ башню, которая находилась при дворѣ, и держали его тамъ до трехъ недѣль и болѣе на хлѣбѣ и водѣ. Если купцы недовольны были ольдерманомъ, то могли обращаться съ жалобою въ судъ въ Любекъ.

Изъ всего этого мы заключаемъ, какъ нѣмецкіе города заботились о правильномъ устройствѣ своего союза, и этимъ мы можемъ объяснить себѣ, почему нѣмецкіе купцы составляли такой тѣсный, правильно и систематически устривавшій свои дѣла кружокъ. Это давало нѣмецкимъ купцамъ большой перевѣсъ передъ новгородскими, которые такого устройства не могли достигнуть, а потому ихъ роль относительно иностранныхъ купцовъ была пассивная. Ганзейскіе купцы имѣли въ виду распространить свою торговлю и

въ то же время не дать возможности новгородцамъ самимъ самостоятельно заниматься ею; имъ хотѣлось не свободной торговли, а *монополии*. Нѣмецкіе купцы заранѣе уговаривались между собою о цѣнѣ и покупали товары у новгородцевъ по тѣмъ цѣнамъ, по какимъ хотѣли такъ какъ новгородцы не представляли такой сомкнутой общины, то нѣкоторые изъ нихъ продавали товаръ дешевле и тѣмъ сбивали цѣну, давая такимъ образомъ возможность ганзейцамъ покупать товаръ по низкимъ цѣнамъ и забрать всю торговлю въ свои руки.

Правительство ганзейское, согласно духу времени и своимъ монополистическимъ цѣлямъ, вмѣшивалось до мелочей въ дѣла торговли своихъ купцовъ и строгими предписаніями стѣсняло ихъ свободную дѣятельность; такъ, на примѣръ, нѣмецкій купецъ, по законамъ ганзейскимъ, не имѣлъ права привозить съ собою товаровъ болѣе, чѣмъ на 100 маровъ (около 1000 руб. с.), и все, что оказывалось лишнимъ, должно было отдаваться въ пользу церкви Св. Петра или Олафа, и, кромѣ того, онъ долженъ былъ платить штрафъ, половина котораго шла въ пользу церкви, а другая половина дѣлилась между общественной казной и ольдорманомъ съ его ратманами. По предписаніямъ тѣхъ же законовъ, нѣмецкіе купцы имѣли право производить торговлю только оптовую и не имѣли права ни брать, ни давать займы денегъ новгородцамъ, въ противномъ случаѣ они подвергались строгому наказанію. Если бы купцы ганзейскіе давали или брали займы деньги у новгородцевъ, то вслѣдствіе этого произошли бы несогласія и столкновенія, которыя, конечно, мѣшали бы хорошимъ отношеніямъ между двумя народами. Запрещался въ Новгородъ вывозъ красныхъ суконъ и всѣхъ другихъ за исключеніемъ зеленыхъ, также запрещалось привозить въ Новгородъ полотна высшихъ сортовъ и т. д. Въ настоящее время такія постановленія могли бы только стѣснять и убивать торговлю, но въ средніе вѣка эти законы, исходя часто изъ здравыхъ соображеній и торговыхъ потребностей, строго обязательныя для всѣхъ, давали именно Ганзѣ и ея дѣятельности тотъ разумный, правильный строй, который составлялъ тайну ея перевѣса, особенно надъ анархическою свободою Новгорода.

Такъ было обставлено и обусловлено положеніе иностранныхъ купцовъ въ Новгородѣ. Въ заключеніе можно сказать еще о пошлинѣ,

которая бралась съ товаровъ, привозимыхъ иностранными купцами. Такъ какъ этой торговлей дорожили тѣ и другіе, то пошлины брались весьма небольшія. Лѣтніе гости платили $\frac{1}{4}$ % со стоимости товаровъ, а зимніе, которые пріѣзжали большею частью не изъ далекихъ странъ, а приходили сухопутно, платили $\frac{1}{8}$ % пошлины. Пошлина уплачивалась при самой продажѣ товара и притомъ не продавцомъ, а покупателемъ; она называлась *мытомъ*. Кромѣ того, была такъ называемая *вѣсная пошлина*, которая бралась за вѣсъ при взвѣшиваніи товаровъ на городскихъ вѣсахъ. Была еще пошлина *княжья*, которая шла въ пользу князя; въ послѣдствіи эта пошлина перестала уплачиваться князю, а шла въ пользу двора.

Когда оканчивался срокъ пребыванія гостей въ Новгородѣ, ихъ замѣняли другіе съ новымъ ольдерманомъ, новымъ священникомъ и новыми ратманами. Никто не имѣлъ права долго оставаться въ Новгородѣ, онъ долженъ былъ ѣхать съ тѣмъ караваномъ, съ которымъ пріѣхалъ. Если же у кого не былъ проданъ весь товаръ, то онъ просилъ разрѣшенія на нѣсколько дней отсрочки для полной распродажи его. Всѣ деньги должны были быть отправляемы изъ Новгорода въ общественную кассу, которая находилась въ Висби въ церкви Св. Маріи.

Мы видимъ, что ганзейскій союзъ возвышается посредствомъ монополіи, что является необходимостью въ средніе вѣка, когда свободная торговля была немыслима, и потому это общество имѣло очень крѣпкое устройство, все въ немъ было организовано и утверждено закономъ. Самое устройство ганзейскаго двора было взято образцомъ для устройства общинъ новгородскихъ. У нихъ также былъ свой дворъ въ Висби; но относительно этого двора не осталось никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній, и вообще, можно сказать, торговля новгородская носила не активный, а пассивный характеръ. Пріѣзжая въ Висби, новгородцы не встрѣчали тамъ свободной конкуренціи и свободной торговли, а покупали товаръ по заранѣе назначенной цѣнѣ. Это собственно и заставило новгородцевъ не ѣздить болѣе за море, а ожидать гостей у себя дома, что было гораздо легче и спокойнѣе.

Въ XIII и XIV вѣкахъ, когда нѣмецкое населеніе въ Новгородѣ крѣпнеть и число сухопутныхъ гостей значительно увеличивается, благодаря новому Ливонскому ордену, новый законъ опредѣляетъ

въ Новгородѣ 3 нѣмецкихъ двора; третій дворъ принадлежалъ рижанамъ, которые получали такія же права, но признавали старшинами прежнихъ ганзейскихъ купцовъ; они должны были брать священника изъ Любека или Висби и подчиняться одному ольдерману.

Не въ одномъ только Новгородѣ были нѣмецкіе купцы; они были въ Ладогѣ и Псковѣ и вскорѣ обратили вниманіе на тотъ путь, который вель отъ моря Балтійскаго до моря Чернаго. Этотъ путь шель по Двинѣ, потомъ волокомъ до Днѣпра и, наконецъ, по Днѣпру въ Черное море. При устьѣ Двины явился новый нѣмецкій городъ Рига, торговля котораго увеличивалась все болѣе и болѣе, потому что онъ сдѣлался полноправнымъ членомъ ганзейскаго союза. Ниже Риги по этому водному пути уже существовали русскіе торговые города: Полоцкъ, Витебскъ и Смсленскъ. Сношенія этихъ городовъ съ иностранцами были также значительны, но они не были прочны: слабость князей полоцкихъ, борьба съ литовцами и, наконецъ, разореніе южной Руси — все это подавляетъ опасныхъ конкурентовъ Новгорода и ослабляетъ ихъ торговлю¹⁾. Притомъ Новгородъ опирался на свои громадныя владѣнія, которыя доходили вплоть до Урала и верховьевъ Волги, и, слѣдовательно, онъ могъ доставлять такіе товары, какъ, напримѣръ, восточные, какихъ не могли доставлять эти города. Былъ еще путь для иностранныхъ гостей для торговли съ Русью черезъ Бѣлое море, но при всѣхъ недостаткахъ этого пути и бѣдности жителей отдаленнаго сѣвера, этотъ путь въ данное время не имѣлъ никакого значенія, — такое онъ получилъ впоследствии только, въ XVI столѣтіи. Изъ всего этого мы можемъ заключить, что торговля главнымъ образомъ происходила черезъ Волховъ и Финскій заливъ, и что сношенія съ Западомъ въ этотъ періодъ должны были происходить и происходили черезъ Новгородъ.

Торговля новгородская, несмотря на свою кажущуюся прочность, носила однако какой-то непостоянный, нетвердый характеръ. Ганзейцы желали захватить эту торговлю въ свои руки и такимъ образомъ ввести монополію, что при буйномъ характерѣ новгородцевъ, которые постоянно сопротивлялись монополіи, неизбежно должно было вызвать безпрестанныя столкновенія.

¹⁾ Торговля этихъ городовъ была однако значительна и она продолжалась долѣе, чѣмъ новгородская, которая пала, какъ мы увидимъ впоследствии, вслѣдствіе особнхъ условий.

У насъ сохранилась грамота, написанная рижанами къ витебскому князю Михаилу Константиновичу въ 1300 году, очень интересная по своему содержанію, такъ какъ показываетъ, каковы были отношенія и недоразумѣнія между пришельцами и туземцами. Въ этой грамотѣ рижане жалуются на различныя обиды и притѣсненія и указываютъ на нѣсколько случаевъ такихъ обидъ:

1-й случай. Князь предложилъ рижанамъ проводника, чтобы проводить ихъ по Двинѣ, и потребовалъ себѣ въ вознагражденіе за это коня; они согласились, но на дорогѣ проводникъ ихъ бросилъ и сказалъ, что провожать ихъ дальше не намѣренъ. Они жаловались на него князю и требовали возвратить имъ коня.

2-й случай. Братъ князя торгуетъ у одного нѣмецкаго купца товаръ и сторговываетъ его за 30 изроевъ (особая, неизвѣстная намъ по цѣнности, монета Полоцкой земли), послѣ оказывается, что онъ 17 изроевъ уплачиваетъ, а 13 не отдаетъ.

3-й случай. Одинъ нѣмецкій купецъ идетъ въ литовскій лагерь, чтобы купить себѣ плѣнныхъ дѣвокъ, и проходить мимо монастыря. Изъ монастыря выскакиваютъ три вооруженныхъ монаха и бьютъ его. Рижанинъ этотъ требовалъ удовлетворенія, но не получилъ его и т. д. „Въ старину при твоёмъ отцѣ этого не было“, такъ заканчиваютъ свои жалобы рижане, „мы своей обиды не положимъ, а будемъ искать правды!“ По всей вѣроятности, князь долженъ былъ уступить.

Результатомъ подобныхъ отношеній были враждебныя столкновения, и мы постоянно встрѣчаемъ въ грамотахъ, что, съ одной стороны, новгородцы напали на нѣмцевъ: дворъ сожгли, товары разграбили и церковь предали огню; съ другой стороны, то же самое дѣлаютъ нѣмцы. Въ первый разъ такое извѣстіе въ лѣтописи встрѣчаемъ подъ 1134 г.: рубоша Новгородцы за моремъ въ Дони (т.-е. Дани); въ другой разъ жаловались, что новгородцы обманываютъ ихъ при продажѣ воска и меда, примѣшивая туда какой-то дряни для большаго вѣса, и, въ свою очередь, также грабили въ Висби дворъ новгородцевъ и жгли ихъ дома. Въ 1382 году въ Новгородѣ дворъ нѣмецкій былъ разграбленъ, сожженъ, и купцы выгнаны. Ссора эта между новгородцами и ганзейцами продолжалась 9 лѣтъ; въ 1386 году она достигла такихъ значительныхъ размѣровъ, что правительство ганзейское хотѣло было перенести

свою контору изъ Новгорода въ одинъ изъ ливонскихъ городовъ, но измѣнить давно установившіеся пути не такъ легко. И потому мы видимъ, что въ 1390 году Ганза снова заключаетъ миръ съ Новгородомъ и строитъ себѣ дворъ; и этотъ миръ продолжается однакоже слишкомъ недолго, ибо уже въ 1391 году раздоръ вспыхнулъ еще съ большею силою. Съ 1277 по 1471 г. между нѣмцами и новгородцами можно насчитать 18 серьезныхъ, кровавыхъ столкновений, возникавшихъ не только изъ-за торговыхъ интересовъ, но и на почвѣ племени и религіозной розни¹⁾.

1) Враждебныя національныя отношенія, которыя установились между новгородцами и ихъ сосѣдями, являлись непреодолимымъ препятствіемъ для развитія торговли. Эти враждебныя отношенія прежде всего установились съ шведами, которые старались захватить чудскія племена; ямъ и корелу, жившія на берегу Финскаго залива, гдѣ находились и владѣнія новгородцевъ; борьба эта принимаетъ также извѣстный религіозный отбѣнокъ.

Въ то грубое время, когда воюющія державы не полагали различія между воиномъ и мирнымъ купцомъ, военное время, конечно, тяжело отзывалось на торговлѣ: шведы, какъ тогда называли шведовъ, не пускали ни нѣмецкихъ гостей въ Новгородъ, ни новгородскихъ въ Ганзу. Естественно, что со стороны торгующихъ народовъ являлись и тогда попытки нейтрализовать купцовъ во время этой войны. Такъ, шведскій король Бюргеръ даетъ Ганзѣ обѣщаніе пропускать купцовъ въ Новгородъ, съ условіемъ однако, чтобы въ экипажѣ приходилось на одного русскаго не менѣе трехъ нѣмцевъ. Новгородцы, съ своей стороны, также иногда пытались условиться съ шведами относительно этого предмета: хотя бы и война была, но гостямъ воля отправляться по своимъ торговымъ дѣламъ — говорится иногда въ договорныхъ грамотахъ. Но такія условія или совсѣмъ не соблюдались, или соблюдались очень рѣдко: вражда заставляла забывать данныя обѣщанія, и снова терпѣлъ торговый людъ отъ шведскихъ нападеній и въ особенности торговый людъ Новгорода, враждовавшаго со шведами. Результатомъ такихъ нападеній было то, что новгородцы мало-по-малу отвыкли отъ этого опаснаго хожденія за море, и ихъ торговля все болѣе и болѣе принимала характеръ торговли пассивной.

Другія столкновенія у новгородцевъ происходили съ ганзейцами, не прямо собственно съ ними, но преимущественно съ ливонцами, утвердившимися при Рижскомъ заливѣ.

Въ прежнее время страна, называемая теперь Остзейскою, была населена чудью, въ среду которой понемногу стали проникать и русскій элементъ; явились города и укрѣпленія по Двинѣ и другимъ рѣкамъ (Юрьевъ — Дерить, Кольванъ — Ревель). Въ XII и особенно въ XIII вѣкѣ на берега этого залива стали появляться стройныя дружины монаховъ-солдатъ; новгородцы не только вытѣсняются изъ страны, но имъ и самимъ грозитъ даже иноземное нашествіе

Такимъ образомъ мы видимъ, что торговля сношенія Руси съ Западомъ въ то время безпрестанно прерывались, какъ бы велись только въ промежутки перемирія, и самая торговля, если можно такъ выразиться, какъ бы носила характеръ военной торговли или стоящей на вооруженной ногѣ: купецъ долженъ былъ быть всегда готовымъ на всякую опасность и, обладая смѣтливымъ умомъ коммерсанта, долженъ былъ обладать и ловкостью воина. Тѣмъ не менѣе, несмотря на всю шаткость этой непрочной, хотя и обширной торговли, обнимавшей собою все побережье Балтійскаго моря, ею дорожили съ обѣихъ сторонъ, ее старались продолжить какъ новгородцы, такъ и ганзейцы. Новгородцы понимали, что основаніемъ ихъ политическаго могущества была торговля; торговлю считали они опорой своей власти и потому, выбирая князя, ставили ему въ условіе: „(а) иноземцевъ (тебѣ, князь) не жать (и), нѣмецкихъ гостей не притѣснять“ и на нѣмецкомъ дворѣ не торговать, а вести торговлю съ иноземными гостями черезъ посредство новгородскихъ купцовъ.

Ганзейцы, съ своей стороны, сознавали, что значительнымъ источникомъ ихъ богатства былъ Новгородъ, доставлявшій имъ

въ ихъ собственныя земли. Псковъ, Полоцкъ, Витебскъ и самъ Новгородъ подчасъ не безътруда должны были отбиваться отъ этихъ нападеній, и новгородцы должны были въ концѣ концовъ отказаться отъ своего завѣтнаго желанія приблизиться къ морю, отъ котораго, какъ мы видѣли, они, съ одной стороны, были отрѣзаны шведами, а съ другой — ливонцами.

Первое время отношенія между Ганзой и Ливоніей также были самыя враждебныя, но впоследствии, когда Ливонія сама сдѣлалась членомъ этого торговаго союза, отношенія между ними приняли совершенно противоположный характеръ. Конечно, сближеніе Ганзы съ Ливоніей не могло не отозваться на отношеніяхъ новгородцевъ къ ганзейскимъ купцамъ, и, дѣйствительно, новгородцы, по сказаніямъ современниковъ, нерѣдко вымещаютъ насилія со стороны ливонцевъ на купцахъ ганзейскихъ. Съ другой стороны, и ливонцы не преминули воспользоваться своимъ союзомъ съ Ганзой. Теперь, ведя войны съ новгородцами, они не ограничивались, какъ прежде, тѣмъ, что вели эти войны собственными силами, — нѣтъ, они старались сдѣлать частное ливонское дѣло общенѣмецкимъ. Они довольно часто обращались къ своимъ союзникамъ съ просьбою, чтобы „все христіанство“ прекратило свои сношенія съ Новгородомъ, и эти просьбы по большей части бывали небезуспѣшны: Ганза запрещала нѣмецкимъ купцамъ ѣздить въ Новгородъ и оставаться тамъ и не пускала къ себѣ новгородскихъ купцовъ.

продукты сѣверо-востока. При этомъ сознаниі и при желаніи захватить и сохранить въ своихъ рукахъ монополію этой торговли, ганзейцы старательно избѣгали того, чтобы эта монополія перешла въ руки другихъ иностранныхъ купцовъ. Если въ Новгородъ разъ и являлся фландрскій, ломбардскій ¹⁾ или другой какой неганзейскій купецъ, то во второй разъ, благодаря кознямъ ганзейцевъ, онъ въ Новгородъ не ѣздилъ.

Говоря объ этой торговлѣ, мы должны также познакомиться и съ ея предметами — съ товарами, которые шли изъ Ганзы въ Новгородъ и изъ Новгорода въ Ганзу.

Гости ганзейскіе доставляли Новгороду по преимуществу обработанные продукты — мануфактурныя издѣлія. Въ первое время собственно ганзейская промышленность не представлялась особенно развитою, и ганзейцы развивали чужія мануфактуры. Главными предметами такого рода были: 1) *полотна*, изъ которыхъ особенно славилось *валансъенское* или, вообще, фландрское, и 2) *сукна*, выдѣлка которыхъ сосредоточивалась также во Фландріи, чѣмъ именно и объясняется важное значеніе фландрской торговли въ средніе вѣка. Впослѣдствіи же, когда у нѣмцевъ явились собственныя фабрики и развилась своя собственная промышленность, нѣмецкіе купцы старались ввозить въ Новгородъ предметы своего производства: опять-таки главнымъ образомъ сукна и полотна было, въ ходу и англійское сукно, позже польское. Намъ уже извѣстно, какимъ стѣсненіямъ — принудительности подвергла Ганза торговлю этими предметами, но новгородцы, съ своей стороны, также неохотно покупали эти собственно нѣмецкія произведенія, и потому нѣмецкимъ купцамъ часто приходилось отступать отъ своего заранее обдуманнаго плана. Кромѣ сукна и полотна, ганзейцы привозили въ Новгородъ и другія произведенія. Это были, во-первыхъ, *металлы*, доставляемые какъ въ кускахъ, такъ и въ издѣліяхъ (колокола, жестянные листы для кровли и пр.), по преимуществу *свинца*, *англійское олово*, *чугунъ*, *жельзо*, *мѣдь*; во-вторыхъ, чешское (бемское) *стекло*; въ-третьихъ, разная *посуда*, главнымъ образомъ мѣдная (церковные сосуды). Все это находило хорошій сбытъ въ Новгородѣ, потому что здѣсь мѣстное производство было не развито.

¹⁾ У насъ есть такія извѣстія въ источникахъ.

Затѣмъ въ Новгородъ могли привозиться продукты чисто балтійскіе. Такъ, мы знаемъ, изъ Штральзунда, Любека, Данцига сюда привозилась *соль* и *сельдь*, которой изобиловало Балтійское море, почему сельдяной промыселъ былъ однимъ изъ самыхъ распространенныхъ въ ганзейскомъ союзѣ. Любекъ, преимущественно занимавшійся этой ловлей, сдѣлался главою ганзейскаго союза, именно благодаря этой рыбной торговлѣ. Наконецъ, въ Новгородъ могли привозиться *издѣлія восточная*, которыя попадали въ руки ганзейскихъ купцовъ черезъ посредство венеціанцевъ, но количество восточныхъ товаровъ, привозимыхъ ганзейцами въ Новгородъ, едва ли могло быть значительно. Этимъ собственно въ главныхъ чертахъ и ограничиваются товары, которые доставлялись нѣмецкими купцами въ Новгородъ, хотя можно указать и на нѣкоторые другіе. Такъ, напримѣръ, мы встрѣчаемъ указанія на то, что нѣмцы привозили сюда *лошадей*, даже *оружіе*, несмотря на то, что ввозить его въ Новгородъ было запрещено шведами; далѣе можно предположить, что сюда привозились разныя *издѣлія изъ кожи*: мы знаемъ, что въ Новгородѣ были извѣстны *нѣмецкія „перчатки“* и сафьянъ; провозился пергаментъ, крашенная пряжа, сѣра и пр., въ годы неурожая и хлѣбъ. Однимъ словомъ, общій характеръ этой торговли со стороны ганзейцевъ былъ сбытъ продуктовъ или своей собственной фабричной дѣятельности, или ближайшихъ къ нимъ сосѣднихъ странъ.

Что же взаимнѣе всего этого могли давать новгородцы ганзейскимъ купцамъ? Говоря вообще, это были сырые, необработанные продукты; но для того, чтобы отвѣтить болѣе подробно на этотъ вопросъ, намъ нужно познакомиться съ внутренними путями новгородской торговли.

На первомъ планѣ мы должны поставить Двинскій или Заволоцкій путь, ведущій въ обширный сѣверо-востокъ Европы. Весь этотъ сѣверо-востокъ, и теперь еще малолюдный, не имѣющій удобныхъ путей сообщенія, неразвитой, дикій и мало доступный для жизни, въ началѣ средневѣковой исторіи представляется намъ еще пустыниѣе и мрачнѣе. Въ то время его огромныя болотистыя пространства были заселены народами чудскаго племени. Эти бѣдные и дикіе народы, управляемые своими князьями, жили въ своихъ мѣстныхъ „твердяхъ“ и мало вступали въ сношенія съ другими народами.

Благодаря тому, что проникнуть въ этотъ сѣверо-востокъ Европы по его „негостепримной суровости и совершенной дикости“ было

очень трудно, мы имѣемъ весьма скудныя и темныя свѣдѣнія о народахъ, его населявшихъ. Такъ, напримѣръ, свѣдѣнія, сообщаемыя намъ писателемъ XII вѣка Адамомъ Бременскимъ, которому, по его положенію, страна эта могла быть извѣстна болѣе, чѣмъ другимъ западнымъ писателямъ, ясно указываютъ намъ на то, какъ мало была извѣстна эта страна въ то время: эти свѣдѣнія мало чѣмъ отличаются отъ передаваемыхъ Геродотомъ. Перечисляя имена народовъ, тамъ живущихъ, Адамъ Бременскій говоритъ о какомъ-то народѣ, который исключительно питался человѣческимъ мясомъ, вѣроятно, подразумѣвая подъ нимъ самоѣдовъ; далѣе передаетъ извѣстія о какомъ-то другомъ народѣ, который совершенно не говорилъ по-человѣчески, а лаялъ по-собачьи, при чемъ наивно рассказываетъ, что русскіе очень часто имѣли у себя плѣнниковъ изъ этого народа; наконецъ, сообщаетъ свѣдѣнія еще о какомъ-то народѣ, который отличался блѣдно-зеленоватымъ цвѣтомъ лица и своею долговѣчностію.

Русскимъ предстояла честь открыть эту страну, воспользоваться ея естественными богатствами, населить, колонизовать ее, и новгородцы, дѣйствительно, въ извѣстной степени исполнили это дѣло. Мѣстное богатство сѣвера, заключавшееся преимущественно въ мѣхахъ и металлахъ, легкая возможность одолѣть жившія тамъ племена и обложить ихъ данью — вотъ условія, которыя побудили новгородцевъ къ этому сѣверо-восточному движенію.

Первое чудское племя, съ которымъ новгородцы столкнулись въ этомъ движеніи, было *корела*, жившее по Онежскому озеру; оно вполне подчинилось вліянію пришельцевъ, и скоро все Обонсжье совершенно обрусѣло: корела съ своими племенными отгѣнками уцѣлѣло только въ немногихъ укромныхъ мѣстахъ. Далѣе за Обоньемъ начинается великая рѣка Двина, которая по своему центральному положенію въ этой мѣстности дѣлается главнымъ пунктомъ поселенія новгородцевъ. Земли по Двинѣ и далѣе назывались Двинскою землею или Заволочью. Сначала подъ Заволочью разумѣли нѣчто очень обширное и мало опредѣленное, впоследствии же этимъ именемъ стали называться земли, лежащія по Двинѣ и Онегѣ. Здѣсь-то преимущественно и поселились новгородскіе промышленники, они захватили себѣ массы земель и сдѣлались богатыми землевладѣльцами, а позднѣе боярами. Такъ какъ сношенія этихъ землевладѣльцевъ

съ Новгородомъ по своей трудности были весьма рѣдки, то и немудрено, что въ странѣ этой мы встрѣчаемся съ какимъ-то особеннымъ духомъ сепаратизма, который нерѣдко заставлялъ этихъ землевладельцевъ имѣть мнѣнія, совершенно противоположныя съ новгородскими, и сноситься съ сосѣдними князьями, суздальскими и московскими. Но здѣсь не останавливался новгородскій молодець. Онъ окружалъ себя дружиною-ватагой и самъ становился ея ватагоманомъ (ватманомъ) — слово по происхожденію нѣмецкое. Все далѣе и далѣе на сѣверо-востокъ двигался онъ съ этой дружиной купцовъ-солдатъ и заходилъ все въ болѣе и болѣе невѣдомыя страны. Въ странѣ печорской онъ встрѣчался съ другимъ чудскимъ племенемъ, печорою, а спускаясь южнѣе по Камѣ, входилъ въ пермскую землю. Нужно замѣтить, что это были по большей части предпріятія не государственныя, а предпріятія единичныхъ людей — и очень часто людей, почему-нибудь не поладившихъ съ новгородскимъ вѣчемъ. Такіе вольные люди, удаляясь на востокъ, основывали здѣсь совершенно независимыя отъ Новгорода колонію: такъ на притокахъ Камы, въ странѣ вотяковъ, въ 1174 году основались города: Хлыновъ, Вятка и другіе, болѣе или менѣе соединенные подъ именемъ Вятской земли и составившіе свое народное правленіе, независимое отъ Новгорода. Новгородскіе удалыцы очень рано заходили въ эти мѣстности, и, по всей вѣроятности, это движеніе началось задолго до основанія русской земли: уже въ концѣ XI вѣка мы встрѣчаемся съ указаніями, что сюда приходили новгородскіе кушцы¹⁾.

¹⁾ Песторъ, говоря о разныхъ народахъ, нападающихъ на русь, и предполагая, что народы эти заклепаны Александромъ Македонскимъ въ горы, переселяетъ, между прочимъ, рассказъ новгородскаго купца Гурята Роговича, который послалъ „отрока“ своего собирать дань съ печоры: отъ печоръ отрокъ этотъ отправился къ уграмъ, которые сообщили ему, что если зайти за луку морскую, то видны будутъ горы вышиною „акы“ до небеси! Тамъ живетъ какой-то невѣдомый народъ. Въ горахъ тѣхъ пробато „оконце малое“, въ которое эти невѣдомые люди „помаваютъ рукою“, показывая знаками, чтобы имъ дали желѣза, и если кто дастъ имъ желѣза или ножъ, или сѣкиру, то они „даютъ скорою противу“. Этотъ рассказъ въ легендарной формѣ рисуетъ нѣкую торговлю, которая дѣйствительно существовала въ этой мѣстности: арабскіе путешественники рассказываютъ, что болгары ходили въ какую-то страну Вису, въ которой торгсвали нѣвымъ образомъ — подобно тому какъ финикіане торговали съ народами Африки. Кроме того, существованіе у насъ нѣмой торговли под-

Занимая эти сѣверо-уральскія мѣстности, новгородцы, конечно, мы знаемъ это, встрѣчали сильное сопротивленіе, и потому чѣмъ далѣе эти мѣстности удалялись на востокъ, тѣмъ менѣе онѣ были заселены новгородцами. Отношенія между новгородцами и туземными племенами были такія же, какія позднѣе установились между Московскимъ государствомъ и сибирскими инородцами. Новгородцы предоставляли этимъ племенамъ полную свободу жизни¹⁾ и ограничивались только тѣмъ, что собирали съ нихъ дань, но дань иногда бывала слишкомъ тяжела, такъ что ее приходилось собирать силою, которая иногда вызывала сопротивленія. Мы имѣемъ, напримѣръ, одно извѣстіе, относящееся къ XII столѣтію, которое можетъ дать намъ понятіе объ этихъ столкновеніяхъ. Новгородскіе денщики являются къ югрѣ собирать дань, но югра отказывается и избиваетъ денщиковъ. Тогда является болѣе сильный отрядъ новгородцевъ и осаждаютъ городъ, въ которомъ заперся югорскій князь съ своимъ войскомъ. Князь этотъ, видя, что силою не совладать съ новгородцами, прибѣгаетъ къ хитрости. Онъ обѣщается уплатить дань, прося только для ея уплаты извѣстный срокъ, и приглашаетъ воеводу новгородскаго съ двѣнадцатью лучшими мужьями къ себѣ на пиръ. Приглашеніе, конечно, оказывается обманомъ: явившіеся новгородцы были перебиты. Потомъ югорскому князю удалось заманить еще 20 человекъ новгородцевъ, участь которыхъ была такая же, какъ и первыхъ; затѣмъ онъ зазвалъ къ себѣ еще

тверждается указаніями на нее писателя и путешественника XVI вѣка Герберштейна. „Русскіе, — говоритъ онъ, — переходили черезъ каменный поясъ до р. Оби и тамъ занимались грабежомъ; въ XIV вѣкѣ они разорили всю страну (конечно, это — преувеличеніе, которое однако не мѣшаетъ думать, что русскіе были въ Сибири до XV столѣтія). За каменнымъ поясомъ“, продолжаетъ Герберштейнъ, „живетъ странный народъ грустинцы, у которыхъ съ югами существуютъ такого рода торговля сношенія. Югра обыкновенно засыпаетъ на зиму и на время сна выкладываетъ неподалеку отъ себя товары. Грустинцы приходятъ и берутъ выложенные товары, взамѣнъ которыхъ оставляютъ свои собственные. Югра, просыпаясь, беретъ оставленные грустинцами товары, но, находя ихъ мало, очень часто бываетъ недовольна, вслѣдствіе чего нерѣдко между ними и грустинцами происходятъ войны!“ Разсказъ, очевидно, баснословный, но подобный разсказъ указываетъ намъ на то, что нѣмая торговля должна была существовать въ этихъ мѣстностяхъ.

1) До XVI вѣка мы встрѣчаемся съ князьями пермскими и югорскими, изъ которыхъ нѣкоторые однако уже приняли христіанство.

Очеловѣкъ изъ оставшихся лучшихъ людей новгородскихъ и тѣхъ еребиль. Теперь болѣе увѣренны въ успѣхѣ, югорцы прямо на новгородцевъ, у которыхъ, между тѣмъ, голодъ и смута, аздоры и измѣны. Вполнѣ разстроенная новгородская ватага не могла устоять передъ дружнымъ натискомъ югорцевъ и потерпѣла полное пораженіе, такъ что едва 80 человѣкъ успѣли спастись бѣгствомъ и, явившись въ Новгородъ, объявить тамъ о случившемся. Мы не знаемъ, чѣмъ все это кончилась, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что новгородцы отправили туда новое, болѣе сильное и осторожное войско, и югорскій князь волей-неволей долженъ былъ признать себя данникомъ Новгорода.

Собирая въ этихъ мѣстностяхъ дань, новгородцы занимались дѣсь и торговлей, которая, говоря вообще, была торговлею болѣе цивилизованнаго народа съ менѣе цивилизованнымъ. Известный уже намъ рассказъ Гуряты Роговича, можно сказать, вполнѣ характеризуетъ эту торговлю: просятъ ножъ, мечъ и сѣкиру, а замѣнъ даютъ скору мѣха. Дѣйствительно, главное богатство этихъ странъ состояло въ необыкновенномъ обиліи пушных звѣрей. Слѣдуетъ замѣтить, что чѣмъ болѣе распространяется цивилизація въ этихъ странахъ, чѣмъ болѣе онѣ заселяются, тѣмъ далѣе и далѣе на сѣверъ и востокъ отходятъ эти богатства: изъ Кіева къ Новгороду, изъ Новгорода въ землю суздальскую, изъ которой все болѣе и болѣе приближаются къ Уральскому хребту, наконецъ, перебрасываются въ Азію и въ наше время переходятъ къ Великому океану, но въ то время, о которомъ говоримъ, эти мѣстности были непочатымъ угломъ. Богатство этихъ мѣстностей пушными звѣрями было такъ велико, что рисовалось въ воображеніи народа чисто въ мифическихъ формахъ. Въ эти страны, рассказываетъ одно старинное русское преданіе, находятъ тучи великія, изъ которыхъ ниспадаютъ бѣлки и олени, и эти бѣлки и олени разбѣгаются оттуда по всей землѣ. Можетъ-быть, подъ этими тучами можно подразумѣвать уходящій вершинами въ облака Каменный поясъ, черезъ который къ намъ перебѣгали изъ Азіи эти звѣри, но для насъ важно не столько объясненіе, сколько существованіе подобнаго разсказа. Кромѣ бѣлокъ и оленей, здѣсь въ огромномъ количествѣ водились соболя, куницы и многіе другіе пушные звѣри, огромный запасъ которыхъ былъ причиною того, что мѣха въ нов-

городской землѣ были общимъ мѣриломъ для другихъ цѣнностей. Въ новгородской землѣ счетъ велся на 40 соболей, огромное количество кунныхъ мѣховъ замѣняютъ для новгородцевъ деньги, и потому общее тогда названіе денегъ было *куны*, т.-е. куньи мѣха; мордочки этихъ животныхъ тоже употреблялись, какъ монета, и назывались мордками. Мѣха, собираемые новгородцами въ странѣ приуральской, имѣли для нихъ большую важность, потому что мѣха-то и были главною статьею отпуска за границу.

Съ своей стороны, новгородецъ могъ привозить сюда издѣлія, необходимыя для этихъ полудикихъ народовъ, которые своимъ трудомъ не могли удовлетворять своимъ самымъ обыкновеннымъ потребностямъ. Сюда привозились прежде всего издѣлія, касающіяся одежды: полотно, сукно, готовую одежду, издѣлія изъ кожи, на-примѣръ, сапоги, а производствомъ сапогъ новгородцы славились, благодаря обилію кожи въ ихъ странѣ, и, наконецъ, при незнакомствѣ съ желѣзомъ, при неумѣніи обдѣлывать этотъ металлъ въ издѣлія, желѣзо и издѣлія изъ него цѣнились здѣсь всего дороже — вотъ почему миѣчскій народъ все давалъ за желѣзо, въ которомъ онъ нуждался, какъ говорить разсказъ, для того, чтобы просѣчь горы Уралъ, но не горы хотѣлъ просѣчь этотъ народъ: желѣзо ему нужно было для войны и охоты.

Заходя въ страну пермскую, новгородцы кромѣ мѣховъ встрѣчали новые продукты. Мы, на-примѣръ, знаемъ, что у новгородцевъ было закамское серебро, которое собирали также и съ югры въ взносъ дани. Откуда же приходило это золото и серебро? Этотъ вопросъ до сихъ поръ еще остается неразъясненнымъ. Припомнимъ, что скандинавскія саги сообщаютъ намъ о какой-то миѣчской странѣ Біарміи, которая, по мнѣнію норвежца Отера, путешественника временъ Альфреда (IX в.), есть пермская земля; жители этой страны, говорятъ скандинавскія саги, отличаются необыкновеннымъ богатствомъ: здѣсь самые разнообразныя товары и всего болѣе золота, и серебра. Нѣкоторые историки, принимая во вниманіе позднѣйшую бѣдность *Перми*, приходили къ убѣжденію, что разсказъ о богатствѣ этой страны легендарный и что тамъ не было ни золота ни серебра, а если и было, то добывать ихъ не умѣли, но въ то же время нельзя отвергать того, что югра платила дань новгородцамъ золотомъ и серебромъ, и даже того, что серебро, называвшееся у

новгородцевъ закамскимъ, шло изъ Перми, хотя этимъ же именемъ могло называться серебро, привозимое арабами и привозимое, надо думать, въ значительномъ количествѣ, потому что арабскіе диргемы и до сихъ поръ встрѣчаются во множествѣ при раскапываніи кургановъ. Кромѣ того, въ пермской области въ большомъ количествѣ находятъ древніе сосуды и украшенія, хотя довольно грубой работы, но все-таки сдѣланные изъ металла; кромѣ обыденной утвари, встрѣчаются даже металлическія изображенія идоловъ, и, наконецъ, между мѣстными преданіями сохранилось одно, которое говоритъ, что тамъ жилъ народъ чудаки, т.-е. чудь, который умѣлъ добывать руду; слѣдовательно, руда тамъ дѣйствительно была.

Изъ всего сказаннаго можно прійти къ такому заключенію: пермская земля, если сама по себѣ и не была торговою страной, то во всякомъ случаѣ была пунктомъ, куда сходились народы для торговыхъ сношеній. Дѣйствительно, Пермь для торговли находится въ очень выгодномъ положеніи: здѣсь течетъ рѣка Кама, слѣдовательно сюда могли приходять товары съ Волги, т.-е. арабскіе, а за Ураломъ въ этой области начинаются въ недалнемъ разстояніи притоки такихъ рѣкъ, какъ Обь и Тоболь. Мы видимъ, что страна эта вводитъ насъ въ глубь Азіи, откуда въ пермскую землю могло привозиться золото и серебро. Что въ Азіи издавна добывалось золото и серебро, въ настоящее время не подлежитъ никакому сомнѣнію. Получая же эти металлы изъ Азіи, пермяки, естественно, дѣлали попытки добывать ихъ у себя въ Уралѣ. Почему Пермь не выдвинулась впередъ этой торговлей, почему въ странѣ этой мы не встрѣчаемъ позднѣе народовъ, превосходящихъ югру своею цивилизаціею? Положительнаго отвѣта на это дать нельзя, а можно только объяснить народными переворотами въ Азіи: народъ, жившій при истокахъ Енисея и оставившій послѣ себя городище, рудники и изображенія идоловъ, могъ погибнуть отъ нашествія дикихъ средне-азіатскихъ ордъ.

Получаемые въ этихъ мѣстностяхъ драгоценные металлы новгородцы употребляли въ торговлѣ съ нѣмцами, потому что торговля съ ними производилась на наличныя. Нѣмцы, жадные на эти металлы, очень ловко умѣли выманивать ихъ у новгородцевъ; сами же, вслѣдствіе запрещенія Ганзы, не ввозили ихъ въ Новгородъ (впрочемъ, это запрещеніе не всегда соблюдалось, и иногда золото и

серебро привозилось нѣмцами въ Новгородъ). Новгородцы, къ сожалѣнію, сбывали эти металлы за границу, не умѣли воспользо-ваться ими для введенія у себя правильной монетной системы. Ихъ система есть продолженіе древне-русской: куны-рубли, куски серебра и гривны замѣняютъ у нихъ монету. Монета, въ строгомъ смыслѣ этого слова, явилась у насъ на Руси только послѣ татарскаго нашествія, но сначала эта монета не была русская, она была или нѣмецкая — *любская*, или чеканенная по образцу татарской.

Очень возможно, что въ той же пермской странѣ, и приуральской вообще, новгородцы прибрѣтали разные восточные товары — арабскіе. Такъ мы знаемъ, что югра платила дань новгородцамъ разными „узорочьями“, подъ которыми можно разумѣть или одежды изъ оленьихъ шкуръ, которыя приготовляла сама югра, или же какія-нибудь восточныя ткани, которыя могли привозиться сюда изъ Болгаріи, съ которой, какъ извѣстно, торговали арабы. Едва ли, впрочемъ, можно предположить, чтобы торговля восточными товарами была здѣсь правильная.

Странами приуральскими не ограничивались новгородцы. Сѣверо-востокъ былъ богатъ и въ другомъ отношеніи. Рѣка Двина ведетъ къ Бѣлому морю, а Бѣлое море издавна было богато разными рыбными промыслами. Рыбная торговля имѣла для новгородцевъ очень важное значеніе: уже издавна оцѣненъ былъ имъ этотъ промыселъ, уже издавна сдавали они для рыболовства разные рѣки и озера, уже издавна рыболовство производилось имъ въ громадныхъ размѣрахъ и было однимъ изъ главныхъ предметовъ ихъ промышленности. Намъ извѣстно, что новгородцы цѣлыми караванами, которые, какъ и сухопутные, назывались *ватагами*, ходили въ море къ берегамъ Мурманскому, около Архангельска, и Терскому, который по одной грамотѣ, былъ уступленъ ими своему князю съ исключительнымъ правомъ охоты. Здѣсь бился преимущественно всякій морской звѣрь; здѣсь добывались *рыба, сало, китовый усъ*; но въ особенности дорожили моржовымъ промысломъ, потому что онъ доставлялъ *моржовые клыки*, которые были у насъ извѣстны подъ именемъ *рыбьяго зуба*. Этотъ рыбій зубъ новгородцы могли продавать или своимъ купцамъ, или ганзейскимъ, хотя послѣдніе могли добывать его и инымъ путемъ — черезъ Норвегію. Вообще, надо полагать, новгородцы были хорошо знакомы съ мо-

ремь: новгородскіе ушкуйники были здѣсь какъ у себя дома, но правильныхъ поселеній здѣсь мы все-таки не встрѣчаемъ. До насъ дошли свѣдѣнія, что многіе новгородскіе промышленники ходили на Соловецкій островъ, который, слѣдовательно, былъ первымъ пунктомъ, около котораго собирались промышленники за рыбой. Есть еще одно естественное богатство этихъ сѣверо-восточныхъ мѣстностей, а именно *соль*, добычей которой новгородцы также занимались. Здѣсь при многихъ мѣстныхъ озерахъ въ Старой Русѣ, Устюжнѣ и т. д. были соляныя варницы, но главнымъ мѣстомъ, гдѣ добывалась соль, было Поморье.

Второй изъ внутреннихъ путей новгородскихъ по важности своей былъ *путь низовой*, который велъ изъ Новгорода къ верховьямъ Волги. По этому пути новгородцы ходили такъ же давно, какъ и по другимъ путямъ.

При первомъ взглядѣ на карту намъ станеть ясно, какъ должны были ходить изъ Новгорода на низъ, а именно: новгородцы ходили на то мѣсто, гдѣ Волга становится шире, и куда можно пройти прямымъ путемъ, слѣдовательно, они ходили къ рѣкѣ Тверцѣ или вообще къ этимъ частямъ Волги. Дѣйствительно, здѣсь была торная новгородская дорога въ центральную Русь. Естественно, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ изъ Волги нужно было переходить въ ея притоки, или гдѣ путь сухопутный превращался въ рѣчной, должно было появиться складочное мѣсто для товаровъ. Такимъ складочнымъ мѣстомъ дѣйствительно и сдѣлался Новый-Торгъ, теперешній Торжокъ. Это былъ торговый пунктъ, онъ принадлежалъ новгородской области; здѣсь могли сходитья купцы суздальскіе и новгородскіе и мѣняться другъ съ другомъ своими произведениями. Насколько важно было значеніе этого города въ новгородской торговлѣ, мы видимъ изъ того, что, когда въ 1215 году Ярославъ, разсорившись съ новгородцами, взялъ Торжокъ, онъ перехватилъ тамъ и новгородскихъ гостей, число которыхъ простиралось до 2000,—число весьма значительное и не для одного только того времени. Мы знаемъ, что новгородскіе купцы жили массами въ Новомъ-Торгѣ, имѣли тамъ свою церковь Св. Михаила, они тамъ строили также и торговые дворы. Если Новый-Торгъ получаетъ такое важное значеніе для Новгорода, то мы можемъ задать вопросъ, какіе товары шли черезъ этотъ городъ? Товары большею частію состояли въ мѣстныхъ произве-

деніяхъ земли суздальской, а именно, сюда привозились ленъ, конопля и, по всей вѣроятности, мѣстные издѣлія, суздальскіе мѣха, которые, конечно, не могли конкурировать съ мѣхами, привозимыми изъ приуральскихъ странъ, потому что были низшаго сорта, но имѣли свое значеніе. Этимъ же путемъ новгородцы имѣли возможность получать произведенія странъ приволжскихъ и восточныхъ. Но главное значеніе этого пути заключалось въ томъ, что имъ въ Новгородъ привозили хлѣбъ.

Новгородъ лежитъ на болотистой почвѣ, а потому земледѣліе въ этой мѣстности не развито, и вотъ почему урожай составляетъ здѣсь довольно рѣдкое явленіе: мы очень часто встрѣчаемся въ новгородскихъ лѣтописяхъ съ указаніемъ на голодъ. Цѣна хлѣба, немедленно послѣ неурожая, увеличивается въ два и въ три раза, и это колебаніе цѣнъ на хлѣбъ составляетъ самое обыкновенное явленіе новгородской жизни и указываетъ на болѣзненную сторону. Для того, чтобы какъ-нибудь прокормить свое населеніе, новгородцы должны были прибѣгать къ помощи другихъ народовъ и привозить хлѣбъ изъ чужихъ странъ. Но если и въ наше время неурожай такъ тяжело сказывается на мѣстахъ, пораженныхъ имъ, то въ то время, при болѣе худыхъ путяхъ сообщенія, онъ сказывается еще тяжелѣе. Мы знаемъ, что нѣмецкіе купцы привозили въ Новгородъ свой хлѣбъ изъ Ливоніи, но эта страна сама не отличалась плодородіемъ, къ тому же эта доставка была очень трудна по причинѣ морскихъ пиратовъ, которые разбѣжжали по Балтійскому морю и захватывали въ свои руки все, что имъ ни попадалось. Вслѣдствіе этихъ причинъ главною житницею Новгорода сдѣлалась низовская земля: отсюда въ Новгородъ тянулись громадныя обозы съ хлѣбомъ. Это обстоятельство ставило Новгородъ въ извѣстную зависимость отъ земли суздальской,— и мы видимъ, что чисто экономическое явленіе имѣетъ сильное вліяніе на политическіе результаты. Когда князья суздальскіе ссорились съ новгородцами, то ихъ обыкновеннымъ способомъ мести было то, что они нападали на Новый-Торгъ, брали его, захватывали новгородскихъ гостей въ свои руки, при чемъ они перехватывали у послѣднихъ возы съ хлѣбомъ. Это и имѣло обыкновенно рѣшительное значеніе: новгородцы или шли походомъ противъ суздальской земли, или старались заключить миръ. Перехватъ возовъ съ хлѣбомъ отзы-

вался въ Новгородѣ страшнымъ общественнымъ бѣдствіемъ, которое доходило иногда до такихъ размѣровъ, что намъ это кажется почти невѣроятнымъ. Напримѣръ, мы узнаемъ изъ повѣствованія одного новгородскаго лѣтописца, что въ 1215 году князь Ярославъ, взявъ Новый-Торгъ, не пустилъ въ Новгородъ обозовъ съ хлѣбомъ. Лѣтописецъ начинаетъ описаніе тогдашняго положенія Новгорода слѣдующими словами: „Велика скорбь бѣше въ людехъ и нужда“, далѣе онъ говоритъ, что люди мерли съ голода, питались корою, листьями, вообще всёмъ, что попадалось подъ руку¹⁾. Такой естественный голодъ сопровождался обыкновенно страшнымъ моромъ: „О! горе тогда, братіе, бѣше дѣти свои даяхуть одерень (т.-е. въ кабалу, въ холопство) и поставиша скудельницу и наметаша полну. О! горе бѣше! по торгу трупе, по полю трупе, не можаху пси извѣдали челоувѣкъ“ — говоритъ лѣтописецъ. (Скудельницею въ Новгородѣ или Божевимъ домомъ въ Москвѣ называлось кладбище, куда хоронили умирающихъ случайно смертію на улицѣ или за городомъ). Изъ этого разсказа мы видимъ, какими ужасными послѣдствіями для Новгорода грозилъ захватъ воевъ хлѣба суздальскою землею. Этотъ разсказъ о событіи 1215 г. всего яснѣе показываетъ намъ, какія дѣйствительно тѣсныя связи соединяли Новгородъ съ этой низовой землею.

Хотя Новгородъ и смотритъ на суздальскую землю, какъ на источникъ пропитанія, но онъ мало умѣетъ пользоваться обстоятельствами, новгородцы не замѣчали того, что если бы верховье Волги могло находиться въ ихъ рукахъ, то торговля ихъ должна бы была принять вслѣдствіе этого болѣе обширные размѣры. Новгородцы какъ бы игнорировали этой торговлей и ставили ей всевозможныя препятствія. Главнымъ препятствіемъ для торговли по Волгѣ были новгородскіе молодцы, ушкуйники, ходившіе на добычу. Они часто являются не пособниками новгородцевъ, а ихъ злѣйшими врагами, что въ особенности можно было отнести къ поволжскимъ землямъ. Этотъ великій водный путь представлялъ много простора и много привлекательнаго, и Волга съ неудержимою силою тянула къ себѣ добычниковъ изъ Новгорода. Такіе добычники обыкновенно отправлялись на Волгу съ согласія вѣча; но бывало такъ же очень часто, что они

¹⁾ Новгородская 1-я лѣтопись подъ 1215 годомъ.

собирались въ многочисленныя разбойничьи дружины и производили грабежи безъ разрѣшенія вѣча и навлекали, какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ, на Новгородъ жестокую кару.

По поводу походовъ новгородскихъ ушкуйниковъ интересенъ разсказъ лѣтописи¹⁾ подъ 1375 годомъ. Какой-то новгородскій удалецъ Прокопій, а съ нимъ одинъ бѣглый смольянинъ собрали дружину повольниковъ около 2000 человекъ. Эта разбойничья шайка изъ двинской земли проникла на Волгу, и первый встрѣтившійся ей городъ была Кострома. Великокняжескій воевода, узнавъ о приближеніи новгородскихъ повольниковъ, бѣжалъ, и городъ, лишенный всякой защиты, попалъ въ руки разбойниковъ. Городъ былъ страшно разоренъ, торговые дворы разграблены, купцы перебиты, но многіе, въ особенности женщины, дѣвѣцы и дѣти, были взяты въ плѣнъ. Изъ Костромы они двинулись на Нижній Новгородъ, здѣсь они напали на суда бесерменскія, купцы были всѣ перебиты, при чемъ расходившіеся разбойники не щадили также и христіанскихъ купцовъ. Изъ Нижняго Новгорода эти ушкуйники доходили до города Булгара, здѣсь эти *русскіе люди* промѣнивали болгарамъ *русскій плѣнъ* и вообще все награбленное ими въ ихъ отечествѣ. Такимъ образомъ мы видимъ, что чувство наживы заставляетъ умереть въ человекѣ всякое національное и даже религіозное чувство. Продавъ въ Булгарѣ своихъ плѣнниковъ, они идутъ далѣе по Волгѣ, бьютъ на пути басурманъ и грабятъ купцовъ, и долго они продолжали бы свои грабежи, если бъ на ихъ долю не выпалъ обыкновенный конецъ всякихъ подобныхъ набѣговъ. Когда они приблизились въ лодкахъ къ Астрахани, то одинъ татарскій владыка, Солчей, дестью выманилъ ихъ на берегъ, напоилъ ихъ и потомъ коварно перебилъ. Этотъ походъ новгородскихъ повольниковъ можетъ служить образцомъ всѣхъ другихъ новгородскихъ походовъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что новгородцы ходили на востокъ не съ мирною цѣлю, а часто для грабежа, что, естественно, должно было отзываться на самомъ Новгородѣ. Такъ, дѣйствительно, и бывало. Если Димитрій Донской тотчасъ же послѣ разоренія въ 1375 году Костромы и Нижняго Новгорода не могъ отомстить

¹⁾ 1-я Софійская лѣтопись.

Новгороду, по случаю того, что онъ былъ занятъ войной съ татарами, то въ 1386 году, освободившись отъ этой войны, онъ собралъ всѣхъ подвластныхъ себѣ князей русскихъ и отправился походомъ, и намъ извѣстно, что новгородцы принуждены были заплатить 5000 гривенъ за подвиги своихъ соотечественниковъ.

Третій внутренний путь — былъ *путь южный*, который издавна велъ изъ Новгорода въ Кіевъ и Черное море. Вначалѣ этотъ путь былъ самый важный изъ всѣхъ новгородскихъ путей, и онъ долгое время сохранялъ свое посредствующее значеніе. Новгородцы, нуждаясь въ восточныхъ товарахъ, дорожили Кіевомъ, они жили тамъ цѣлыми массами, устраивали свои особые дворы, имѣли даже свою церковь Св. Михаила. Предметомъ закупки новгородцевъ въ Кіевѣ были главнымъ образомъ товары восточные и южные; на этихъ-то товарахъ и было основано посредствующее значеніе новгородской торговли. Но обстоятельства измѣнились, и этотъ великій водный путь утратилъ свое важное значеніе. Съ нашествіемъ татаръ Кіевъ былъ взятъ, разграбленъ и преданъ огню; степь залегла непроходимыми преградами и отдѣлила такимъ образомъ сообщеніе между Византіей и Кіевомъ, вслѣдствіе чего этотъ великій водный путь и начинаетъ терять свое посредствующее значеніе — съ появленіемъ татаръ восточные товары не могли уже проходить этимъ путемъ. Правда, новгородскіе купцы продолжаютъ еще ѣздить на югъ, но эти поѣздки ограничиваются большею частью близкими городами: Смоленскомъ, Витебскомъ и Псковомъ.

Итакъ, этотъ путь потерялъ для новгородцевъ всякое значеніе, а что касается до другого пути — поволжскаго, то мы видѣли, что они не умѣли воспользоваться имъ.

Разсмотрѣвъ внутренніе пути новгородскіе, мы можемъ сказать, на чемъ основывалось торговое значеніе Новгорода, и какіе товары онъ отправлялъ за море. Торговое значеніе Новгорода опиралось именно на то, что онъ доставлялъ въ Европу богатства центральной Россіи, а отсюда получалъ ихъ уже готовыми. Товары, отправлявшіеся въ Ганзу, были слѣдующіе: во-1-хъ, главнымъ образомъ мѣха; во-2-хъ, серебро закамское въ слиткахъ; въ-3-хъ, произведенія Бѣлаго моря, куда новгородцы ходили на промыселъ; къ этимъ товарамъ принадлежали: китовый и тюлений жиръ, шкуры животныхъ и въ особенности дорого цѣнившаяся моржовая кость; въ-4-хъ,

произведенія центральной Руси, именно: ленъ, хмѣль и конопля, медь и воскъ, также отчасти вывозили и соль, несмотря на то, что они сами получали ее иногда изъ нѣмецкаго города Штральзунда, расположеннаго на берегу Балтійскаго моря; въ-5-хъ, Новгородъ могъ доставлять нѣкоторые восточные и южные товары, хотя и въ незначительномъ количествѣ; наконецъ, Новгородъ вывозилъ мѣстные продукты природы: лѣсъ и, вѣроятно, продукты, добываемые изъ лѣса, — поташъ, деготь, смолу и пр. Дѣйствительно, мы встрѣчаемся съ продуктами, добываніе которыхъ сопряжено было съ большою трудностью, но тѣмъ не менѣе эти продукты вывозились необработанными, невыдѣланными. Сравнивая товары новгородскіе съ ганзейскими, мы убѣждаемся, что торговля новгородская имѣла пассивный характеръ. Во всякомъ случаѣ, каковъ бы ни былъ характеръ новгородской торговли, все-таки она была важна и, несомнѣнно, господствовала на всемъ сѣверо-востокѣ, и пока Новгородъ не имѣлъ въ этой мѣстности конкуренціи, онъ не могъ потерять своего важнаго посредствующаго значенія.

Торговля Новгорода была такъ важна, что самъ Новгородъ исключительно занимался ею, и, благодаря ей, онъ былъ дѣйствительно великъ и силенъ своимъ богатствомъ: не даромъ его называли Господиномъ Великимъ Новгородомъ. Большая часть новгородскихъ людей преимущественно занималась этой торговлей, даже и бояре, изъ которыхъ нѣкоторые, по всей вѣроятности, были не болѣе, не менѣе, какъ разбогатѣвшіе купцы новгородскіе. Въ Новгородѣ купецъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, чувствуетъ себя общественной силой. Никакой договоръ, никакое рѣшеніе не проводится безъ согласія купца. Новгородскія былины характеризуютъ намъ личность новгородскаго купца въ яркихъ краскахъ. Такъ, напримѣръ, извѣстная былина о Садкѣ богатомъ гостѣ рисуетъ намъ надменную и самосознательную удалъ новгородскаго купца-богача. Уже тотъ фактъ, что ни въ какой другой области не являлись подобнаго рода былины, даетъ намъ понять живѣе всякихъ словъ, что только тамъ, въ Новгородѣ, въ сознаніи народа могъ явиться такой мифическій образъ, какъ Садко. Этотъ новгородскій гость настолько чувствуетъ себя богатымъ, что онъ смѣется надъ цѣлою новгородскою общиною, говоря, что онъ въ состояніи скупить всѣ товары новгородскіе. Но ему приходится убѣдиться, что есть ку-

пецъ побогаче его, а этотъ купецъ есть самъ Господинъ Великій Новгородъ. Такимъ образомъ новгородскій гость смиряется предъ новгородской общиной, потому что она заключала въ себѣ нѣсколько такихъ купцовъ, а потому община была сильнѣе всякаго отдѣльнаго индивидуума.

Изъ обозрѣнія новгородской торговли мы можемъ вывести то заключеніе, что Новгородъ есть типъ-образецъ русскаго торговаго города. Несмотря на такое развитіе торговли Новгорода, въ XV вѣкѣ мы встрѣчаемся уже съ ея постепеннымъ упадкомъ; эта торговля не удержалась въ томъ дунктѣ, который она избрала своимъ средоточіемъ, и Новгородъ падаетъ быстро. Измѣняются обстоятельства, измѣняются торговые пути, и Новгородъ падаетъ съ высоты своего величія, и отъ него остаются только одни жалкіе остатки его прежняго могущества, въ настоящее время это одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ и незначительныхъ городовъ Россіи. Главныя причины паденія Новгорода заключались, во-первыхъ, внутри самого Новгорода, въ устройствѣ его общества. Этотъ городъ, несмотря на всѣ благоприятныя условія, мы уже знаемъ, не выработалъ правильныхъ государственныхъ взглядовъ и понятій. Въ Новгородѣ не развивается совершенно никакихъ понятій о правительствѣ и власти, и если мы встрѣчаемся тамъ со властью, то она заключается тамъ въ самомъ народѣ, въ видѣ вѣча; но самое вѣче не представляло собой опредѣленной правительственной формы правленія; съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе ощущается въ Новгородѣ потребность перемѣны формы правленія, но мы видимъ, что Новгородъ не удовлетворяетъ этой потребности. Анархія становится все сильнѣе и сильнѣе, ею пользовались только вліятельные люди для проведенія своихъ взглядовъ и убѣжденій, люди же незначительные ею пользоваться не могли. Такимъ образомъ въ Новгородѣ является олигархія и охлократія вмѣстѣ: олигархія, т.-е. господство немногихъ разбогатѣвшихъ людей, но рядомъ съ этой олигархіей продолжается также господство черни. Такое соединеніе правительственныхъ началъ есть самая неудобная и беспорядочная форма правленія¹⁾. Мы знаемъ, что нѣкоторые люди

¹⁾ Новгородская чернь, какъ мы видѣли, всецѣло находилась въ матеріальной зависимости отъ высшихъ классовъ, и это имущественное неравенство должно было, конечно, особенно раздражающе дѣйствовать на толпу при демократи-

оказывали себя сторонниками и съ ними считали себя самостоятельными владыками, и при отсутствіи законовъ и нравственныхъ началъ они дѣлали, что только хотѣли. Народная былина мѣтко схватываетъ черты новгородскаго насилія въ лицѣ удалца Василія Буслаева, сына одного богатаго боярина. Василій Буслаевъ собираетъ около себя ватагу вольныхъ людей, разгоняетъ вѣче, и вообще, расхोдившійся боярскій сынъ не чувствуетъ надъ собою никакой власти; онъ смѣется надъ самимъ вѣчемъ, называя членовъ его мужиками-горланами. Василій Буслаевъ не останавливается и предъ тою силой, которая одна могла бы сдержать его. Если ушкуйники продавали русскій плѣнъ, то что удивительнаго, если въ самомъ Новгородѣ представитель религіи не могъ удержать расходившуюся удалъ молодецкую, и старчище-пилигримище, въ которомъ рисуется церковь новгородская, подвергается нападенію со стороны расходившагося Василія Буслаева! Такимъ образомъ мы видимъ, что реформы правительственной власти въ Новгородѣ были необходимы, но вмѣсто того зло становится все болѣе и болѣе вопіющимъ, а исправленій никакихъ не происходило. Въ особенности страдалъ мирный классъ, т.-е. среднее сословіе, на которое всего болѣе опирается благосостояніе государства. Если въ Новгородѣ не развивается сколько-нибудь правильныхъ государственныхъ понятій, то естественно, что онъ долженъ былъ пасть въ борьбѣ, гдѣ противъ него стало бы дѣйствовать организованное государство. И дѣйствительно, мы видимъ, что паденіе Новгорода, начинаясь само внутри, переходитъ въ область дѣйствительнаго факта.

Новгородъ, несомнѣнно, долженъ былъ пасть, когда выдвинулась впередъ Москва т.-е. центръ Великороссіи, въ экономической зависимости отъ которой находилась нехлѣбородная Новгородская область. При всѣхъ недостаткахъ московскаго устройства, этотъ городъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ одно достоинство — здѣсь господствовали порядокъ и крѣпкая государственная власть, здѣсь не было мѣста такимъ проявленіямъ, какъ казачество и ушкуйничество. Москва поставила себѣ задачу объединеніе всей Руси, и чешской формѣ правленія Новгорода, гдѣ всѣ свободные граждане пользовались равными политическими правами. Эта рознь классовъ новгородскаго общества являла торговую республику внутренняго единства.

главнымъ препятствіемъ къ этому объединенію былъ Новгородъ. Естественно, что между этими двумя русскими центрами должна была произойти открытая борьба, въ исходъ которой сомнѣваться было нельзя, имѣя въ виду, что новгородское вѣче руководствовалось не народными интересами, а интересами немногихъ бояръ¹⁾. Съ XV вѣка мы все болѣе и болѣе замѣчаемъ въ Новгородѣ общественную апатію, и это понятно: съ увеличеніемъ богатства, съ господствомъ кушцовъ мирные интересы преобладаютъ всякіе другіе; дѣйствительно, мы видимъ, что купеческая община боится войны, потому что война нарушаетъ мирное теченіе ея торговли. Военственный духъ древнихъ новгородцевъ исчезаетъ въ ихъ потомкахъ, и намъ нерѣдко приходится слышать, что Новгородъ старается большею частью откупиться отъ своихъ враговъ. Такъ, напримѣръ, когда Витовтъ объявляетъ имъ войну, то новгородцы мира ради платятъ ему 5000 гривенъ, также и Василию московскому Новгородъ въ два приѣма выплачиваетъ 8000 гривенъ — суммы довольно значительныя для того времени. При Іоаннѣ III неприличья новгородцевъ къ войнѣ сказывается еще сильнѣе: ополченія торгового города, при слабости военного устройства, не могло оказать сопротивленія княжскимъ полкамъ. Новгородъ не падаетъ съ достоинствомъ, какъ Кіевъ въ борьбѣ съ своимъ вѣчнымъ врагомъ, онъ подчиняется, не испытавъ борьбы, по крайней мѣрѣ, не исчерпавъ своихъ послѣднихъ средствъ. Новгородъ прибѣгаетъ къ помощи Литвы и этою помощію онъ не умѣетъ воспользоваться, онъ не умѣлъ вызвать со стороны литовскаго князя болѣе дѣятельное участіе въ этой войнѣ.

¹⁾ Новгородъ въ борьбѣ съ объединенной Москвою долженъ былъ неминуемо пасть и потому, что его область, охватывая огромный сѣверный районъ, доходившій до Урала и верховьевъ Волги, въ сущности не представляла собой чего-нибудь цѣлаго. Ближайшія къ Новгороду земли, составляли такъ называемыя пятны, зависѣвшія въ управленіи отъ городского конца, къ которому были приписаны; земли, приобретенныя пооднѣ, образовывали особый рядъ волостей, имѣвшія отличное отъ пятинъ управленіе, и часто были политически почти независимы отъ Господина Великаго Новгорода; многіе бывшіе пригороды также образовывали самостоятельныя единицы, какъ, напр., Псковъ, сдѣлавшійся въ XIV в. „младшимъ братомъ“ Новгорода. Такимъ образомъ въ новгородской территоріи не было единства.

Присоединение Новгорода къ Москвѣ разрушаетъ весь строй прежней новгородской жизни, и естественно это должно было отразиться на новгородской торговлѣ. Дѣйствительно, Новгородъ теряетъ свое независимое, первенствующее значеніе, онъ могъ бы оставаться торговымъ, но только въ зависимости отъ Москвы, что конечно, значительно уменьшило бы эту торговлю.

Но кромѣ упомянутыхъ обстоятельствъ, случились другія, которыя не только уменьшили, но совершенно почти убили торговлю новгородскую. Извѣстно, что главное значеніе Новгорода опиралось на торговлю съ Ганзой; въ XV же вѣкѣ въ самой Ганзѣ мы встречаемся съ признаками паденія, и ея господствующее значеніе на Балтійскомъ морѣ прекращается. Причины этого паденія были слѣдующія: поляки и литовцы наносятъ ударъ тевтонскому ордену, и господствующее положеніе нѣмцевъ становится непрочнымъ. Ливонія, вмѣсто Новгорода, дѣлается сосѣдкою болѣе сильнаго князя московскаго. Между ею и Русью происходитъ вражда, за которой слѣдуетъ борьба, побѣда остается на сторонѣ Россіи, и Ливонія, принужденная платить дань, чтобы не попасть подъ власть русскихъ, раздѣляется на двѣ партіи, изъ которыхъ одна бросается подъ защиту Польши, а другая передается въ руки шведскаго короля. Кромѣ этого въ 1398 г. произошла Кальмарская унія, т.-е. соединеніе скандинавскихъ государствъ, которыя находились въ враждебныхъ отношеніяхъ къ Ганзѣ. Наконецъ, около половины XV столѣтія начинается измѣненіе всей европейской торговли, открывается новый морской путь въ Индію, вслѣдствіе чего Ганза становится лишнею и падаетъ, а вмѣстѣ съ нею естественно падаетъ и Новгородъ, который держался на торговлѣ съ ганзейцами. Къ тому же надо прибавить, что всѣ нѣмцы вообще находились во враждебныхъ отношеніяхъ къ московскому князю, и въ 1494 г. Іоаннъ III далъ насильственный толчокъ прекращенію этой торговли. Въ упомянутомъ году Іоаннъ III явился въ Новгородъ, и здѣсь произошелъ погромъ всего ганзейскаго, тамъ бывшаго: нѣмецкіе дворы были опечатаны, нѣмецкіе гости въ числѣ 50 человекъ были отведены въ плѣнъ въ Москву, всѣ товары ихъ на сумму около 100000 руб. были захвачены; это уже былъ послѣдній годъ пребыванія ганзейцевъ въ Новгородѣ, послѣ котораго дружескія отношенія ганзейцевъ съ новгородцами не возобновлялись,

вслѣдствіе чего значительная до сего времени торговля Новгорода пала, и торговымъ центромъ сдѣлалась Москва. Московскій князь, чтобы окончательно присоединить Новгородъ къ Москвѣ, переселилъ изъ Новгорода въ Москву 7000 семействъ, взамѣнъ которыхъ переслалъ туда 7000 семействъ изъ Москвы. И пришлые люди прервали послѣднія нити, которыя хотя еще нѣсколько связывали воспоминанія новгородцевъ съ прошедшимъ могуществомъ ихъ отечественнаго города¹⁾).

VI.

Суздальская Русь и татары.

Разсматривая исторію русской торговли, мы все останавливались на великомъ западномъ пути, потому что русская исторія началась здѣсь, на западѣ. Теперь же перейдемъ на другой водный путь — восточный, потому что здѣсь зарождается и вдали отъ всякаго западнаго вліянія, но подъ сильнымъ вліяніемъ Востока, развивается (самостоятельная) русская жизнь.

Объединеніе Руси не могло быть совершено ни югомъ, ни западомъ, эта задача выпала на долю земли суздальско-московской. Весь сѣверо-востокъ съ VIII и IX вв. представляется намъ грубымъ, необработаннымъ, — силы природы, естественныя, находятся въ полномъ развитіи и торжествуютъ надъ силами культурными, обрабатывающими. Громадные лѣса и болота дѣлаютъ почти невозможнымъ пребываніе тамъ человѣка. Человѣкъ, живущій тамъ, принадлежитъ къ племени, которое еще не вышло изъ первыхъ ступеней развитія и

¹⁾ Не надо думать, что торговля въ Новгородѣ совсѣмъ была уничтожена: она и позже служила посредникомъ въ торговыхъ сношеніяхъ съ Ливоніей, одно время прекратившихся; мы знаемъ, что въ началѣ XVI в. сюда приходять московскіе, тверскіе и смоленскіе купцы съ различными произведеніями сельскаго хозяйства, рыболовства и пчеловодства; эти товары (особенно медъ и воскъ) вымѣниваются иностранными купцами и идутъ черезъ Иванъ-Городъ (основанный противъ нѣмецкой Нарвы) и Псковъ въ Ригу и Ливонію; но торговая вольность вмѣстѣ съ паденіемъ самостоятельности Новгорода была уничтожена навсегда.

подчиняется влиянію своей дикой неразвитой природы. Всея сѣверо-востокъ занять племенами чудскаго происхожденія.

По верховьямъ Волги живутъ чудь, весь, мурома и отчасти мордва. Быть этихъ племенъ не извѣстенъ въ полной достовѣрности, такъ какъ исторія ничего не сохранила о такомъ отдаленномъ періодѣ; но недостатокъ историческихъ памятниковъ, по возможности, пополняется археологическими раскопками. Раскопки, произведенныя въ тысячѣ могилъ, показываютъ, что племя меря, могущее служить представителемъ другихъ племенъ, находилось на низшей ступени развитія: у него еще нѣтъ желѣза, и употребляется только бронза. Племя это является намъ съ неразвитымъ земледѣльческимъ характеромъ, потому что земледѣльческихъ орудій не найдено при этихъ раскопкахъ, а присутствіе тамъ топора можетъ указывать намъ на бытъ охотника-звѣролова. Этотъ народъ строитъ себѣ дома и, по всей вѣроятности, живетъ въ нихъ отдѣльными родами. То обстоятельство, что могилы большею частью сгруппировываются въ извѣстныхъ мѣстностяхъ среди лѣсовъ и по берегамъ рѣкъ, заставляетъ предполагать, что населеніе подвигалось впередъ по воднымъ путямъ и по берегамъ рѣкъ вырубало лѣса, дѣлало такимъ образомъ искусственныя поляны, на которыхъ и поселялось.

Тѣ же самыя раскопки показываютъ намъ, что историческая жизнь въ IX в. начала проникать въ эти мѣстности; въ могилахъ было найдено много различныхъ предметовъ совершенно нѣмецкаго происхожденія. Многіе предметы, сдѣланные изъ металла, камня и стекла въ видѣ ожерелій, серегъ и колецъ и носящія на себѣ отпечатокъ Востока, могли попадать сюда не иначе, какъ путемъ торговли съ Востокомъ. Вѣроятно, болгарскіе торговцы проникали до этихъ мѣстностей, чтобы добыть дорогіе мѣха, и взамѣнъ ихъ привозили предметы болѣе развитой восточной обрабатывающей промышленности. Довольно значительное количество арабскихъ монетъ, разсыпанныхъ въ видѣ кладовъ и находимыхъ въ могилахъ, можетъ указывать намъ на то, что значеніе денегъ, какъ орудія мѣны, начинаетъ становиться извѣстнымъ въ то время.

Въ эту-то страну пришли русскіе колонисты; но кто именно и когда — это намъ не извѣстно по недостатку научныхъ изслѣдованій. Большая часть мѣстныхъ географическихъ названій чисто финскаго происхожденія; преимущественно рѣки сохранили свои старинныя

названія, такъ какъ онѣ не подвергаются такимъ быстрымъ измѣненіямъ, какъ все, созданное руками человѣческими. Москва, Волга, Ока — это все названія не русскія, а чудскія. Въ словѣ Ока мы ясно слышимъ звукъ „юкки“, что до сихъ поръ у финлядцевъ значить „рѣка“, въ имени Москва звукъ „ва“ означаетъ „вода“, и, наконецъ, слогъ „га“ въ названіи „Волга“ значить во многихъ финляндскихъ нарѣчіяхъ тоже „рѣка“ (ср. Оне-га, Пине-га и т. д.). Чѣмъ дальше итти на сѣверъ, тѣмъ больше встрѣчаются эти чудскія названія, переименованныя русскими. Если бы можно было изслѣдовать такимъ образомъ въ дальней мѣстности географическія названія, то тогда можно бы указать, откуда шла эта колонизація. Можно сдѣлать предположеніе, что она подвигалась по великимъ воднымъ путямъ. Въ этой центральной странѣ сходятся верховья Волги и Оки, слѣдовательно, и колонизація должна итти съ двухъ сторонъ: по Волгѣ и Окѣ. Верховья Оки были заселены дикимъ племенемъ вятичей, которые еще въ XII вѣкѣ упорно держатся своей старины и замучиваютъ печерскаго монаха Кукушу, который проповѣдуетъ имъ христіанство; слѣдовательно, съ этой стороны цивилизація въ раннее время итти не могла. По верховьямъ Волги жили кривичи и славяне новгородскіе. Новгородцы ближе всѣхъ находились въ сношеніи съ Западомъ и принадлежали къ числу племенъ, рано развившихся. Они первые завязали развитую торговлю съ этою странюю; насколько старинна эта торговля, мы судить не можемъ, но есть указанія, что она почти исконная. Мы знаемъ, что обуславливало эту торговлю — новгородцы ходили въ эту дикую, лѣсную и болотистую страну для добыванія дорогихъ мѣховъ. По всей вѣроятности, они отправлялись, минуя истокъ Волги, прямо по рѣкѣ Тверцѣ и оттуда волокомъ могли переходить въ другія рѣки (самое названіе города „Волоколамскъ“, т.-е. „волокъ Ламскій“, рѣка Лама, показываетъ на торговое движеніе по этому водному пути). Слѣдовательно, первая колонизація этихъ мѣстностей должна быть приписана новгородцамъ; но и кривичи, жившіе по верховьямъ Днѣпра и Волги, естественно, должны были проникать далѣе во внутрь этой дикой страны, и, какъ кажется, ихъ колонизація имѣла болѣе значенія, чѣмъ колонизація новгородцевъ. Такимъ образомъ мы еще въ половинѣ IX столѣтія встрѣчаемся въ этой мѣстности съ русскими названіями, какъ-то: Бѣлоозеро, Ростовъ и др.

Впослѣдствіи къ этой колонизаціи прибавляется еще значительная колонизація съ юга. Князья овладѣваютъ этою землею и дѣлятъ ее между собою, она получаетъ по главному городу названіе суздальской земли, и у ней является свой суздальскій князь.

Хотя у этого князя и были свои владѣнія на югѣ, но рано или поздно у него должны были вырасти мѣстные интересы, тѣмъ болѣе, что суздальская земля дѣлается для него важнѣе и богаче, нежели его южное переяславское княжество, разоренное половцами. Юрій Долгорукій первый начинаетъ обращать на нее серіозное вниманіе, онъ строитъ города, его сынъ — тоже. Появленіе въ странѣ князя влечетъ за собою обыкновенно наплывъ населенія, и вотъ, дѣйствительно, населеніе прибываетъ съ юга, и именно изъ земля переяславской; вотъ почему цѣлый рядъ вновь выстроенныхъ городовъ носить южнорусскія названія: напр., Юрьевъ, Переяславль. Даже самая рѣка, протекающая чрезъ Переяславль-Залѣскій, называется Трубежемъ, то же имя, которое носить рѣка, протекающая чрезъ Переяславль южный.

Населеніе, прибывавшее съ юга, связывало эту дикую страну съ югомъ Россіи, откуда приходило просвѣщеніе, а потому самая жизнь и все устраивалось по тому же образцу, по которому все устраивалось на югѣ Россіи. Но мало-по-малу эта жизнь получаетъ самостоятельный характеръ, соответствующій климатическимъ условіямъ страны, и населеніе ея получаетъ совершенно самостоятельное значеніе. Московское и суздальское нарѣчіе представляются намъ съ совершенно особыми отгѣнками, чѣмъ другія. Особенность эта проявляется не въ одномъ языкѣ, но также въ бытѣ и обстановкѣ. Въ особенности любопытно обратить вниманіе на постройку крестьянскаго дома, такъ какъ она есть большею частію признакъ принадлежности къ извѣстной народной особености. Оказывается, что постройка крестьянскаго дома великорусскаго отличается отъ постройки южнорусскаго. Великорусская постройка соединяетъ обыкновенно подъ одною крышею и домъ и дворъ, тогда какъ южнорусская состоитъ изъ двухъ; великорусская изба своего узкою стороною выходитъ на улицу, а дверь ея находится на дворѣ — въ этомъ какъ бы сказывается характеръ великорусса, склоннаго къ уединенію и семейной жизни; тогда какъ постройка малорусская своею широкою стороною выходитъ на улицу, сообразно ха-

рактору племени, склоннаго къ общественной жизни. Когда мы изъ Московской губерніи переходимъ въ Тульскую и Калужскую, то мы замѣчаемъ, что тамъ постройка дома измѣняется и скорѣе подходитъ къ южнорусской — здѣсь, по всей вѣроятности, находится этнографическая граница. Великорусскъ по своему характеру составляетъ совершенную противоположность малороссу. Онъ серьезнѣе, важнѣе, угрюмѣе, его пѣсня большею частію заунывна, какъ и окружающая его природа, онъ сосредоточенъ, медлителенъ и остороженъ въ своихъ поступкахъ, онъ менѣе, чѣмъ малоросскъ, способенъ къ изліянію чувства, вообще, въ немъ разсудокъ преобладаетъ надъ чувствами, тогда какъ въ малоросскѣ — чувство надъ разсудкомъ. Въ великорусскѣ вырабатывается привычка къ труду, смѣтливость, устойчивость и энергія, благодаря окружающей его дикой природѣ, которая ничего не давала даромъ и гдѣ все приходилось брать съ боя и тяжелымъ трудомъ. Эти обстоятельства доставили великоруссу возможность выйти побѣдителемъ изъ борьбы съ врагомъ, — изъ борьбы, которую онъ велъ съ постоянной расчетливостію, по извѣстному систематическому плану, и исполнить такимъ образомъ великую задачу объединенія Руси. Разница характеровъ рано сказывается въ типахъ князей, которые намъ представляются уже въ XIII вѣкѣ. Обыкновенно, какъ двѣ рѣзкія противоположности ставятъ Всеволода III Большое гнѣздо и Мстислава Удалого. Дѣйствительно, трудно найти характеры болѣе противоположныя. Мстиславъ Удалой — князь южный, бродяга, который переходитъ съ мѣста на мѣсто и становится искателемъ приключеній. Онъ ищетъ себѣ „чти и славы“ — и находитъ то и другое; но его храбрость и рыцарскіе подвиги не много пользы приносятъ его народу. Всеволодъ III въ противоположность ему медлителенъ, остороженъ въ своихъ дѣйствіяхъ, онъ не ищетъ рыцарскихъ подвиговъ, не любитъ рѣшительныхъ битвъ и предпочитаетъ отсидѣться, онъ большею частью руководится извѣстнымъ расчетомъ, и этотъ расчетъ его не обманываетъ: въ результатѣ борьбы оказывается, что южный князь долженъ преклониться предъ княземъ сѣвернымъ, несмотря на свою временную и блестящую удачу. Андрей Боголюбскій и Всеволодъ III являются сильнѣйшими государями Руси, они, по выраженію пѣвца „Слова о полку Игоревѣ“, могутъ шеломами Донъ вылить, а веслами Волгу раскропить.

Главная причина успѣха князя сѣверо-восточнаго заключается въ томъ, что на сѣверо-востокъ кладутся начала правильнаго государства. Мы, конечно, не можемъ искать въ средніе вѣка въ народѣ развитыхъ политическихъ понятій, такъ какъ ихъ еще нѣтъ, но зато здѣсь, сообразно съ условіями страны, вырабатываются основы для будущаго государства.

Въ сѣверной Руси прежде всего устривается такой же порядокъ, какъ и въ южной Руси: мы встрѣчаемся съ тѣмъ же отношеніемъ князя къ народу, съ тѣмъ же вѣчемъ. Потомъ начинается вырабатываться самостоятельный характеръ, но это идетъ постепенно, такъ какъ, естественно, что сразу ничего не могло выработаться другого, противоположнаго прежнему порядку. Человѣкъ, переселенный на сѣверъ, привыкаетъ къ своей странѣ и становится осѣдлымъ, и князь, вырастающій въ этой странѣ, привыкаетъ къ ней, тогда какъ у южнаго князя-бродяги, собственно говоря, не было любви къ родинѣ, хотя онъ иной разъ и говоритъ, что готовъ за отчизну положить свою голову. Для него всякая отдѣльная земля была родиной, онъ въ ней охотно уживался, словомъ, онъ былъ бродяга. Напротивъ, князь сѣверный привыкаетъ къ своей странѣ, дѣлается осѣдлымъ и сродняется съ интересами роднаго края.

Этотъ переходъ изъ полукочующаго состоянія въ осѣдлое составляетъ значительный шагъ на пути развитія народа. Князь, осѣвши, долженъ былъ совершенно иначе относиться къ своей странѣ, чѣмъ князь неосѣдлый; если на югѣ вѣче и князья имѣли особые интересы, подчасъ несходные, то такого рѣзкаго различія не могло быть на сѣверѣ, и такимъ образомъ естественно должно было произойти сліяніе князя съ вѣчемъ и народомъ.

Городъ на сѣверѣ былъ выстроенъ самимъ княземъ и населенъ его людьми; онъ не имѣлъ той прошедшей исторіи, которую имѣлъ городъ южнорусскій, а потому, хотя онъ и принималъ форму вѣчевую южнорусскую, но эта форма въ немъ не установилась крѣпко. Путемъ историческаго развитія и съ потребностью правильнаго государства она начинаетъ понемногу уничтожаться, такъ что въ XIV и XV вѣкахъ она представляется уже аномаліей: когда во время нашествія Тохтамыша на Москву князь покинулъ столицу, и народъ по этому поводу собирается на сходку, то лѣтописецъ называетъ это преступленіемъ, мятежнымъ проявленіемъ и кра-

мольничествомъ: „мятежници, крамольници сзвоннша вѣче“, говорить онъ. вмѣстѣ съ уничтоженіемъ розни между землею и княземъ является возможность болѣе развитой жизни, и кладется болѣе правильное отношеніе между княземъ и народомъ. Съ другой стороны, мы можемъ еще замѣтить, что князь, сдѣлавшись осѣдлымъ, и приобретаешь любовь къ родинѣ, начинаетъ заботиться объ увеличеніи своихъ собственныхъ постоянныхъ владѣній. (Подобные примѣры мы видимъ и въ южной Руси, но случайные, почему это и не заслуживаетъ особаго вниманія, тогда какъ на сѣверѣ это имѣеть особое значеніе.) Князь такимъ образомъ становится землевладѣльцемъ, помѣщикомъ (вотчинникомъ), и чѣмъ сильнѣе становится онъ, тѣмъ больше распространяеть онъ свои вотчинныя притязанія на всѣ (остальныя) земли.

Конечно, князь-помѣщикъ не есть государь, въ нашемъ смыслѣ слова (и это смѣшеніе понятій о государѣ есть признакъ неразвитой политической жизни), но тѣмъ не менѣе этотъ прогрессивный шагъ ведетъ къ объединенію Руси. Замѣтимъ то, что, указывая на эти прогрессивныя явленія, мы не должны забывать, что формы, въ которыхъ проявляются эти идеи, не всегда бываютъ симпатичны, напротивъ, онѣ представляются намъ какъ бы огрубѣніемъ, шагомъ назадъ. Впрочемъ, это естественно, потому что народъ, удаленный на угрюмый сѣверъ и осужденный на вѣчную борьбу за свой хлѣбъ насущный, не имѣлъ ни возможности, ни времени для своего развитія умственного и интересовъ духовныхъ, а потому прошло много времени, прежде чѣмъ сѣверная Русь достигла того духовнаго развитія, котораго уже давно достигла южная Русь. Кіевъ — городъ, въ которомъ собирались всѣ иностранцы, гдѣ процвѣтали науки и просвѣщеніе, гдѣ кипѣла живая дѣятельность, не могъ быть сразу замѣненъ городомъ, недавно выросшимъ среди болотъ и лѣсовъ. Но мы не должны увлекаться явленіями, которыя бросаются въ глаза. Мы должны помнить, что извѣстный упадокъ уровня умственного и нравственного въ сѣверной Руси замѣняется извѣстными прогрессивными явленіями и, главное, возможностью новаго развитія, между тѣмъ какъ южнорусская жизнь достигла нѣкоторой степени развитія, но для дальнѣйшаго развитія не находила въ себѣ достаточной силы.

Мы видимъ также, что Новгородъ, хотя и поставленный въ до-

вольно выгодное положеніе, не въ состояніи былъ отрѣшиться отъ старыхъ основъ; Москва же, по выраженію людей старины, „премѣняла“ эту старину, и открыла русскому народу обширный путь историческаго развитія. Для блага русскаго народа необходимо было, чтобы появилась новизна, которая у насъ въ XV и XVI вѣкахъ и называлась новизною московскою. Эта новизна сосредоточилась именно въ Москвѣ, какъ и все то, что выработалось во всей суздальской землѣ, нашло себѣ выраженіе въ этомъ одномъ центрѣ — въ Москвѣ. Первоначальныя причины возвышенія Москвы намъ извѣстны; упомянемъ о выгодномъ географическомъ положеніи на пути съ юга на сѣверъ, вдали отъ татарскаго нашествія, далѣе приливъ населенія изъ разоренныхъ южныхъ земель, наконецъ, политика князей-скопидомовъ, собирателей земли русской (напоминающая политику Капетинговъ).

Но говоря объ усиленіи Москвы, мы не должны забывать главной причины ея усиленія: мы здѣсь впервые видимъ единство князя съ народомъ; такого единства еще нигдѣ не бывало; мы встречаемъ въ Москвѣ поразительное единодушіе во всѣхъ, отъ перваго до послѣдняго человѣка, что такъ наглядно проявляется въ извѣстной борьбѣ Василя Темнаго съ Димитріемъ Шемякой.

Такимъ образомъ центръ тяжести изъ Руси юго-западной сталъ мало-по-малу переноситься въ сѣверо-восточную, но окончательно этотъ центръ былъ перенесенъ послѣ извѣстнаго татарскаго нашествія. Южная Русь была разорена и не могла оправиться; между тѣмъ сѣверная Русь, которая была разорена не менѣе южной, нашла въ себѣ достаточно силы, чтобы подняться и, даже больше, она могла сжиться съ татарами и сумѣла извлечь пользу изъ этого обрушившагося на Русь несчастія.

Первое время послѣ татарскаго погрома всѣ торговыя сношенія были нарушены. Торговля, какъ говоритъ арабскій писатель Ибнъ-эль-Атейръ, вся остановилась¹⁾, перерывъ ея на этотъ разъ былъ значительный, но она не утратилась окончательно и впоследствии возродилась съ новою силой.

¹⁾ Татарскій погромъ, опустошившій сотни городовъ и селъ на Руси и нанесшій непоправимый ударъ кіево-византійской торговлѣ, не коснулся лишь Новгорода, торговое значеніе котораго въ XIII вѣкѣ благодаря сношеніямъ съ нѣмцами усилилось.

Татары являются намъ не одними хищниками и грабителями, они стояли по своему развитію выше печенѣговъ и половцевъ, и это доказывается тѣмъ, что у нихъ является нѣчто подобное государству, у нихъ есть свой государь — ханъ, который и управляетъ ими. Завоевывая средне-азиатскія земли, татары не могли не поддаться вліянію магометанской (арабской) цивилизаціи; ихъ собственное удобство требовало перениманія хорошаго у подчиненныхъ имъ народовъ (такъ они усваиваютъ болѣе развитыя учрежденія персидскія), и у нихъ встрѣчается даже отголосокъ китайской цивилизаціи, и потому татары не представляются намъ тою шайкою разбойниковъ, какою являются прежніе жители южно-русскаго поля. Благодаря имъ, къ намъ на Русь начинаютъ проникать восточныя государственныя понятія и учрежденія, и такимъ образомъ татары противъ своей воли дѣлались проводниками восточной цивилизаціи у насъ. Весь періодъ, о которомъ мы будемъ говорить, можетъ быть исключительно названъ Восточнымъ.

Что татары покровительствовали торговлѣ, это подтверждается многими фактами; они сами даже занимались ей, но къ активной торговлѣ они были неспособны. Мы знаемъ, что они устанавливаютъ свои правила торговли у насъ на Руси: новгородцы, напр., требуя, чтобы пошлина, собираемая съ нихъ въ суздальской землѣ, не увеличивалась, ссылаются при этомъ прямо на цареву грамоту; купцамъ татарскіе владѣтели стараются до известной степени покровительствовать, что можно подтвердить, напр., слѣдующимъ примѣромъ: въ XIII в. случилось однажды, что татары въ Рыльской области захватили въ плѣнъ цареградскихъ и нѣмецкихъ купцовъ, но когда узнали, что они занимались торговлей, то немедленно ихъ отпустили и возвратили отнятые товары. Подобные факты доказываютъ намъ, что татары не были совершенно чужды торговлѣ и имѣли о ней довольно ясное понятіе; есть извѣстіе, что татары даже устроили на Дону особое поселеніе, жители котораго исключительно должны были заниматься перевозомъ иностранныхъ гостей и половъ. На берегахъ Чернаго моря въ это время являются итальянскія колоніи. Итальянскіе купцы не только живутъ среди татаръ, но даже заходятъ и въ глубь ихъ страны: такъ извѣстные путешественники Рубруквисъ и Марко-Поло проникаютъ изъ западной Европы даже до Китая. Итальянскіе купцы часто приходили съ

{ татарскими послами и въ самую Москву. Почти во всѣхъ земляхъ татарскихъ мы встрѣчаемъ съ гостями изъ разныхъ странъ: такъ въ городѣ Булгарѣ встрѣчаемъ гостей армянскихъ и бесерменскихъ; на Кавказѣ, въ гор. Дербентѣ, по поводу убіенія князя Михаила черниговскаго сообщаютъ намъ о гостяхъ нѣмецкихъ.

Восточный путь для Россіи становится отнынѣ преобладающимъ, и торговля восточная пріобрѣтаетъ всеобщее значеніе: великая рѣка восточно-русская — Волга открываетъ путь въ Каспійское море и приводитъ къ центру Азіатской цивилизаціи. Все тянетъ Русь къ Востоку; ея восточная торговля становится настолько важною, что даже и западные товары идутъ по юго-восточному пути. Во всѣхъ завоеванныхъ земляхъ татары вводятъ болѣе или менѣе одинъ порядокъ, объединеніе же земли подъ одною властью для торговли всегда оказывается выгоднымъ, потому что она испытываетъ при такихъ условіяхъ гораздо менѣе стѣсненій. Теперь купцы уже не останавливаются передъ заставами, пошлинами и другими препятствіями, а идутъ все далѣе и далѣе. Въ XV вѣкѣ русскихъ купцовъ мы встрѣчаемъ въ Самаркандѣ, они стараются пробраться даже въ отдаленную Индію: у насъ есть извѣстія, что въ XV вѣкѣ русскія полотняныя издѣлія господствуютъ на средне-азіатскихъ рынкахъ и даже въ отдаленномъ индустанскомъ городѣ Дели; слѣдовательно, товары русскіе въ разсматриваемый нами періодъ заходили въ такія мѣстности, которыя впоследствии оставались надолго закрыты для нихъ, а отчасти недоступны и до настоящаго времени, особенно вслѣдствіе невозможности выдержать конкуренцію съ болѣе совершенными произведеніями западной Европы; восточная торговля поэтому представляетъ особенную для насъ важность, интересъ не только теоретическій, но и чисто практический, въ виду того значенія, которое, особенно въ настоящее время, получаютъ средне-азіатскіе рынки для сбыта нашихъ мануфактурныхъ издѣлій.

Вліяніе татарское на торговлю сказалось главнымъ образомъ въ трехъ нововведеніяхъ, а именно: въ устройствѣ почты, правильной денежной системы, налоговъ и пошлинъ. Татары въ первое время собирали дань въ высшей степени неправильно и неравномѣрно, и сборъ дани скорѣе походилъ на грабежъ, чѣмъ на дань, да и собирать ее правильно было очень трудно по многимъ причинамъ. Съ теченіемъ времени татары учредили болѣе правильный и равно-

мѣрный сборъ дани. Почти въ каждомъ большомъ русскомъ городѣ появились татарскіе баскаки или намѣстники, которые и произвели перепись жителей тѣхъ городовъ и мѣстечекъ, куда они были назначены; конечно, это исчисленіе народа было сдѣлано совершенно не съ научной цѣлью, а просто, чтобы узнать, сколько можно брать дани съ извѣстнаго города или мѣстечка, но въ этомъ мы уже видимъ извѣстный шагъ впередъ на пути государственнаго развитія. Чтобы имѣть понятіе о той дани, которую брали татары съ русскаго народа, достаточно привести два примѣра: съ каждой деревни брали по полтинѣ, а съ Коломенской области, которая считалась самою большою и богатою, брали 430 руб. — суммы, какъ видно, очень небольшія для нашего времени, но тогда и такая дань считалась очень обременительною, доказательствомъ чему служатъ неоднократно жалобы современниковъ. Первоначально татары не могли поручать сборъ дани кому-ни-будь изъ туземцевъ и поэтому за данью посылали своего чиновника — дарогу, котораго русскій чело-вѣкъ и долженъ быть возить на тройкѣ; эта повинность получила татарское имя „ямъ“ ¹⁾. Впервые правильный почтовый гонъ у насъ появляется такимъ образомъ во времена татарскаго ига ²⁾.

Собирая дань, татары пытаются болѣе или менѣе опредѣлить ея размѣры. Въ прежнес время на Руси дань, какъ намъ извѣстно, по большей части платилась натурою, какъ-то: скорой, медомъ, воскомъ, а литва даже платила лыкомъ. Но татары привыкли не къ такой дани, вслѣдствіе своихъ сношеній съ Азіей, —

¹⁾ Наше слово дорога, по всей вѣроятности, произошло отъ татарскаго дарога, что значитъ чиновникъ, сборщикъ податей; гонецъ, привыкшій возить этого чиновника изъ одного города въ другой, называлъ и самый путь этотъ не иначе, какъ дорога.

²⁾ Хотя усовершенствованіе правильныхъ путей сообщенія и много способствовало развитію торговли, но тѣмъ не менѣе водный путь и по сію пору остался главнымъ и самымъ важнымъ. Такъ извѣстно, что митрополитъ Пименъ во время своего путешествія въ Царьградъ ѣхалъ не сухимъ путемъ, а преимущественно воднымъ. Сперва онъ проплылъ Москву-рѣку, вступилъ въ Оку, и когда миновалъ эту рѣку, то струги были вытасены изъ воды, и плъ потащили волокомъ до самаго Дона; здѣсь струги опять были слущены на воду, и, начиная съ Дона, водный путь уже не прекращался до самаго Царьграда.

они привыкли къ цѣннымъ металламъ и даже у арабовъ и персовъ научились чеканить монету. До татаръ на Руси правильной чеканки монетъ не было, такъ что въ этомъ случаѣ татары являются учителями русскихъ. Завоеватели начали отказываться отъ той дани, которую имъ платили побѣжденные, и стали отъ нихъ требовать золото и серебро. Конечно, прежде можно было близкому князю платить дань и натурою, но когда теперь приходилось перевозить дань черезъ такое громадное пространство, какъ изъ Москвы, напр., въ Сарай, то такая перевозка была въ высшей степени неудобна и затруднительна; слѣдовало эту дань замѣнить рано или поздно другою, и вотъ почему на Руси придумали чеканить монету. Впервые монета появилась на Руси въ XIV вѣкѣ, въ суздальской землѣ. Первоначально монеты имѣли болѣе или менѣе круглую форму или иногда продолговатую; каждый чеканщикъ имѣлъ для монеты свою печать, которую онъ и прикладывалъ обыкновенно къ монетѣ, но такъ какъ чеканщикъ былъ не одинъ, и у каждого была своя печать, то вслѣдствіе этого всѣ монеты имѣли печати разныя; единства монетной системы не было. Такъ какъ чеканкѣ монетъ русскіе научились у татаръ, то вслѣдствіе этого и русское слово куна замѣнилось татарскимъ теньга, позднѣе перешедшее въ нашу деньги. Наше слово копейка, очень вѣроятно, тоже татарскаго происхожденія: у нихъ оно звучало купегъ, купега¹⁾ и взято ими съ персидскаго языка. Кромѣ „денеги“, счетною единицею въ то время у насъ на Руси былъ еще алтынъ, тоже татарское названіе, что значить шесть, т.-е. 6 денегъ или 3 копейки. Изъ суздальской земли искусство чеканить монету перешло и въ Русь сѣверо-западную, что служить доказательствомъ слабости западнаго вліянія на насъ за то время и того, что Новгородъ недостаточно проводилъ къ намъ западную цивилизацію; мы видимъ это на самомъ Новгородѣ: въ 1420 г. встрѣчается извѣстіе, что новгородцы отмѣнили куны и замѣнили ихъ любскими артугами, но эти деньги оказались неудобными, и новгородцы спустя 9 лѣтъ, т.-е. въ 1429 г., приняли общерусскія, т.-е. заимствованныя у татаръ деньги. Счетъ

¹⁾ Впрочемъ, нѣкоторые объясняютъ слово копейка другимъ образомъ, утверждая, что это слово произошло отъ копья всадника, изображавшагося на московскихъ деньгахъ; но это предположеніе едва ли можно считать достаточно вѣрнымъ.

на рубли впервые появился в Псковѣ. Восточное происхождение первыхъ русскихъ монетъ доказывается тѣмъ, что большая часть ихъ имѣла надпись арабскую или татарскую; такъ, на одной монетѣ время Дмитрія Донского встрѣчаемъ арабскую надпись, гласящую: „Да здравствуетъ ханъ Тохтамышъ султанъ, на многія лѣта!“ Какъ въ другомъ, такъ и въ этомъ татары извѣстнымъ образомъ дѣлаются нашими учителями изъ своихъ выгодъ, не самостоятельно, но пассивно прилагая къ дѣлу то, что давно было выработано въ средней Азій.

Денежное дѣло и его развитіе должны были содѣйствовать развитію русской торговли, такимъ же образомъ дѣйствовало и введеніе правильныхъ пошлинъ. Пошлины, которыя обыкновенно татары брали съ торгующихъ купцовъ, равнялась 3% стоимости товара, а иногда и болѣе; эти пошлины были слѣдующія: 1) *Тама* (откуда происходитъ наше слово таможня), которая прямо шла къ татарскому хану за покупку и продажу товара; 2) *Мытъ*, собственно — пошлина провозная („а поѣдетъ безъ товару, ино мыта нѣту“), которая бралась, напр., въ суздальской землѣ обыкновенно въ размѣрѣ двухъ векшъ съ воза и одной — съ лады; 3) *Костка* — пошлина съ кости, т.-е. съ проходившаго человѣка¹⁾. Когда товаръ привозился въ какой-нибудь городъ для продажи, то при этомъ взимались особыя пошлины: *гостинос*, бравшееся за помѣщеніе товара въ Гостиномъ дворѣ, который и устраивался для этой цѣли иногда въ очень большихъ размѣрахъ, какъ, напр., вполнѣдствіи дворъ Московскій (въ способѣ постройки Гостиного двора сказалось также вліяніе Востока, гдѣ уже давно строились такъ называемые караванъ-сарай для приѣма купцовъ и для складки ихъ товаровъ); кромѣ этихъ двухъ пошлинъ, при продажѣ товаровъ были еще и другія, какъ-то: *полтрная* (за мѣру), *вѣсчая* (за вѣсъ), *писчая* (за прописку товара), *клеймо* (за наложеніе клейма), *явленное* (за засвидѣтельствованіе товара) и т. д. Если товаръ случалось провозить черезъ какой-нибудь мостъ, то владѣлецъ его имѣлъ право собирать свой мытъ съ каждаго провозимаго воза. Тѣ люди, которые занимались сборомъ пошлинъ или мыта, носили названіе мытарей и не пользовались расположеніемъ царода. На мытоимство

¹⁾ Смыслъ здѣсь, кажется, тоже татарскій, ибо различіе человѣка по кости (напр., бѣлая кость, черная кость — знатный и незнатный родъ) свойственно до сихъ поръ турецкимъ степнякамъ.

народъ смотрѣлъ какъ на дѣло небогоугодное, и мытарей считали великими грѣшниками. „Мытоимство разбойничества злѣе“, — таковъ былъ голосъ народный. Рядомъ съ мытомъ стоитъ также и рѣзъ, т.-е. процентъ. Въ XIV и XV вѣковъ мало-по-малу является потребность въ кредитѣ, а такъ какъ денегъ взаймы никто не давалъ безъ вознагражденія, то за заемъ приходилось платить проценты или рѣзъ, какъ они тогда назывались; рѣзъ въ то время иногда доходилъ отъ 14 до 20% въ годъ, а иногда и до 40%, если деньги давались на менѣе продолжительные сроки, — цифры, какъ видно, и въ наше время очень значительныя. Духовенство возставало противъ рѣза, противъ „кроваваго рѣзоимства“ („Плоть братскую ѣдятъ рѣзоимцы“, объясняетъ епитетъ „кровавый“ митрополитъ Никифоръ въ одномъ изъ своихъ поученій) и настаивало на томъ, чтобы рѣзъ взимался только „на пять шестой“, т.-е. не болѣе 10 — 14%¹⁾.

Торговля для Суздальской Руси была единственнымъ источникомъ всякаго жизненнаго комфорта.

¹⁾ Въ нашей древней литературѣ сохранилось оригинальное сказаніе о посадникѣ новгородскомъ Щилѣ, которое наглядно рисуетъ намъ взглядъ народный на ростовщиковъ-рѣзоимцевъ. Въ молодости Щилъ былъ великій рѣзоимецъ и нажилъ себѣ очень большое состояніе. Но вотъ настаетъ старость, пора подумать и о смерти, и Щилъ, чтобы загладить свои грѣхи, предпринимаетъ постройку обширнаго храма. Черезъ нѣсколько времени новый храмъ готовъ, и Щилъ на его освященіе приглашаетъ архіепископа, который и исполняетъ его желаніе. Храмъ освятили, но Щилъ все непокоенъ, его все тревожатъ старыя грѣхи, и вотъ онъ рѣшается спросить владыку о томъ, что ему надлежитъ сдѣлать, чтобы совершенно очиститься отъ грѣховъ. Архіепископъ совѣтуетъ ему сдѣлать гробъ, надѣть саванъ и лечь въ него, какъ подобаетъ настоящему мертвецу, и велѣтъ совершать надъ собою отпѣваніе. Щилъ не колеблется и немедленно исполняетъ совѣтъ владыки. Но когда мнимаго мертвеца принесли въ церковь и стали совершать надъ нимъ обрядъ отпѣванія, вдругъ совершается чудо, и гробъ проваливается въ открывшуюся внезапно пропасть. У Щила остался сынъ, которому стало очень жалко отца; онъ не знаетъ, что дѣлать, и обращается за совѣтомъ къ тому же архіепископу. Послѣдній совѣтуетъ ему служить панихиды по пропавшемъ отцѣ во всѣхъ церквахъ и отчитывать, а когда найдетъ пропавшій, то похоронить его близъ церкви, которую онъ самъ построилъ. Любовь къ отцу у сына такъ велика, что онъ, ни минуты не медля, исполняетъ приказаніе владыки, и, дѣйствительно, скоро проявляется чудесная сила молитвы: все болѣе и болѣе показывается изъ пропасти гробъ стараго грѣшника и, наконецъ, является внѣ пропасти, которая немедленно закрывается.

Русская промышленность въ этой сѣверной странѣ не могла сдѣлать значительныхъ успѣховъ: слишкомъ много было гнета отъ завоевателей, и русскіе во всякомъ случаѣ чувствовали себя рабами, потому и трудъ ихъ былъ рабскій, необезпеченный, а что дѣлается работою изъ-подъ кнута, то не можетъ достигъ значительной степени совершенства. Къ тому же, русская промышленность, перейдя съ юга на сѣверъ, какъ бы снова должна была передѣлывать то, что она дѣлала прежде на югѣ. Потому мы и замѣчаемъ, что она носитъ характеръ какъ бы крѣпостной дѣятельности, группируясь около монастыря, владыки, князя. Мы встрѣчаемъ различныя слободы, населенныя крестьянами владыки, князя или боярина, а въ этихъ слободахъ и извѣстныя добывающіе промыслы, каковы: бобровниковъ, сокольниковъ, рыболововъ (Рыбаньская слобода, теперь Рыбинскъ) и т. д., работающихъ, очевидно, не для себя, а для князя, владыки и т. д. Наконецъ, встрѣчается въ довольно значительныхъ размѣрахъ промышленность соляная. Соляныя варницы встрѣчаются не только во владѣніяхъ Новгорода, но и въ суздальской землѣ: такъ, уже въ то время извѣстностью пользуется соль *галичская* (Солигаличъ, Костромской губ.); соль вообще начинаютъ добывать въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ теперешней Тверской и Костромской губерній и въ Подвинской области. Что же касается до обрабатывающей промышленности, то если она существуетъ, то существуетъ въ зародышѣ, собственно говоря, мы встрѣчаемся только съ однимъ произведеніемъ нашей обрабатывающей промышленности, которое хорошо расходуется и дорого цѣнится, — это русское полотно, которое, какъ извѣстно, распространяясь по всему востоку, доходило до Самарканды и даже Индіи; можно, впрочемъ, предположить, что рядомъ съ полотняными стояли льняныя, кружевыя и вообще всѣ издѣлія, требующія единичнаго труда. При маломъ развитіи домашней обрабатывающей промышленности приходилось добывать извнѣ все, что хоть сколько-нибудь выходило изъ ряда обыкновеннаго. И насъ поражаетъ скудость деревенской обстановки въ сѣверной Руси. Самые князья, эти представители народа, живутъ бѣдно, патріархально, а вещами, добытыми извнѣ, дорожатъ тѣмъ болѣе, что тогда не существовало моды, такъ быстро измѣняющей потребности. Изъ рода въ родъ переходятъ эти вещи,

какъ родовое наслѣдство: шуба, которую носилъ дѣдъ, носилъ и внукъ и даже правнукъ, закладывалъ ее въ сундуки и надѣвалъ только въ экстренныхъ случаяхъ. Насколько бѣдна обстановка даже князя, видно изъ княжескихъ духовныхъ грамотъ. Въ этихъ грамотахъ встрѣчаемся не съ государемъ великаго народа, обставленнаго уваженіемъ этикета, а съ обыкновеннымъ помѣщикомъ, дорожащимъ больше всего своимъ незатѣйливымъ достаткомъ. Въ духовной грамотѣ князь раздаетъ вотчины, а рядомъ съ селомъ отдаетъ онъ и шубу съ своего плеча, икону чеканную, которой благословила его бабка, или поясъ, усыпанный камнями, и т. д. Слѣдовательно, этими вещами дорожатъ, какъ рѣдкостью, и онѣ цѣнятся чуть ли не болѣе городовъ. Это доказываетъ намъ исторія знаменитаго пояса, изъ-за котораго ссорятся князь московскій съ княземъ галичскимъ. Изъ-за пояса Софья Витовтовна позволяетъ себѣ рѣзкую выходку: оскорбляетъ пріѣзжихъ гостей; слѣдовательно, поясъ былъ дорогъ, и нашелся бояринъ, который разсказалъ цѣлую исторію этого пояса: видно, всякая драгоцѣнность скудной княжеской обстановки была болѣе или менѣе извѣстна. Ясно такимъ образомъ, что все являвшееся туда, въ сѣверную глушь, хотя нѣсколько выходящее изъ ряда обыкновеннаго, было иноземное, являлось только благодаря торговлѣ или дѣлалось руками выписныхъ чужестранцевъ.

Дѣйствительно, въ тѣ времена у насъ часто появляются иноземные мастера. Такъ мы встрѣчаемъ извѣстіе, что въ XV в. Фотій, митрополитъ Новгородскій, выстраиваетъ себѣ каменные палаты, а рядомъ съ этимъ извѣстіемъ встрѣчаемъ, что эти палаты строились „заморскими“, т. е. нѣмецкими мастерами. Подобныя каменные зданія являются чрезвычайною рѣдкостью въ то время, и производили сильное впечатлѣніе на народъ, — не даромъ, въ болѣе позднее время, за Москву, поражавшею обиліемъ такихъ зданій; усваивается въ народѣ прозвище Бѣлокаменной. Когда же приходится изукрасить чѣмъ-нибудь такую каменную постройку, то опять является потребность въ иностранныхъ мастерахъ. Чаще всего такая потребность встрѣчалась при постройкѣ церквей, и въ удовлетвореніи этой потребности южная Русь стояла несравненно выше сѣверной. Мы знаемъ, напримѣръ, что, когда былъ построенъ Успенскій соборъ при Іоаннѣ Калитѣ и надо было

изукрасить его иконною живописью, то опять призываются иностранные мастера — греки; понадобилось колокола лить, и их лить иностранецъ, Борисъ Римлянинъ. Нужно въ Псковѣ вылить свинцовыя двери для церкви, опять обращаются къ нѣмцамъ, а нѣмцы не пускаютъ своихъ мастеровъ, тогда митрополитъ Московскій присылаетъ туда своихъ собственныхъ мастеровъ; эти собственные мастера состояли изъ постоянно жившихъ въ Россіи грековъ-иностранцевъ и ихъ русскихъ учениковъ. Потребность, остававшаяся такимъ образомъ трудно удовлетворяемою, заставляла невольно самихъ русскихъ учиться, и уже въ XIV и XV столѣтіи мы встрѣчаемся съ русскими живописцами, имена которыхъ славились въ то время. Одинъ изъ такихъ изографовъ, Андрей Рублевъ, приобрѣлъ такую славу, что Стоглавый соборъ XVI вѣка прямо предписываетъ писать иконы, какъ ихъ писалъ Рублевъ; его стиль сохранился даже до сихъ поръ у нашихъ старовѣровъ, и его иконы у нихъ цѣнятся на вѣсъ золота.

Только съ XV вѣка начинаютъ появляться у насъ такія диковинки, которыя служатъ украшеніемъ города: такъ въ 1404 году, т.-е. когда Москва уже стала возвышаться надъ другими низовыми городами, явились въ ней стѣнные часы, сдѣланные опять таки иностранцемъ, Лазаремъ Сербомъ. Появленіе этихъ часовъ производитъ такое впечатлѣніе, что лѣтописецъ упоминаетъ о нихъ въ своей лѣтописи, удивляясь болѣе всего тому, что, когда имъ надо бить, то они бьютъ сами собой: „не человекъ бо то ударяше, но человеквидно, самодвижно, самозвонно, страннолѣпно, нѣкака устроено есть человекскою премудростію, преизмечтано, преухищренно“. Самый наборъ такихъ довольно дикихъ словъ свидѣтельствуеетъ о степени удивленія современниковъ. Иностранцы, удовлетворявшіе изысканнымъ потребностямъ русской жизни, носятъ общее названіе мастеровъ. Слово мастеръ, какъ видно, нѣмецкое, что могло бы вызвать предположеніе, что большая часть ихъ являлась черезъ Новгородъ, но на самомъ дѣлѣ въ большинствѣ случаевъ такими мастерами являются не нѣмцы, а греки и единоплеменный намъ народъ Балканскаго полуострова. Въ особенности въ церковномъ благолѣпнн лучшими помощниками и учителями были, конечно, греки въ качествѣ единовѣрцевъ. Могли приходять мастера этого дѣла и съ востока, но часто опасности степи мѣшали

тому. Однако мы знаемъ, какъ сильно сказалось восточное вліаніе на нашей архитектурѣ.

При такихъ условіяхъ торговля для суздальской Руси является источникомъ всякаго благосостоянія, и потому начинаетъ принимать обширные размѣры. Занимаются ею всѣ; занимается ею и князь, посылающій своихъ собственныхъ людей продавать собранные оброки, тѣмъ болѣе, что эти оброки собирались натурой и ему приходилось мѣнять ихъ на деньги или на болѣе цѣнные восточные товары. (Торговлею занималось и духовенство: такъ мы встрѣчаемся съ купчинами Сергіевскаго монастыря; занимается ею и самъ митрополитъ, который посылаетъ своихъ людей въ Орду, Болгарію и другія мѣстности. Сознаніе важности торговли, проникая въ сознаніе народа, выражается въ различныхъ торговыхъ условіяхъ и договорахъ, заключавшихся между владѣтелями. Такова, на примѣръ, договорная грамота, заключенная въ 1451 году между Борисомъ Алексѣевичемъ и Василіемъ Васильевичемъ Темнымъ; она можетъ служить намъ свидѣтельствомъ того, какъ устанавливались между князьями торговыя условія. „О новыхъ вымытахъ не замышлять“, говоритъ эта грамота, „а на старахъ имати пошли съ воза деньга, а костью съ челоука деньга же“; далѣе слѣдуетъ условіе о промытѣ, т.-е. о штрафѣ съ избѣгнувшаго какимъ-либо образомъ уплаты мыта, и, наконецъ, условіе о свободномъ пропускѣ гостей: „а межѣ насъ людемъ нашимъ и гостемъ нашимъ путь чистъ безъ рубежа“ (путь чистъ безъ рубежа — значитъ свободный пропускъ безъ задержки), условіе необходимое, потому что товару приходилось пройти много мелкихъ княжествъ, прежде чѣмъ онъ достигнетъ мѣста продажи. Итакъ, если торговля могла доставлять товары, удовлетворявшіе потребностямъ, выходящимъ изъ ряда обыденныхъ, то должны существовать и пути торговые, которые вели бы къ мѣстностямъ, гдѣ можно было добывать такіе товары; такихъ путей въ Руси суздальской было главнымъ образомъ два: путь западный и путь восточный. Путь западный шель черезъ Новгородъ, и шедшіе этимъ путемъ были товары заморскіе, нѣмецкіе, уже намъ извѣстные.

Гораздо важнѣе для насъ путь юго восточный, который дѣлается жизненнымъ путемъ для Россіи того времени. Этотъ путь, въ свою очередь, дѣлится на три части: 1) путь, по которому

привозились товары чисто степные; 2) путь по великой рѣкѣ Волгѣ, по которому шли товары закаспійскіе, и 3) путь по Дону къ Азовскому — Сурожскому морю. Самымъ важнымъ путемъ здѣсь вообще является путь по Волгѣ.

Волга въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ представляется намъ рѣкой съ весьма оживленною торговлею, на ней множество купеческихъ судовъ, какъ изъ окрестныхъ, такъ и изъ отдаленныхъ мѣстностей; здѣсь были купцы армянскіе, гости ордынскіе ходили съ своими товарами въ Русь, а гости русскіе на своихъ стругахъ ходили въ Орду. На Волгѣ является нѣсколько торговыхъ центровъ, въ слѣдствіи возрастающихъ и служащихъ зародышами теперешнихъ поволжскихъ торговыхъ городовъ. Какъ на остатокъ старины, можно указать на городъ *Булгарь*, въ которомъ еще продолжается торговля, хотя онъ не имѣлъ и не могъ имѣть прежняго значенія. Булгарь падаетъ, во-1-хъ, отъ разоренія, причиненнаго татарскимъ нашествіемъ, а во-2-хъ, отъ разноплеменности этой мѣстности. Товары сѣверной Руси идутъ уже черезъ Новгородъ за море Варяжское въ руки нѣмецкихъ купцовъ или черезъ московскихъ людей въ Орду, или европейцамъ, поселившимся на Азовскомъ морѣ, и отъ нихъ уже расходятся по югу. Такимъ образомъ кругъ перемѣтной дѣятельности Булгара значительно сокращается, особенно юга въ приуральскомъ краѣ являются русскія поселенія, центромъ которыхъ дѣлается Вятка. Хотя въ Булгарь и ѣздить еще купцы, но рядомъ съ этимъ городомъ, немного сѣвернѣе, на той границѣ, гдѣ русское племя проникло далѣе всего по Поволжью и столкнулось съ инородческимъ населеніемъ, тамъ появляется новый торговый центръ, а именно Нижній Новгородъ, основанный довольно поздно Ордемъ II суздальскимъ. Нижній Новгородъ является уже въ то время важнымъ торговымъ центромъ, такъ какъ онъ лежитъ при устьѣ другой русской рѣки — Оки, и въ немъ сходятся самые разнообразные товары.

Такъ какъ Нижній былъ крайнимъ пунктомъ русскихъ поселеній, то за нимъ начинается уже населеніе дикое, инородческое. Его торговля подвигается впередъ довольно медленно, потому что ему приходится быть въ постоянной борьбѣ и терпѣть отъ разоренія, какъ городу пограничному; новгородцы притягиваютъ сюда купцовъ, и мы встрѣчаемъ извѣстіе, что, когда ушкуйники подошли къ Ниж-

нему Новгороду съ цѣлью его ограбить, то около него нашии болѣе кораблей, чѣмъ гдѣ-либо. Изъ этого мы хорошо видимъ будущность новой ярмарки, зародышъ которой могъ зародиться только тогда, когда сталъ падать Булгаръ и начало распространяться въ этой мѣстности русское владычество. Есть и другіе торговые города на Волгѣ: такъ въ Твери бывають гости ордынскіе, такъ значительнымъ торговымъ центромъ является Москва, но на подробностяхъ ея торговли мы остановимся впоследствии¹⁾.

По Волгѣ можно было добывать мѣстныя приволжскія произведенія. Русскій человекъ везъ по Волгѣ уже извѣстные намъ товары; степь также обмѣнивалась съ нами собственными произведеніями, но ея произведенія, конечно, не могли быть многочисленны, прежде всего степь могла выставить лошадей. Мы знаемъ, что послы татарскіе, являясь къ намъ, приводили и лошадей на продажу: такъ, въ XV столѣтіи явился въ Москву татарскій посолъ Каранчукъ и привелъ съ собою для продажи 40000 лошадей, — число значительное, показывающее, что этотъ товаръ находилъ легкій и хорошій сбытъ. Татары настолько дорожили своимъ богатствомъ, что запрещали продавать степныхъ лошадей за границу, по крайней мѣрѣ, въ первое время; князь Андрей суздальскій былъ замученъ именно потому, что вопреки запрещенію хана продавалъ татарскихъ лошадей иноземнымъ купцамъ. Лучшими изъ этихъ лошадей считались ногайскія, соотвѣтствовавшія нашимъ донскимъ, и лошади, имѣвшая ногайское степное клеймо — пятно, всегда легко находила себѣ сбытъ. Изъ приволжскихъ степныхъ мѣстностей вывозились мѣстные продукты, на примѣръ до сихъ поръ вывозимые арбузы (арбузъ — слово татарское, равно и бахча, на которой онъ выводится). Въ то время окрестные жители умѣли цѣнить богатство рыбою, которою изобиловала Волга. Рыба въ различныхъ видахъ добывалась въ Астрахани, на примѣръ балыкъ (опять слово татарское и значить просто *рыба*).

Путь волжскій для купцовъ русскихъ былъ весьма труденъ. Много терпѣли они отъ дикости жителей: грабили ихъ и русскіе ушкуйники, часто не разбирая христіанина отъ бесермянина, и часто тому же

¹⁾ Среди поволжскихъ торговыхъ пунктовъ можно отмѣтить также село Кимры, города Ярославль и Балахну, пріобрѣтавшихъ постепенно важное значеніе какъ рынковъ для хлѣба, соли и скота.

бесермянину продавали полонъ христіанскій; грабежомъ занимались и самые жители степи—татары, въ особенности, когда Орда стала распадаться. Извѣстныя понятія о правильномъ государствѣ, заимствованныя у персовъ, арабовъ и китайцевъ, не могли надолго оставить слѣда въ жителяхъ степи. Несмотря на всѣ желѣзныя усилія Чингисхановъ, Тамерлановъ, цивилизація скользнула какъ бы внѣшнимъ образомъ, и внѣшнія правительственныя формы, не выросшія среди народа, а перенесенныя извнѣ, не имѣли никакого вліянія на степняка: степнякъ остался степнякомъ. Орда попрежнему осталась ордою, юртою, шатромъ. И чѣмъ болѣе распадалась Орда, тѣмъ болѣе въ этомъ степнякѣ обнаруживалась его природная страсть къ грабежу и разбою. Ханъ могъ давать свою опасную грамоту, даже стражу, купцы могли платить деньги, чтобы ихъ провели въ опасныхъ мѣстахъ; деньги брались, но поручиться за степняка было невозможно: онъ бралъ деньги и сообщалъ своимъ собратьямъ о караванѣ купцовъ, а тѣ уже нападали и разграбляли его.

Купцы русскіе, сплавлявшіе товары по Волгѣ, съѣзжались въ *Сараѣ*, столицѣ хановъ Золотой Орды, напоминавшемъ по образу жизни древній итальянскій или хозарскій городъ. Въ Сараѣ существовалъ особый кварталъ для иноземныхъ гостей. Въ этомъ кварталѣ были гости иностранные и русскіе: русскихъ было особенно много. Сюда прибывали большіе полоны русскихъ, которые или обращались въ рабство, или поступали на службу хана. Кромѣ того, близость ханскаго двора заставляла многихъ русскихъ жить здѣсь по своимъ дѣламъ. Наконецъ, сами князья пріѣзжали сюда на поклонъ хана или за тарханными (льготными) грамотами. Въ такомъ городѣ, гдѣ жилъ царь обширнаго государства, являлось всегда изобиліе товаровъ, какъ награбленныхъ, такъ и накупленныхъ; сюда стекали товары какъ русскіе (мѣха по преимуществу), такъ восточные и итальянскіе. Какъ еврей въ запорожскую страну влекла всегда надежда, хотя и подъ опасностью смерти, легко понажитья послѣ удачнаго похода, когда въ кошелѣ казацкомъ заведется много денегъ, такъ то же самое побужденіе влекло многихъ купцовъ въ Сарай и заставляло пренебрегать въ этомъ случаѣ всѣми опасностями. Между русскими, жившими въ Ордѣ, безъ сомнѣнія, было много такихъ людей, которые отказывались отъ своей вѣры и, дѣлаясь ренегатами, были хорошо принимаемы въ Ордѣ, но тѣмъ не менѣе православныхъ тамъ было

такъ много, что въ 1265 году, слѣдовательно черезъ какія-нибудь 30 лѣтъ послѣ татарскаго погрома, явилась необходимость устроить особую сарайскую епархію, къ которой причислена была потомъ и епархія подонская.

Еще южнѣ Сарая, у самаго устья волжскаго, близъ теперешней Астрахани, русскіе купцы и вообще вѣснѣ сѣверныя произведенія сталкивались съ тѣми людьми, которые везли продукты съ Каспійскаго и Чернаго морей. Это были гости, торговавшіе тѣмъ, что они могли добыть отъ итальянскихъ купцовъ. Необыкновенно важное значеніе получаютъ тѣ продукты, которые везлись съ Чернаго моря и везлись поселившимися тамъ иноземцами, именно генуэзцами. На этихъ товарахъ мы должны будемъ остановиться, такъ какъ эти товары составляли основу московской торговли. У насъ, въ Москвѣ, напримѣръ, въ то время считались самыми богатыми гостями сукоңчики и сурожане, что въ сущности одно и то же.

VII.

Итальянскіе купцы и юго-восточная торговля въ XIV—XV вв.

Изъ исторіи крестовыхъ походовъ мы знаемъ, какъ повліяло на европейца, заоченѣвшаго въ своей деревенской необщительности, знакомство съ Востокомъ и какое оживляющее и возбуждающее дѣйствіе оказало оно на города, лежащіе по берегамъ Средиземнаго моря; мы знаемъ, какъ благодаря могущественной силы торговли эти города возникли изъ своего упадка и сдѣлались богатѣйшими центрами, и какъ, наконецъ, ихъ богатство доставило имъ силу: прежде незначительныя Генуя и Венеція сдѣлались дѣйствительно царицами Средиземнаго моря. Исторія итальянскихъ республикъ есть славная страница въ исторіи торговли, она намъ указываетъ на ту мощную силу, которая таится въ этомъ элементѣ человѣческой дѣятельности. Итальянцы, сдѣлавшись въ короткое время господами

Средиземнаго моря, черезъ это стали господствовать надъ всей Европой; они ходили за товарами въ однѣ страны, передѣлывали ихъ и развозили по другимъ странамъ. Итакъ, мы видимъ, что дѣятельность ихъ была не пассивная, и въ этомъ отношеніи ихъ можно сравнить только съ арабами.

Итальянецъ постоянно старался отыскать новые рынки для сбыта своихъ и для добычи новыхъ товаровъ, въ этой попыткѣ разыскать новые товары онъ проникаетъ и въ Черное море. Уже съ XIII столѣтія онъ по достоинству оцѣнилъ эти мѣстности. Проѣхать на сѣверъ онъ не могъ, но степь давала ему свое и получала диковины заморскія. Такимъ образомъ при устьѣ Дона являются *Тана* или *Орна* (Азовъ) — поселеніе венеціанцевъ и пизанцевъ, а на Черномъ морѣ въ Крыму появляется цѣлый рядъ колоній генуэзскихъ. Татары сознавали всю выгоду этой торговли и сознавали въ то же время свою собственную неспособность къ ней, потому они положительно нуждались въ дѣятельности итальянцевъ, вслѣдствіе чего въ 1260 году въ этихъ мѣстностяхъ основывается торговый городъ *Кафа* (Θεοδοσία). Мы знаемъ, что между венеціанцами и генуэзцами вслѣдствіе конкуренціи въ торговыхъ интересахъ происходили частыя столкновенія. Венеціанцы дорожили Чернымъ моремъ: принимая дѣятельное участіе въ крестовыхъ походахъ и помогая основанію Латинской имперіи, они получили право жить въ Константинополѣ и имѣть безошпинный проходъ въ Черное море; генуэзцы были удалены оттуда. Именно это обстоятельство заставило генуэзцевъ соединиться съ остатками византійцевъ противъ Латинской имперіи и венеціанцевъ. Соединенныя силы генуэзцевъ съ греками напали на Латинскую имперію во время отсутствія ея императора; латиняне сознавали свое полное безсиліе и потому безъ всякаго сопротивленія уступили свои владѣнія законнымъ владѣтелямъ. Генуэзцы, конечно, получили награду за свои услуги: имъ предоставлены были два квартала въ Константинополѣ — Пера и Галата, и позволено было обнести ихъ каменной стѣной. Генуэзцы воспользовались присутствіемъ своего флота для того, чтобы перерѣзать враждовавшихъ съ ними венеціанцевъ, и съ этого времени сдѣлались полными господами Чернаго и Азовскаго морей. Чтобы имѣть складочный пунктъ, они основали городъ *Кафу* и заселили его своими колонистами. Такъ какъ эти мѣстности были заселены народами, подчиненными татарамъ, то, понятно, что это

было сдѣлано съ согласія татарскаго хана и на извѣстныхъ условіяхъ. Эти условія состояли, во-1-хъ, въ томъ, что генуэзцы были обязаны платить дань татарамъ 3% со всей торговли, за чѣмъ наблюдалъ особый татарскій чиновникъ, и, во-2-хъ, генуэзцы въ важныхъ дѣлахъ обязаны были обращаться къ хану, — таково было невидное начало этого города, находившагося подъ вліяніемъ татаръ, платившаго имъ дань и обязаннаго признавать власть татарскаго чиновника. Но этотъ городъ жилъ торговлею, и торговля дала ему такую грозную силу, что предъ нимъ должны были предлониться татарскій ханъ, византійскій императоръ и венеціанскій дожъ. Всѣ они были побѣждены генуэзцами, и не даромъ Кафа получила названіе таврическаго, крымскаго Константинополи.

Кафа сдѣлалась значительнымъ центромъ товаровъ и лучшихъ изъ всѣхъ черноморскихъ мѣстностей. Сначала генуэзцы купили небольшой клочокъ земли съ правомъ тамъ выстроить свои торговыя помѣщенія, причемъ они обязывались признать верховную власть татаръ и платить извѣстный установленный %, а именно 3% съ продаваемыхъ товаровъ; но такъ какъ торговля все болѣе и болѣе возрастала, то увеличивалось благосостояніе генуэзцовъ, которымъ, благодаря развитымъ торговымъ и политическимъ взглядамъ, удалось настолько поднять значеніе своего города, что онъ сдѣлался почти независимымъ. Прошло немного времени, и генуэзцы выстраиваютъ, незамѣтно для татаръ, твердое каменное укрѣпленіе, которое дѣлало этотъ городъ совершенно безопаснымъ; наконецъ, то политическое правильное устройство, которое является тамъ, также возвышаетъ его передъ другими городами. Генуя устроила у себя особое правительство, которое должно было наблюдать за торговлей Чернаго моря. Правительство это состояло изъ 8 выборныхъ и утвержденныхъ дожемъ купцовъ и называлось *хозарскимъ трибуналомъ*. Этотъ трибуналъ собирался въ дворцѣ или церкви Св. Георгія, тамъ, гдѣ находился знаменитый въ тѣ времена банкъ Генуэзскій; онъ имѣлъ право назначать начальниковъ въ черноморскія колоніи и отправлять туда эскадры. Всякій купецъ, желавшій отправить корабль въ Черное море, долженъ былъ обращаться къ трибуналу и только съ его разрѣшенія онъ могъ отправиться въ путь и не одинъ, а вмѣстѣ съ эскадрой, во главѣ которой находился капитанъ съ неограниченною властью:

во время плаванія ему даже было предоставлено право смертной казни, а для того, чтобы самъ капитанъ не позволялъ себѣ своеволю, на флотѣ обыкновенно находились еще два купца, специально выбранные трибуналомъ для надзора за нимъ. Для управленія Кафю выбирался консулъ (его назначалъ также трибуналъ); консулъ выбирался на одинъ годъ, по истеченіи котораго долженъ былъ возвратиться въ Геную и дать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, онъ пользовался большою властью и носилъ громкій титулъ верховнаго консула Хазарской имперіи и всего Чернаго моря; въ его рукахъ была печать, которую онъ прикладывалъ ко всѣмъ бумагамъ. Помощникомъ его былъ канцлеръ, обязанность котораго была составлять бумаги къ иностраннымъ сосѣдямъ; рядомъ съ нимъ стоялъ кастелянъ, который былъ начальникомъ и особенной военной стражи, управлявшей полиціею въ городѣ. Порядокъ, господствовавшій въ Кафѣ, былъ такъ привлекателенъ, что даже татары въ своихъ спорахъ обращались къ итальянцамъ и просили третейскаго суда; поэтому въ Кафѣ было 4 деревенскихъ судьи, которые должны были разбирать какъ дѣла между татарами и генуэзцами, такъ и дѣла между самими татарами; все это придавало Кафѣ твердое политическое устройство, подобное которому можно было найти развѣ только въ Венеціи, и это сознательное стремленіе къ порядку, къ государственному устройству придавало генуэзцамъ необыкновенную силу. Активная торговля въ развитыхъ формахъ, не случайное, а систематическое отношеніе къ дѣлу еще болѣе возвышали колоніи, такъ что въ XIV в. Кафа могла показать всѣмъ своимъ сосѣдямъ ту силу, которую она приобрѣла.

Кромѣ Кафы, была другая колонія Тана; если Кафа была городомъ европейскимъ, то Тана была городомъ полуевропейскимъ и полустепнымъ. Это былъ городъ татарскій, но татары уступили иностранцамъ извѣстное мѣсто, кварталъ, въ которомъ жили главнымъ образомъ венеціанцы, но также котланцы и флорентійцы. Генуэзцы успѣли проникнуть и въ Тану, несмотря на сильное желаніе венеціанцевъ помѣшать имъ; здѣсь они имѣли также своего собственнаго консула и пытались воздвигнуть свои укрѣпленія, но зависимость отъ татаръ была здѣсь сильнѣе, чѣмъ въ Кафѣ, и поэтому между генуэзцами и татарами часто происходили столкновенія.

Однажды на рынкѣ Таны поспорился генуэзецъ съ татаринѣмъ. Татаринъ въ пылу спора ударилъ генуэзца по щекѣ; послѣдній, не вытерпѣвъ оскорбленія, убилъ татарина. Это сильно раздражило татаръ; немедленно объ убійствѣ донесли хану. Въ то время ханѣмъ былъ сынъ Узбека — Чанибекъ; ему стала подозрительна эта постепенно возвышавшаяся и усилившаяся колонія, которая и теперь самовластно управлялась и не признавала его авторитета. Чанибекъ рѣшился наказатъ надменныхъ европейцевъ, выдвинулъ войско и подступилъ къ Танѣ. Европейскіе жители Таны покинули свои дома и нашли убѣжище въ Кафѣ. Чанибекъ разорилъ до основанія европейскій кварталъ и сжегъ всѣ дома, затѣмъ онъ двинулся къ Кафѣ, но передъ Кафой разбились всѣ усилія могучаго татарскаго хана. Его остановили крѣпкія укрѣпленія, воздвигнутыя тутъ европейскими руками, и хотя онъ продолжалъ вести блокаду, но всѣ старанія его были безуспѣшны; генуэзцамъ удалось воспользоваться безопасностью татаръ, разрушить всѣ ихъ осадныя орудія, и Чанибекъ, довольствуясь разореніемъ нѣсколькихъ мѣстностей, принужденъ былъ отступить. Генуэзцы рѣшились упорно вести борьбу и не уступать; они увеличили свой флотъ и объявили всѣ берега, занятые татарами на Азовскомъ морѣ, въ блокадѣ. Такъ продолжалось нѣкоторое время; генуэзцы не отступали отъ разъ принятаго ими рѣшенія и нашли сочувствіе въ палѣ Климентѣ, который даже проповѣдывалъ крестовый походъ противъ мусульманъ. Но этимъ случаемъ хотѣли воспользоваться тѣ люди, которые всегда завидовали генуэзцамъ, именно венеціанцы. Несмотря на то, что первые ихъ предупреждали, что море Азовское находится въ блокадѣ, они тайкомъ пробирались черезъ него и привозили для продажи татарамъ европейскіе товары. Генуэзцы рѣшились, въ свою очередь, не допустить этого нарушенія блокады и однажды захватили венеціанскіе корабли; послѣдствіемъ такого поступка была война между республиками. Казалось, что побѣда должна быть на сторонѣ венеціанцевъ, тѣмъ болѣе, что ихъ сторону приняли греки, но на самомъ дѣлѣ вышло не такъ. Генуэзцы остались побѣдителями, именно въ этой борьбѣ они показали всю свою силу и все свое могущество. Подъ стѣнами Константинополя греческій и венеціанскій флотъ потерпѣли пораженіе, и греческій императоръ долженъ былъ принять мирныя условія, которыя ему предложили генуэзцы. Однимъ

словомъ, миръ этотъ былъ блистателенъ для генуэзскихъ колоній. Когда венеціанцы потерпѣли пораженіе у береговъ Италіи, то они должны были также согласиться на миръ. По этому миру генуэзцы дозволили имъ торговать на Азовскомъ морѣ и жить въ Танѣ, если татары позволятъ имъ поселиться тамъ, но только подъ надзоромъ генуэзцевъ. Чанибекъ уже болѣе не пытался напасть на Кафу, убѣдясь въ ея неприступности, а продолженіе войны оказалось слишкомъ невыгоднымъ для него. Между татарами начались сильныя неудовольствія, потому что вслѣдствіе блокады они не получали иноземныхъ товаровъ, особенно суконъ, въ которыхъ нуждались, и не имѣли сбыта для своихъ произведеній, такъ что въ Танѣ накопилась цѣлая масса товаровъ, привозимыхъ съ востока; ихъ нужно было продать и отправить на западъ, но этого сдѣлать было нельзя по причинѣ блокады ихъ городовъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ Чанибекъ также долженъ былъ согласиться на миръ, по которому онъ уступилъ генуэзцамъ всѣ прежнія привилегіи, т.-е. право жить въ Кафѣ и поселиться въ Танѣ. Татарскій начальникъ или, какъ его называли, дарога долженъ былъ являться въ городъ и присутствовать при таможенномъ сборѣ; генуэзцы должны были сдѣлать эту уступку для татаръ, потому что послѣдніе были необходимы для нихъ. Такимъ образомъ Генуя и ея колонія Кафа въ 50-хъ годахъ XIV столѣтія являются побѣдителями византійскаго императора, венеціанскаго дожа и татарскаго хана. Могущественная сила торгова и развитіе государственнаго устройства являются здѣсь въ выразительныхъ чертахъ.

Сношенія съ татарами долго еще не могли уладиться, но свобода Кафы была обезпечена; впоследствии консулу города подъ строгимъ штрафомъ было запрещено называть себя вассаломъ кипчакскаго хана или вообще чѣмъ-нибудь напоминать прежнія зависимыя отъ татаръ отношенія. Когда въ 70-хъ годахъ того же столѣтія возобновились опять непріязненныя отношенія между степняками и итальянцами, генуэзцы вторично показали татарамъ всю свою силу и могущество. Изъ военныхъ дѣйствій того времени сохранился до насъ рассказъ о походѣ генуэзцевъ, который достаточно рисуется намъ смѣлость и предприимчивость генуэзскихъ купцовъ. Въ 1374 году итальянскій искатель приключеній Луккино Тариго собралъ нѣсколько лодокъ и съ подобными себѣ удалцами пробрался на Донъ, оттуда волокомъ на Волгу, гдѣ разграбилъ

корабли, набралъ себѣ несмѣтное количество богатствъ и возвратился назадъ. Хотя часть сокровищъ была отнята во время шестивъ степью, но тѣмъ не менѣе больше половины было спасено, и итальянцы возвратились съ большою добычею. Любопытно, что экспедиція Луккино Тариго совершилась за нѣсколько мѣсяцевъ до похода извѣстнаго новгородскаго ушкуйника Прокопа въ 1375 году. Оригинально было время, когда на берегахъ великой русской рѣки могли сойтись ушкуйникъ новгородскій съ ушкуйникомъ итальянскимъ.

Послѣ этого независимость Кафы была совершенно обезпечена, и ея богатства росли все болѣе и болѣе. Весь южный берегъ Крыма покрывается цѣлымъ рядомъ генуэзскихъ колоній. Прежде въ Крыму съ Кафою могъ соперничать старый городъ, которымъ такъ дорожили греки, именно Херсонесъ или, какъ его называли по-итальянски, Харизенда, но по договору византийцевъ съ генуэзцами онъ былъ отданъ въ руки послѣднихъ; генуэзцы явились въ этотъ городъ, разрушили его, и съ тѣхъ поръ Херсонесъ уже не поднимался. Послѣ этого соперниковъ въ Крыму собственно не было. Чтобы обезпечить себѣ господство на Азовскомъ морѣ, генуэзцы заняли пунктъ близъ теперешней Керчи, гдѣ основали городъ *Черко* и селеніе *Еникам*, а на противоположномъ берегу городъ *Матраки* (наша старинная Тмутаракань), гдѣ выстроили крѣпкія укрѣпленія. Съ того времени господство генуэзцевъ вполне утвердилось надъ Керчинскимъ проливомъ, такъ что во всякую минуту генуэзцы имѣли возможность закрыть для венеціанцевъ проходъ въ Азовское море; съ этихъ поръ всякая возможная конкуренція со стороны венеціанцевъ была прекращена. На южномъ берегу Крыма было выстроено много городовъ. На мѣстѣ греческаго города Символиса итальянцы выстроили городъ *Чембаро* (нынѣшняя Балаклава); немного ближе къ Кафѣ появляется другой торговый городъ *Солдайя*, мѣстные жители называли этотъ городъ другими именами: Судажъ и Сурожъ; у насъ это послѣднее имя было болѣе распространено, и впоследствии подъ именемъ сурожанъ соединялись въ глазахъ русскихъ всѣ итальянцы Черноморья и Азовскаго — Сурожскаго моря. Въ Солдайѣ на неприступныхъ скалахъ была выстроена, скорѣе высѣчена, крѣпость, которая могла быть не однимъ оплотомъ, но и въ случаѣ несчастія здѣсь могли безопасно сохраняться товары. Замокъ Сурожъ въ развалинахъ сохранился еще до нашего времени и

есть одинъ изъ замѣчательныхъ генуэзскихъ памятниковъ; онъ свидѣтельствуетъ о трудѣ, энергiи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о процвѣтанiи генуэзскихъ колонiй. Занявши такимъ образомъ всѣ берега Крыма, сосѣднiя мѣстности, обезпечивъ себя договорами и трактатами и держа въ своихъ рукахъ татарскаго хана, генуэзцы дѣйствительно сдѣлались господами Чернаго моря, и это море вмѣсто русскаго могло, по справедливости, назваться моремъ итальянскимъ, генуэзскимъ. Въ XIV вѣкѣ Кафа могла выставить 630 кораблей, не считая кораблей мелкихъ и кораблей, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ; таможенные доходы были громадны. Кафинскiе моряки своими судами перекрещивали море Черное по всѣмъ направленiямъ; ихъ смѣлость и предприимчивость были необычайны. Обыкновенно запрещалось купцамъ плавать по Черному морю отъ декабря до марта, зимою, когда это море является самымъ бурнымъ, и Понтъ евсинскiй становится напоминающимъ свое старое, негостепрiимное названiе — аксинскаго. Никто изъ моряковъ не рѣшался плавать въ это бурное время; только купцы генуэзскiе выпрашивали себѣ разрѣшенiе плавать и въ это время къ великому изумленiю жителей Константинополя и другихъ мѣстъ Понтiйскаго побережья смѣло бороздили море и въ это бурное время. До сихъ поръ жители Трапезунда употребляютъ для прибрежнаго плаванiя лодки особой формы и утверждаютъ, что эти лодки сохранились у нихъ отъ временъ и образцовъ генуэзскихъ. Черное море хорошо было извѣстно генуэзцамъ, и они, рано сознавъ важность хорошаго географическаго изученiя составили цѣлый рядъ картъ Чернаго моря, называемыхъ обыкновенно периплами (обводъ озера). На этихъ картахъ обозначали они города, мѣстности, и, конечно, это картографическое знакомство много помогло ихъ торговлѣ. Можно сказать, что первая карта частицы настоящей Россiи была составлена генуэзцами.

Итакъ Кафа, какъ мы видѣли, дѣлается складочнымъ мѣстомъ всѣхъ европейскихъ товаровъ, и въ Кафу съѣзжаются купцы изъ самыхъ отдаленныхъ сосѣднихъ мѣстностей. Прежде всего встрѣчаются здѣсь купцы татарскiе; они привозили сюда свои степныя произведенiя, по всей вѣроятности, степныхъ лошадей, привозили также скотъ и случайно попавши имъ въ руки товары русскiе и восточные, но болѣе всего должны были привозить деньги, на

которыя покупали все необходимое для себя. Генуэзцы привозили произведенія итальянскихъ фабрикъ и въ особенности много сукна, которое, служа защитой отъ суроваго климата, являлось однимъ изъ наиболѣе потребляемыхъ татарами товаровъ: татары больше нигдѣ не могли достать этого произведенія, такъ какъ на востокѣ выдѣлывались однѣ только мягкія, тонкія ткани. Сукно привозилось сюда разное, но преимущественно красное, яркое, сюда же привозили и готовое платье — наши однорядки тоже яркаго цвѣта; болѣе высокаго сорта сукна шли не для обыкновенныхъ татаръ, а для хана и его мурзъ. Сюда же привозились и другіе товары фабричной промышленности: напримѣръ, различная посуда, металлическія вещи, стеклянныя издѣлія, такъ какъ Венеція начинала уже заводить свои знаменитыя стеклянныя и зеркальныя фабрики въ Мурано; привозится сюда также полотно, которое генуэзцы сами производили или привозили изъ Фландріи. Здѣсь также можно было найти южныя произведенія итальянской природы: плоды и, наконецъ, вино. Вина въ то время славилась апулійскія и анконскія; крымскія вина также обязаны своимъ происхожденіемъ генуэзцамъ, которые первые начали вести правильное винодѣліе въ Крыму. Эти вина находили большой сбытъ среди степного населенія, такъ какъ мурзы татарскіе, легко наживавшіе массы денегъ, послѣ грабежей любили предаваться разгулу; немудрено потому, что степняки очень дорожили генуэзскими купцами, черезъ которыхъ могли получать всѣ предметы роскошнаго Запада, а тѣ, въ свою очередь, удовлетворяя ихъ потребности, брали съ нихъ за это значительныя суммы денегъ. Кромѣ татарскихъ купцовъ, приходили сюда и русскіе купцы; приходили они различными путями: нѣкоторые изъ нихъ шли черезъ Сарай и Волгу, другіе прямо черезъ Донъ. Можетъ-быть, нѣкоторые пускались не воднымъ путемъ, а караванной степной дорогой, хотя этотъ путь былъ очень затруднителенъ: по крайней мѣрѣ, Дмитрій Донской, когда шелъ противъ Мамаю, взялъ съ собою гостей сурожанъ (т.-е., вѣроятно, русскихъ, торговавшихъ съ Сурожемъ), „повѣдованія ради дальнихъ путей степныхъ“¹⁾.

¹⁾ Такимъ караваннымъ путемъ еще въ XV вѣкѣ (въ 1476 г.) ѣхалъ, между прочимъ, изъ Астрахани въ Москву путешествовавшій по Россіи Ковтарини — знатный венеціанецъ, посолъ Венеціанской республики, отправленный для воору-

Нѣтъ сомнѣнiя, что и генуэзцы прiѣзжали въ Москву, куда они для большей безопасности приходили съ татарами. Въ XIV вѣкѣ является къ намъ татарскiй посолье и вмѣстѣ съ нимъ сурожане; надо замѣтить, что генуэзскiе или фряжскiе купцы назывались у насъ не кафаскими гостями, а сурожанами; объяснить причину этого мы съ полною достовѣрностью не можемъ. Хотя въ Сурожѣ и была своя контора, но главные товары во всякомъ случаѣ сосредоточивались въ Кафѣ, и было даже постановленiе, чтобы въ Сурожѣ корабли итальянскiе не могли оставаться долѣе трехъ дней, по прошествiи которыхъ должны были отправляться въ Кафу; но если русскiе называли гостей итальянскихъ сурожанами, то ясно, что для нихъ главный торговый пунктъ, на время по крайней мѣрѣ, находился въ этомъ городѣ, но почему и какимъ образомъ, источники не даютъ намъ на это никакого отвѣта. Купцы сурожане, какъ русскiе, такъ и генуэзскiе, довольно часто упоминаются у насъ на Руси съ XIV вѣка, по крайней мѣрѣ, съ тѣхъ поръ въ Москвѣ постоянно ихъ можно было встрѣтить; у насъ даже устраивается въ Гостиномъ дворѣ особый рядъ сурожскiй, и гости сурожане и суконники были тождественны между собою. Если сукно, доставляемое иностранной торговлей, было такъ необходимо для татаръ, то конечно, оно является одинаковой потребностью и для насъ при суровомъ климатѣ. Очевидно, что эти товары, привозимые изъ Сурожа, были особенно важны для насъ, и потому естественно, что суконные торговцы играли важнѣйшую роль въ нашей торговлѣ; притомъ въ то время нельзя было предполагать особой специализации товаровъ, почему гость-суконникъ былъ въ то же время для Москвы гостемъ сурожскимъ, привозившимъ всѣ западныя диковинки. Кромѣ сукна, сурожскiе купцы привозили тѣ же самые продукты итальянской дѣятельности, которыми они снабжали татаръ, и, кромѣ всего этого, они привозили

женiя Польши, Россiи и Персiи противъ возрастающаго могущества турокъ и оставившiй, между прочимъ, любопытное описанiе своей поѣздки. Дорога эта шла обыкновенно по правому берегу Волги (иногда по лѣвому, чтобы избѣжать нападенiй отъ татаръ Золотой Орды) до того мѣста, гдѣ Волга въ своемъ теченiи приближается къ Дону, и оттуда черезъ степь; она была столь трудна и опасна, что по большей части восточные и русскiе купцы съ товарами присоединялись къ посольствамъ, идущимъ отъ астраханскихъ хановъ въ Москву или обратно. Естественно, что при такихъ условiяхъ этой степной караванный путь не могъ играть большой роли въ тогдашней русской торговлѣ.

въ Русь рыбу, потому что при устьѣ Дона были весьма важные рыбные промыслы, которыми генуэзцы не прѣминули воспользоваться. Что же касается до товаровъ, привозимыхъ русскими, то между ними мы не можемъ найти ничего новаго сравнительно съ тѣми, которые уже намъ извѣстны. Важнѣйшіе были мѣха, изъ которыхъ собольи цѣнились очень дорого, лѣсъ, кожа, соль медь и воскъ. Сурожъ имѣлъ еще и другое значеніе для русскихъ, кромѣ торговаго: черезъ него русскіе могли продолжать свои сношенія съ Византіей, которыя преимущественно обусловливались церковными потребностями: оттуда приходили къ намъ митрополиты, поставляемые греческимъ патріархомъ; оттуда же приходили греческіе художники, мастера, переписчики книгъ, учителя и даже греческіе монахи, какъ для поученія, такъ и для сбора милостыни, и такимъ образомъ извѣстное стремленіе Россіи къ этому европейскому центру (Византіи), несмотря на затруднительное сообщеніе, не прерывалось, благодаря посредничеству итальянцевъ. Указаніемъ на эти сношенія могутъ служить браки князей и царей византійскихъ на русскихъ княжняхъ. Такъ, напримѣръ, на дочери Василія I Аннѣ женился греческій царевичъ Іоаннъ; такимъ же доказательствомъ могутъ служить путешествія русскихъ, напр., хожденіе митрополита Пимена. Итальянцы служили посредниками въ этихъ сношеніяхъ: не иначе, какъ на корабляхъ генуэзскихъ, русскіе могли предпринять эти далекія плаванія. То, что одна приазовская мѣстность на итальянскихъ картахъ называлась Porto-gosso, можетъ навести на догадку, что русскіе имѣли даже постоянное поселеніе на берегахъ Азовскаго моря, но это догадка, которую подтвердить мы не можемъ.

Въ Кафу сѣзжались купцы и съ западныхъ береговъ Чернаго моря: молдавскіе, валахскіе и болгарскіе. Генуэзцы рано сознали важность Дуная и постарались заключить договоры съ правительствомъ Молдавіи и Болгаріи, по которымъ бы имъ дозволялась безпошлинная провозка товаровъ черезъ Дунай и, наконецъ, устроить тамъ свои торговыя помѣщенія и колоніи. Изъ такихъ колоній генуэзцевъ мы можемъ упомянуть о Килии (Килийскій рукавъ Дунайскаго устья). Кромѣ размѣнныхъ другихъ товаровъ, которые могли здѣсь добываться, генуэзцы вывозили отсюда особенно необходимый для нихъ продуктъ — хлѣбъ. Мѣстности эти

лавались своими обильными жатвами, и поэтому генуэзцы занимались хлѣбною торговлею, какъ для удовлетворенія собственныхъ потребностей, потому что они, какъ народъ торговый, не занимались хлѣбонашествомъ, такъ и для западной Европы. Оттуда же въ значительномъ количествѣ вывозился медь и воскъ.

Утвердясь на Черномъ морѣ и принимая къ себѣ иноземныхъ купцовъ, генуэзцы обращали главное вниманіе на востокъ; не степные товары и даже не сѣверо-русскіе составляли для нихъ главную приему: ихъ привлекали товары средне-азиатскіе, китайскіе, индѣйскіе, персидскіе и арабскіе. Хотя естественный и прямой путь изъ Европы въ эти мѣстности велъ по караванной дорогѣ черезъ Сирію, но, какъ извѣстно, крестовые походы, борьба правовѣрныхъ съ мусульманами, папскія запрещенія, появленіе турокъ, неспособныхъ ни къ какой промышленной и торговой дѣятельности — все это полагало неодолимое препятствіе, и хотя венеціанцы употребляли всевозможныя усилія, чтобы преодолѣть эти препятствія, но удобнѣе и естественнѣе былъ путь черезъ Кафу, тѣмъ болѣе, что здѣсь могли сосредоточиваться не только товары средне-азиатскіе, но также сѣверные и китайскіе. Три пути могли вести изъ Кафы въ среднюю Азію: первый велъ черезъ колонію Трапезундъ и далѣе черезъ Арменію и Курдистанъ; второй — прямо черезъ Кавказъ на Каспійское море и третій — черезъ Донъ и Сарай въ Золотую Орду.

Путь первый давно уже былъ усвоенъ генуэзцами; они издавна жили въ Трапезундѣ, имѣли тамъ свои кварталы, конторы, своего консула и, по обычаю, сильно желали захватить въ свои руки этотъ греческій городъ; они требовали себѣ всевозможныхъ привилегій, надменно обращались съ жителями Трапезунда, а это приводило къ столкновениямъ. Второй путь велъ черезъ Кавказъ. Кавказъ въ то время былъ очень важнымъ владѣніемъ генуэзцевъ, и можно сказать, что Кавказъ былъ вполне въ ихъ рукахъ. Въ то время Кавказъ былъ населенъ различными мелкими горными племенами, которыя не отличались своею развитостью и образованностью, а потому генуэзцы явились сюда учителями и полными хозяевами: съ одной стороны, проникали они по Кубани и основали здѣсь цѣлый рядъ укрѣпленій, съ другой — они входили въ устья рѣки Фазиса и здѣсь, по этой рѣкѣ, вступали во внутренность страны. Генуэзцы на Кавказѣ занимались разработкой серебряной

руды, и въ данномъ случаѣ имъ первымъ принадлежитъ эта инициатива. Вліяніе генуэзскихъ купцовъ на Кавказъ было такъ велико, что они совершенно распоряжались мѣстными князьями, и не даромъ теперъ сохранилось сказаніе о томъ, что многіе горы ведутъ свое начало отъ френговъ, т.-е. генуэзцевъ. Добывая здѣсь серебро, медь, воскъ и предметы дикой кавказской природы, напримеръ, дикихъ козъ, они дорожили однако Кавказомъ не столько по этимъ товарамъ, сколько по громадному запасу невольниковъ, которыхъ они вывозили отсюда: можно сказать, что Кавказъ въ то время, о которомъ мы говоримъ, былъ главнымъ центромъ и источникомъ невольничей торговли, такимъ же, какимъ впоследствии явилась Гвинея. Источникъ рабства заключался въ раздѣленіи кавказскихъ полудикихъ племенъ на множество отдѣльныхъ родовъ, которые всѣ находились во враждебныхъ отношеніяхъ между собою. Мелкій князекъ, иногда просто изъ удали или жажды мести нападалъ на другого князья, а тамъ былъ обычай, очень строгъ соблюдавшійся, несмотря на всеобщее беззаконіе, что всѣ плѣнники дѣлались достояніемъ ихъ побѣдителя, только самого побѣжденнаго князья привязывали къ лошади, у которой обрѣзывали уши и пускали на волю. Чувствуя свою личную безопасность, князья обыкновенно часто предпринимали набѣги. Такъ какъ набѣговъ было множество, то и невольниковъ было много, и кромѣ того при грубости и дикости нравовъ, черкесы и другіе горные жители охотно продавали въ рабство своихъ дѣтей, преимущественно дочерей; черкешенки славились своей красотой, а потому и покупателей на нихъ было много. Гораздо болѣе дорожили они своими сыновьями и продавали ихъ только въ крайнихъ случаяхъ — тогда, когда необходимость заставляла ихъ избавиться отъ голода, а голодъ бывалъ довольно часто, такъ что и сыновей продавали они въ рабство также довольно часто. Однимъ словомъ Кавказъ составляетъ источникъ для невольниковъ. Съ одной стороны, онъ отпускаетъ невольниковъ въ восточную Персію, Аравію и городъ Дербентъ, съ другой — онъ отправляетъ ихъ въ большомъ количествѣ на западъ черезъ генуэзцевъ и венеціанцевъ.

Изъ другихъ замѣчательныхъ генуэзскихъ колоній были: Танау при устьѣ Дона, Тамань и Сухумъ-Кале. Въ Тану доставлялись невольники преимущественно отъ татаръ; что же касается до горъ

цевъ, то они сбывались въ Сухумъ-Кале. Главный сбытъ невольниковъ былъ въ Египтѣ: египетскій Суданъ, нуждаясь въ рабахъ, покупалъ ихъ для своей арміи, а женщинъ для гаремовъ; изъ этихъ же плѣнныхъ пополнялись грозные мамелюки. По всей вѣроятности, въ числѣ невольниковъ встрѣчалось много русскихъ, такъ какъ не только татары торговали ими, но, какъ мы видѣли, и свои собственные ушкуйники безъ содроганія сердца продавали въ рабство своихъ братьевъ. Для покупки рабовъ въ Танъ и другихъ мѣстностяхъ жли, какъ намъ извѣстно, особые египетскіе агенты, должность которыхъ состояла въ томъ, что они покупали и отправляли невольниковъ по назначенію. У насъ есть извѣстіе, что изъ одной Мингрели вывозилось ежегодно до 12 тысячъ человѣкъ; свѣдѣнія эти, быть можетъ, и преувеличенныя, все-таки даютъ намъ понятіе о томъ, въ какомъ громадномъ размѣрѣ производился этотъ торгъ людьми.

Остановимся теперь на характеристикѣ торговыхъ сношеній европейскаго Запада съ азиатскимъ Востокомъ черезъ посредничество пенузцевъ, на пути въ среднюю Азію, собственно Индостанъ, съ которымъ на берегахъ Каспійскаго моря черезъ Трапезундъ, Кавказъ и Сарай соединялся путь китайскій.

Къ XIV вѣку въ средней Азіи произошло много перемѣнъ — такъ много, что трудно въ короткихъ словахъ и наглядно представить исторію ея за это время. Съ паденіемъ арабскаго халифата здѣсь перебивали многіе народы: турки-сельджуки, турки-османы, монголы и различныя другія племена, менѣе извѣстныя въ исторіи. Цѣлый рядъ государствъ быстро появляется, но такъ же быстро и уничтожается. Трудно прослѣдить всѣ перемѣны, но одно замѣчаемъ мы, что среди всѣхъ этихъ перемѣнъ могущественно легло вліяніе арабской цивилизаціи и той религіи, которая была создана ею. Тотъ народъ, который произвелъ этотъ толчокъ, давно уже успокоился подъ яснымъ небомъ аравійскихъ степей; бедуины остались прежними бедуинами, но жизнь, которую они пробудили, не угасла. Мы, конечно, не встрѣчаемся съ той энергіей, съ тѣмъ богатствомъ многосторонняго развитія, съ той удалью, которая такъ могущественно подчиняла всѣхъ арабскому вліянію, но тѣмъ не менѣе развитая общественная и государственная жизнь, которая была вызвана арабскимъ халифатомъ, не угасла. Попрежнему здѣсь,

по указаннымъ нами путямъ, идутъ торговля и промышленность, и громъ войны и разоренія этимъ мѣстностей не могли уничтожить блистательнаго развитія.

Средняя Азія этого времени остается во многихъ отношеніяхъ болѣе развитою, чѣмъ западная Европа. Европейцу приходилось являться въ Азію не только для того, чтобы добыть невѣдомые товары далекаго Востока, но вмѣстѣ съ тѣмъ добывать также произведенія обработанныя, которыя стояли много выше европейскихъ. Такимъ образомъ Востокъ остается для Западной Европы источникомъ для удовлетворенія потребностей, и не сырые матеріалы вывозятся оттуда, какъ въ настоящее время, но значительно обработанные.

Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, нѣтъ уже съ прежнимъ, почти всемірнымъ, значеніемъ роскошнаго Багдада, нѣтъ перла Востока — Дамаска, этого политическаго, культурнаго и промышленнаго центра. Роскошные города, развившіеся подъ вліяніемъ арабскаго халифата, теряютъ свою жизненную энергію, толкавшую впередъ арабовъ на пути развитія; но все-таки эти города попрежнему остаются центрами промышленности и торговли, и къ нимъ присоединяются другіе, въ которыхъ кипитъ живая, развитая городская дѣятельность. Такихъ центровъ было такъ много, что мы съ трудомъ могли бы ихъ всѣ перечислить. Мы ограничимся указаніемъ немногихъ мѣстностей. Если начнемъ съ Сиріи, мы встрѣтимся съ знакомымъ намъ *Дамаскомъ*, славившимся сабельными клинками, тонкими кольчугами и шлемами, которые черезъ посредство татаръ переходили и къ намъ на Русь; на востокъ отъ Дамаска, на Тигрѣ, лежитъ *Багдадъ*, славившійся своими шелковыми тканями, въ особенности же тафтой, златотканной парчой, которыя расходились на западъ и на востокъ, и у насъ являлись въ обилии. На сѣверѣ отъ этого послѣдняго, на Тигрѣ же, лежалъ городъ *Мосулъ*, также извѣстный своей фабричною дѣятельностью и оставившій надолго свое названіе въ матеріи мосулинъ (муслинъ). За тѣмъ городъ *Тебрисъ* на сѣверѣ Персіи (въ Курдистанѣ), извѣстный своими матеріалами, персидскими хрущатыми тканями; *Халебо* — въ Палестинѣ, на сѣверѣ отъ Дамаска, близъ Антіохіи: „халаяпскіе шелки и тафты“, какъ у насъ на Руси называли ихъ, вполнѣ служить доказательствомъ того, что они въ немногѣ уступали про-

изведеніямъ Багдада; *Ширазъ* — въ центрѣ Персіи, среди мѣстности, которую называютъ, и не совсѣмъ, быть можетъ, преувеличенно, земнымъ раемъ, — мѣстности, гдѣ цвѣтутъ массами розовые кусты, изъ которыхъ выдѣлываютъ розовое масло; здѣсь же массами росли виноградники, и ширазскія благовонныя вина вмѣстѣ съ антиохійскими считались лучшими и вывозились генуэзцами въ Европу; эти вина были извѣстны также у насъ на Руси и слыли предметомъ роскоши. Городъ *Иездъ*, немного на сѣверо-западъ отъ Шираза, славился металлическими издѣліями. У насъ въ XIV и XV вѣкахъ упоминаются „іездинскія“ металлическія блюда, что служитъ доказательствомъ далекой распространенности металлическихъ издѣлій этого города. Затѣмъ городъ *Токатъ* въ Курдистанѣ. токатскія тафты упоминаются у насъ на Руси вмѣстѣ съ „халаяпскими“. Много можно было бы привести еще и другихъ городовъ, но достаточно и перечисленныхъ въ подтвержденіе того, что въ средней Авіи была развитая промышленность. Дѣятельное торговое общеніе было также въ высшей степени развито — производилось ли оно караваннымъ, или морскимъ путемъ, или же рѣками. На пути между этими городами, въ мѣстностяхъ, наиболѣе посѣщаемыхъ, образуются торговые центры, которые обиліемъ товаровъ, богатствомъ и многолюдствомъ превосходили всѣ европейскіе рынки, хотя не могли сравняться съ Венеціанской или Генуэзской республикою по своей предпримчивости. Изъ этихъ городовъ упомянемъ слѣдующіе: неподалеку отъ Тебриса находился городъ *Султанія* или, по-арабски, Султаніахъ; *Ургенчъ* — неподалеку отъ нынѣшней Хивы; съ XV вѣка появляется *Самаркандъ*, отстроенный и увеличенный Тимурленкомъ (Тимуромъ). Затѣмъ на караванномъ пути отъ Чернаго моря въ Персидскому идетъ цѣлый рядъ городовъ, изъ которыхъ важны: *Бассора*, на рѣкѣ Шатъ-аль-Арабѣ, городъ, гдѣ производилась перегрузка товаровъ съ морскихъ судовъ на суда рѣчныя; *Ормузъ*, на проливѣ, который ведетъ изъ Персидскаго моря въ Индійскій океанъ и у котораго сходились пути отъ Каспія и Чернаго моря въ Индустанъ. Затѣмъ идетъ цѣлый рядъ гаваней индійскихъ, гдѣ нагружались товары, отправлявшіеся на западъ Европы; изъ нихъ — главныя: *Бамбей* и *Каликотъ* на Малабарскомъ берегу; городъ Каликотъ — тотъ самый, который первый былъ открытъ Васко-де-Гамой и извѣстенъ болѣе подъ именемъ *Каликута* (не слѣдуетъ смѣшивать съ Калькутою).

Кромѣ самостоятельной торговли, которую вела Азія, она служила также важнымъ транзитомъ для индійскихъ и китайскихъ товаровъ, и Каликутъ былъ пунктомъ, черезъ который шли эти товары; этимъ удвоивалось его значеніе.

Собственно этими оконечностями, т.-е. Индией, съ одной стороны, и съ другой — пунктомъ, черезъ который она имѣла сношенія съ западной Европой, т.-е. Кафой, и опредѣлялся европейско-азиатскій караванный путь товаровъ — морскимъ путемъ товары могли идти въ средніе вѣка только черезъ Сирію и Египеть. Товары индійскіе шли караванною дорогою въ Европу по тремъ направленіямъ.

Первый путь вель черезъ материкъ Индіи и большимъ обходомъ черезъ Кандагаръ на Ургенчъ; впрочемъ, этотъ путь былъ мало посѣщаемъ вслѣдствіе трудности перехода черезъ высокія горы. Гораздо болѣе значенія имѣлъ другой — водный путь, который вель изъ Индіи къ Каспійскому морю черезъ среднюю Азію, черезъ Иранъ: транзитъ товаровъ направлялся черезъ Персидское море въ Ормузь и потомъ черезъ Тебрисъ доходилъ до Каспійскаго моря. Тебрисъ принадлежалъ къ богатѣйшимъ и могущественнѣйшимъ торговымъ городамъ, тамъ, сообщаютъ намъ, было 300 караванъ-сараявъ (т.-е. гостиныхъ дворовъ). Каждый купецъ безпрепятственно могъ въ немъ останавливаться съ своими товарами, и многіе европейцы старались основать здѣсь постоянныя поселенія. Генуэзцы имѣли здѣсь свою контору, и ихъ было такъ много, что они составили изъ своихъ купцовъ совѣтъ, выбирали консула, который былъ въ Тебрисъ тѣмъ же, чѣмъ былъ ольдерманъ въ Новгородѣ, и который находился въ прямыхъ сношеніяхъ съ консуломъ Кафы. Генуэзцы, сознавая для себя важность Тебриса, старались какъ-нибудь укрѣпиться здѣсь, какъ въ Танѣ, но попытки ихъ были тщетны; здѣсь они имѣли дѣло не съ полудикими народами, каковы были татары, но съ людьми развитыми. Тебрисская легенда рассказываетъ, что будто однажды по недосмотру хана генуэзцамъ удалось выпросить позволеніе на постройку крѣпости; они немедленно принялись за дѣло, но кто-то во-время открылъ глаза хану. Ханъ объявилъ генуэзцамъ, что, хотя онъ и продалъ имъ землю подъ крѣпость, но это не значить, что они могутъ строить ее въ его владѣніяхъ, а если имъ угодно возвести укрѣпленіе, то пусть прежде вынесутъ купленную землю изъ его

государства. Генуэзцы старались уговорить хана, а сами между тѣмъ дѣятельно продолжали работу; тогда ханъ объявилъ генуэзцамъ, что если они не прекратятъ постройки, то онъ велитъ всѣмъ каменщикамъ и работникамъ отрубить руки и голову. Угроза эта заставила смѣлыхъ итальянцевъ отказаться отъ своего намѣренія. На тебрискихъ рынкахъ, говорятъ намъ, было множество товаровъ, особенно индійскихъ, и ихъ можно было найти всевозможныхъ родовъ и по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Обыкновенно въ юнѣ и июлѣ приходили сюда караваны съ этими товарами, и такъ же, какъ на нашей Нижегородской ярмаркѣ прибытіе китайскихъ товаровъ опредѣляетъ сроки на ней и размѣръ ея оборота, можно сказать, прибытіе индійскихъ товаровъ на тебрискій рынокъ опредѣляло число прибывшихъ купцовъ и, слѣдовательно, размѣръ его торговыхъ операций, потому что, если мало привозилось индійскихъ товаровъ, то индійскіе купцы не могли много закупить европейскихъ товаровъ, а, съ другой стороны, европейскіе купцы при недостаточномъ сбытѣ своихъ товаровъ не имѣли возможности приобрести товаровъ восточныхъ.

Таможенный доходъ, собираемый со множества привозимыхъ товаровъ, былъ такъ значителенъ, что, по словамъ иностранныхъ путешественниковъ, ни одинъ изъ государей европейскихъ не могъ похвалиться доходами со всего государства предъ тѣми, которые получались съ одного азіатскаго города; когда, на примѣръ, въ XV вѣкѣ сборъ торговыхъ пошлинъ въ Султаніи былъ отданъ на откупъ одному лицу, то откупщикъ получилъ чистой прибыли 60 тысячъ фунтовъ серебра. Султанія по количеству своего дохода и по массѣ товаровъ, скоплавшихся въ ней, не многимъ уступаетъ Тебрису, потому что сюда пріѣзжали не только сухимъ путемъ черезъ Кавказъ и Трапезундъ, но и черезъ Каспійское море. Генуэзцы имѣли также и здѣсь свою контору и дѣятельно вели торговлю.

Вообще средняя Азія того времени была доступнѣе, чѣмъ теперь, или, по крайней мѣрѣ, въ началѣ XIX вѣка. Множество итальянскихъ купцовъ стремилось туда, а вслѣдъ за ними пріѣзжали и другіе европейцы запада. Изъ всѣхъ путешественниковъ запада наиболѣе интересное описаніе всѣхъ путей и торговли доставилъ намъ донь Луисъ Гомесъ де Клавихо, посоль Генриха III кастильскаго, который отправилъ его въ эти мѣста съ цѣлью заключить торговый

трактатъ съ мѣстными владѣльцами; мы знаемъ также случаи, когда генуэзцы бывали послами государей азіатскихъ къ государямъ западно-европейскимъ, что вполне естественно, такъ какъ они, живя постоянно на востокъ, среди восточныхъ людей, ближе свыкались съ ними и оказывались способнѣе ихъ на дипломатическомъ поприщѣ.

Отъ Султаніи и Тебриса товары шли караваннымъ путемъ черезъ *Иездъ*, находившійся на серединѣ этого пути, и приходили въ *Ормузь*. Этотъ городъ оставляетъ за собой все, о чемъ говорилось до сихъ поръ. Описаніе этого города, сохранившееся въ источникахъ какъ въ западныхъ, такъ и въ восточныхъ, говоритъ намъ о поразительномъ богатствѣ этой мѣстности. Ормузь представляетъ намъ поразительный примѣръ развитія, исключительно обязаннаго торговлѣ; онъ лежитъ на островѣ, выжженномъ палящими лучами знойнаго тропическаго солнца, слѣдовательно, на почвѣ благодарной, но вблизи его, въ морѣ, находится богатство, которое искони привлекало и привлекаетъ къ себѣ множество добывателей и промышленниковъ, и благодаря этому Ормузь развился и разбогатѣлъ: недалеко отъ Ормуза лежатъ Багрейнскіе о-ва, около которыхъ производилась жемчужная ловля. Арабы и индійцы массами стекались сюда на эту ловлю. Понятно, добывателямъ жемчуга нуженъ былъ безопасный складочный пунктъ, чтобы очистить и разсортировать жемчугъ; скалистый островъ представлялся самымъ удобнымъ мѣстомъ, и естественно, въ своемъ выборѣ они остановились на немъ. Сюда стали являться купцы, чтобы изъ первыхъ рукъ купить дорогой товаръ — таково начало, а черезъ нѣсколько времени на этой безводной скалѣ выросъ роскошнѣйшій городъ Азіа: прекрасныя зданія, поражавшія своей богатой обстановкой и обращавшія вниманіе своимъ великолѣпнымъ убранствомъ, узкія улицы, покрытыя циновками и коврами, на которыхъ сидятъ разбогатѣвшіе жители, окруженные невольниками и невольницами, предъ которыми въ изобиліи находилось все, что только могъ придумать восточный умъ, — были обыкновеннымъ явленіемъ. Здѣсь уже не жизненный комфортъ, но жизненная роскошь въ полномъ смыслѣ этого слова; здѣсь можно найти все: сюда привозились товары Индіи — золото и серебро, драгоценныя камни и всѣ другія диковинныя произведенія благодатнаго индійскаго полуострова, арабскіе благовонныя товары, шелковыя и парчевыя ткани Ирана,

гѣха съ сѣвера, а черезъ генуэзцевъ получались произведенія и далекой Италіи и другія европейскія диковинки.

Извѣстно, что роскошь производитъ крайнее растлѣніе нравовъ; то же было и въ Ормузѣ, но новый Сodomъ востока, какъ его называли, благодаря своему положенію, благодаря ходу развитія своей жизни, слѣдовательно благодаря своей исторіи, выработала торговыя правила и извѣстную общественную безопасность: всякій купецъ былъ увѣренъ, что его товаръ не будетъ тронутъ. Тамъ была такая безопасность, какой не было ни въ какомъ другомъ городѣ Азіи и Европы; не даромъ на востокѣ Ормузъ называли „Даръ-эль-Аманъ“, что значитъ убѣжище безопасности.

Какъ въ Тебрисѣ торговое движеніе обусловливалось прибытіемъ каравановъ изъ Индіи, такъ и въ Ормузѣ торговая дѣятельность опредѣлялась размѣромъ добычи жемчуга; жемчужные ловцы являлись обыкновенно въ апрѣлѣ (въ этомъ мѣсяцѣ преимущественно производится ловля). Добытый жемчугъ, уложенный въ мѣшкахъ, каждый купецъ долженъ былъ представлять чиновнику, который бралъ условную пошлину размѣромъ въ 10% со стоимости жемчуга. Этой пошлиной и обезпечивалось благосостояніе города. Жемчугъ взвѣшивался, разсортировывался, и затѣмъ ему назначали цѣну, пріступитъ которую купецъ не могъ ни въ какомъ случаѣ. Если купецъ находилъ для себя невыгодную назначенную цѣну, онъ могъ не продавать своего товара, но повысить цѣну не имѣлъ права. Для покупки жемчуга приходили купцы съ сѣвера и изъ Индіи, и тутъ-то происходила живая торговая дѣятельность. Изъ Индіи привозились кромѣ драгоценныхъ металловъ и камней: индиго, лакъ, ревенъ, опиумъ, клей, сандалъ и пр., и уже изъ Ормуза эти товары шли далѣе на сѣверъ, сначала въ Султанію, а потомъ въ Тебрисъ. Среди этихъ товаровъ былъ также и жемчугъ. Караванный путь отъ Ормуза до Султаніи требовалъ 60 дней. Изъ Тебриса этотъ путь велъ черезъ Кавказъ къ намъ на Русь и въ остальную Европу; у насъ жемчугъ издавна былъ извѣстенъ подъ именемъ бурмицкихъ или гурмыжскихъ, т.-е. ормузскихъ зеренъ.

Кромѣ того, изъ Ормуза выходилъ другой путь, ведшій черезъ Персидское море до устьевъ Шатъ-аль-Араба; здѣсь, въ Бассорѣ (которая не имѣла самостоятельнаго значенія, а была мѣстомъ перегрузки — чѣмъ-то въ родѣ Рыбинска на Волгѣ) товары пере-

гружались на рѣчные суда и по Тигру поднимались на Мосуль, потомъ сухимъ путемъ привозились въ Трапезундъ, потому что онъ находился на другомъ концѣ торговаго пути; отсюда уже эти товары направлялись въ Кафу. Трапезундъ былъ также важнымъ торговымъ пунктомъ и генуэзцы не преминули устроить здѣсь контору.

Второй разрядъ товаровъ, которые были всего важнѣе для генуэзцовъ, были товары китайскіе. Соеобщеніе съ Китаемъ могло исключительно производиться черезъ татарскую столицу Сарай, откуда шелъ караванный путь въ Китай; поэтому мирныя отношенія генуэзцевъ съ татарами были для первыхъ чрезвычайно важны. Одинъ изъ итальянскихъ купцовъ *Пеголотти* оставилъ очень подробный маршрутъ путешествія въ Китай. Разсмотрѣніе этого маршрута показываетъ, что не особенно трудно было пробраться въ то время въ эту изолированную страну: въ этомъ отношеніи XIV и XV вѣка стоятъ выше не только послѣдующаго, но отчасти и нашего времени. Изъ Сарая, говоритъ Пеголотти, можно было легко прибыть въ Сарайчикъ (находившійся близъ теперешняго Оренбурга и Уральска на рѣкѣ Ликѣ), откуда шла караванная дорога на Ховарезмъ, т.-е. мѣстность, лежащую по бассейну Аму-Дарьи, въ то время весьма населенную и часть посѣщаемую.

Главный городъ Ховарезма, Джурджанія, была когда-то, какъ намъ извѣстно, центромъ торговли арабовъ съ болгарами и русью. Такою странною остается Ховарезмъ въ XII и XIII вѣкахъ — вѣкъ всеобщаго погрома. Правда, и здѣсь пронеслась грозная степная буря Чингисхана; много городовъ легло въ развалинахъ, но постоянного разоренія здѣсь не было. Въ азіатскихъ завоевателяхъ, подобныхъ Чингисхану, мы видимъ не только однихъ разрушителей, но также и созидателей городовъ. Гораздо опаснѣе были позднѣ турмены, у которыхъ вовсе не было никакого понятія о государствѣ — тогда степь одолѣла начало цивилизаціи, и Ховарезмъ превратился въ современную намъ дикую Хиву. Въ описываемомъ нами время мы не встрѣчаемся однакоже съ Джурджаніей съ ея прежнимъ значеніемъ; ея мѣсто, какъ столицы Ховарезма, занимаетъ другой городъ *Уркенъ*, хотя и лежащій въ очень недалекомъ отъ нея разстояніи.

Пеголотти говоритъ, что здѣсь европеецъ можетъ рассчитывать на скорый и выгодный сбытъ своихъ товаровъ, и обстоятельно описы

ваетъ дальнѣйшій путь, который вель черезъ Бухару въ степь Монгольскую. Онъ подробно объясняетъ, что надо дѣлать и какъ поступать тамъ европейскимъ купцамъ; обстоятельно пересчитываетъ разстояніе между городами: видно, что этотъ путь былъ хорошо знакомъ. Изъ этого описанія можно видѣть, что самая опасная часть этого пути была не въ монгольскихъ степяхъ, какъ въ наше время, а отъ Таны до Сарая и Сарайчика, т.-е. въ теперешнихъ русскихъ степяхъ, потому что здѣсь разбойничали и свой бродяга итальянецъ и русскій бродякъ, а къ нимъ, кромѣ того, присоединялся и татаринъ.

По расчету Пеголотти, въ 260 дней можно было добраться до Пекина. Въ Пекинѣ купецъ встрѣчался съ другими обычаями, съ другими понятіями, здѣсь онъ долженъ былъ приспособляться не только къ совершенно чуждой жизни, но и незнакомому способу производства торговли. Все свое золото и серебро онъ принужденъ былъ вымѣнивать на извѣстныя ассигнаціи — „бабиши“, какъ называли ихъ генуэзцы (это были четырехугольныя костяныя марки, которыя обязательно ходили на здѣшнихъ рынкахъ, благодаря чему правительство много выигрывало); однако, несмотря на это кажущееся притѣсненіе, торговля въ Китаѣ производилась легко подъ покровительствомъ законовъ: мы не встрѣчаемъ указаній на то, чтобы на европейцевъ здѣсь смотрѣли какъ на опасныхъ соперниковъ среди множества другихъ чужеземцевъ; это объясняется тѣмъ, что тогдашняя Европа не была еще политической силой, и не могла внушать никакого опасенія Азіи. Это было время полнѣйшаго господства гордой Азіи и ея покровительственнаго отношенія къ своей младшей европейской сестрѣ.

Въ концѣ XIV стол. мѣстности по Аму-Дарьѣ и Сыръ-Дарьѣ были разорены грознымъ нашествіемъ Тимурленка, но Тимурленкъ имѣлъ, какъ и Чингисханъ, созидающія начала: онъ оставилъ по себѣ вѣчную память въ устройствѣ Самарканда, который захотѣлъ сдѣлать своей резиденціей и столицей всего міра. Съ этой цѣлью онъ употреблялъ мѣры чисто азіатскія: приказывалъ массаами сгонять населеніе въ Самаркандъ, въ особенности ремесленниковъ, ученыхъ и купцовъ; воздвигалъ великолѣпныя зданія и придумывалъ всевозможныя украшенія, и тщательно устроенныя заставы, никого не пропускавшія, должны были удерживать жителей на ихъ

новой родинѣ. Тимурленкъ былъ дѣйствительно повелителемъ всей почти Азіи, и неудивительно, что эта столица не могла также не привлекать къ себѣ массу охотниковъ поискать милости ханской, не могли не являться туда также купцы, которыхъ манила легкая нажива, потому что здѣсь за безцѣномъ они могли приобрести различные товары. А этихъ товаровъ здѣсь было много у окружающихъ Темурленна азіатскихъ грабителей-завоевателей. И дѣйствительно, Самаркандъ на нѣкоторое время становится дѣятельнымъ торговымъ центромъ, и до сихъ поръ сохраняетъ значеніе святаго города мусульманъ съ своими мечетями, училищами, гробницами святыхъ, своими преданіями о древней славѣ и т. д.; но того мирового значенія, которое хотѣлъ придать Тимурленкъ своему любимому дѣтству, Самаркандъ не получилъ. Но за то и разоренный Ургенчъ не поднялся изъ развалинъ. Путь становился все труднѣе, и купцы уже съ меньшей охотой пускались въ такое отважное путешествіе. Когда центральная масса Орды распадается на множество частей, а вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ и паденіе государственныхъ идей, не усвоенныхъ степняками, тогда и цивилизованныя части Азіи (Туркестанъ) дѣлаются какъ бы оазисомъ, окруженнымъ пустынями, куда жиднѣе такъ трудно было проникнуть и европейскому мечу и европейскому товару.

Таковы были пути, которые вели въ эти мѣстности. Главными дѣятелями, служившими посредниками двухъ частей свѣта, здѣсь являются; конечно, гонуэзскіе купцы, но намъ извѣстно, что многіе восточные купцы занимались также исключительно торговой дѣятельностью, и не только у себя дома на востокѣ, но заходили и далеко на сѣверъ. Въ особенности ихъ много было на Волгѣ¹⁾. Обыкновенно при существованіи выгодной и обширной торговли являются народы, которые по своему характеру склонны къ факторству, посредничеству, комиссіонерству. Если на западѣ начинаютъ брать на себя эту роль евреи, то на востокѣ такими факторами являются армяне. Русскіе купцы съ своими товарами были также не чужды этимъ путямъ, хотя ихъ торговая дѣятельность не могла быть обширною, потому что сама Русь того времени

¹⁾ Между прочимъ, Астрахань въ XV в. служила складочнымъ пунктомъ товаровъ, направляющихся изъ Венеціи черезъ Тану на Востокъ.

была слишкомъ неразвита; ея населеніе слишкомъ еще борется со скудной природой; но тѣмъ не менѣе эта торговля существовала, и русскіе купцы въ XIV и XV вѣкахъ заходили далеко съ своими товарами. Въ XIV вѣкѣ мы встрѣчаемъ русскихъ купцовъ на Кавказѣ, русскіе товары доходили даже до города *Маджаръ* на рѣкѣ Кумѣ. Они ѣздили также въ Самаркандъ; тамъ встрѣчали ихъ иностранные купцы и покупали у нихъ произведенія холоднаго сѣвера; наконецъ, русскіе товары заходили, переходя съ рынка на рынокъ, далеко на югъ и востокъ. Въ половинѣ XV вѣка одинъ изъ русскихъ купцовъ, именно тверитянинъ Аѳанасій Никитинъ, съ удивительной самостоятельностью, рѣдкой энергіей захотѣлъ пробраться въ глубь этихъ мѣстностей. Аѳанасій Никитинъ въ 1466 году предпринялъ путешествіе, которое закончилось только въ 1472 году. Это шестилѣтнее путешествіе, названное имъ „хожденіемъ за три моря“, было направлено собственно въ Индію и совершилось за нѣсколько лѣтъ до того, когда морской путь въ Индію былъ открытъ португальскимъ мореплавателемъ Васко-де-Гамой. По той предпримчивости и наблюдательности, по той силѣ характера и умѣнью ужиться съ совершенно чуждыми народами, которыми отличался русскій путешественникъ, его „хожденіе за три моря“ представляетъ много интереса и для исторіи торговли, и для исторіи самой Индіи; нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что изслѣдователи находятъ, что его путешествіе можетъ быть поставлено на ряду съ путешествіемъ Васко-де-Гамой, быть можетъ, даже выше.

Сама личность Аѳанасія Никитина представляетъ интересное явленіе. Это — первый русскій купецъ послѣ мюнхенскаго Садеа, личность котораго рисуется намъ съ достаточною ясностью и рѣзко ограниченными чертами; на этомъ основаніи мы остановимся нѣсколько подробнѣе на личности этого замѣчательнаго русскаго купца XV вѣка и на его „хожденіи за три моря“. Эти три моря (въ порядкѣ его путешествія) слѣдующія: Каспійское, Индійское и Черное. Самое обстоятельство, которое вызвало это путешествіе, указываетъ на усиливающуюся торговлю Руси съ Востокомъ, на усиленіе русской самостоятельности и самодѣятельности. Поводъ къ путешествію былъ слѣдующій: въ 1466 году къ великому московскому князю Іоанну III прибыло посольство отъ владѣтеля Шамахи ширванъ-шаха Ферухъ-Эсара съ предложеніемъ завязать торговля сношенія съ Кавказомъ.

Московский князь на это посольство отвѣчалъ также посольствомъ, во главѣ котораго стоялъ Василій Папинъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ разослалъ предложенія къ русскимъ купцамъ: не пожелаетъ ли кто изъ нихъ отправиться съ своими товарами вмѣстѣ съ посольствомъ въ Персію. На это предложеніе отозвалось нѣсколько предприимчивыхъ купцовъ, а въ числѣ ихъ и тверской купецъ Аѳанасій Никитинъ. Онъ съ своими товарищами снарядилъ 2 корабля, нагрузилъ ихъ „рухлядью“ и отправился изъ Твери, предварительно заѣхавъ къ великому князю (тверскому) Михаилу Борисовичу взять у него проѣзжую грамоту; получивъ благословеніе у тверского владыки и поклонившись Спасу Золотоверхому, ибо съ святыней соединилось понятіе о самой родинѣ (какъ въ Новгородѣ съ Св. Софіею), торговцы отправились внизъ по Волгѣ въ надеждѣ около Нижняго Новгорода догнать Василя Папина; но оказалось, что они опоздали, потому что Василій Папинъ уже уѣхалъ. Здѣсь Аѳанасій Никитинъ прождалъ двѣ недѣли Аганъ-бега, ирванскаго посла, который пришелъ въ Нижній Новгородъ съ 2 кораблями; чьи это были судна и какой націи купцы, — Аѳанасій Никитинъ намъ не объясняетъ; но, по всей вѣроятности, это были купцы московскіе.

Такимъ образомъ Аѳанасій Никитинъ отправился далѣе внизъ по Волгѣ. Путешествіе первоначально было благополучно: ни ушкуйникъ новгородскій, ни татаринъ на этотъ разъ ихъ не тронулъ; но эта безопасность продолжалась однако недолго: когда они дошли до *Бузани* (рукава Волги), то къ нимъ пришла вѣсть, что ханъ *Кайсымъ* провѣдалъ о проѣздѣ гостей и стережетъ ихъ съ тремя тысячами татаръ. Шамахинскій посолъ, наградивъ татаръ, принесшихъ эту вѣсть, по куску полотна и по „однорядкѣ“, склонилъ ихъ провести суда безопасно мимо Бузани къ Астрахани; татары исполнили послѣднее, но дали знать о проѣздѣ купцовъ своимъ друзьямъ въ Астрахань. Мимо Астрахани путешественникамъ пришлось нестись на всѣхъ парусахъ, соблюдая возможную предосторожность, но тѣмъ не менѣе они были замѣчены ханомъ и за ними начали гнаться съ крикомъ: „стойте, качьма“. Большимъ судамъ посчастливилось пройти безопасно, но два меньшіе суда наткнулись на рыболовныя снасти; завязалась борьба, исходъ которой былъ тотъ, что оба судна были разграблены татарами. Такимъ образомъ изъ 4 кораблей изъ Волги вышли два, и теперь начинается путешествіе по морю Хвалынскому.

Если прежде путешественникамъ приходилось бороться съ людьми то теперь приходится бороться съ другимъ врагомъ — съ природой. Неподалеку отъ города Тарки застала ихъ сильная буря; вслѣдствіе которой одно русское судно было выброшено на берегъ. Сбѣжавшіеся горцы разграбили товары, а самихъ русскихъ потащили въ рабство.

Такъ неудачна была первая попытка русскихъ ходить самимъ на востокъ съ своими товарами. Правда, когда русскіе прибыли въ *Дербентъ*, къ ширванъ-шаху, то горцы по настоянію послѣдняго отпустили русскихъ плѣнниковъ, предварительно, конечно, ограбивъ ихъ; но этимъ и ограничилась помощь ширванъ-шаха; когда явившіеся русскіе стали просить его, чтобы онъ имъ помогъ возвратиться на родину, ширванъ-шахъ отвѣчалъ имъ прямымъ отказомъ. „Заплакавъ, — говоритъ Аѳанасій Никитинъ, — разошлись мы кто куда: у кого что есть на Руси, пошелъ на Русь; а кто былъ долженъ, тотъ пошелъ куда очи понесли, одни остались въ Шамахъ, другіе отправились на заработки въ Баку“. Но куда же отправился Аѳанасій Никитинъ? Онъ пошелъ на востокъ для ближайшаго знакомства съ восточными товарами, которые привозились въ Москву и продавались за дорогую цѣну. На востокъ влекла его не одна торговая корысть, но и любознательность — посмотреть на диковинки дальняго востока. Аѳанасій Никитинъ рѣшается итти въ персидскія земли. Въ Персіи онъ пробылъ два года; оттуда идетъ въ Индію, потомъ опять возвращается въ Персію и уже изъ послѣдней ѣдетъ на Русь; но въ 1472 году онъ умеръ въ Смоленскѣ, не доѣхавъ до родного города.

Прежде всего, какъ сказано, Аѳанасій Никитинъ отправился въ Персію, и путешествіе въ ней продолжалось два года.

Путешествуя въ разныхъ городахъ, Аѳанасій Никитинъ прицѣнялся къ товарамъ, самъ торговалъ и особенно изучалъ персидскій языкъ, что доказываютъ его нѣкоторыя замѣтки въ дневникѣ (напримѣръ, цѣны нѣкоторыхъ товаровъ), писанныя на персидскомъ языкѣ и притомъ, по утверженію знатоковъ, очень правильнымъ.

Различными путями пробрался путешественникъ до персидскаго города *Ездъ*, т.-е. на югъ Персіи, а оттуда началъ опять подыматься къ сѣверу Персіи и добрался до города *Тебрис*, который, какъ извѣстно, былъ центромъ тогдашней персидской торговли.

Тебрисъ былъ столицею Аганъ-бега, который основалъ обширное государство, былъ грозою всѣхъ сосѣдей и своимъ могуществомъ даже угрожалъ турецкому владычеству. Это было то время, когда Магометъ II только готовился громить Константинополь, съ паденіемъ котораго пробилъ послѣдній часъ самостоятельности греческой Имперіи: въ 1453 году Константинополь былъ взятъ турками, и лишь въ немногихъ мѣстахъ уцѣлѣла независимость греческихъ владѣній. Аганъ-бегъ былъ могущественный соперникъ завоевателя греческой Имперіи. Афанасій Никитинъ описываетъ намъ обстановку двора персидскаго государя, и показанія русскаго путешественника въ этомъ мѣстѣ возвышаются до степени важныхъ историческихъ источниковъ: такъ во всѣхъ отношеніяхъ Афанасій Никитинъ проявляетъ себя человѣкомъ любознательнымъ и наблюдательнымъ.

Надо замѣтить, что Афанасій Никитинъ о Персіи сравнительно записалъ мало; это обстоятельство показываетъ, что Персія русскому купцу XV столѣтія не была диковинкою; она была болѣе или менѣе знакома русскому человѣку, и мало было товаровъ въ этой странѣ, которые ему не были бы извѣстны. Но Афанасій Никитинъ не ограничился одною Персіей: его манило далѣе, на востокъ, къ диковиннымъ произведеніямъ Индустана; его манило въ ту страну, откуда являлись на Русь товары, такъ дорого цѣнимые, въ ту страну, о которой ходили баснословныя, фантастическія сказанія. Въ 1469 году Афанасій Никитинъ отправился изъ Ормузда, замѣчательнаго складочнаго пункта индійскихъ товаровъ, моремъ въ Индію; здѣсь путешественнику пришлось пробыть долѣе, чѣмъ онъ самъ ожидалъ: онъ пробылъ тамъ почти три года.

Въ 1469 году Афанасій Никитинъ высадился на индійскомъ берегу, въ одной изъ значительныхъ гаваней Индустана, въ городѣ *Чувилъ*, гдѣ, по словамъ самого путешественника, ему въ неведомой странѣ было дико, непонятно и гдѣ онъ самъ былъ ненормальнымъ явленіемъ: Афанасія Никитина поражаютъ черные люди, а эти черные люди, въ свою очередь, удивлялись, что онъ бѣлый человѣкъ, и ходили толпой за нимъ.

Въ Индію Афанасій Никитинъ явился не съ пустыми руками: въ Персіи онъ узналъ, что въ Индіи были лошади, а потому купилъ персидскаго жеребца, съ которымъ и отправился въ глубь страны.

Прежде всего онъ изъ города Чувили попалъ въ городъ *Чунейръ*

(теперешній Джюнир); если прежде Афанасію Никитину приходилось терпѣть насилія, то въ Индіи онъ могъ убѣдиться, что приключенія еще не окончены. Въ этомъ городѣ князь Джунсибъ, узнавъ, что Афанасій Никитинъ христіанинъ, призываетъ его къ себѣ и отнимаетъ у него его послѣднее достояніе — жеребца. „Если хочешь сдѣлаться нашимъ“, сказалъ ханъ, „то я не только отдамъ жеребца, но прибавлю еще 1000 золотыхъ“. Но русскаго христіанина не соблазнило это лестное предложеніе, и онъ не измѣнилъ своей вѣрѣ, хотя и много трудовъ стоило черезъ хозяина Афанасія Никитина убѣдить хана возвратити путешественнику отнятое имущество. Горько восклицаетъ по этому поводу русскій путешественникъ „Ино братья, русскіи христіане“, говоритъ онъ, „кто хочетъ пойти въ Индѣйскую землю, и ты остави вѣру свою на Руси, да восликинувъ Махмета, да поиди въ Гундустанскую землю“.

Изъ Джюнира нашъ путешественникъ отправился въ городъ *Бедеръ*, въ столицу индѣйскаго государства. При этомъ надо замѣтить, что Индустанъ въ значительной степени подвергся мусульманскому вліянію вслѣдствіе движенія монголовъ; въ то время вся Индія раздѣлялась на двѣ части: одна часть находилась подъ вліяніемъ мусульманъ, въ другой части древній брахманизмъ боролся съ новымъ буддизмомъ. Прибрежность Индѣйскаго моря находилась подъ вліяніемъ арабовъ и держалось вѣры мусульманской; главный городъ этой части былъ *Бедеръ*. У купца, являющагося въ новый городъ, конечно, возбуждаются торговые интересы, и Афанасій Никитинъ по этому отиѣтилъ въ своемъ дневникѣ слѣдующія слова: „Въ Бедери, — говоритъ онъ, — торгуютъ конями, камьей, шелкомъ и другимъ подобнымъ товаромъ, да черными людьми, съѣстными вещами, овощами, а для русскои земли товара тамъ нѣтъ“. Немудрено это потому, что русскій товаръ не былъ многообразенъ и не могъ подходить къ потребностямъ южнаго, жаркаго климата.

Никитинъ осматривалъ окрестности почти всѣхъ городовъ, въ которыхъ онъ бывалъ, въ томъ числѣ города *Рачюря*, и съ особеннымъ вниманіемъ остановился на знаменитыхъ алмазахъ. Онъ старательно записываетъ цѣнность алмазовъ, которые въ то время цѣнились на *почки* (замѣнявшія въ то время темерешніе караты и равныя $\frac{1}{2}$ золотника). Почка алмазовъ, говоритъ Афанасій Никитинъ, „продается по 5 рублей, а лучшаго по 10“, притомъ цѣна

алмазовъ различалась, какъ теперь, по цвѣтамъ. Алмазь родится — прибавляетъ онъ — въ каменной горѣ, „и локоть этого камня съ алмазомъ продается по 2 тысячи дизитовъ золота, а локоть биркона (высшій сортъ алмаза) по 10 тысячъ дизитовъ золота“. Замѣчательно, что эти цѣны алмазовъ у Никитина записаны на персидскомъ языкѣ; очевидно, эти цѣны онъ хотѣлъ держать тайнѣ отъ другихъ купцовъ, которымъ бы могли понасться его записки.

Любознательность нашего купца не ограничивается одними торговыми предметами, его интересуетъ все окружающее, да и не могло не интересоваться сѣвернаго человѣка то, что было въ городѣ далекой, невѣдомой его соотечественникамъ южной страны, въ роскошномъ тропическомъ климатѣ: Афанасій Никитинъ обращаетъ вниманіе на особенности страны, подробно описываетъ городъ, его роскошныя зданія, описываетъ народъ, обитавшій въ Индустанѣ, его нравы — и въ томъ отношеніи записки русскаго путешественника могутъ быть поставлены наравнѣ съ записками Васко-де-Гамы, прибывшаго въ Индустанъ нѣсколько позже.

Съ особенной подробностью Афанасій Никитинъ описываетъ богатую обстановку тогдашняго султана, его роскошь, и эти свѣдѣнія напоминаютъ намъ сказочныя описанія султанскаго двора въ „1001 ночи“; когда султанъ выѣзжаетъ на прогулку, рассказываетъ Никитинъ, его сопровождаютъ 300 слоновъ, на которыхъ надѣты пушки и пищали; впереди идетъ „благой“ слонъ, обязанность котораго состоитъ въ томъ, что онъ расчищаетъ дорогу для шаха, за нимъ идутъ 1000 коней безъ всадниковъ, всѣ въ золотѣ, 100 верблюдовъ съ барабанами, 300 трубачей, 300 плясуновъ и 300 наложницъ султана. Самъ султанъ ѣдетъ верхомъ на конѣ, убранномъ въ золото, на золотомъ сѣдлѣ; кафтанъ султана весь саженъ яхонтами, на шпашѣ большой алмазь, лукъ изъ золота съ яхонтами. Султана провожаютъ его родственники подъ золотыми балдахинами; за ними ѣдутъ 10 тысячъ коннаго войска и идетъ 50 тысячъ пѣшаго.

Можно представить то впечатлѣніе, которое произвело это великолѣпіе на русскаго человѣка, прибывшаго изъ деревенской глуши; для него казалось все это фантастическимъ, если онъ сравнивалъ свое бѣдное отечество съ этой роскошной обстановкой. Если русскій человѣкъ на родинѣ видѣлъ бѣдность, то его невольно влекло на востокъ, гдѣ уже развился вкусъ и развились погрѣбности.

Поэтому немудрено, что русское государство всегда стремилось на востокъ, чтобы перенять восточный этикетъ и восточную обстановку. Съ большими усилиями могла собрать русская земля значительное войско при Дмитрии Донскомъ для борьбы съ Мамаемъ, а между тѣмъ у одного незначительнаго султана въ Индустанѣ находится постоянно готоваго войска 300 тысячъ, притомъ въ этомъ числѣ множество слоновъ. Все это должно было представляться уму русскаго человѣка, и онъ дѣлалъ невольно сравненіе между своимъ простымъ повелителемъ и недосягаемымъ султаномъ.

Любознательность заставила Никитина сблизиться съ индійцами, не съ мусульманами, а съ туземцами, и они сошлись особенно потому, что обѣ стороны нашли въ себѣ общее чувство: это ненависть къ мусульманамъ; любознательность же заставила Никитина отправиться въ знаменитый священный буддійскій городъ — *Парватъ*. Афанасій Никитинъ подробно описываетъ то, что онъ узналъ отъ другихъ о богѣ *Буддѣ* и что онъ разузналъ о немъ у самихъ буддистовъ. „Я разспрашивалъ ихъ объ ихъ вѣрѣ“, говоритъ Никитинъ, „и они сказывали, что мы вѣруемъ въ Адама“, что „Бута“ — это Адамъ и весь родъ его. Впрочемъ, вѣръ у нихъ восемьдесятъ четыре: всѣ вѣруютъ въ Бута; но поклонники одной вѣры не сближаются съ другой ни въ питѣ, ни въ пищѣ, ни въ женитьбѣ“. Заговоривъ о пищѣ, Никитинъ сообщаетъ и о ней нѣсколько подробностей. „Индяне, — замѣчаетъ онъ, — не ѣдятъ никакого мяса, ни ловичины, ни баранины, ни куратины, ни рыбы, ни свинины; пища ихъ плоха: рисъ (брынецъ) и марковь (кичири) съ масломъ, разныя травы, вареныя на маслѣ и на молокѣ; вина и саты не пьютъ; ѣдятъ они дважды днемъ, а ночью не ѣдятъ. Иные ѣдятъ, правда, и мясное, баранину, курь, рыбу, яйца, но ужъ говядину не употребляетъ никто; ѣдятъ все съ помощью правой руки, такъ что лѣвою никто не приметя ни за что, не нуждаясь въ ножѣ и не зная ложки. Съ „блерменами“ не только не ѣдятъ и не пьютъ вмѣстѣ, но кроются отъ нихъ въ пищѣ до того, что если блермень только заглянулъ въ кушанье, то ужъ не станутъ ѣсть; да и вообще, когда ѣдятъ, то закрываются платомъ, чтобы никто не могъ увидѣть. Передъ тѣмъ какъ садятся ѣсть, они омывають себѣ руки и ноги и выполаскиваютъ ротъ“.

Афанасій Никитинъ обращалъ вниманіе и на окружающую индійскую природу: онъ сообщаетъ намъ о знаменитыхъ чашахъ, „дебряхъ

зѣло дикихъ“, которыхъ такъ много въ Индіи; указываетъ на знаменитые джунгли (камышы), въ которыхъ водятся различные звѣри, напр., тигры, буйволы, змѣи; говоритъ особенно подробно объ обезьянахъ и передаетъ рассказы индусовъ, что есть такія обезьяны, которыя очень похожи на человѣка и у которыхъ есть свой „князь обезьянскій“, а у послѣдняго своя рать; говоритъ Никитинъ о различныхъ продуктахъ растительнаго царства, на примѣръ, о кокосовыхъ орѣхахъ и пр. Но слѣдить за всѣми походами нашего путешественника было бы утомительно; достаточно прибавить, что онъ въ Индіи пробылъ три года, большую часть ея видѣлъ самъ лично, исходилъ ее во всѣхъ направленіяхъ, — „и стосковался о русской землѣ“. Это желаніе вернуться домой онъ приписываетъ необыкновенному „внушенію свыше“. „И ту окаянный азъ рабище Аонасіе Бога вышняго“, говоритъ Никитинъ, „творца небу и земли, възмыслихся по вѣрѣ по христіанской, и по крещеніи Христовѣ, и по говѣніихъ святыхъ отецъ устроенныхъ, и по заповѣдѣхъ апостольскихъ, и устремихся умою поити на Русь“.

Эта тоска по родинѣ началась въ городѣ Дабылѣ; отсюда Никитинъ отправился въ Каликутъ, въ ту пристань, въ которую впервые прибылъ Васко-де-Гама. Говоря объ этомъ городѣ, Аванасій Никитинъ прибавляетъ, что на Индійскомъ морѣ очень много разбойниковъ: „а кто Калекотъ не увидитъ“, говоритъ онъ, „тотъ не пройдетъ моремъ благополучно“. Кромѣ этого замѣчанія о Каликутѣ, у Никитина мы встрѣчаемъ перечень продуктовъ, встрѣчающихся въ этомъ городѣ: инбиръ (зеньзебиль), перецъ, корица, гвоздика и различные коренья. Въ болѣе или менѣе подробныхъ чертахъ говоритъ Никитинъ и о другихъ городахъ, на примѣръ, о городѣ *Гурмызѣ*, и въ слѣдующихъ словахъ характеризуетъ торговлю этого города: „сюда сходятся люди, и свозится всякаго рода товаръ со всего свѣта; что ни родится на свѣтѣ, все есть въ Гурмызѣ, только пошлина велика — десятая доля“. Изъ Гурмыза Никитинъ съ попутнымъ караваномъ возвращается въ Персію, благополучно проходитъ, торгуя товарами, черезъ владѣнія Аганъ-бега и рѣшается пробраться на Русь. Для безопасности Никитинъ выбралъ не тотъ путь, по которому онъ ѣхалъ въ Персію, а другой, — черезъ Трапезундъ; но путь былъ выбранъ неудачно: торговля и путешествіе по Ази были болѣе затруднительны при подозрительности жителей, при постоянныхъ

распряхъ и войнахъ между Аганъ-бегомъ и турецкимъ султаномъ. Никитинъ на себѣ долженъ былъ испытать всю тяжесть выбраннаго имъ пути: его заподозрили въ шпіонствѣ, потому что онъ явился изъ лагеря Аганъ-бега, и радъ былъ Никитинъ, что сохранилъ свою жизнь цѣною: бывшаго съ нимъ товара, который путешественникъ везъ, быть можетъ, съ надеждою показать своимъ роднымъ. Съ попутнымъ вѣтромъ Никитинъ отплылъ въ Кафу, а изъ Кафы, сухимъ ли путемъ или рѣкою, отправился вверхъ на Русь. Неудалось однако Никитину добраться до своей родины: въ Смоленскѣ онъ неожиданно заболѣлъ и умеръ, оставивъ недовершеннымъ свое „хождение за три моря“.

Оставимъ нашего странника, къ которому мы должны отнестись съ невольнымъ уваженіемъ, потому что предпринять такое большое путешествіе и пригомъ въ такое трудное время было верхъ самоотверженія. Путешествіе его было важно во многихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, оно наглядно показало намъ, насколько Востокъ былъ важенъ для русской земли, какъ учитель во многихъ отношеніяхъ; во-вторыхъ, оно указало, какъ было трудно для русскаго человѣка самостоятельно дѣйствовать на *Востокъ*, вдали отъ родины¹⁾.

¹⁾ Мы видѣли, что Никитинъ возвращается черезъ Кафу, какъ черезъ центральный портъ Чернаго моря, но онъ видитъ ее уже не въ прежнемъ блескѣ: это былъ городъ уже не итальянскій, а турецкій.

Въ свое время мы говорили, какого блеска достигла первая незначительная колонія итальянцевъ, и видѣли, что она держалась среди самыхъ невыгодныхъ условій, такъ какъ ей часто грозили опасности: такъ во время грознаго нашествія Тимурленка жители Кафы трепетали, но онъ ограничился только тѣмъ, что разграбилъ Кафу и заставилъ иностранныхъ купцовъ искать себѣ убѣжища въ другомъ мѣстѣ. Погибель Кафы наступила не изъ степи и, не изъ Азии: Азія грозою шла съ юга въ лицѣ турокъ, и эта гроза была опаснѣе грозы татарской. Османскіе турки были враждебны всякой торговлѣ; они были способны только разрушать, а не создавать, и на этомъ основаніи они въ значительной степени содѣйствовали прекращенію торговли между Европой и Азіей, слѣдовательно, содѣйствовали паденію торговли Венеціанской и Генуэзской республикъ. Завоеватель Малой Азии, Сиріи, Египта совершенно прекратилъ торговля сношенія Запада съ Востокомъ; оставался еще одинъ путь для провоза западныхъ товаровъ — Константинополь, но и онъ палъ въ 1453 году. Послѣ паденія Константинополя Кафа просуществовала только 13 лѣтъ; скоро берега Босфора были заперты; помощи съ родины не было, а средства, оказавшіяся достаточными для борьбы съ нестройными толпами татаръ, ока-

Познакомившись изъ предшествующаго изложенія съ русской торговлей и ея славными представителями, подведемъ теперь общіе итоги.

Мы видѣли, что съ XIII вѣка въ исторіи русскаго народа происходитъ весьма важный переворотъ: дальнѣйшая исторія развитія нашихъ предковъ переносится изъ одной мѣстности въ другую — съ великаго воднаго пути „изъ варягъ въ греки“, гдѣ началась русская исторія, на путь восточный — великоволжскій. Естественно, что съ измѣненіемъ мѣстности и великаго воднаго пути должно было измѣниться развитіе нашей жизни, наша жизнь должна была принять новое направленіе. Съ XIII вѣка юго-западъ Россіи перестаетъ быть русскимъ, съ одной стороны, а съ другой — перестаетъ вводить въ свою жизнь новыя начала: прогрессивное движеніе прекращается. Земли кievская, черниговская и другія, находящіяся близъ степи, теряютъ свое значеніе, и Кіевъ, по словамъ Плато-Карпинно, изъ столицы, соперничавшей съ самимъ Константинополемъ, превращается въ груды развалинъ съ двумя сотнями жалкихъ лачугъ. Движеніе русскаго населенія въ степи на югъ не только прекращается, но даже пустѣютъ и заселенныя степныя земли напримѣръ, населеніе черниговской земли, укрываясь отъ татаръ бѣжитъ на сѣверъ. Многіе народные центры въ этомъ юго-западѣ Руси уничтожаются, и только на ея окраинахъ продолжается еще историческая жизнь. Одной изъ такихъ окраинъ является Галичъ, на который можно было возлагать большія надежды, но жизнь окраины никогда не можетъ замѣнить жизни центральной — въ особенности, если окраина эта, вслѣдствіе какихъ-нибудь условій, оторвана отъ своего національнаго корня. Такимъ именно и былъ Галичъ отрѣзанный татарами отъ остальной Руси: онъ тянулъ на Западъ и строй его жизни развивается подъ вліяніемъ этого Запада, которое сказалось и въ религіозномъ отношеніи, — подаромъ князю

зались недостаточными для борьбы съ регулярнымъ войскомъ. Въ 1475 году явился къ Крымскому полуострову турецкій флотъ, осадилъ Кафу, принудилъ ее къ сдачѣ и разорилъ. Нѣкоторое время черезъ Сурожъ продолжались наши сношенія съ Византіей, изъ которой все еще шли предметы, крайне необходимые для Россіи, какъ-то: книги, духовенство, мастера и пр., но и этотъ источникъ нашего просвѣщенія попалъ въ руки турецкаго владычества, и такимъ образомъ для насъ оказался запертымъ послѣдній ходъ въ Европу.

галичскій получаетъ корону отъ папы Иннокентія. Мы знаемъ, что религиозные интересы одержали верхъ, но тѣмъ не менѣе самый фактъ этотъ достаточно свидѣтельствуетъ о томъ, какъ велико было вліяніе Запада на Галичъ: его политическая жизнь складывается подъ вліяніемъ аристократическихъ основъ сосѣднихъ Венгріи и Польши. Лѣтописецъ волынской, сообщая о жизни этой окраины, даетъ намъ понять, куда тянула она: не о дѣлахъ Руси разсказывается преимущественно въ этсъ лѣтописи, а о дѣлахъ Польши и Венгріи. Политическій складъ этихъ двухъ государствъ отозвался въ высшей степени вредно на галичскомъ строѣ. Если уже во времена Данила Романовича лѣтописецъ жалуется на то, что „бояре Данило себѣ княземъ назваху, а сами собой землю держакху“, то чѣмъ далѣе въ глубь XIII вѣка, тѣмъ болѣе усиливается это иноземное вліяніе. Въ городахъ галичскихъ являються иностранные выходцы: поляки, венгерцы, евреи, молдаване, и одинъ изъ послѣднихъ князей галичскихъ Юрій пишетъ свои грамоты на латинскомъ языкѣ, называя себя герцогомъ Лодомеріи и Малой Руси. Оторванный отъ связи съ своей національностью, Галичъ не удерживаетъ своего назначенія, теряетъ всякую роль въ русской исторіи и, наконецъ, утрачиваетъ свою политическую самостоятельность, переходя въ руки венгерцевъ и поляковъ.

Другая окраина Руси находилась на сѣверо-востокѣ — это была окраина новгородская. Новгородъ, какъ мы видѣли, не теряетъ своего значенія въ XIII вѣкѣ; напротивъ, усиливающаяся торговля обуславливаетъ его богатство и дальнѣйшее развитіе; кромѣ того, Новгородъ не теряетъ своей связи съ остальною Русью, и связь эта коренится преимущественно въ естественныхъ условіяхъ Новгорода, ибо отсюда изъ центра земли русской добываетъ Новгородъ нужные товары, да и его матеріальное благосостояніе зависитъ отъ земли суздальской-низовой: почва новгородской земли скудна — хлѣбъ въ Новгородѣ идетъ изъ низовой земли. Но Новгородъ, какъ мы видѣли, не развилъ въ себѣ новаго строя жизни, онъ не развилъ въ себѣ государства: анархія, и отсутствіе закона составляютъ обычное явленіе его внутренней жизни. Опираясь на торговлю, онъ въ торговлѣ однако является болѣе пассивнымъ, чѣмъ активнымъ участникомъ. Находясь на границѣ земли русской съ европейскимъ Западомъ, Новгородъ не подчинился, какъ Галичъ,

строга западной жизни, зато онъ не сыгралъ той роли, которую могъ бы сыграть: онъ не сблизилъ Востока Европы съ Западомъ и самъ не принялъ благотворныхъ, развивающихъ идей Запада.

Такимъ образомъ окраины русскія или подчинились, какъ Галичъ, иноземному вліянію и потеряли для русской исторіи въ дальнѣйшемъ развитіи всякое значеніе, или, развившись односторонне, какъ Новгородъ, не оказали никакого вліянія на остальную Русь — по крайней мѣрѣ, такого вліянія, какое бы могли оказать при своемъ положеніи.

Итакъ, для насъ остается Русь сѣверо-восточная — Русь суздальская, низовая. Мы видѣли, какъ начинается жизнь въ этой странѣ, отъ какого скуднаго начала идетъ эта жизнь, какъ русская жизнь должна была начаться вновь въ этой странѣ — вновь пройти эти тяжелыя ступени перваго развитія, но зато на этомъ самомъ сѣверо-востокѣ является возможность лучшаго, является надежда на прогрессивное движеніе впередъ: тамъ развивается самобытное русское государство, тамъ развиваются болѣе независимо, чѣмъ на юго-западѣ, основы русской національной жизни. Отдаленность страны дала русскому человѣку возможность сосредоточенно образовывать самого себя, выработать энергію, устойчивость — именно тѣ качества, которыхъ недоставало нашему юго-западу. Конечно, и у насъ на сѣверѣ не могло обойтись безъ иноземнаго вліянія, но вліяніе это было болѣе слабое и менѣе прочное, чѣмъ вліяніе на нашъ юго-западъ. Находясь на великомъ Волжскомъ пути, который прямо открывался въ Каспійское море и на востокъ, земля суздальская не могла не испытывать на себѣ восточнаго вліянія — и дѣйствительно, тотъ періодъ, который мы разсматриваемъ, въ полномъ смыслѣ можетъ назваться періодомъ преобладающаго вліянія на насъ Востока, — періодомъ татарскимъ и не по имени только, а по сущности дѣла. Стремясь на востокъ и отдаляясь отъ запада, получая на востокѣ все, что нужно, русскій человѣкъ невольно увлекался обычаями восточной жизни. Одинъ извѣстный обычай, распространившійся въ землѣ суздальской, именно такъ называемое затворничество женщинъ, есть неоспоримое вліяніе татаръ. Все, что можно было взять для жизненнаго комфорта, добывалось у насъ съ востока, что доказывается тѣмъ, что большинство названій одеждъ, тканей и другихъ издѣлій въ на-

пемъ русскомъ языкѣ взяты у татаръ или, вообще, съ востока¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, если шелковыя матеріи, камка персидская, изъ которой дѣлались наши лучшіе костюмы, являются къ намъ съ востока, то весьма естественно, что и самый покрой — самая мода должна была явиться къ намъ съ востока. Если въ XVIII вѣкѣ у насъ французскія ткани являются господствующими, то, какъ намъ извѣстно, и французская мода становится у насъ преобладающей, а французская мода способствовала извѣстнымъ образомъ распространенію между нами французскихъ идей. Одинаковыя обстоятельства вызываютъ всегда одинаковыя явленія: восточная мода способствовала распространенію у насъ восточныхъ идей. Оружіе, всѣ принадлежности военнаго дѣла заимствованы нашими предками также у татаръ.

Вліяніе татаръ простирается даже до такой отдаленной окраины, какъ Галичъ. Мы знаемъ, по свидѣтельству лѣтописца, что Даниилъ Романовичъ является на помощь къ своему союзнику, королю венгерскому, исполчившись по-татарски, и это невиданное вооруженіе татарское вызываетъ удивленіе у западныхъ державъ. Если Даниилъ Романовичъ исполчился на восточный ладъ, то въ землѣ суздальской наши побѣдители должны были оказать въ этомъ еще большее вліяніе, и, дѣйствительно, главнымъ войскомъ у насъ понемногу является конное — по татарскому образцу, способъ битвы — татарскій: битва рѣшается посредствомъ засадъ. Припомнимъ знаменитую битву Куликовскую. Припомнимъ также, что московскіе князья принимаютъ къ себѣ на службу татарскія войска, образуютъ особое ханство Касимовское, которымъ эти служивые царевича управляютъ отъ его имени.

Восточное вліяніе должно было сказаться и въ складѣ понятій политическихъ. Дѣйствительно, понятія царя московскаго въ значи-

¹⁾ Вотъ тѣ восточныя названія костюмовъ, которыя распространились у насъ за этотъ періодъ: армякъ, куртка, чекмень, сарафанъ, кафтанъ, терликъ (костюмъ въ родѣ халата, какъ показываетъ и самое названіе: татарскій терликъ по-русски значитъ халатъ), кушакъ, колпакъ, покрывка для головы; названія тканей: парча, камка и др., и эти названія весьма наглядно подтверждаютъ восточное вліяніе. При первомъ взглядѣ на костюмы высшихъ классовъ, легко можно замѣтить, что они по своему крою восточнаго, а не западнаго происхожденія; они имѣютъ длиннополую халатную форму, а не короткую, которая свойственна одеждѣ европейца.

тельной степени вырабатываются под влиянием воспоминаний о нарѣ татарскомъ — восточномъ. Донуская восточное влияние на насъ, мы объясняемъ себѣ многія страницы русской исторіи. Если восточное влияние, несмотря на то, что оно было такъ сильно, не измѣнило насъ совершенно ни въ религіозномъ, ни въ какомъ другомъ отношеніи, не лишило насъ національности, не передѣлало насъ въ татаръ (народы менѣе устойчивые, какъ, напр., болгары, башкиры, черемисы, мордва, совершенно отуретчились, принявъ и вѣру и языкъ турецкій (татарскій), то это зависѣло и отъ того, что европейскій строй нашей жизни не могъ совершенно измѣниться подъ восточнымъ влияніемъ, и отъ того, что сами татары не заключали въ себѣ перерабатывающей силы. Татары предоставили русскимъ полную возможность жить самостоятельно, жить по своей вѣрѣ и обычаямъ.

Обратимся теперь къ нашему специальному предмету — торговлѣ. Мы не станемъ повторять уже сказаннаго въ этомъ отношеніи; намъ достаточно припомнить, что русская торговля не падаетъ за этотъ періодъ; она даже, можно сказать, развивается: русскіе умѣли пользоваться своимъ положеніемъ на востокѣ. Торговля русскаго купца не есть только торговля пассивная, но также и активная. Въ лицѣ Аванасія Никитина мы видѣли прекрасный примѣръ той энергіи, которую выработалъ суздальскій купецъ. Промышленность за этотъ періодъ у насъ не развилась, да и не могла развиваться вслѣдствіе скудости и бѣдности нашей родины. Вообще на этотъ періодъ мы должны смотрѣть, какъ на начало будущаго развитія. Въ концѣ этого періода въ суздальской области появляется центръ, около котораго группируются всѣ жизненные силы сѣверо-восточной Руси; этотъ общій центръ есть Москва. Когда Москва мало-по-малу заняла это мѣсто, когда сгруппировала около себя сѣверо-восточную Русь, она объединила ее на новыхъ началахъ и основаніяхъ и сдѣлалась родоначальницей русскаго могущества. Объединеніе Москвы является не только внѣшнею формальностью; нѣтъ! Москва дѣйствительно сдѣлалась внутреннимъ жизненнымъ сосредоточіемъ русской земли. Съ этого времени начинается новый періодъ въ русской исторіи, а слѣдовательно, и въ исторіи русской торговли. Періодъ этотъ, по справедливости, можетъ назваться періодомъ московскимъ.

Теперь же познакомимся съ документами, относящимися къ торговлѣ домосковскаго періода. Прежде всего замѣтимъ, что въ этотъ періодъ мы встрѣчаемся съ первой попыткой векселя, который въ то время носилъ названіе заемной, закладной, кабалъной (грамоты); проценты въ такой закладной обыкновенно не обозначались. Образцомъ такой закладной можетъ служить грамота, относящаяся къ XV вѣку, къ 1428—1434 годамъ, и принадлежащая Ивану Кобачину.

„Се язъ Иванъ Кабачинъ занялъ у игумена Христофора полтину да тридцать бѣлъ¹⁾, а въ томъ если игумену Христофору заложилъ пожию²⁾ на Намчеровѣ наволоцѣ свой жеребей³⁾; а внизъ по рѣцѣ съ Васильемъ межа по большой кустъ на березѣ, а съ большого куста прямо на малый кустецъ къ лѣсу, а съ Мачефою межа верхъ рѣки по волюю и по ямамъ на полы⁴⁾; а занялъ если полтину и бѣлки до Юрьева дни, а не умолчю на срокъ кунъ, ино моя пожня въ томъ⁵⁾. А на то послуши⁶⁾: Тихонъ чернецъ да Микита Одреевъ. А написалъ сию кабалу⁷⁾ Семень Поповъ Окуловъ. А кабалу если даль безъ печати⁸⁾).

Образцомъ жалованныхъ грамотъ можетъ служить грамота, на село Оксиньинское, данная какимъ-то московскимъ бояриномъ московскому Успенскому собору.

1) Полтина въ то время, какъ мы видимъ, является большою суммой, а 30 бѣлъ показываютъ, что монетная система установилась у насъ еще не вполне: счетъ идетъ и монетой и мѣхами.

2) Пожось = поемный лугъ.

3) Свой участокъ.

4) Положамъ, то-есть по одну сторону принадлежить одному, а по другую — другому. Весьма интересно описаніе границъ этого покоса: въ то время плетень не было, и границы опредѣлялись по пригороднымъ отмѣткамъ. Но какимъ образомъ отличали большой кустъ отъ малаго — весьма трудно сказать. Обыкновенно свидѣтели обходили съ крестнымъ ходомъ владѣніе, замѣчали его границы и въ случаѣ спора изъ-за границъ рѣшали дѣло. Нельзя умолчать обо одномъ очень куріозномъ обычаѣ того времени, который состоялъ въ томъ, что въ подобные ходы брали съ собой малыхъ дѣтей и жестоко сѣкли ихъ на выдающихся мѣстахъ, и, дѣйствительно, средство это было хорошее: эти люди до глубокой старости помнили, гдѣ и при какихъ условіяхъ ихъ такъ немилосердно выдрали.

5) То покось мой останется за игуменомъ.

6) Свидѣтели.

7) Въ кабалу шелъ всякій, кто дѣлалъ заемъ и не выплачивалъ его — шелъ или своей натурой, если у него ничего не было, или, если былъ зажиточнымъ человекомъ, шелъ въ кабалу или всею, или частью своего владѣнія.

8) Обыкновенно къ такимъ грамотамъ прикладывалась печать, и если грамота дана безъ печати и если этого обстоятельства не оговорено въ самой грамотѣ, грамота считалась недействительной.

„Милостію Божією и пречистыя его Матере и молитвою св. чудотворца Петра, М-та всея Руси, се язъ Игнатій Васильевичъ далъ есмь св. Богородици съ борной на Москвѣ въ домъ и св. чудотворцу Петру, м-ту всея Руси, село свое Оксининское, свою отчину, съ церковью съ св. Николю, въ звенигородскомъ уѣздѣ, и господину своему Іонѣ епископу, нареченному въ святѣйшую митрополию русьскую¹⁾, или кто по немъ будетъ иный митрополить, и съ деревнями, что къ нему напередъ того потягивали²⁾, куды моя соха ходила, куды и топоръ ходилъ и съ дуги, и съ пожнями³⁾: и съ лѣсомъ, и съ всѣмъ съ тѣмъ, что къ нему издавна потягло; а господинъ мой⁴⁾ держитъ то село въ дому пречистыя Богородицы, а не продасть его, ни дать ни кому, нимѣнить ни съ кѣмъ; а далъ есмь то село на помянокъ своимъ родителемъ и себѣ и всему своему роду. А на то послуси³⁾. Иванъ Ильичъ, Ананья діакъ митрополичъ, Иванъ Истаѣнье. А грамоту писалъ Семенъ чернецъ; а запечаль есмь хрестцемъ“⁵⁾.

Въ той же формѣ писались и купчія, которыя появились у насъ съ XIV вѣка; до этого же времени продажа и купля совершались безъ письменныхъ актовъ — только при свидѣтеляхъ.

Приведемъ, какъ образецъ, купчую Кириллова монастыря относящуюся къ XV вѣку.

„Се язъ Касянъ игуменъ Кириллова монастыря, Пречистой въ домъ купилъ есмь Островскомъ ѣзу полноги (рыбу ловить), у Ондreja у Борисова; и далъ есмь полтора рубля новгородскіе. — А на то послуси: старецъ Илья, старецъ казначей Сергѣи, старецъ Тимоееи, Гридя поповъ, Василь поповъ, Самойло. А грамоту писалъ чернецъ Митрофанъ; а грамота безъ печати“.

Достаточно приведенныхъ образцовъ для того, чтобы видѣть, какъ писались грамоты. Впрочемъ, мы остановимъ наше вниманіе еще на одной грамотѣ, которая намъ покажетъ, что иногда жаловались не самыя помѣстья, а нѣкоторыя статьи дохода. Мы прочитаемъ жалованную льготную грамоту Троице-Сергіеву монастырю на соляныя варницы.

„Святыя дѣла Троицы, по отца свои грамотѣ великог князя Василья Дмитреевич, се язъ князь велики Василей Васильевичъ пожаловал есмь Сергеева монастыря игумена Зиновія съ братею, или кто будет по нем иным игумен: что ихъ 4 варницы оу Переяславскыи Соли и волостеди мон оусольскыи и ихъ тивуни⁶⁾ и ихъ доводщики с тѣхъ варницъ пошлин никакихъ не емлют, ни поборовъ не берут, ни явленогъ съ водоливовъ⁷⁾“.

1) Т.-е. назначенному на митрополию, но не рукоположенному еще въ Константинополь.

2) Т.-е. съ деревнями, составлявшими его тягло.

3) См. примѣчанія къ предыдущей грамотѣ.

4) Т.-е. господинъ Іона.

5) Печать, на которой было изображеніе креста.

6) Тіуны.

7) Т.-е. пусть монахи безпошлинно занимаются солевареньемъ на монастырскихъ варницахъ. Водоливы = чаны, въ которые разливается рассоль.

Да что их дворъ тутож оу Солида деревня их на Хупанъ горѣ да починок¹⁾, и кто оу них имет жити люди в том дворѣ и в деревнѣ и тѣм людям монастырскимъ ненадобѣ им ни мыть²⁾, ни тамга³⁾, ни восменичье⁴⁾, ни вѣсчье⁵⁾, ни двора моего ставити⁶⁾, ни коня кормити⁷⁾, ни закось имъ ненадобѣ⁸⁾, ни портъное⁹⁾ ни подводы, ни къ дворскому, ни к сотнику не надобѣ¹⁰⁾ им тянути некоторыми пошлинами и¹¹⁾ намѣстници мои переяславские и волостели оусольские и их тивуни дворян своих не всылають къ тѣм людям монастырскимъ къ хупанашскимъ и къ оусольскимъ ни по что, нисудят их, опроче душегубства; ни доводчики оу них побора неберуть, а пятеньщик мой к ним не въ ездит, ни коневъ оу них не пятнит¹²⁾, а держат игумен свое пятно оу своих людей оу монастырскихъ или кому прикажет. А вѣдает и судит свои люди игумен самъ или кому прикажет; а смѣшается суд монастырскимъ людям о городскими людьми¹³⁾ или о волостными, и намѣстници мои переяславские и волостели оусольские и их тивуни судят, а игумен съ ними или кому прикажет; а будет прав или виноват монастырскимъ человекъ, и онъ

1) Починка — выселокъ, маленькая деревенька. Въ этой грамотѣ интересенъ перечень поборовъ, которые могъ платить деревенскій житель. Вотъ этотъ перечень:

2) 1. *Мыть* — торговая пошлина.

3) 2. *Тамга* — пошлина съ проданнаго товара.

4) 3. *Восменичи* — пошлина съ мѣховъ.

5) 4. *Вѣсчье* — пошлина за взвѣшивание.

6) *Натуральные повинности:*

5. *Дворъ княжій ставитъ*, т. е. срубать въ случаѣ надобности хоромы для князя.

7) 6. *Кормитъ княжьиѣ лошадей.*

8) 7. *Коситъ траву на княжескихъ мугахъ.*

9) 8. *Доставляетъ князю одежду* (по всей вѣроятности, полотномъ).

10) 9. *Поставляетъ подводы для княжьиѣ чиновниковъ.*

11) Съ этого мѣста жалованной грамоты начинается ея вторая половина: *иссудимая грамота*. Монастырскіе люди освобождаются отъ княжьяго суда, за исключеніемъ душегубства (уголовныхъ преступленій). Нужно замѣтить, что въ то время на судъ смотрѣли, какъ на финансовый источникъ: князь кормился судомъ.

12) Въ то время конокрадство было сильно развито, и для того, чтобы лошади чѣмъ-нибудь отличить отъ другихъ, ее клеймили (пятнами). Клеймо имѣло право ставить только князь, который за это бралъ себѣ небольшую пошлину. Если лошадь пропадала и если на ней не было клейма, то просить въ судъ на вора было нельзя.

13) Если въ преступленіи замѣшаются городскіе и монастырскіе люди, то устраняется такъ называемый *смѣшанный судъ* изъ княжьиѣхъ и монастырскихъ людей.

игумен и в правдѣ и въ вѣстѣ, а намѣстники мои и волостели не вступаются в монастырьскогъ челоувѣка ни въ правагъ, ни в виноватаг¹⁾, а игумен или кому прикажетъ не вступается въ ихъ челоувѣка въ переяславскагъ, и в оусольскогъ ни в правогъ, ни в виноватогъ. А черезъ сю мою грамоту кто на нихъ что возметъ или чимъ изобидитъ, быти отъ меня въ казни... рую грамоту дамъ грамоту, а на сюю гра...(моту) грамоты нѣтъ²⁾.

VIII.

Торговля въ Московскомъ государствѣ XV—XVII вв.

Вторая половина XV, весь XVI и XVII вѣкъ составляютъ такъ называемый московскій періодъ нашей исторіи вообще и исторіи торговли въ особенности. Мы должны нѣсколько остановиться на общихъ чертахъ этого московскаго періода, потому что самая торговля, имѣющая свои особенности за этотъ періодъ, обусловливается историческими его свойствами.

Во второй половинѣ XV и въ первой XVI вѣка на востокъ Европы происходитъ въ существенныхъ чертахъ тотъ же самый переворотъ, который происходилъ и на Западѣ. Въ западной Европѣ въ то время падаютъ средневѣковыя начала и являются новыя. Главнымъ образомъ эти новыя начала заключаются въ появленіи правильнаго государства, въ постепенномъ господствѣ идеи о государственной жизни. Государство появляется на западѣ Европы въ формѣ монархіи, потому что это была въ данный моментъ единственная форма государства, могшая доставить настоящее единство, потребность въ которомъ тогда сильно ощущалась въ народѣ въ противоположность средневѣковой разобщенности. Тѣ условія, которыя вызвали усиленіе монархіи въ западной Европѣ, должны были вызвать явленія государства и у насъ, въ Россіи. Горькій опытъ долженъ былъ убѣдить Россію въ томъ, что единство Руси есть необходимое условіе для существованія, для свободы народа. Иго татарское со всѣми его тяжелыми послѣдствіями было вызвано по преимуществу раздробленіемъ русской земли, отсутствіемъ общаго центра. Теперь

¹⁾ Ни въ праваго, ни въ виноватаго.

²⁾ Т.-е. эту грамоту не можетъ уничтожить никакая другая.

этотъ центръ является, это — Москва; является также и лицо, въ которомъ выражается это стремленіе къ единству, это — царь. Такимъ образомъ и у насъ утверждается государство въ формѣ монархіи; и у насъ, несмотря на извѣстные недостатки и несимпатичныя формы, въ которыхъ проявляется эта новая власть, государство составляетъ необходимую ступень историческаго прогресса.

Конечно, государство и царская власть являются у насъ совершенно самобытнымъ и оригинальнымъ началомъ. Тождественныя условія вызываютъ тождественныя явленія, но русская жизнь не могла, естественно, представить условій, тождественныхъ съ западными; здѣсь могло быть сходство только въ общихъ чертахъ. Наша монархическая власть развивается оригинально. Разсматривая однако личность, значеніе и обстановку царя XVI и XVII вѣковъ, мы не можемъ не замѣтить, что самое понятіе о царѣ, объ его обстановкѣ, образѣ его мыслей и взглядовъ обуславливается въ значительной степени вліяніемъ идей иноземныхъ.

Если въ западной Европѣ государство и понятіе о государствѣ разрабатывались въ XV и XVI вѣкахъ въ значительной степени подъ вліяніемъ возродившагося знакомства съ античнымъ міромъ, преимущественно съ древне-римскими понятіями по тому предмету, то, слѣдовательно, Европа на новыхъ своихъ политическихъ путяхъ нуждалась въ учителѣ, въ помощи. У насъ совершалось почти то же самое. Понятіе о царѣ выработалось подъ вліяніемъ византійскимъ и татарскимъ. Русь была тѣсно связана съ Византіей, и эта связь не прерывалась въ самый тяжелый періодъ ея существованія. Въ 1453 году Византійской имперіи не стало, не стало, слѣдовательно, того, кого мы привыкли называть царемъ, но князь московскій женился на послѣдней отрасли того рода, который носилъ императорскую корону въ Константинополѣ. Много условій соединилось для того, чтобы московскій князь могъ считать себя законнымъ преемникомъ и наследникомъ греческой монархіи. Главное условіе было то, что онъ одинъ остался независимымъ представителемъ греческой православной вѣры, и сами греки невольно въ московскомъ князѣ вызвали мысль, что онъ единственный столбъ и опора для православной имперіи. То обстоятельство, что этотъ князь женился на наследницѣ императорской короны, могло еще болѣе узаконить эти права въ его собственныхъ глазахъ и въ глазахъ

его подданныхъ и греческихъ единовѣрцевъ. Бракъ Софіи Палеологъ въ этомъ отношеніи имѣетъ дѣйствительное вліяніе и значеніе въ русской исторіи; это чувствовали современники. Князь Курбскій, представитель боярской оппозиціи, недовольный тѣмъ превращеніемъ, которое совершилось въ XVI вѣкѣ, — князя въ царя, одно изъ своихъ посланій начинаетъ такъ: „Презлыми жены чародѣицы“ и продолжаетъ далѣе: „взошло зло въ издревлѣ добрый родъ російскихъ князей“, и именно Софья Палеологъ приписываетъ онъ это превращеніе князя въ царя. Мысль Курбскаго не стоитъ отдѣльно, это есть общая мысль всѣхъ бояръ. Другой знаменитый представитель боярской оппозиціи времени Василя III, Берсенъ-Беклемишевъ, въ задушевной бесѣдѣ съ Максимомъ Грекомъ говорилъ, что „именно эта греческая царица Софья Ѳоминачна на наше нестроеніе пришла“. Подъ нестроеніемъ бояре признавали введеніе новыхъ порядковъ въ нашу старину. Мы, конечно, не можемъ придавать преувеличеннаго значенія какой-нибудь отдѣльной личности, потому что эта личность не создаетъ идеи вѣка. Поэтому мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ, которое весь переворотъ относитъ къ извѣстной иноземной личности, но, съ другой стороны, такъ какъ индивидуальнаго вліянія нельзя отрицать въ исторіи, мы не должны слишкомъ умалять значеніе греческой царевны: какъ наследница короны, она могла усилить вліяніе Византіи и поддерживала въ Иванѣ III мысль, которая родилась еще до этого брака. Принимая на себя такимъ образомъ наследіе Царьграда, князь московскій принимаетъ на себя также и обычаи и обстановку византійской короны. Онъ долженъ ввести этикетъ, долженъ поставить себя выше, чѣмъ прежде стоялъ; словомъ, онъ долженъ обратить себя изъ князя въ царя. Обстановка царей византійскихъ въ значительной степени вырабатывалась подъ вліяніемъ Востока. Такимъ образомъ, если идея о власти приходила въ западную Европу изъ болѣе чистыхъ европейскихъ источниковъ, то къ намъ она являлась въ значительно испорченной формѣ.

Восточное вліяніе у насъ на Руси является не только черезъ Византію, но и другимъ самостоятельнымъ путемъ. Князь, превращаясь въ царя, старается подражать бывшему византійскому императору, но его уже нѣтъ, сама Византія далека, но есть образцы болѣе близкіе. Въ XIV и XV вѣкахъ слово „царь“ для

нашихъ предковъ имѣло только одинъ смыслъ: у насъ былъ только одинъ царь — это ханъ Золотой Орды. Естественно, когда князь сдѣлался самъ царемъ, онъ не могъ не подчиниться тому вліянію, подъ гнетомъ котораго выросли его предки. Ханъ татарскій, въ свою очередь, въ своей обстановкѣ, въ понятіи о своей власти руководствовался извѣстными обычаями, издавна существовавшими на востокѣ, особенно въ Персіи. Послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго, что въ этикетѣ, обстановкѣ, самомъ отношеніи царя къ подданнымъ сказалось въ значительной степени воспоминаніе объ этомъ азіатскомъ вліяніи, сказалось подражаніе тому, что продолжало дѣлаться на востокѣ. Не говоря о томъ, что понятіе о царѣ выработывалось подъ вліяніемъ восточно-византійскимъ, мы не должны забывать одного — самостоятельности нашего общаго начала. Князь, превращаясь въ царя, не переставалъ отъ этого быть княземъ, и его власть представляла тотъ оригинальный оттѣнокъ, который выработался самостоятельно въ суздальской землѣ во время татарскаго періода; поэтому въ царѣ нашемъ преобладалъ оттѣнокъ князя, въ особѣ царя является помѣщичій колоритъ. Какъ прежде князь московскій являлся вотчинникомъ, помѣщикомъ своей земли, съ такимъ же характеромъ остается и нашъ царь. Помѣщичій характеръ московскаго царя проявляется прежде всего въ томъ, что все государство считается его вотчиною, собственностью. При неразвитомъ государственномъ порядкѣ и на западѣ было то же самое: и тамъ казна королевская и казна государственная смѣшивались въ одно цѣлое. Но у насъ то же самое понятіе вырабатывается еще проще, еще патриархальнѣе: царь есть законный владѣтель своей земли и всѣхъ его доходовъ. Если на западѣ Европы мысль о тождественности государя съ государствомъ достигла значительной степени, то у насъ это было еще естественнѣе, и русскій царь съ большимъ правомъ могъ сказать извѣстную фразу Людовика XIV: „L'etat c'est moi“. Тамъ эта фраза отзывается какою-то поддѣльною искусственностью и вызывала извѣстное оппозиціонное впечатлѣніе и, во всякомъ случаѣ, могла выражать собою только политическое отождествленіе государя съ государствомъ; у насъ эта фраза не говориалась, но она чувствовалась и всѣми сознавалась, и отождествленіе было гораздо естественнѣе, такъ какъ господствовало родовое, патриархальное представленіе о государѣ

какъ „отцѣ“. Конечно, и у насъ не все обошлось безъ борьбы, но эта борьба не имѣла того серьезнаго характера, какъ на западѣ.

Отношеніе царя къ своимъ подданнымъ вырабатывается почти такъ же, какъ отношенія помѣщика къ своимъ холопамъ, крестьянамъ. Это проявлялось въ самой обрядной формѣ, и, если въ XVI вѣкѣ всѣ сословія, не исключая потомковъ когда-то независимыхъ князей Рюриковичей, бьютъ челомъ, снимаютъ шапки, когда входятъ на царскій дворъ, и подписываются на челобитной къ великому государю: „князишко, холопшишко твой такой-то, челомъ бьетъ“, то это была не форма, не одинъ только внѣшній видъ; здѣсь видно полное внутреннее сознаніе. Потому и самая столица, сама Москва, вырабатывается въ формѣ усадьбы; правда, это была усадьба, вотчина такого помѣщика, у котораго владѣній было больше многихъ европейскихъ государей. Всѣ государственныя отношенія вытекаютъ совершенно изъ такого же понятія, которое опредѣляется характеристикой царской власти московскаго періода.

Понятно, что появленіе государства вызвало у насъ борьбу, — весь XVI и отчасти XVII вѣкъ наполнились подобною борьбою, которая ведется въ самой разнообразной формѣ. Эта борьба идетъ со стороны различныхъ областей и волостей земли русской, которыя привыкли къ своему вѣчевому укладу, самостоятельной жизни и выказывали свою оппозицію противъ того объединенія, того тягла, которыя заставляли ихъ тянуть Москва: Новгородъ, Псковъ, Рязань, Вятка и Казань. Можно сказать, что русскіе города долго сохраняютъ преданія о своей прежней самобытности. Борьба идетъ противъ государства со стороны тѣхъ людей, которые не свыклись съ новыми порядками; напримѣръ, со стороны бѣглыхъ людей, холопей, которые прикрѣплены государствомъ къ землѣ; со стороны казаковъ, этихъ авантюристовъ, ухидившихъ въ степь точно такъ же, какъ это дѣлали недовольные въ западной Европѣ; борьба идетъ со стороны боярства, — точно такъ же въ XVI и XVII вѣкахъ на западѣ Европы мы встрѣчаемся съ возстаніемъ рыцарей въ Германіи, съ временами фронды во Франціи. Боярство особенно сильно придерживается старины и боится измѣнить ей. „Та земля, которая премѣняетъ свою старину и свои старые обычаи перестанавливается, и та земля не долго стоитъ“, — высказываетъ боярское убѣжденіе Берсень-Беклемишевъ. Боярство борется съ Іоанномъ IV и въ лицѣ

своего талантливаго литератора, князя Курбскаго, высказывает свои идеи о прежнихъ правахъ боярскихъ, въ противоположность тѣмъ идеямъ, которыя высказывалъ Юаннъ IV: „мы на землю свою пришли царствовать самодержавно, съ благословенія Божьяго, а не боярскимъ изволеніемъ“, „страна своими самодержицы управляется, а не боярскимъ синклитомъ“. Наконецъ, наступаетъ смутное время, которое для насъ, русскихъ, явилось пробнымъ камнемъ. Здѣсь должно было сказаться, въ состояніи ли государство русское выдержать борьбу съ этою массою противогосударственныхъ элементовъ, здѣсь должно было сказаться, выдержать ли русское единство; составляетъ ли оно постоянную, историческую потребность или оно было случайнымъ, временнымъ явленіемъ; удержится ли русская земля при тѣхъ государственныхъ формахъ, которыя она выработала. Намъ уже извѣстно, что русская земля съ честью вышла изъ тяжелаго испытанія и показала, что она способна къ исторической жизни. Национальное возстаніе земли русской очистило ее отъ виѣннихъ и внутреннихъ враговъ, и первымъ дѣломъ русскихъ людей было собраться и возстановить ту форму, съ которой они свыклись въ XVI вѣкѣ. Боярская оппозиція, какъ бы она ни возставала противъ того, что сдѣлали цари, не сумѣла представить ничего лучшаго, и всякій разъ, когда боярство становилось во главѣ правленія, оно показывало неспособность, точно такъ же, какъ неспособнымъ оказалось къ этой роли феодальное дворянство въ западной Европѣ. Во Франціи феодалы должны были преклониться передъ волей Ришельё; у насъ же боярство само должно было сознаться въ необходимости возстановленія государства, но въ то же время жизнь доказала необходимость широкаго совмѣстнаго сотрудничества правительства и общества, — только при помощи народныхъ представителей новая династія справилась въ концѣ концовъ съ задачей возстановленія распатаннаго порядка въ эпоху „великой разрухи“. Именно смутное время доказало всю необходимость и потребность непосредственнаго участія народа въ управленіи, и московскіе государи обращаются къ содѣйствію населенія и созываютъ народъ на „всероссійское вѣче“, — на земскіе соборы. Этою общою характеристикою мы пока и ограничимся.

Переходя къ спеціально занимающему насъ предмету, мы должны замѣтить, что особенности характера торговли русской въ описы-

ваемый нами періодъ въ значительной степени проистекають изъ сдѣланной исторической характеристики этого періода. Если царь русской земли есть ея владѣтель, считающій своими собственными ея средства, то въ то же самое время онъ и вымѣниваетъ свои произведенія на другія иноземныя, является торговцемъ. Одинъ англійскій наблюдатель, знакомый съ московскимъ порядкомъ, справедливо замѣчаетъ, что царь русскій есть первый купецъ своего государства.

Дѣйствительно, казна сама вела значительную торговлю: всѣ лучшіе товары доставлялись обыкновенно казнѣ; царскіе чиновники имѣли право осматривать товары и лучшіе изъ нихъ за опредѣленную или произвольную цѣну брали въ казну для великаго государя. Мы видимъ, слѣдовательно, что здѣсь толчокъ и направленіе исходятъ изъ общаго центра. Особенности полутатарскаго быта того времени могутъ объясняться особенностями нашей торговли за то время. Промышленность наша получила свой толчокъ опять таки изъ этого общаго центра. Точно также, если бы мы вообразили себѣ господскую усадьбу и попытались представить, какимъ образомъ появляются тамъ первые признаки мануфактурной промышленности, мы естественно пришли бы къ заключенію, что эта дѣятельность прежде всего удовлетворяетъ самого владѣльца усадьбы. Эта дѣятельность развивается изъ потребности помѣщика: изъ тканей полотна, пряжи и т. д., однимъ словомъ, изъ выдѣлки различныхъ предметовъ, которые шли для самого владѣльца усадьбы. То же самое можно сказать о торговлѣ и промышленности XVI вѣка¹⁾. Такъ какъ промышленность и торговля исходятъ изъ одного, общаго центра, то намъ, естественно, нужно приступить къ этому центру. Этотъ центръ есть, очевидно, царская резиденція, это — Москва, торговое значеніе которой сильно возрастаетъ въ этотъ періодъ. Дѣйствительно, Москва въ буквальномъ смыслѣ можетъ назваться полнымъ сосредоточіемъ всей торговли и промышленности, это — сердце Россіи: отсюда идутъ распоряженія, здѣсь живутъ всѣ богатые купцы, однимъ словомъ, все сосредоточено въ Москвѣ. Отсюда идутъ всѣ главные пути; всѣ торговые законы и другія

¹⁾ За этотъ періодъ мы имѣемъ обстоятельное и подробное изложеніе, именно сочиненіе Костомарова: „Очерки торговли Московскаго государства въ XV и XVI вв.“

особенности этого періода выходить изъ Москвы, а потому мы прежде всего должны остановиться на Москвѣ.

Какъ уже сказано, Москва въ это время есть царская усадьба. Этотъ характеръ Москвы, какъ царской усадьбы, сохранился очень долго; память о немъ хранится до нашего времени въ различныхъ мѣстныхъ названіяхъ. Въ серединѣ Москвы стоитъ дворъ (городъ) вотчинника — кремль; ближе къ нему находились дворы и вотчины бояръ и царскихъ прислужниковъ. Царская усадьба окружалась ближайшими потребностями этого вотчинника. Вокругъ усадьбы расположены слободы, гдѣ живутъ люди дворовые, назначеніе которыхъ состояло въ удовлетвореніи потребностей этого вотчинника. Названія этихъ слободъ, сохранившіяся до сихъ поръ, наглядно показываютъ намъ, какъ русская промышленность получила первый толчокъ отъ царскаго двора. Около усадьбы царской лежитъ большая слобода Басманная; здѣсь жили хлѣбники царскіе. Можетъ-быть, здѣсь были люди, которые занимались басменнымъ, т.-е. чеканнымъ дѣломъ (татарскій *басмакъ* — чекать, печатать, выбивать). Затѣмъ въ числѣ слободъ мы встрѣчаемъ слободы: Поварскую (Поварская до сихъ поръ окружена переулками: Ножовымъ, Столовымъ, Хлѣбниковымъ, Скатертнымъ и т. п.); Хамовники, гдѣ занимались хамовнымъ дѣломъ, т.-е. тканьемъ поштна для великаго государя; слободы Кожевники, Гончарная и др. прямо указываютъ на то, что онѣ были населены людьми, доставлявшими продукты во дворецъ. Около Москвы идетъ извѣстный рядъ селеній, занимающихся отдѣльными промыслами. Если разыскивать начало этого промысла, то въ большинствѣ случаевъ окажется, что оно беретъ начало въ московскомъ періодѣ и проистекаетъ отъ потребностей двора. Ростовскій уѣздъ съ своимъ огородничествомъ и плодоводствомъ, Владимиръ съ вишнями, Бронницкая Гжель съ глиняной посудой — все это началось вслѣдствіе поставки во дворъ великаго князя-вотчинника. Такимъ же образомъ развивалась первоначально и торговля московская.

Дѣлаясь центромъ, Москва притягиваетъ массу народа и быстро разрастается въ XVI и XVII столѣтіи. Иностранцы, посѣщавшіе Россію, говорятъ намъ о ея обширности и многолюдствѣ ея населенія. При такомъ многолюдномъ населеніи, Москва является намъ городомъ, замѣчательнымъ по своему значительному торговому развитію. Не надо

забывать одного, что русскій народъ, по отзывамъ иностранцевъ народъ, въ высшей степени способный къ торговлѣ. Одинъ иностранецъ рассказываетъ съ нескрываемымъ изумленіемъ, что одинъ русскій купецъ, бравшій товаръ у него въ долгъ, столько успѣвалъ сдѣлать оборотовъ съ этимъ товаромъ, что по прошествіи нѣкотораго времени отдавалъ ему тотъ же товаръ дешевле, чѣмъ покупалъ, и иностранцы говорили, что хотъ вези товаръ назадъ въ Амстердамъ, — такъ дешево продавалъ русскій купецъ эти товары. Къ этой способности присоединяется и любовь къ торговлѣ, которую отмѣчаютъ у нашихъ предковъ иностранцы, указывающіе, что всѣ русскіе люди безъ исключенія занимаются торговлею. Дѣйствительно самъ царь былъ первый купецъ, бояре торгуютъ также и не считаютъ это занятіе унизительнымъ, что изумляло приходившихъ съ запада людей, ибо у себя они привыкли къ совершенно иному взгляду на торговлю и ремесло со стороны дворянства; монастыри также ведутъ торговлю, митрополиты и архіепископы тоже не пренебрегаютъ ею¹⁾. Эта способность и любовь къ торговымъ занятіямъ въ особенности выдвигаютъ впередъ Москву, какъ торговый центръ.

Въ XVI вѣкѣ главная торговля сосредоточивается въ Москвѣ около царской усадьбы въ Китай-городѣ. Красная площадь является оживленнымъ торговымъ рынкомъ, на которомъ можно было найти все необходимое для удовлетворенія нашихъ потребностей. Кроме того, были и другіе значительные рынки; былъ рынокъ рыбный около Москвы-рѣки, гдѣ зимою лежали цѣлыя горы рыбы; большое значеніе имѣлъ конный рынокъ, на который приводили иногда по 30 и даже 40 тысячъ головъ татарскихъ лошадей. Кроме того, на средамъ и пятницамъ на каждой сколько-нибудь значительной площади были базары, носившіе, конечно, тотъ же характеръ сбыта сельскихъ произведеній, какъ и теперь.

Въ Москвѣ было много иностранныхъ купцовъ. Здѣсь были англичане, поляки, литовцы, шведы, персіяне, армяне и мн. др. Торговля главнымъ образомъ сосредоточивалась въ нѣсколькихъ гостиныхъ дворахъ, изъ которыхъ главнѣе было восемь. Слѣ

¹⁾ Въ серединѣ XVII в. однако торговля уже сдѣлалась преимущественно городскаго сословія, которое этимъ самымъ было выдѣлено изъ другихъ сословій Московскаго государства.

довательно, въ этомъ отношеніи Москва далеко оставляла за собою число гостинныхъ дворовъ въ другихъ городахъ. Центромъ торговли была Красная площадь. Ближе къ кремлю было два двора: Старый и Новый, основанный въ 1662 году при Алексѣѣ Михайловичѣ, которые считались лучшими¹⁾. Эти гостинные дворы въ Москвѣ строились по образцу восточныхъ дворовъ и караванъ-сараявъ, которые представляли то, что у насъ теперь называется рядами, именно собраніе лавокъ въ одно цѣлое и преимущественно торгующихъ однимъ и тѣмъ же товаромъ. Въ срединѣ Новаго двора, состоящаго изъ нѣсколькихъ рядовъ, сохранившихся до нашего времени, находилась непокрытая площадь, въ срединѣ которой помѣщались вѣсы, необходимые при продажѣ оптомъ. Царскіе чиновники надзирали за торговлею и брали пошлыны. Наконецъ, здѣсь же собирались купцы для совѣщаній о своихъ дѣлахъ; слѣдовательно, это была биржа. Обычай собираться на воздухъ, избѣгать особо назначенныхъ для этого зданій — есть также восточный; дворъ съ площадью посрединѣ указываетъ намъ на то, что это зданіе было выстроено по восточному образцу: здѣсь подражали восточнымъ караванъ-сараямъ, хотя тамъ они имѣли другое значеніе. Гостинные дворы были выстроены въ государства, и лавки отдавались вънаймы отъ 10 до 25 руб. въ годъ. Рядомъ съ упомянутыми Старымъ и Новымъ гостинными дворами находился богатый дворъ Персидскій, гдѣ торговали купцы восточные: персидскіе и арабскіе. Кромѣ этихъ дворовъ, были слѣдующіе: 4) Шведскій, который находился около Неглинной рѣчки, 5) Литовскій, 6) дворъ Армянскій на Срѣтенкѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ вперъ Армянскій переулокъ, 7) Греческій на Никольской, 8) дворъ Англійскій, который нѣкоторое время былъ одинъ изъ богатѣйшихъ московскихъ гостинныхъ дворовъ; онъ находился на Варваркѣ, близъ церкви Максима-исповѣдника.

Мы видимъ такимъ образомъ, что гостинные дворы въ Москвѣ, различаются по національностямъ купцовъ; это дѣленіе указываетъ на то, что торговля сохранила въ значительной степени свои прежнія свойства: взаимное недоверіе, желаніе иноземцевъ замкнуться, жить своею жизнью, чуждою русскому народу, и такое же

¹⁾ Находившіеся на Красной площади гостинные дворы расположены были въ томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь Старый и Новый гостинные дворы.

отчужденіе со стороны русскихъ. Только нашему времени принад лежитъ честь уничтоженія этихъ національныхъ преградъ въ дѣлѣ торговыхъ сношеній различныхъ народовъ.

Надо замѣтить, что торговля разсматриваемаго нами періода носитъ характеръ оптовой торговли, которая собственно и производилась изъ гостинныхъ дворовъ; торговля же мелочная, торговля для потребителей сосредоточивалась обыкновенно въ рядахъ, существовавшихъ въ Москвѣ помимо гостинныхъ дворовъ и подворьевъ. Самое названіе „рядъ“ указываетъ на устройство этихъ мелочныхъ лавочекъ, которыя всѣ соединялись вмѣстѣ въ одинъ рядъ, подъ одну крышу по образцу гостинныхъ дворовъ. Устройство этихъ рядовъ заимствованное съ востока, прямо указываетъ на азіатскій способъ торговли, совершенно противоположный европейскому, — болѣе индивидуальному¹⁾. У насъ ряды сохранились какъ остатокъ старины, даже какъ потребность соединенія въ ряды товаровъ одного рода, и гораздо дальше шло подобное соединеніе въ Москвѣ XV—XVII вѣковъ: даже мелкіе ремесленники, какъ серебряныхъ и золотыхъ дѣла мастера, соединялись въ одинъ опредѣленный рядъ, вслѣдствіе этого рядовъ было безчисленное множество. Здѣсь мы не будемъ перечислять ихъ всѣхъ, а замѣтимъ только самые главные: Лоскутный или Ветошный рядъ, соединявшій въ себѣ, несмотря на свое названіе, всевозможные предметы для костюма; Рыбный рядъ на берегахъ Москвы-рѣки, въ которомъ производилась огромная торговля рыбою (по словамъ иностранцевъ, здѣсь цѣлыя массы рыбы лежали на открытомъ воздухѣ), бывшей предметомъ первой необходимости при строгости постовъ того времени; Охотный рядъ, въ которомъ продавались не только продукты охоты, но и всякая живность и прочіе съѣстные припасы. Но кромѣ рядовъ, по свѣдѣтельству иностранцевъ, на площадяхъ, обыкновенно по средамъ и по пятницамъ, бывали еще рынки (по преимуществу близъ Москвы-рѣки у пристаней, а зимой „на льду“), на которые свозились различные сельскіе продукты, издѣлія изъ дерева, глины и прочія нехитрыя подѣлки. Такіе рынки, вслѣдствіе отсутствія мелочныхъ лавочекъ и магазиновъ, имѣли въ то время большое значеніе, и на нихъ закупались припасы на цѣлую недѣлю и больше, а нѣкоторые закупали

¹⁾ Азіатскій способъ требуетъ рядовъ, а европейскій наоборотъ: лавка или магазинъ строятся отдѣльно и существуютъ сами по себѣ.

даже на цѣлый годъ и находили такую покупку болѣе выгодною — въ наше время на такихъ рынкахъ или базарахъ (татарское слово „базаръ“ замѣнило русское — „рынокъ“) такъ закупаютъ только одни помѣщики, живущіе далеко отъ города. Изъ московскихъ рынковъ того времени, на которыхъ по преимуществу мы можемъ остановить наше вниманіе и которые имѣли не столь узкое значеніе, какъ остальные, замѣчательны три: первый — Толкучій на Красной площади, второй — на Ивановской и третій — на Конной площади. Красная площадь имѣла центральное значеніе для Москвы, она была для нея тоже почти, что форумъ для римлянъ. Здѣсь сосредоточивались главные акты общественной жизни; здѣсь съ лобнаго мѣста читались царскіе указы; здѣсь стоялъ храмъ Василія Блаженнаго, который по своей причудливой архитектурѣ служилъ для всѣхъ русскихъ предметомъ гордости; здѣсь совершалъ патріархъ свое обычное шествіе для освященія воды, здѣсь же происходило вербное шествіе того же патріарха на ослати, когда царь вель подъ уздцы осла, на которомъ возсѣдалъ патріархъ; на этой же площади происходили судъ и расправа, пытка, правезъ; здѣсь же производилась торговая казнь, которая и получила свое названіе отъ того, что она производилась публично, на площади, на торгу. Объ этой площади упоминаетъ въ своемъ сочиненіи Олеарій, знаменитый путешественникъ того времени (половина XVII в.); онъ говоритъ, что на Красной площади всегда толпятся массы народа, между которыми ходятъ торговцы различныхъ предметовъ¹⁾. Въ самомъ кремлѣ, передъ Чудовымъ монастыремъ и Ивановскою колокольнею, гдѣ теперь плацъ, находится площадь Ивановская, имѣвшая оригинальное, самобытное значеніе: здѣсь проходили торгъ людьми, здѣсь можно было купить или продать „холопей“ (здѣсь же продавались и плѣнники). Главными дѣйствующими лицами были дьяки и подьячіе, расхаживавшіе съ веромъ за ухо по площади и громко предлагавшіе свои услуги по составленію кабалныхъ грамотъ, безъ которыхъ купля или продажа не могла быть дѣйствительна. Дьяки очень громко предлагали свои услуги, отчего даже произошла пословица: „кричать во всю Ивановскую“. На этой же площади, да еще на крестцѣ на Николь-

¹⁾ На большомъ рынкѣ на Красной площади у церкви Василія Блаженнаго было особое мѣсто, гдѣ женщины продавали издѣлія своей домашней работы; здѣсь же вблизи находилось до 200 винныхъ погребовъ.

ской, среди людей, предлагавших свои услуги, мы могли бы встрѣтить и священниковъ. Это были большею частью священники-бродяги, которые не имѣли своихъ приходоу. Если, напримѣръ, какой-нибудь бояринъ задумывалъ отслужить въ своей домовой церкви обѣдню, то онъ обыкновенно обращался къ такимъ священникамъ, и, вдоволь наторговавшись, нанималъ какого-нибудь изъ нихъ, а если торгъ начиналъ становиться очень упорнымъ, то претендентъ, желая его поскорѣе окончить въ свою пользу, бралъ въ руки калачъ, заранѣе для этой цѣли приготовленный, и угрожалъ словами: „сейчасъ закушу“, и нанимающій, убѣжденный такимъ важнымъ доводомъ, такъ какъ священникъ, разъ уже закусившій, не могъ служить обѣдни, давалъ ему настоящую цѣну.

Третій рынокъ, находившійся на Конной площади, былъ, какъ показываетъ самое названіе площади, центромъ продажи лошадей. Конная торговля въ Москвѣ въ то время была значительно развита, вслѣдствіе потребности на войско, которое по преимуществу было конное. Лошади пригонялись степныя, преимущественно отъ татаръ изъ степей ногайскихъ, чѣмъ обуславливается самое положеніе Конной площади, именно на той сторонѣ, гдѣ шла ногайская дорога (за Серпуховской заставой). Въ извѣстные опредѣленные сроки на этой площади происходила ярмарка. Лошади пригонялись не одними только торговцами, но часто и татарскіе послы, приходившіе къ намъ на Русь, кромѣ цѣли посольской имѣли въ виду цѣли торговли и приводили иногда съ собою на продажу огромное количество лошадей. Какъ велико было это количество, мы можемъ судить изъ дошедшаго до насъ извѣстія о татарскомъ послѣ Коначугѣ, который, явившись къ намъ при Иванѣ III, привелъ съ собою для продажи 40 тысячъ лошадей. Вообще же число продаваемыхъ лошадей на этой площади въ продолженіе года было не менѣе 50 тысячъ, а иногда даже и болѣе¹⁾.

Кто же торговалъ въ этомъ городѣ съ такою очевидно обширною торговлею? По свидѣтельству иностранцевъ, главнымъ торговцемъ былъ самъ царь Московскій. Дѣйствительно, имѣя въ виду уже

¹⁾ Среди крупныхъ Московскихъ рынковъ можно отмѣтить еще лѣсной рынокъ, гдѣ продавались, между прочимъ, готовые срубы — товаръ весьма ходкій въ то время при частыхъ и опустошительныхъ пожарахъ въ Москвѣ; былъ также рынокъ хлѣбныя, сѣяныя и пр.

знакомое намъ устройство Московскаго государства, исходившее изъ той идеи, что царь есть вотчинникъ и помѣщикъ — собственникъ всей земли, а всѣ подданные его холопы, естественно было этому помѣщику заботиться объ увеличеніи своихъ собственныхъ доходовъ, а такъ какъ торговля въ то время была главнымъ источникомъ этого увеличенія, то она и сосредоточивалась въ его рукахъ и его „большой казны“ (въ царскую казну шло все лучшее, что привозили иностранцы, и купецъ, прибывшій съ заморскимъ товаромъ въ Москву, не имѣлъ права начать торговли, пока не будетъ произведенъ выборъ изъ его товара для царской казны), также поэтому правительство руководило торговлею, вмѣшивалось во всѣ ея отправленія и само вело ее. Съ нашей точки зрѣнія подобныя вещи были бы весьма стѣснительны, во многихъ случаяхъ это было даже и тогда, но въ то время это казалось вполне естественнымъ и было всѣмъ понятно. Вслѣдствіе такого взгляда на вещи, многіе предметы изъ статьи отпуска находились, какъ монополія, въ рукахъ царской казны, и такими товарами другіе торговать не имѣли права. Это были товары заповѣдные или указные, т.-е. такіе, которые были поименованы въ указѣ царскомъ; они были весьма разнообразны, и часто съ нѣкоторыхъ изъ нихъ снималось запрещеніе, а на другіе накладывалось между тѣмъ. Такъ, при Алексѣѣ Михайловичѣ такими заповѣдными товарами, продажа которыхъ иностранцамъ принадлежала исключительно царской казнѣ, были слѣдующіе: 1) *пенка*, 2) *смола или смольчугъ*, 3) *юфта*, 4) *сало*, 5) *соболиныя мѣха и нѣкоторыя другія (шелкъ)*. Вообще же къ числу заповѣдныхъ товаровъ принадлежали всѣ тѣ, которыми наиболѣе дорожили иноземцы, а такъ какъ спросъ измѣнялся, то измѣнялись, какъ было уже выше замѣчено, и указные товары или, смотря по временамъ, становились то одни, то другіе; напримѣръ, къ числу заповѣдныхъ товаровъ со временъ Бориса Годунова стало принадлежать вино: частная продажа его была запрещена, торговля имъ стала производиться въ особо устроенныхъ для этой цѣли царевыхъ кабакахъ подъ наблюденіемъ особыхъ выборныхъ присяжныхъ людей, называвшихся цѣловальниками, должность которыхъ исполнялась, конечно, безвозмездно¹⁾. Продажа вина доста-

¹⁾ Безвозмездная служба по казенной продажѣ вина подъ строгой индивидуальной отвѣтственностью являлась одной изъ государственныхъ повинностей, возложенныхъ на торгово-промышленное сословіе.

вляла царской казнѣ большія выгоды, и учрежденіе Бориса Годунова удержалось на долгое время; когда впоследствии оно было отмѣнено, то все же питейные сборы составляли одну изъ самыхъ значительныхъ статей государственнаго дохода (напр., въ 1795 г., т.-е. въ концѣ царствованія Екатерины II, питейный доходъ считался въ 24 мил. руб., т.-е. составлялъ почти $\frac{1}{3}$ государственныхъ доходов¹⁾).

Сибирь

Къ числу заповѣдныхъ товаровъ, какъ было выше упомянуто, принадлежали мѣха, составлявшіе одно изъ главныхъ богатствъ государства Московскаго, какъ они его прежде составляли въ Великомъ Новгородѣ. Мѣха замѣняли собою во многихъ случаяхъ монету и вообще служили мѣноюю единицею. Благодаря открытію Сибири, русскимъ открылся новый, казалось, неисчерпаемый источникъ мѣхового богатства, начинавшій уже было истощаться въ Европейской Россіи. Правительство, хотя совѣтъ и не запрещало частной торговли мѣхами, подвергало ее однако такимъ стѣсненіямъ, при которыхъ едва ли она могла производиться успѣшно; такъ, купцы не имѣли права развѣзжать по юртамъ и покупать мѣха у инородцевъ прежде сбора ясака (ясакомъ называлась подать, платимая инородцами натурою, преимущественно же мѣхомъ), и только когда ясакъ былъ собранъ, когда сборщики осмотрѣли всю пушнину, находящуюся въ юртахъ инородцевъ, и выбрали самую лучшую, тогда только купцы могли покупать мѣха въ юртахъ, а то могли ихъ покупать въ Сибири не иначе, какъ въ гостинныхъ дворахъ. Купецъ не имѣлъ также права пускать въ продажу мѣха дороже 20 рублей за пару и 300 рублей за сотню, всѣ же высшіе сорта обязанъ былъ отдавать въ казну, откуда ему выдавалась извѣстная сумма, часто далеко ниже стоимости представленнаго товара. Все это дѣлалось въ тѣхъ видахъ, чтобы лучшіе товары не ускользали отъ правительства, а сосредоточивались въ

¹⁾ Исключительно казенная торговля виномъ („кабаки на вѣрѣ“) держалось, впрочемъ, недолго, и правительство примѣняло болѣею частью смѣшанную систему взиманія дохода съ вина, а при Екатеринѣ II казенная монополія была замѣнена системой откуповъ, отмѣненной въ 1863 г., когда вмѣсто нея введена была акцизная система. Съ 1894 г., однако, правительство вновь стало переходить къ казенной продажѣ вина, распространенной въ настоящее время почти повсемѣстно.

его рукахъ. Правительство, какъ мы могли видѣть, ради увеличенія своихъ собственныхъ доходовъ всячески стѣсняло отдѣльную дѣятельность частныхъ лицъ, оно не понимало, да, впрочемъ, и не могло еще понимать, выгоды и пользы свободной торговли. Вообще это время было временемъ полного господства самаго крайняго протекціонизма, и если въ западной Европѣ запретительная система находилась еще въ полной силѣ, то въ Россіи она была еще естественнѣе и проще при знакомомъ уже намъ отношеніи государственника къ своимъ подданнымъ — какъ къ холопамъ.

Кромѣ этихъ указныхъ товаровъ, были еще и такіе, которыми не торговала и сама „большая казна“, и торговля которыми, конечно, была запрещена и прочимъ торговцамъ: такову запрету подвергался, напр., вывозъ оружія и продажа его сибирскимъ инородцамъ. Торговля нѣкоторыми товарами, какъ, напр., табакомъ, запрещалась еще потому, что считалась вредною и противною закону русскому и національности, но, несмотря на всѣ запрещенія, торговля этими товарами весьма успѣшно производилась контрабандою. Такъ же строго былъ воспрещенъ вывозъ и нѣкоторыхъ товаровъ въ западную Европу.

Слѣдя за правильнымъ ходомъ торговли и за сборомъ многочисленныхъ пошлинъ Московское правительство издавало спеціальныя торговые законы — большею частью, впрочемъ, по совѣту и желанію лучшихъ торговыхъ людей Московскаго государства: таковы, по крайней мѣрѣ, два извѣстные намъ торговые устава: первый 1653 года, а второй 1667 года.

Гостиные дворы и подворья были точно такъ же всѣ правительственные; купецъ, явившійся въ такой дворъ, долженъ былъ обратиться къ правительственному чиновнику и вытребовать у него помѣщеніе какъ для товара, такъ и для самого себя, при чемъ былъ обязанъ внести извѣстную плату. Плата эта называлась избною и полавочною; первая вносилась за избу, т.-е. за помѣщеніе для самого кушца, а вторая за лавку — за помѣщеніе для товара. Лавки въ Старомъ гостиномъ дворѣ сдавались отъ 6 до 12 руб. въ годъ, а въ Новомъ — плата доходила до 25 руб., такъ какъ послѣдній былъ лучше устроенъ.

Пошлины за товаръ платились обыкновенно при его продажѣ; онѣ шли въ царскую казну и собирались особыми выборными, назы-

важными таможенными головами, которые при назначеніи въ эту должность крестъ цѣловали въ томъ, что добра государства они утаивать не будутъ и никакого лиха дѣлать не стануть. Пошлины эти были весьма разнообразны и стѣснительны для туземныхъ торговцевъ, между тѣмъ какъ иноземные гости пользовались правомъ беспошлинной торговли, впрочемъ, впоследствии такая привилегія была отнята у нихъ, и они стали платить наравнѣ съ московскими гостями. Пошлина, которая, какъ мы уже замѣтили выше, взималась обыкновенно съ продаваемого товара, равнялась 10 денгамъ съ рубля, т.-е. 5%.

Весь свой лучший товаръ купецъ по требованію царскаго чиновника, составлявшаго подробную опись и оцѣнку товаровъ, долженъ былъ безпрекословно отдавать въ царскую казну, поэтому-то купцы, какъ справедливо замѣчаютъ иностранцы, страшно боялись этихъ чиновниковъ, „дозорщиковъ“, какъ они ихъ называли, и при ихъ приближеніи запрятывали, какъ только можно дальше, всѣ свои лучшие товары.

Выше мы сказали, что первымъ торговцемъ въ Московскомъ государствѣ былъ самъ царь московскій; мы уже видѣли, какъ этотъ первый купецъ относился къ торговлѣ, какъ онъ ее эксплуатировалъ въ свою пользу, нисколько не заботясь объ интересахъ своихъ подданныхъ, но, кромѣ этого главнаго купца, въ Московскомъ государствѣ того времени было много купцовъ второстепенныхъ, т.-е. настоящихъ купцовъ, которые, хотя и не раздѣлялись на гильдіи, какъ это было въ западной Европѣ, но тѣмъ не менѣе довольно рѣзко различались между собою по своей торговой дѣятельности. Во-первыхъ, это были гости; во-вторыхъ, собственно такъ называемые торговцы, раздѣлявшіеся въ Москвѣ на двѣ сотни: гостиную и суконную; различіе между этими разрядами основывалось на богатствѣ и на суммѣ торговыхъ оборотовъ.

Гости были купцы-капиталисты, купцы первостепенные, торговые обороты которыхъ простирались отъ 20 до 100 тысячъ рублей въ годъ. Они пользовались значительными привилегіями, были приближены къ царю, назначались въ почетныя должности, имѣли вѣсь и значеніе въ обществѣ, имъ давались, хотя мелкія, но тѣмъ не менѣе важныя преимущества, какъ, напримѣръ, право курить свое собственное вино въ извѣстное время безвыимочно, т.-е. безо-

шлинно. Остальные купцы были торговцы гостиной и суконной сотень. Почему существовало такое подразделение на сотни: гостиную и суконную, сказать точно довольно трудно, по всей же вероятности, оттого, что торговцы, составлявшие первую сотню, торговали первоначально въ гостинныхъ дворахъ, а суконная сотня образовалась изъ тѣхъ торговцевъ, которые прежде занимались исключительно продажею сукна, но впоследствии такое различіе изгладилось, и уцѣлѣло лишь одно названіе въ смыслѣ подраздѣленія.

Невольно представляется вопросъ, какъ же велико было количество такихъ частей и торговцевъ. Отвѣтить на это точно мы, по недостатку свѣдѣній, не можемъ, по, по всей вероятности, число это было весьма значительно; если же вѣрить указаніямъ Котошихина, знаменитаго эмигранта времени Алексѣя Михайловича, который говоритъ, что гостей человѣкъ съ 30, а торговцевъ по 200 человѣкъ въ сотнѣ, то пришлось бы вывести такое заключеніе, что купцовъ было всего 430 человѣкъ, но такой выводъ былъ бы невѣренъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому что кромѣ московскихъ купцовъ было много купцовъ иногородныхъ, во-вторыхъ, число это не показываетъ настоящаго количества купцовъ, а показываетъ только число купеческихъ семей, къ которымъ причислялись и всѣ родственники купца и даже его приказчики, хотя бы и самостоятельно торговавшіе.

Низшій разрядъ торговцевъ Московскаго государства состоялъ изъ посадскихъ и черныхъ сотень, которыхъ всего было 10. Посадскимъ людямъ соответствовуетъ наше теперешнее названіе мѣщанъ¹⁾ и горожанъ. Черныя сотни обыкновенно выбирали себѣ старшинъ, къ которымъ присоединялись цѣловальники или присяжные, творившіе судъ и расправу и завѣдывавшіе различными торговыми и промышленными сборами (по продажѣ вина, напр.), раскладкой податей и т. д. Каждая сотня имѣла опредѣленное мѣсто жительства, которое и называлось слободой. Нѣкоторыя изъ слободъ имѣли опредѣленное ремесло, это было нѣчто въ родѣ нашихъ фабрикъ, т.-е. мѣсть скученнаго производства, и находились въ XVI и XVII столѣтіяхъ въ полукрѣпостномъ состояніи. Такихъ слободъ въ Москвѣ

¹⁾ Слово „мѣщанинъ“ произошло отъ польскаго слова „място“, что значитъ городъ.

въ то время было очень много, и большая часть изъ нихъ носила названіе того производства, которымъ жители ея занимались; такъ, мы встрѣчаемъ слободы Басманную, Хамовники, въ которыхъ производилось хамовное или полотняное дѣло, Поварскую, въ которой жили повара, и многія другія слободы. Чтобы имѣть понятіе о тогдашней слободѣ, можно взять за образецъ подмосковную замосворѣцкую слободу Кадашеву. Слобода эта была приписана къ мастерской палатѣ государыни и состояла подѣ вѣдомствомъ такъ называемой Большой казны, куда отнесены были также и нѣсколько другихъ слободъ; къ слободѣ этой было приписано до 1000 жителей. Производство, которымъ занимались жители, было хамовное¹⁾, т.-е. полотняное. Для удобства работъ сперва были выстроены палаты деревянные, но потомъ ихъ замѣнили каменными. Обыкновенно на извѣстную слободу давался опредѣленный урокъ, т.-е. опредѣленная работа, которая, такъ или иначе, должна была выполняться въ назначенное время. Работы производились не даромъ, обыкновенно за это платилось хлѣбное и денежное жалованье. Но при всемъ томъ положеніе жителей такой слободы было чрезвычайно тяжело, свобода ихъ была во всемъ ограничена. Строгимъ указомъ было, напр., запрещено жителямъ Хамовниковъ выдавать замужъ своихъ дочерей за инослободцевъ, и вообще браки внѣ слободы дозволялись не иначе, какъ по особому государеву указу. Выходить изъ слободы въ другую было такъ же строго запрещено, ибо каждая сторона должна была исполнять безнедоимочно свою повинность, тянуть свое тягло на великаго государя. Всякое сословіе въ тѣ времена тянуло свое тягло и тянуло исправно; все это были государевы разныхъ чиновъ людишки и холопишки, которые всѣ и группировались въ исполненіи разныхъ обязанностей на своего помѣщика-государя²⁾.

¹⁾ Наше слово Хамовники происходитъ отъ индѣйскаго слова „хаманъ“, которое означаетъ извѣстный сортъ полотна.

²⁾ Выше мы уже говорили о безвозмездной службѣ по казенной продажѣ вина, являвшейся одной изъ государственныхъ повинностей торгово-промышленнаго сословія. Всѣ должности вообще отправлялись въ Московскомъ государствѣ безвозмездно, и только особая милость царская доставляла жалованье или кормленіе, какъ оно тогда называлось, за отправленіе извѣстныхъ должностей; даже послы, назначаемые за границу, должны были ѣхать на свой собственный счетъ, при чемъ за послушаніе, происходившее хотя бы даже по очень уважительнымъ

Государство въ то время было очень бѣдно и чрезвычайно нужда-лось въ деньгахъ, и эти деньги главнымъ образомъ доставляло государству промышленное селеніе, на которое и были распростра-нены налоги. Всякая, даже мелочная, торговля не могла произво-диться безъ тягла, т.-е. не вписавшись въ какую-нибудь слободу, а всякій, попавшій въ нее, не выходилъ изъ нея или выходилъ съ немовѣрными затрудненіями. Торговый уставъ 1667 года прямо говоритъ, что никто и нигдѣ не имѣетъ права торговать, не запла-тивши установленнаго тягла. Русскіе купцы, хотѣвшіе торговать, обязывались платить по 10 алтынъ съ рубля, а иностранцы должны были платить еще дороже. Всѣмъ слободскимъ людямъ велись списки, но списки эти велись очень неточно, и ихъ безпрестанно надо было поправлять, потому что много народа умирало отъ по-вальныхъ болѣзней, въ которыхъ въ Россіи не было недостатка; многіе жители просто убѣгали изъ слободъ, желая освободиться отъ тягла, „бредуть твои, государевы, людишки изъ городовъ“, и тогда великое горе было для тѣхъ, которые оставались въ слободѣ,

причинамъ, слѣдовало жестокое наказаніе; такъ, намъ извѣстенъ подобный случай, когда одинъ бояринъ, назначенный въ иностранные послы и отказавшійся отъ этого назначенія по недостатку средствъ, былъ наказанъ отобраніемъ всего имущества и царскою опалю. Все русское общество безъ исключенія должно было служить государству и было закрѣпощено на этой государственной службѣ, такъ какъ свободный выходъ изъ сословія воспрещался. Такимъ образомъ въ XVII в. образовались три обособленныя сословія, различавшіяся между собой особыми правами и обязанностями. Военно-служилое сословіе обязано было военной повинностью: каждый служилый человекъ долженъ былъ являться на службу вооруженнымъ и на конѣ, привести съ собой извѣстное количество слугъ и содержать ихъ, получая небольшое жалованье — денежное и хлѣбное; за это служилые люди были освобождены отъ обязанности „нести тягло“, т.-е. упла-чивать подати въ казну и отбывать другія повинности, налагаемыя государствомъ, и получали право владѣть землей и крестьянами. Торгово-промышленное сословіе должно было отбывать городское тягло — платить рядъ податей, и за это поль-зовалось правомъ владѣть дворомъ и лавками въ городахъ и вести торговлю. На представителей богатаго купечества — гостей была возложена особаго рода казенная служба — имъ былъ ввѣренъ сборъ важнѣйшихъ доходовъ государства: сборъ таможенныхъ и кабацкихъ доходовъ, а также завѣдываніе чеканкой моне-ты. Эта служба называлась „вѣрною службою“, и сборщики, отвѣчавшіе предъ правительствомъ своимъ имуществомъ, получали нѣкоторыя преимущества, предо-ставленныя служилому сословію. Наконецъ, крестьяне должны были содержать обширное служилое сословіе — царскихъ слугъ.

они должны были нести тягости неимоверныя, и главная тягость заключалась опять въ тяглѣ. Несмотря на то, что люди постоянно выбывали изъ слободы, въ спискахъ этого не отмѣчали, а вслѣдствіе этого слобода, хотя и съ меньшимъ количествомъ населенія, должна была платить все тѣ же подати, которыя платила и прежде, что для незначительнаго класса было чрезвычайно обременительно. Эта тягость заставляла многихъ стараться избѣжать тягла, а для этого было только два средства: или записаться за какой-нибудь монастырь, или пойти въ холопья. И то и другое было распространено въ большихъ размѣрахъ.

Вотъ въ какомъ положеніи находилась русская промышленность за разсматриваемыя нами два столѣтія. Но торговцы русскіе, несмотря на невыгодныя условія, несмотря на многіе недостатки и лишенія, которымъ они подвергались, во всякомъ случаѣ являются необыкновенно предпримчивыми дѣятелями. При самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ русскіе купцы не покидали торговлю, а вели ее, и притомъ такъ искусно, что иностранцы удивлялись той ловкости, съ которой они прикидывались иностранцами и выдавали свой товаръ за иностранный. Если въ первое время только одна привычка заставляла купца быть хитрецомъ и обманщикомъ, какъ это въ Азіи существуетъ и до сихъ поръ, гдѣ обмануть на торгу нечего не стоитъ, то не нужно забывать при этомъ, что обманщикомъ былъ не одинъ русскій купецъ, а имъ былъ также и иностранецъ, который, совершенно такъ же какъ и русскій, запрашивалъ втрое и вчетверо противъ настоящей цѣны, обмѣривалъ и обвѣшивалъ также при всякомъ удобномъ случаѣ. Такимъ образомъ это явленіе не исключительное въ русскомъ купцѣ, съ такими же точно явленіями, пожалуй и въ иной формѣ, мы встрѣчаемся и въ иностранцахъ.

Торговля русская за разсматриваемый нами періодъ начинаетъ принимать все большіе и большіе размѣры, страна покрывается цѣлою сѣтью торговыхъ дорогъ (въ одну Москву шло не менѣе 6 большихъ дорогъ), товарное обращеніе проникаетъ въ народныя массы, и повсемѣстно, какъ это видно изъ актовъ того времени, появляются отдѣльные торжки и рынки; становится уже недостаточнымъ для купцовъ торговать постоянно только въ одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ, ощущается все болѣе и болѣе необходимость въ періодическихъ съѣздахъ торговцевъ въ установленное время и

въ опредѣленномъ мѣстѣ; позднѣе такіе съѣзды начинаютъ называться ярмарками, которыя охватываютъ своими торговыми оборотами значительную территорію. Такъ произошли ярмарки Макарьевско-Нижегородская, Казанская и въ Лампожнѣ, въ странѣ самоѣдовъ, главные товары которой заключались въ сѣверныхъ мѣхахъ. На всѣхъ этихъ ярмаркахъ мы остановимся болѣе подробно впослѣдствіи, когда будемъ говорить о произведеніяхъ этихъ мѣстностей. Что касается до русской промышленности того времени, то та по большей части осталась такою же, какою была и до этого времени, и далеко отстала отъ Запада, который въ этомъ отношеніи значительно ушелъ впередъ.

Въ половинѣ XV столѣтія русскіе, освободившись отъ татарскаго ига, вступили въ болѣе близкія сношенія съ Западомъ, и должны были убѣдиться, что развитіе народа западнаго стоитъ гораздо выше развитія народа, выросшаго въ глухой, уединенной землѣ суздальской. На всякомъ шагѣ русскимъ приходилось обращаться къ Западу. Захочетъ ли царь улучшить свою обстановку, и онъ не въ состояніи этого сдѣлать безъ иноземной помощи, приходится заимствовать не только внѣшнія формы этикета, но и малѣйшія его подробности. Начинается новый поворотъ русской исторіи. Реформа русская начинается со временъ Іоанна III и идетъ такимъ образомъ до Петра, и при немъ уже выступаетъ въ жизни, какъ необходимый результатъ всего предшествующаго времени. Въ какомъ плохомъ состояніи находилось русское искусство въ XV вѣкѣ, лучше всего видно изъ постройки московскаго Успенскаго собора. Постройка собора сперва была поручена двумъ русскимъ архитекторамъ: Кривцову и Мышкину, которые строили его уже 3 года и въ это время успѣли вывести каменные стѣны на значительную высоту. Когда же Іоаннъ III для лучшаго надзора за стройкой храма выписалъ италіанскаго архитектора Фіоравенти, то этотъ послѣдній нашелъ, что стѣны были сложены очень дурно, и призналъ необходимымъ разрушить стѣны, на постройку которыхъ было потрачено цѣлыхъ три года. Понадобилось выстроить посольскую палату, и вотъ опять обращаются къ иностранцу. Въ 1499 году признали, что царю непристойно жить въ деревянныхъ палатахъ, а надо выстроить каменный дворецъ, и мы видимъ, что и его строить не русскій архитекторъ —

Алевизъ; Спасскую башню строить опять иностранецъ и т. д. Изъ всего этого видно, что русскіе люди были мастерами своего дѣла, когда нужно было воздвигать деревянныя зданія, и очень плохими знатоками въ каменныхъ работахъ, къ которымъ были совершенно непривычны.

Въ военномъ дѣлѣ русскіе люди также намного отстали отъ просвѣщеннаго Запада. Съ XIV столѣтія тамъ уже является военная наука, появляются солдаты и вводится болѣе или менѣе правильная организація войска, тогда какъ у насъ, на Руси, все еще господствуетъ старый восточный ладъ. Такія усовершенствованія проникали и въ то славянское государство, которое находилось въ тѣсной связи съ Западомъ — въ Польшу, и только слабость поляковъ и энергія Московскаго государства были причиной того, что Московское государство производило завоеванія. Въ 1535 году при нападеніи поляковъ на гор. Стардубъ русскіе впервые познакомились съ дѣйствиємъ подкоповъ, и вотъ является опять надобность въ пороховыхъ зеленыхъ мастерахъ и размыслахъ, которыми опять являются иностранцы, а въ 1552 году русскіе уже сами покоряютъ съ помощью пороховыхъ подкоповъ татарскую Казань. Въ 1491 году на Руси являются первые рудознатцы Иоганнь и Викторъ, которые и начинаютъ развѣдывать серебряную руду въ Печорскомъ краѣ, и вотъ, на Руси, впервые появляется свое собственное серебро. Въ 1492 году иностранецъ Дебось выливаетъ знаменитую царь-пушку, а въ XVII вѣкѣ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, начинаютъ разыскивать въ различныхъ мѣстахъ обширной Россіи желѣзную руду, и въ его же царствованіе начинается постройка знаменитаго Тульскаго оружейнаго завода для поставки ружей для русскаго войска. Такое заимствованіе отъ Запада не замедлило отозваться и въ языкѣ народа. У насъ появляется множество совершенно иностранныхъ словъ, какъ-то: мушкетонъ, шпигъ, алебарда, протазанъ и много другихъ. Благодаря иностранцамъ у насъ является знакомство съ западной наукой, и, конечно, потребность въ наукѣ сказывается не въ идеальномъ только, а и въ чисто практическомъ видѣ, напр., въ медицинѣ. Конечно, въ первое время иноземнымъ докторамъ приходилось на Руси очень плохо; къ нимъ русскій народъ не имѣлъ почти довѣрія и мало уважалъ ихъ, при- мѣръ чего мы видимъ въ докторѣ, который пользовалъ Ив. Ив. Мо-

молодо: онъ былъ убитъ за то, что не сумѣлъ вылѣчить больного. Другой примѣръ мы встрѣчаемъ въ докторѣ, неудачно лѣчившемъ татарскаго царевича и въ послѣдствіи выданномъ роловою его родственникамъ, которые, по словамъ лѣтописца, его зарѣзали, какъ овцу. Но были и такіе доктора, которые имѣли очень большое значеніе, напр., Николай Люевъ, лейбъ-медикъ Василія III, противъ котораго Максимъ Грекъ писалъ цѣлыя посланія („На Николая-лѣмчина и люторскую ересь“), потому, очевидно, что опасался его религіознаго вліянія. Вмѣстѣ съ докторами, конечно, на Руси появляются и аптекаря (первая аптека была устроена въ 1581 г. присланнымъ англійской королевой Елисаветой Джемсомъ Тренчелемъ) Вообще иностранное населеніе на Руси быстро возрастаетъ, и предъ Москвою является цѣлый иностранный городъ близъ села Преображенскаго, въ Нѣмецкой слободѣ, въ которомъ живутъ многіе изъ именитыхъ иностранныхъ купцовъ, имѣвшихъ въ Москвѣ большое значеніе, вхожихъ въ царскую комнату и служившихъ агентами и совѣтниками по торговымъ дѣламъ съ иностранцами, иногда даже дипломатическими агентами. Таково было, напр., при Михаилѣ Феодоровичѣ семейство Марселисовъ.

Такимъ образомъ необходимость заставляетъ русскихъ людей уже съ XV вѣка обращаться къ иностранцамъ, и западно-европейское вліяніе все болѣе и болѣе упрочивается въ XVI и XVII вѣкахъ.

Естественно, что по мѣрѣ сближенія съ культурнымъ Западомъ, расширяются и торговыя сношенія Московскаго государства; сосредоточіемъ ихъ дѣлается Москва, потому что къ ней, какъ къ центру, сходились всѣ торговые пути, которыхъ было шесть: 1) путь Холмогорскій или Бѣломорскій, 2) Балтійскій, ведшій къ Новгороду и Финскому побережью, 3) Литовскій — на Смоленскъ, 4) Степной — въ Украину, 5) Поволжскій, 6) Сибирскій, ведшій въ глубь Сибири.

Прежде чѣмъ мы приступимъ къ обзорѣнню торговыхъ путей русскихъ XVI и XVII вѣковъ, предметовъ ввоза и вывоза того времени, скажемъ нѣсколько словъ о денежномъ дѣлѣ того вѣка, потому что оно можетъ свидѣтельствовать о развитости торговыхъ формъ въ извѣстный періодъ. При ближайшемъ взглядѣ на этотъ предметъ, мы увидимъ, что формы денежнаго дѣла на Руси XVI и XVII вѣковъ являются далеко неразвитыми. Денежный счетъ за разсматриваемый нами періодъ велся на рубли, полгины и др. мелкія

единицы, преимущественно на алтынъ, перешедшаго къ намъ съ татарскаго слова „алты“ (шесть), считали также и на деньги. Но, несмотря на этотъ крупный счетъ, у насъ въ то время чеканилась только серебряная монета, продолговато-овальная, неправильной формы, серебряныя копейки или болѣе округленныя деньги; въ меньшемъ количествѣ чеканилась мѣдная монета такой же формы. Самая чеканка монеты является у насъ въ высшей степени неразвитой; она не сдѣлала шага впередъ, хотя число монеты, сравнительно съ XIV и XV вѣками, значительно увеличилось. Въ первое время чеканка монеты предоставляется частнымъ лицамъ и мастерамъ, такъ, напр., при Іоаннѣ III Аристотель Фіоравенти чеканилъ нѣкоторыя монеты своимъ клеймомъ („Aristoteles“), и потому монета была въ высшей степени разнообразна. Такое разнообразіе особенно чувствовалось при сравненіи ходячей монеты въ различныхъ окраинахъ земли русской: такъ, напр., монета новгородская стала рѣзко отличаться отъ московской — обыкновенно новгородская монета цѣнилась вдвое дороже московской. Въ концѣ XVI и началѣ XVII в. мы видимъ шагъ впередъ: для большей правильности чеканки монеты это право отнимается у частныхъ лицъ; въ Москвѣ заводятся государевы денежные дворы, благодаря чему монета является уже правительственная, но въ такихъ же неправильныхъ формахъ, такъ, напр., продолжали чеканить только очень мелкую мѣдную монету, которая носила названіе „пулъ“; эта монета была какъ бы остаткомъ прежняго времени. Естественно, что такая монета, по своей малой величинѣ, не могла служить для крупныхъ сдѣлокъ и расплатъ. Олеарій рассказываетъ намъ, что московскіе купцы вмѣсто кошелька употребляли свой ротъ, въ него они клали мелкую монету и такъ привыкли къ этому, что, имѣя во рту монету, могли свободно разговаривать; онъ прибавляетъ также, что благодаря тому, что русская монета была очень мелка, русскіе купцы очень ловко умѣли обчитывать своихъ покупателей. Крупная серебряная и золотая монеты въ XVI и XVII вѣкахъ не чеканились, лишь въ немногихъ случаяхъ онѣ употреблялись, но только не какъ денежные единицы, а какъ награда и медаль; такъ, напр., до нашего времени сохранилась медаль („талеръ златъ“), вычеканенная, какъ полагаютъ, княземъ холмскимъ, женившимся на великой княжнѣ Феодосіи Ивановнѣ,

которой онъ и подарилъ эту медаль. Намъ извѣстно также, что цари въ память счастливыхъ походовъ дарили воеводамъ золотыя или серебряныя монеты.

Такъ какъ монета была свойства весьма разнообразнаго, то въ счетъ серебро принималось большею частію на вѣсъ, а не по нарицательной цѣнѣ; между тѣмъ потребности государства, потребности торговли усиливались, и монета была нужна. Въ самой же Россіи серебро не добывалось, хотя и появлялись въ Россіи иностранцы-рудокопцы, которые пытались открыть серебряныя руды, но ихъ поиски не увѣнчались успѣхомъ — серебряныхъ рудъ въ Россіи не оказалось, за исключеніемъ развѣ очень немногихъ случаев¹⁾. Такимъ образомъ оставался единственный источникъ, изъ котораго Россія могла добывать монету — этотъ источникъ былъ не что иное, какъ торговля съ западною Европой. Дѣйствительно, мы можемъ утверждать, что русскіе старались воспользоваться этимъ источникомъ и вели съ западною Европой обширныя торговыя сношенія, что подтверждается тѣмъ, что въ XVII вѣкѣ въ Россіи появляется очень много иностранной монеты, что, конечно, могло быть только результатомъ торговыхъ сношеній (на это указываетъ, между прочимъ, то обстоятельство, что цѣнность денегъ въ теченіе XVI вѣка понизилась въ $3\frac{1}{2}$ раза). Къ намъ привозились испанскіе дублоны, итальянскіе дукаты, привозились также англійскія и голландскія золотыя и серебряныя монеты, болѣе же всего у насъ было въ ходу нѣмецкихъ ефимковъ. Слово „ефимокъ“ происходитъ отъ нѣмецкаго „Joahims Thal“, точно такъ же какъ слово „Joahim“ соответствуетъ нашему Ефиму. Эта монета началась чеканиться въ Чехіи, въ одной долинѣ, откуда произошло и самое ея названіе.

Цѣнность иностранной монеты безпрестанно мѣнялась, такъ что трудно опредѣлить съ точностію цѣнность нашего тогдашняго рубля и цѣнность иностранной монеты, но, говоря вообще, можно сказать, что въ XVI вѣкѣ тогдашній рубль по вѣсу своему равнялся $3\frac{1}{2}$ рублямъ нашего счета. Но чѣмъ болѣе распространялась монета, тѣмъ болѣе увеличивалась цѣнность серебра и падала цѣнность рубля, такъ что рубль въ концѣ XVII вѣка равнялся $1\frac{1}{4}$ рубля нашего современнаго счета. Ефимокъ былъ немного менѣе поло-

¹⁾ Добываніе серебра въ Россіи началось лишь при Петрѣ.

вины тогдашняго рубля и принимался въ казну за различную цѣну. Со временъ Михаила Феодоровича и Алексѣя Михайловича, когда появилась потребность въ болѣе крупной монетѣ, ефимки стали передѣлывать въ нашъ рубль, на чеканку котораго шло два ефимка; благодаря такой операциі государство пользовалось отъ каждого рубля алтыномъ, что составляло около 6%. Чеканка крупной монеты была вызвана необходимостью покрывать крупные военные расходы, такъ какъ въ то время была война съ Польшею. Потребность въ монетѣ все болѣе и болѣе усиливалась, поэтому впослѣдствіи, именно съ 1655 года, по трудности перечеканивать монету, Алексѣй Михайловичъ приказалъ пускать въ ходъ ефимки, не перечеканивая ихъ. Ефимокъ оставался такимъ же, какимъ онъ былъ, только къ нему прилаживались два клейма: одно — съ изображеніемъ Георгія Побѣдоносца и буквою „М“, что значитъ Москва; другое клеймо, продолговатой формы, заключало въ себѣ 1655 годъ; это первый извѣстный примѣръ употребленія у насъ арабскихъ цифръ. Но военные расходы все болѣе и болѣе увеличивались, такъ что не стало хватать и этой монеты, несмотря на то, что въ царской казнѣ было много иностранной монеты; и вотъ тогда явилась мысль выпустить нѣчто въ родѣ ассигнацій, — мысль не новая, такъ какъ намъ уже давно приходилось встрѣчаться въ иностранныхъ государствахъ съ ассигнаціями. У насъ мысль о выпускѣ мѣдной ассигнаціи принадлежитъ образованнѣйшему изъ бояръ того времени — Федору Михайловичу Ртищеву; онъ посоветовалъ Алексѣю Михайловичу вмѣсто серебряныхъ денегъ выпускать деньги мѣдныя и обязать народъ принимать эти деньги по равной цѣнности съ серебряной монетой. Такая операція приносила громадныя выгоды, и число денегъ значительно увеличилось, почти удесятерилось, потому что на 160 денегъ, какъ говорятъ современники, шло мѣдной монеты, которая стоила 100 рублей. Въ первый разъ такія ассигнаціи были выпущены въ 1658 году. Въ первое время эта попытка увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, и мѣдныя деньги пошли въ обращеніе и принимались какъ серебряная монета. Но скоро такое благоприятное положеніе дѣль измѣнилось, благодаря многимъ условіямъ. Главной причиною такого измѣненія было то, что правительство, находя такую операцію для себя чрезвычайно выгодною, бросилось выпускать мѣдныя деньги, а серебро и золото стало собирать въ

свою казну. Естественно, что это должно было обратить на себя вниманіе народа, который подозрительно сталъ смотрѣть на поступки правительства, вслѣдствіе чего довѣріе къ мѣдной монетѣ стало ослабѣвать. Вторая причина была та, что мѣдной монеты было уже выпущено чрезчуръ много; въ тому же количество этой монеты значительно увеличивалось выпускомъ фальшивой монеты, потому что поддѣлать тогдашнюю мѣдную деньгу при безхарактерности ея чеканки было очень легко, а между тѣмъ такая поддѣлка приносила громадныя выгоды, потому что ее легко было пускать за серебряную. Поддѣлывали также и серебряную монету, дѣлая ее изъ свинца и олова. Напрасно правительство старалось употреблять всѣ усилія, чтобы остановить наплывъ фальшивой монеты. Уложеніе 1648 года Алексѣя Михайловича свидѣтельствуетъ намъ о строгихъ мѣрахъ, которыя предпринимались противъ поддѣлывателей монеты: „Которые денежныя мастера учнутъ дѣлать мѣдныя, или оловячныя, или укладныя деньги, или въ денежное дѣло учнутъ прибавляти мѣдь, или олово, или свинець, и тѣхъ денежныхъ мастеровъ за такое дѣло казнити смертно, залити горло“. Какъ видно изъ Уложенія, казнь была мучительная: монетчику заливали горло расплавленнымъ свинцомъ или оловомъ, но тѣмъ не менѣе соблазнъ для денежныхъ мастеровъ былъ великъ, и чеканщики фальшивой монеты не переводились, вслѣдствіе чего выпускъ фальшивой монеты все болѣе и болѣе увеличивался; наконецъ, явилось въ обращеніи страшное количество, такъ что денежный рынокъ былъ переполненъ фальшивой монетой: въ одной Москвѣ ея явилось на 620000 р., для того времени сумма очень значительная. Благодаря такимъ явленіямъ, нарицательная цѣнность мѣдныхъ копеекъ быстро падаетъ; въ 1663 году мѣдная монета ходила уже въ 15 разъ дешевле монеты серебряной, и паденіе пошло бы еще дальше, если бы правительство не убѣдилось въ неудачности такой попытки. Такая неудачная попытка отозвалась рядомъ банкротствъ и тяжелымъ коломенскимъ бунтомъ, который однако былъ скоро прекращенъ, при чемъ пострадало, по словамъ Котошихина, около 15000 чело-вѣкъ. Все это показало правительству, что надо было отказаться отъ своей попытки; и вотъ былъ изданъ новый указъ, по которому мѣдная монета была изъята изъ обращенія, а вмѣсто ея выпускалась серебряная монета. Послѣ этого указа монета стала че-

каниться по старому. Такъ неудачно окончилась наша попытка XVII вѣка ввести ассигнаціи; перемѣна денежной системы и ея устройство на европейскій манеръ относятся уже къ реформамъ Петра Великаго.

Теперь обратимся къ разсмотрѣнію торговыхъ путей, которые прорѣзывали Московское государство. Главныхъ путей, какъ мы уже видѣли, было шесть. Разсматривая значеніе этихъ торговыхъ путей, мы должны прійти къ заключенію, что самымъ важнымъ путемъ для насъ былъ путь, соединявшій насъ съ Западомъ, такъ какъ съ конца XV вѣка Русь поворачиваетъ съ Востока и тянется на Западъ. Тѣ два столѣтія, на которыхъ мы остановились, есть время, когда собирается Московское государство и, наконецъ, рѣшается перенести свою жизнь на Западъ; естественно, что тѣ пути, которые стануть сближать Россію съ Западомъ, и будутъ ея главными центральными путями. Такихъ путей могло быть три: во-первыхъ, путь Балтійскій, который велъ изъ Москвы къ морю Балтійскому черезъ Новгородъ; другой путь велъ сухимъ путемъ въ землю Литовскую и, наконецъ, третій путь велъ къ Бѣлому морю. Съ перваго взгляда казалось бы, что самую важную роль долженъ былъ играть путь Балтійскій, но на самомъ дѣлѣ этого не вышло. Причины того, что выдвинулся впередъ не тотъ путь, отъ котораго мы въ правѣ были ожидать этого на основаніи историческаго знакомства съ нимъ, главнымъ образомъ заключались въ условіяхъ жизни XV и XVI вѣковъ. Мы видимъ, что Балтійскій путь съ XVI вѣка перестаетъ играть историческую роль; причины его паденія въ значительной степени основаны на томъ, что съ этого времени самое Балтійское море теряетъ свое прежнее обширное значеніе и дѣлается какъ бы внутреннимъ, замкнутымъ; съ другой стороны, Россія употребляетъ всевозможныя усилія, чтобы проникнуть къ этому пути, но враждебныя племена, къ которымъ принадлежатъ ливонцы, съ ихъ глубокою ненавистью къ русскимъ, шведы и поляки, залегаютъ этотъ путь и противодѣйствуютъ всѣмъ движеніямъ русскихъ на западъ; такъ, на примѣръ, извѣстна попытка Юанна III выписать иностранныхъ художниковъ: художники, умѣльцы дѣйствительно были наняты, но ливонцы узнали объ этомъ и не пропустили ихъ въ Россію. Несмотря на такія трудныя препятствія, мы знаемъ, какъ цѣнили этотъ путь нѣсколько позже со-

временники, и тѣмъ не менѣ попытки Грознаго пробраться къ Балтійскому морю по этому пути остались также тщетными: ливонцы попрежнему не пропускали въ Россію ни умѣльцевъ, ни художниковъ, вслѣдствіе чего съ Ливоніей начиналась борьба. Ливонія вмѣшала въ свою борьбу съ Россіей и Швецію, и Данію, и Польшу. Россія противъ такихъ усилій устоять не могла, она не только не добилась до моря Балтійскаго, но даже потеряла тѣ немногія владѣнія, которыя она имѣла на этомъ морѣ (города Ямъ, Иванъгородъ и Копорье на побережьѣ Финскаго залива).

Второй путь—Литовскій, имѣлъ гораздо менѣ значенія: онъ былъ мало посѣщаемъ. Но и этотъ неважный путь, вслѣдствіе историческихъ условій, именно — постоянной борьбы съ Польшею, потерялъ для Россіи всякое торговое значеніе. Оставался такимъ образомъ одинъ только путь, самый неудобный, самый неестественный—путь Бѣломорскій, но въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка историческія условія сдѣлали его жизненнымъ путемъ для Руси того времени. Съ первой половины XVII вѣка мы замѣчаемъ другой поворотъ: враждебныя столкновения начинаютъ улаживаться, вслѣдствіе чего опять оживляется понемногу Балтійское море, и русская торговля возвращается къ давно знакомому и проторенному пути. Слѣдовательно, во второй половинѣ XVII вѣка совершается какъ будто бы подготовленіе къ тому, что должно совершиться въ XVIII вѣкѣ, какъ будто бы предчувствовалось, что въ 1703 году прорубится окно въ Европу.

За разсмотрѣнный нами періодъ мы должны прежде всего остановиться на томъ жизненномъ пути, который носилъ названіе Бѣломорскаго. Путь этотъ былъ открытъ не нами, а иностранцами. Русскіе люди не могли и сдѣлать этого открытія, потому что они жили слишкомъ вглуби материка, вдали отъ моря—открытіе Бѣломорскаго пути тѣсно связано съ тѣмъ переворотомъ, который произошелъ въ европейской торговлѣ съ открытіемъ Америки.

Открытіе новаго свѣта дало толчокъ всѣмъ государствамъ Европы, оживило предприимчивость европейцевъ и возбудило въ нихъ надежды на новыя открытія; между тѣмъ Россія оставалась въ то время внѣ этого движенія и представлялась европейцамъ еще невѣдомой азіатской страной. Открытіе для Европы Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ для насъ Бѣломорскаго торговаго пути, принадлежало

англичанамъ. Открытіе это произошло слѣдующимъ образомъ. Когда до англичанъ достигли волны этого толчка и захватили ее въ свое движеніе, большинство открытій было уже сдѣлано: Индустанъ былъ въ рукахъ португальцевъ, лучшія мѣстности Америки по своей природѣ, богатству и климату были также въ рукахъ португальцевъ или испанцевъ, и англичанамъ оставалось дѣлать открытія въ болѣе негостепріимныхъ странахъ Сѣверной Америки. Естественно, что эти открытія ихъ не удовлетворяли, они искали сдѣлать что-нибудь болѣе отважное. При такихъ условіяхъ они стали присматриваться къ тому морю Сѣверному, которое омывало ихъ берега. Географическія понятія въ то время значительно расширились, но далеко еще не установились, такъ что при первомъ взглядѣ на карту у англійскаго моряка въ половинѣ XVII вѣка могла естественно родиться мысль, что въ Индію и Китай можно проникнуть не однимъ только южнымъ путемъ, а также и сѣвернымъ. Очертаніе Сибири въ то время не было хорошо извѣстно, она представлялась менѣе выдающеюся на сѣверъ, и казалось, что сѣверный путь во всякомъ случаѣ болѣе близокъ, чѣмъ путь, гдѣ приходилось огибать мысъ Доброй Надежды. Надо замѣтить, что о Сѣверномъ океанѣ въ то время не имѣли никакого понятія, не знали, что этотъ океанъ покрытъ постоянными льдами и что пробраться чрезъ него или совершенно невозможно, а если и возможно, — такъ съ большими затрудненіями и издержками. Какъ бы то ни было, но именно съ цѣлью открыть новый путь и завести торговые сношенія съ Индіей, по обычаю того времени, въ Лондонѣ составилось общество-компанія. Такъ какъ средневѣковой духъ отчужденности, корпораціи и цеховъ еще не угасъ и продолжалъ носить на себѣ характеръ монополіи, то естественно, что это общество вытребовало себѣ также извѣстнаго рода привилегію. Общество назвало себя „Мистеріей“, т.-е. тайной, потому что проектъ этого общества содержался, конечно, втайнѣ. Во главѣ этой общины стоялъ знаменитый англійскій мореплаватель того времени, тотъ самый, который открылъ берега Новой Англии — это былъ Себастьянъ Каботъ. Въ слѣдующемъ году была снаряжена экспедиція, которая состояла изъ 3 кораблей подъ начальствомъ опытнаго моряка Виллоуби. Только сравнительно еще не давно открыты были слѣды этой экспедиціи: Виллоуби съ своими

кораблемъ былъ занесенъ къ Вайгачу и Колгуеву острову, гдѣ захваченъ былъ снѣгами и замерзъ со всѣмъ своимъ экипажемъ. Несчастныя обстоятельства для одного, сдѣлались однако счастьемъ для другого члена экспедиціи: капитанъ Ченслеръ съ своимъ кораблемъ, вслѣдствіе бури, былъ отбитъ отъ остальной экспедиціи и занесенъ въ такъ называемое „горло“, т.-е. узкую часть Бѣлаго моря; такимъ образомъ буря прибила его къ берегамъ русскаго государства. Правда, сѣверный путь въ Индію не былъ открытъ, но зато была открыта страна, которая, по признанію самихъ англичанъ, сдѣлалась источникомъ англійскаго богатства. У Ченслера была одна изъ грамотъ, разданныхъ англійскимъ королемъ Эдуардомъ VI участникамъ экспедиціи, въ которыхъ заключалось общее обращеніе къ правителямъ съ просьбою помогать его подданнымъ, если имъ какимъ-либо образомъ придется попасть въ ихъ страну, и приглашеніе открыть имъ вольный торгъ всякими товарами; съ этой грамотой мѣстный русскій воевода и отправилъ англійскаго капитана къ царю — это было въ 1553 году.

Надо знать Іоанна IV, его наклонности и стремленія, чтобы понять, какъ онъ долженъ былъ встрѣтить этого судьбою посланнаго иностраннаго пришельца: Іоаннъ IV всѣ силы употреблялъ на то, чтобы сблизиться съ западной Европой, но все-таки онъ не могъ туда проникнуть ни черезъ Литву, ни черезъ Ливонію, и теперь, когда царь готовъ былъ прійти въ отчаяніе, сама судьба принесла къ нему иноземцевъ, сближенія съ которыми онъ такъ жаждалъ. Іоаннъ обласкалъ Ченслера, сдѣлалъ ему торжественный пріемъ, и съ этихъ поръ завязались прямыя сношенія англичанъ съ Россіей. Здравый смыслъ подсказывалъ Ченслеру, что Россія можетъ сдѣлаться золотымъ дномъ для англійскаго народа; онъ воротился въ Англію и рассказалъ своимъ сообщникамъ о новомъ открытіи. Для торговыхъ сношеній съ Россіей составилось цѣлое общество, которое получило названіе русскаго общества. Компанія получила отъ своего правительства разрѣшеніе открывать новыя страны, колонизировать ихъ и торговать тамъ. Съ этою привилегіей явился къ намъ Ченслеръ и потребовалъ ея утвержденія со стороны Іоанна Грознаго. Привилегія, конечно, была подтверждена русскимъ царемъ, и англичане получили льготную грамоту „на повольный торгъ всякими товарами“; это произошло въ 1558 году, и съ тѣхъ поръ ежегодно стало при-

ходить къ С. Двинѣ до 9 англійскихъ кораблей. Размѣръ льготъ, данныхъ англичанамъ, свидѣтельствуеть о томъ, какое открытіе, какая находка заключалась для Московскаго государства въ этихъ новыхъ пришельцахъ. Во-первыхъ, англичане имѣли право безошлинно покупать товары русскіе и для этого разсылать своихъ агентовъ по всей землѣ (для удобства они могли нанимать себѣ также и русскихъ приказчиковъ); во-2-хъ, они имѣли право безошлинно торговать; въ-3-хъ, для удобства передѣлки сырыхъ матеріаловъ, англичане получили право строить фабрики; кромѣ того, они получили также позволеніе строить свои дворы, и самъ царь подарилъ имъ собственный дворъ, находившійся въ приходѣ Максима-исповѣдника (на Варваркѣ): здѣсь начался знаменитый англійскій дворъ, бывший самымъ главнымъ и богатымъ въ Москвѣ очень долгое время. Помимо этого двора, англичане открыли и другіе торговые склады въ важнѣйшихъ промышленныхъ пунктахъ на томъ пути, по которому должны были итти англійскіе товары, — путь этотъ велъ изъ Москвы къ Бѣлому морю по Сѣверной Двинѣ. Именно Вѣломорскимъ путемъ обуславливается появленіе двухъ торговыхъ пунктовъ: во-первыхъ, неподалеку отъ устья Двины значительнаго поселенія русскаго Холмогоръ, потомъ уже при самомъ устьѣ Двины — Архангельска. Наконецъ, былъ основанъ третій торговый пунктъ — Вологда, вполнѣдствіи получившій довольно важное значеніе по нагрузкѣ, перегрузкѣ и отправкѣ товаровъ; изъ этого назначенія Вологды видно, что отсюда начинался волокъ. Англичанамъ позволено было также строить дворы и въ другихъ городахъ, и они дѣйствительно воспользовались этимъ правомъ въ 8 городахъ русскихъ, въ томъ числѣ въ Новгородѣ, Ярославлѣ, Костромѣ, Устюгѣ и т. д. Такимъ образомъ англичане, пользуясь своею большою опытностью въ активной торговлѣ, фабричнымъ превосходствомъ и возможностью добывать товары западные, пользуясь тѣмъ, что они были открывателями, получили важныя привилегіи, и очень естественно, что они занялись эксплуатаціей силъ и средствъ этой страны; они старались держать русскую торговлю въ своихъ рукахъ и, слѣдовательно, дѣлали съ Россіей то же самое, что ганзейцы дѣлали съ ними въ Лондонѣ.

Не довольствуясь одною Россіей, англичане старались черезъ Россію проникнуть и въ другія страны: съ этою цѣлью, между про-

чимъ, англичанинъ Дженкельсонъ испросилъ у русскаго царя позволеніе пробраться въ Шемаху, Персію и даже Китай. Конечно, надежды ихъ оказались совершенно несбыточными, и экспедиція окончилась полной неудачей. Послѣ этой попытки англичане еще съ большей энергіей принялись эксплуатировать силы и средства русской страны.

Привилегіи эти, вызванныя необходимостью, обременительныя для русскаго народа и чрезчуръ непріятныя для народной гордости, не могли назваться нормальными, а потому онѣ нарушались постоянно (съ обѣихъ сторонъ).

Русскіе купцы, естественно, видѣли въ иностранцахъ, пользовавшихся привилегіями, своихъ самыхъ опасныхъ враговъ и конкурентовъ, опиравшихся на покровительство московскихъ властей, на беспошлинную торговлю и, кромѣ того, на свойственное западно-европейскимъ людямъ правильное и твердое общинное устройство. Англичане дѣйствовали компаніей, — дружно и единодушно, совершенно такъ же, какъ въ былыя времена ганзейцы, и англійское правительство запрещало всякому другому англичанину безъ разрѣшенія „Мистеріи“ отправляться въ Бѣлое море, потому что оно считалось монополіей лондонской компаніи (по льготной грамотѣ Ивана Грознаго 1557 г.). Пользуясь всѣмъ этимъ, англичане продавали свои товары очень дорого, особенно частнымъ купцамъ; даже въ казну, несмотря на условіе, отпускали товары не по заморской цѣнѣ т.-е. по той, по какой они продавались въ собственномъ ихъ отечествѣ, а по значительно высшей. Съ другой стороны, они старались покупать какъ можно дешевле товары русскіе, съ этой цѣлью англичане разсылали повсюду своихъ агентовъ, которые входили въ прямыя сношенія съ мелкими скупщиками и отбивали товаръ у русскихъ оптовыхъ торговцевъ.

Русскіе купцы часто пытались конкурировать съ англійскими, но всѣ попытки ихъ кончались очень неудачно. Они неоднократно привозили свои товары въ Архангельскъ, но англичане сговаривались за товаръ, привозимый русскимъ купцомъ, давать низкія цѣны, а такимъ образомъ послѣднему приходилось или продавать товары себѣ въ убытокъ, или вести все назадъ. Въ то же время было чрезвычайно рѣдкимъ явленіемъ, чтобы русскій купецъ, не знавшій языковъ, отправлялся за границу, тѣмъ болѣе, что какъ англичане,

такъ и голландцы, которые впоследствии выдвигаются рядомъ съ англичанами, для лучшей эксплуатаціи употребляли всевозможныя средства, чтобъ не пускать русскихъ купцовъ за предѣлы своей земли, хотя еще въ 1557 г. за подданными Московскаго царя было признано право свободной торговли во всемъ англійскомъ государствѣ съ освобожденіемъ отъ уплаты сборовъ и провозныхъ пошлинъ. Купцу легко было отправиться за море и вообще въ западную Европу лишь въ томъ случаѣ, когда онъ былъ въ посольствѣ; въ противномъ случаѣ ему трудно было даже найти корабль для далекаго плаванія.

Русскіе, самую природою отдѣленные отъ моря, не могли безъ особыхъ усилій сдѣлаться искусными мореплавателями. Судостроеніе въ то время было весьма неразвито и особенно на далекомъ Бѣломъ морѣ; суда строились небольшія, которыя ограничивались тѣмъ, что ходили около береговъ, промыслия ловлей; кораблей же, удобныхъ для далекаго плаванія, вовсе не было. Въ народѣ и правительствѣ тогда еще не могло явиться сознаніе необходимости завести торговый флотъ, и если въ наше время, при нашихъ средствахъ и образованіи, Россія далеко еще не достигла въ этомъ отношеніи видимыхъ успѣховъ, то естественно, что въ XV и XVI вѣкахъ не представлялось даже возможности существованія торговаго флота.

Несмотря на всѣ препятствія, русскіе купцы, какъ мы говорили выше, пытались тѣмъ не менѣе проникнуть за море. Намъ извѣстенъ одинъ случай подобнаго появленія русскаго купца въ западной Европѣ: одинъ московскій торговый человѣкъ, ярославецъ Антонъ Лаптевъ, съ цѣлымъ кораблемъ товара явился въ Амстердамъ; купцы этого города единодушно сговорились не покупать у него товара, и купцу пришлось ѣхать назадъ съ нераспроданнымъ товаромъ, потерпѣвъ громадныя убытки и потративъ даромъ много времени. Русскіе упрекали за это голландцевъ, но тѣ прямо говорили имъ, что ихъ цѣль никакъ не допустить московскихъ купцовъ до источника тѣхъ заморскихъ чудесъ, которыя они сами привозили въ Московію.

Понятно, что это была система эксплуатаціи, которая производится всегда народомъ болѣе развитымъ, подвижнымъ и занимающимся морской торговлей — народа менѣе развитаго, менѣе под-

вижнаго и ведущаго сухопутную торговлю¹⁾. Для русскаго народа нужны были громадныя усилія, чтобы сбросить съ себя это тяжкое иго, и мы увидимъ въ послѣдствіи, что русскій народъ успѣлъ совершить это.

Между русскими и англичанами начали происходить столкновенія въ слѣдствіе денежныхъ дѣлъ: долговъ, частныхъ банкротствъ англичанъ и привилегій, щедро расточаемыхъ имъ государями русскими. Іоаннъ Васильевичъ Грозный довель свое покровительство англичанамъ до крайности. Онъ крѣпко держался разъ установленной политики, тѣмъ болѣе, что къ этому присоединялись особые политическіе виды: у него являлась мысль о необходимости выѣхать изъ Россіи. Извѣстно, что въ послѣдніе годы онъ, опасаясь крамоль боярскихъ, спрашивалъ у Елизаветы позволенія поселиться въ Англіи, въ случаѣ, если ему придется удалиться изъ родины, — вотъ почему онъ такъ дорожилъ Англіей и давалъ ей такія выгодныя привилегіи²⁾. Когда онъ умеръ, то враги англійскихъ привилегій не безъ удовольствія узнали объ этомъ, и одинъ изъ нихъ замѣтилъ: „ну, теперь умеръ англійскій царь!“ Борисъ Годуновъ, продолжавшій политику Іоанна IV, — политику, опирающуюся на сближеніе съ иностранцами, уже менѣе дорожилъ англичанами³⁾

1) Подобной эксплуатаціи англичане долгое время подвергали Португалію и др. народы.

2) Однако и Іоаннъ IV долженъ былъ уже ограничить нѣкоторыя привилегіи англичанъ, злоупотреблявшихъ своимъ исключительнымъ монопольнымъ положеніемъ и возбуждавшихъ противъ себя тѣмъ самымъ слишкомъ большое неудовольство русскихъ купцовъ: такъ онъ ограничилъ число городовъ, въ которыхъ англичане могли торговать, и обязалъ ихъ платить половину таможенной пошлины.

3) Какъ только въ Архангельскѣ былъ открытъ морской портъ, на ряду съ англичанами стали появляться въ немъ и представители купечества другихъ иностранныхъ державъ — преимущественно голландскіе и нѣмецкіе купцы, всегдашніе конкуренты англичанъ въ торговлѣ. Явившійся въ то время, когда на устьяхъ Сѣв. Двины уже прочно утвердились англичане, они, естественно, не могли соперничать первое время съ англичанами: получивъ меньше льготъ и привилегій, они часто даже принуждены были прибѣгать къ посредничеству англичанъ при покупкѣ русскихъ товаровъ. Недовольные такимъ положеніемъ, они всѣми средствами старались подорвать монопольную торговлю англичанъ; съ этой цѣлью они убѣждали московское правительство въ невыгодности торговли съ англичанами, которые сбываютъ русскимъ чужіе товары и берутъ за нихъ баснословныя цѣны; они пытались также возобновить закрывшійся запад-

и нѣсколько стѣснялъ ихъ привилегіи: напр., онъ отнялъ у нихъ право держать русскихъ приказчиковъ, подѣ тѣмъ предложомъ, что они употребляли ихъ для политическаго шпіонства, запретилъ разсылать закупщиковъ по городамъ, продавать врозницу, брать съ собою чужіе товары и т. д.

Въ смутное время у насъ никакой торговой дѣятельности не могло производиться, а велѣдъ за нашимъ смутнымъ временемъ начинается смутное время въ Англійи и борьба короля съ парламентомъ, которая тоже должна была мѣшать извѣстнымъ образомъ торговлѣ. Но какъ только русское государство послѣ испытанія стало поправляться, у него явилось еще большее желаніе освободиться отъ англійской опеки.

Мы видимъ, что отношенія эксплуатируемыхъ къ эксплуататорамъ опредѣляются все болѣе и болѣе. Въ 1642 году, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, во время знаменитаго земскаго собора русскіе купцы въ своемъ мнѣніи, поданномъ царю и думѣ, прямо выясняютъ свой взглядъ на это отношеніе; они говорили, что совсѣмъ обнищали и что ихъ привилегіи ничего не значатъ предѣ тѣми, которыми пользуются гости иностранные: кизильбашскіе (т.-е. персидскіе),

---

ный путь — провозить свои товары въ Россію чрезъ Ревель, Ригу и Дерптъ. Въ свою очередь, ставили англійской торговлѣ препятствія и сосѣднія съ Россіей державы изъ боязни политическаго усиленія Московскаго государства: напр., пытались задерживать проходъ въ Бѣлое море англійскихъ кораблей, дабы они не провозили въ Московское государство оружія и военныхъ припасовъ. Московское правительство, отдавая первенство англичанамъ, какъ первымъ пионерамъ въ заморской торговлѣ, начиная съ Ѳеодора Іоанновича, пытается однако оградить права торговцевъ и другихъ націй: напр., когда Елизавета англійская потребовала жалованной грамоты на исключительную торговлю въ Россіи обществу лондонскихъ купцовъ, Ѳеодоръ отвѣчаетъ: „предѣлы Россіи открыты для вольной торговли всѣхъ народовъ, сухимъ путемъ и моремъ. Къ намъ ѣздятъ купцы султановъ, цесарскіе, испанскіе, нѣмецкіе, французскіе, литовскіе, персидскіе, бухарскіе, хивинскіе, шемахинскіе и многіе другіе, такъ что можемъ обойтись и безъ англичанъ и, въ удобность имъ, не затворимъ дорогъ въ свою землю“. При Борисѣ въ 1603 г. Ганзѣ дается специальная жалованная грамота на торговлю въ Архангельскѣ, и черезъ годъ сюда приходятъ гамбургскіе корабли. Датчане и голландцы при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ дѣлаются опасными конкурентами англичанъ и ненавидимыми ихъ врагами; конкурируютъ съ англичанами въ Архангельскѣ болѣе или менѣе успѣшно бременцы, любчане, гамбурцы, французы, нѣмцы и норвежцы.

нѣмецкіе и англійскіе; иностранцы, по ихъ словамъ, „оголодили“ русскую землю. Черезъ 4 года русскіе купцы вновь подаютъ челобитную царю; они жалуются на то, что иноземные купцы не исполняютъ своихъ обязательствъ: торговать у Архангельска и въ городахъ Московскаго государства дозволено было лишь 23 англичанамъ, а ихъ стало прѣвзжать 60—70 и больше; русскіе купцы, желая сдѣлаться исключительными посредниками между иностранными торговцами и русскими производителями и потребителями, жалуются на иностранцевъ, которые не обмѣниваютъ своихъ товаровъ на русскіе въ Архангельскѣ, а непосредственно развозятъ ихъ по государству, искусственно поднимая цѣну на заморскіе товары и роняя ее на русскій товаръ, который они непосредственно скупаютъ у мелкихъ торгашей и увозятъ беспошлинно въ свои земли. Русское купечество мечтаетъ о томъ, чтобы выпроводить иноземныхъ торговцевъ изъ внутреннихъ городовъ Россіи, уничтожить ихъ конторы и вообще „загородить накрѣпко дыру“, продѣланную ими въ русскую землю. Результатъ этого настроенія купеческаго сословія сказался очень скоро; именно, въ царствованіе Алексѣя Михайловича въ правительствѣ является убѣжденіе, что такія привилегіи теперь опасны и вредны и что ихъ надо отнять. Недоставало только благовиднаго предлога.

Въ 1649 году англійская революція окончилась смертью на эшафотѣ короля Карла I, и такъ какъ Россія была представительницей неограниченнаго монархическаго правленія, то правительство воспользовалось этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы прервать сношенія съ англійскою республикой. Англичане въ томъ же году были лишены своихъ привилегій подъ тѣмъ предлогомъ, что „они великое злое дѣло учинили: добраго короля своего Карлуса до смерти убили“. Англичанамъ послѣ этого, хотя и было дозволено торговать, но уже не въ тѣхъ обширныхъ размѣрахъ, какъ это было прежде. Они имѣли право посѣщать только одинъ Архангельскъ (во внутренніе города они имѣли право ѣздить лишь по особымъ государевымъ грамотамъ, со взысканіемъ особыхъ дополнительныхъ сборовъ); торговать и оптомъ и врозницу они не имѣли права: имъ была предоставлена одна только оптовая продажа какъ въ казну, такъ и въ частныя руки. Такимъ образомъ, у иностранцевъ отняли возможность конкурировать съ русскими купцами во внутренней дѣятельности.

Торговые уставы, издававшіеся одинъ за другимъ, показали, что правительство Алексѣя Михайловича дѣйствительно заботилось о развитіи національной торговой дѣятельности. По таможенному уставу при продажѣ и покупкѣ на иностранныхъ гостей налагалась пошлина, значительно превышавшая пошлину, платимую русскими купцами, и сверхъ того постоянно возраставшая. Такъ, по уставу, 1653 года иноземцы должны были платить 12 денегъ пошлинъ, т.-е. 6⁰/₀, а уставъ 67-го года еще болѣе увеличиваетъ эту пошлину — до 20 денегъ, т.-е. до 10⁰/₀; кромѣ этой таможенной пошлины, присоединялись еще и нѣкоторыя другія: напр., если купецъ не распродалъ своего товара и увозилъ его обратно, то онъ платилъ еще отъѣздную пошлину. Такимъ образомъ, зависимость западно-европейскихъ эксплуататоровъ въ главныхъ чертахъ была сброшена уже въ половинѣ XVII столѣтія, т.-е. менѣе, чѣмъ черезъ 100 лѣтъ послѣ ея начала. Отъ иностранныхъ посредниковъ заморская торговля постепенно переходитъ въ руки „гостей“ т.-е. богатыхъ русскихъ капиталистовъ-скупщиковъ; для правильнаго веденія дѣла начинаютъ составляться даже спеціальныя торговыя книги, нѣчто въ родѣ современныхъ биржевыхъ бюллетеней, гдѣ сообщаются свѣдѣнія о рыночныхъ цѣнахъ въ Москвѣ, о стоимости провоза товара до Архангельска и о существующихъ за границей цѣнахъ.

✓ Въ XVII столѣтіи выдвигается путь западный, и торговля какъ будто снова вступаетъ на прежніе пути своего движенія.

Снова выдвигается Новгородъ, дѣлающійся главнымъ центромъ торговли металлическими товарами, доставляемыми шведами; Псковъ, который становится главнымъ сосредоточеніемъ торговли льномъ и пенькою, доставляемыхъ изъ придвинскихъ и приднѣпровскихъ странъ для отправки въ Германію и другіе города.

Ганзейскія, нѣмецкія, датскія и голландскія суда начинаютъ появляться у береговъ Финскаго залива. Въ этой торговлѣ русскимъ мѣшало то обстоятельство, что съ одной стороны Ливонія, принадлежащая Польшѣ, съ другой Швеція отрѣзывали путь къ морю, но съ половины XVII столѣтія эти мѣстности начинаютъ снова оживляться, и путь Балтійскій приобретаетъ значеніе, какъ будто предсказывая будущее направленіе заграничной русской торговли.

Путь Бѣломорскій за описываемый періодъ, болѣе часто посѣ-

щаемый купцами, остается однако важнѣйшимъ торговымъ путемъ, а потому мы должны болѣе всего остановиться на немъ.

Несмотря на всѣ неблагопріятныя условія нашей бѣломорской торговли, результатомъ ея было необыкновенное оживленіе всего Бѣлаго моря. Мы можемъ сказать, нисколько не преувеличивая, что оно было въ то время гораздо болѣе населено и представляло въ XVI и XVII вѣкахъ болѣе оживленный видъ и болѣе кипучую торговую дѣятельность, чѣмъ въ наше время; сѣверный край Россіи быстро выдвигается впередъ, получаетъ новое, не виданное до тѣхъ поръ торговое значеніе, и съ прекращеніемъ торговли съ англичанами такъ же быстро падаетъ, какъ быстро поднялся.

Города обширнаго сѣвера, теперь большею частію представляющіе лишь незначительныя мѣстности, въ XVI и XVII вѣкахъ, особенно въ первой половинѣ XVII, были важнѣйшими торговыми и промышленными центрами Россіи—и этимъ они были обязаны торговлѣ съ иностранцами.

Главный путь англійскій, какъ мы говорили, опредѣлялся тѣми пунктами, изъ которыхъ исходила и гдѣ оканчивалась эта торговля, т.-е. устьемъ Двины и Москвою. Главнымъ пунктомъ у устья былъ городъ Холмогоры, теперь незначительный, тогда же въ XVI вѣкѣ игравшій большую роль.

Прежде товары англійскіе привозились въ Холмогоры, впоследствии удобства заставили перенести торговлю поближе къ морю въ Архангельскъ. Тутъ, у устья Двины, находился бѣдный малоизвѣстный архангельскій монастырь, около котораго была устроена корабельная пристань. Въ 1584 году монастырь былъ обнесенъ стѣною; за стѣною выстраиваются зданія для купцовъ и чиновниковъ царскихъ, вокругъ монастыря начинаютъ поселяться, и мало-по-малу является цѣлый городъ Архангельскъ, который дѣлается сосредоточіемъ заморской торговли. Торговля шла изъ различныхъ мѣстностей, и товары большею частію всѣ попадали въ руки англійскихъ агентовъ, которые по порученію своей компаніи развѣзжали повсюду и скупали ихъ. Благодаря этому торговому движенію около Архангельска, и по всему Сѣвѣру возникаетъ рядъ городовъ, которые теперь не имѣютъ никакого значенія, но въ то время играли большую роль, какъ, напримѣръ: Яренскъ, Усть-Сысольскъ, Устюгъ Великій, Тотма, Бѣлоозеро и многіе другіе, которые вели посред-

ствующую торговую дѣятельность. Главнымъ дѣятелемъ по отправленію и доставкѣ товаровъ остается Москва, купцы которой рассылаютъ своихъ приказчиковъ, тѣ скупаютъ товары и везутъ ихъ въ Архангельскъ.

Торговый путь сначала шелъ посуху; тамъ, гдѣ начиналась С. Двина, онъ замѣнялся воднымъ, — болѣе удобнымъ и болѣе дешевымъ. Водный путь и теперь не потерялъ своего значенія, потому что онъ и теперь остается хотя медленнѣе, но зато самымъ дешевымъ путемъ. Естественно, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ сухопутный путь смѣнялся на водный, долженъ былъ возникнуть важный торговый пунктъ. Въ то время отъ Москвы до С. Двины былъ только одинъ правильный почтовый путь — ямской¹⁾, на немъ было 14 ямовъ или станцій, и чрезъ нихъ товары приходили въ этотъ важный торговый пунктъ, развившійся на С. Двинѣ. Это былъ городъ Вологда. Въ XV вѣкѣ, когда только началась торговля, онъ не имѣлъ значенія, и бывшіе тамъ иностранцы отзывались о немъ какъ о бѣдномъ и незначительномъ городѣ, но въ половинѣ XVII вѣка онъ быстро развивается, благодаря своему выгодному положенію на оживленномъ торговомъ пути между Москвою и Архангельскомъ. Въ старинныхъ извѣстіяхъ говорится, что „Вологда разукрасилась“, множество церквей свидѣтельствуютъ о благосостояніи жителей, и вологодское купечество играетъ весьма важную посредствующую роль между московскими и архангельскими, а слѣдовательно, и англійскими купцами. Въ Вологду обыкновенно сходились товары изъ разныхъ мѣстъ: какъ изъ Москвы, такъ и изъ другихъ городовъ. Здѣсь товары въ теченіе зимы хранились въ особо устроенныхъ для того складахъ.

Съ весны начиналось оживленное плаваніе по С. Двинѣ, и на рѣкѣ можно было видѣть массу самыхъ разнородныхъ судовъ: па-

¹⁾ Инициатива устройства правильныхъ почтовыхъ сношеній принадлежить также иностраннымъ торговцамъ. Первоначально ямскія учрежденія служили исключительно потребностямъ государства, т.-е. для административныхъ сношеній, и ими пользовались лишь по мѣрѣ надобности. Частныя лица не могли пользоваться казенными „ямами“, и московское правительство отказывало даже въ этомъ англійскимъ купцамъ, несмотря на ихъ многочисленныя просьбы въ XVI вѣкѣ. Только при Алексѣѣ Михайловичѣ (въ 1663 г.) удалось добиться устройства специальной „купеческой“ почты, при чемъ иностранцы сами должны были организовать и завѣдывать ею, независимо отъ ямскаго приказа, наблюдавшаго за казенными „ямами“.

сады, струги и, наконецъ, самыя большія суда — дощаники. Суда эти были какъ русскія, такъ и иностранныя; когда англичанамъ было дозволено торговать внутри государства и отправлять повсюду свои товары, нѣсколько десятковъ ихъ дощаниковъ плавало по Двинѣ, они имѣли даже привелегію рубить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лѣсъ для постройки судовъ.

Движеніе происходило кабельстоннымъ способомъ или болѣе простымъ и естественнымъ: бурлаки тянули суда бечевою (лямкой), и бурлацкая пѣсня въ то время чаще слышалась по Двинѣ, чѣмъ по Волгѣ въ настоящее время. Съ ранней весною караваны судовъ съ товарами отправлялись въ Архангельскъ; но плаваніе было медленное, и товары рѣдко приходили въ Архангельскъ ранѣе половины лѣта, а иногда и къ концу его. Къ тому же времени (къ августу-сѣтяцѣ) прибывали англійскіе корабли съ заморскими товарами. Торговля Архангельска XVII вѣка носить ярмарочный характеръ и весьма напоминаетъ ярмарочную нижегородскую торговлю. Нижегородская ярмарка начинается въ августъ мѣсяцъ, и ярмарочные сроки, назначаемые правительствомъ, не удовлетворяютъ нуждамъ торговцевъ. То же самое можно сказать объ Архангельскѣ, гдѣ товары какъ съ одной, такъ и съ другой стороны, являлись очень поздно, такъ что времени, назначаемого правительствомъ (официально ярмарка начиналась въ іюнѣ и сканчивалась 1-го сентября), было недостаточно для сбыта и обмѣна товаровъ, и потому дозволена была распродажа товаровъ, которая продолжалась вплоть до поздней осени; точно также и въ Нижнемъ Новгородѣ торговля начинается, равно какъ и кончается, позднѣе официальныхъ сроковъ.

Торговля заморскихъ купцовъ обыкновенно производилась при слѣдующихъ условіяхъ.

Корабли коммерческіе сопровождались кораблями военными, такъ какъ морскіе пути были небезопасны; военные корабли не имѣли права входить въ устье Двинское. Для избѣжанія контрабанды и вообще обмана и злоупотребленій со стороны иноземцевъ русское правительство устраивало въ устьѣ укрѣпленіе, гдѣ помѣщалась сторожка съ отрядомъ стрѣльцовъ для осмотра кораблей. Стрѣлецкій голова или довѣренное его лицо долженъ былъ отправляться для осмотра товара. Капитанъ корабля обязанъ былъ подавать о своихъ товарахъ записку или память (какъ она называлась въ то

время); съ памяти снималась копія, и стрѣлцкій голова препровождалъ ее къ таможенному чиновнику. Затѣмъ корабль могъ подойти къ пристани, гдѣ для болѣе подробнаго осмотра товаровъ являлся таможенный чиновникъ и къ нему на помощь гости, преимущественно московской гостиной и суконной сотень, смотрѣть, чтобы въ числѣ товаровъ не было товаровъ заповѣдныхъ, чтобы иностранцы не привозили табаку и не вывозили изъ Россіи „зелья“ (пороха), селитры — вообще, всего, что нужно было для насъ самихъ. Русскіе купцы были обязаны закономъ собирать извѣстную пошлину, взвѣшивая или взмѣривая товаръ или приблизительно опредѣляя его по глазомѣру; также они обязаны были наблюдать за порядкомъ торговли, чтобы не было сваръ. Наконецъ, всѣмъ товарамъ привезеннымъ и проданнымъ должны были вести торговую запись, которая по окончаніи торговли посылалась въ Москву въ приказъ, гдѣ она и провѣрялась; съ 1667 г. на иностранные товары стали накладывать своего рода фабричное клеймо, дабы предотвратить сбытъ дурныхъ товаровъ и ихъ поддѣлку.

Для того, чтобы не было никакого сопротивленія распоряженіямъ купцовъ, подъ ихъ властью находился постоянно сильный отрядъ стрѣльцевъ (ярмарочная полиція). Иностранный корабль, подъѣзжая къ пристани, осматривался снова стрѣлцкимъ головою и его помощникомъ, и всѣ товары, которые оказывались лишними по записи, конфисковались.

Продажа производилась различнымъ образомъ: иногда русскіе купцы являлись на корабль, и торгъ производился тутъ же—на палубѣ, иногда же товары выгружались на берегъ и тамъ продавались.

Такъ какъ русскимъ купцамъ нужны были товары заморскіе и вмѣстѣ съ тѣмъ деньги, такъ какъ общей единицы у англичанъ и русскихъ не было, то естественно, что торговля получала больше характеръ мѣны товаровъ на товаръ. Мѣновой характеръ торговли значительно содѣйствовалъ тому, что товары могли доставаться за дешевую и выгодную для обѣихъ сторонъ цѣну.

Это все была торговля офиціальная¹⁾, но въ Архангельскѣ велась

¹⁾ Въ половинѣ XVII в. правительство собирало до 75000 руб. таможеннаго сбора; такъ какъ высшая пошлина была 10%, то изъ этого слѣдуетъ, что въ Архангельскѣ (единственный морской портъ въ то время) ежегодно обрабатывалось товаровъ не менѣе, чѣмъ на 750.000 руб.

также въ обширныхъ размѣрахъ еще торговля закулисная, безпошлинная (контрабандная), производившаяся тайкомъ. Архангельскіе купцы ночью въ своихъ лодкахъ подъѣзжали къ англійскимъ кораблямъ и покупали разные товары по болѣ дешевой цѣнѣ и безъ пошлины; иной разъ они покупали даже и заповѣдные товары, какъ, напримѣръ, „мерзкое зелье еже есть табакъ“.

Въ существенныхъ чертахъ своихъ товары, вывозимые изъ Руси и получаемые Русью, и въ этотъ періодъ нашей торговли не могли измѣниться и не измѣнили своего характера: такое же обиліе сырыхъ произведеній при несостоятельности и неразвитости русской промышленной дѣятельности встрѣчаемъ мы на русской сторонѣ, такое же обиліе продуктовъ, обработанныхъ, обдѣланныхъ, вообще мануфактурныхъ — со стороны иностранцевъ. Мы видимъ такимъ образомъ, какъ трудно и тяжело идетъ это развитіе впередъ, какъ страна, благодаря своему невыгодному положенію, своей суровой природѣ и малонаселенности, не можетъ выйти изъ первыхъ ступеней общественной дѣятельности и лишь постепенно, очень медленными шагами усваиваетъ себѣ дальнѣйшія ступени прогресса. Сравнивая періодъ, нами теперь разсматриваемый — періодъ московскій съ періодомъ предыдущимъ — татарскимъ, мы замѣтимъ, что Востокъ еще не теряетъ для насъ своего значенія: восточные товары во многихъ случаяхъ являются преобладающими, а вмѣстѣ съ восточными товарами восточные вкусы, восточные обычаи, хотя, съ другой стороны, съ каждымъ годомъ чувствуется все болѣе и болѣе естественное тяготѣніе къ западной Европѣ, чувствуется сознание себя европейцами или, по крайней мѣрѣ, сознание своего звѣстнаго родства съ западными европейцами.

Товары, которые англичане добывали въ Россіи и которые имѣли для нихъ существенно важное значеніе, заключались, какъ мы уже сказали, главнымъ образомъ въ массѣ сырыхъ произведеній нашей сѣверо-восточной страны и преимущественно въ мѣхахъ, вывозившихся ими въ громадномъ количествѣ, тѣмъ болѣе, что страна, ихъ доставлявшая, оказывалась совершенно неистощимою въ этомъ отношеніи. Однако, чѣмъ болѣе распространялась цивилизація въ этомъ заброшенномъ углу Европы, чѣмъ болѣе человѣкъ русскій проникалъ съ юга на сѣверъ, тѣмъ болѣе исчезали передъ нимъ непроходимые лѣса и дремучіе боры, которыми когда-то былъ

покрыть весь сѣверо-востокъ русскій; чѣмъ болѣе добывалось земли для обрабатыванія и земледѣлія, тѣмъ, конечно, все болѣе и болѣе исчезали передъ русскими, какъ исчезаютъ теперь краснокожіе передъ американцами или индусы передъ англійскимъ племенемъ, различныя финскія племена, вмѣстѣ съ которыми исчезаетъ и пушное четвероногое населеніе изъ этихъ мѣстностей. Хотя еще и въ XVII вѣкѣ мы встрѣчаемся съ добычею бобровъ и выдръ подъ самую Москву, но уже этотъ промыселъ составляетъ слабый, доживающій свой вѣкъ остатокъ старины; пушное богатство начинаетъ слабѣть даже на сѣверѣ, гдѣ было прежде такое обиліе звѣря, что существовало повѣрье, что въ этихъ мѣстностяхъ звѣри падали съ облаковъ и разбѣгались по землѣ: тутъ и предприимчивый новгородецъ успѣлъ наложить свою руку, здѣсь побывалъ уже и московскій купецъ, — однако мѣха, этотъ главный предметъ отпуска, попрежнему еще ввозились за границу въ огромномъ количествѣ.

Какая же причина могла поддержать и даже, пожалуй, увеличить добычу пушныхъ звѣрей и торговлю ими, когда, какъ мы уже выше сказали, пушное богатство начинало было истощаться въ Россіи въ XV и XVI столѣтіяхъ? Причина эта заключалась въ открытіи въ концѣ XVI вѣка новаго источника этого богатства.

Если въ началѣ XVI вѣка западная Европа розыскала себѣ мѣсто для выселенія своихъ негосударственныхъ людей — своихъ казаковъ, розыскала свое золотое дно, которое манило и своими неисчерпаемымъ богатствомъ, и своею первобытною природою, и своею исполненною всевозможныхъ приключеній, затѣйливою жизнью то у насъ открылось такое же золотое дно, и открылось оно теми же авантюристами, какъ и на западѣ, — казаками. Рѣчь идетъ о Сибири или, лучше сказать, о той невѣдомой странѣ, которая лежала за Каменнымъ поясомъ и которая не имѣла даже общаго названія, такъ какъ подъ именемъ Сибири была извѣстна только нѣкоторая часть этой страны, и только позднѣе она сдѣлалась извѣстною подъ этимъ именемъ: названіе части было перенесено на цѣлое. Здѣсь не мѣсто говорить о томъ, какъ совершалась колонизація Сибири, какъ велась упорная борьба съ инородцами сопровождавшаяся со стороны казаковъ изумительными подвигами и личной предприимчивости и неукротимой энергіи, нисколько не уступающими подвигамъ западныхъ выходцевъ, о томъ, какъ пред-

примчивые авантюристы добрались вплоть до Великаго океана, — для насъ важно одно, что Сибирь, которая до сихъ поръ еще такъ мало заселена, до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ представляетъ нетронутыя природныя богатства, въ тѣ времена могла представляться неисчислимымъ запасомъ произведеній сѣверной природы. Главное, что манило русскихъ людей, что заставляло ихъ идти все далѣе въ глубь страны и „все новыя и новыя землицы добывать великому государю“, — было богатство мѣховое. Здѣсь первые русскіе выходцы могли добывать себѣ за самыя ничтожныя продукты нашей неразвитой промышленности богатство необыкновенное, неслыханное, потому что инородцы гораздо болѣе дорожили этими зауральскими произведеніями европейской жизни, чѣмъ своими цѣнными мѣхами. Сравнительно еще не такъ давно бывали случаи, что инородцы за такія вещи, какъ, напримѣръ, топоръ, давали столько своихъ дорогихъ соболиныхъ мѣховъ, сколько собольихъ шкурѣкъ пролѣзало въ отверстіе топорща (что вообще показываетъ, въ какомъ младенческомъ состояніи находилась торговля, если употреблялся такой несовершенный способъ мѣны). Такъ какъ московское правительство въ то время отождествляло себя извѣстнымъ образомъ съ государствомъ, и царь смотрѣлъ на всѣ эти „новыя землицы“, какъ на свое собственное помѣстье, то естественно было, что и добыча мѣховъ была поставлена подъ непосредственный правительственный надзоръ, и что торговля ими, представлявшая для московскаго правительства одинъ изъ главныхъ источниковъ обогащенія, была подвержена большимъ стѣсненіямъ, чѣмъ торговля какими-нибудь другими предметами; такъ, мы знаемъ, что московскіе купцы не имѣли права покупать мѣха у инородцевъ прежде сбора ясака, который обыкновенно выплачивался натурою, и преимущественно же мѣхами, и только когда правительственные сборщики осмотрѣли всю пушину, находящуюся у инородцевъ, и отобрали самыя лучшія товары въ казну государеву, тогда только эти послѣдніе могли продавать остальную добычу московскимъ гостямъ, а чтобы не было никакого обмана со стороны инородцевъ, которые могли бы утаивать отъ сборщиковъ самыя дорогіе мѣха, и такъ какъ вообще было весьма трудно, даже почти невозможно, усмотрѣть за правильной продажей мѣховъ въ юртахъ, то купцамъ совѣмъ запрещалось ѣздить по юртамъ и тамъ вымѣнивать мѣха, а дозволялось покупать только

тѣ, которые привозились инородцами на базаръ въ городъ. Безъ всякаго сомнѣнія, значительная часть этихъ постановленій не исполнялась, и для московскихъ гостей торговля съ Сибирью, не смотря на всѣ стѣсненія, была очень выгодна и прибыльна.

Алтайскія горы съ ихъ богатыми золотыми россыпями были открыты и стали разрабатываться только въ позднѣйшее время. При той бѣдности въ благородныхъ металлахъ, которая наблюдалась въ Московскомъ государствѣ, происходившей отчасти и отъ неумѣнія ихъ обработки, отчасти и отъ недостатка въ самихъ металлахъ, хозяйство наше оставалось не столько денежнымъ, сколько натуральнымъ; вслѣдствіе такого порядка вещей, происходившаго, какъ мы уже сказали, отъ недостатка въ деньгахъ, какъ мѣновыхъ единицахъ, нужно было найти какой-нибудь другой предметъ, могущій съ успѣхомъ замѣнить собою всеобщую мѣновую единицу. Такою мѣвною единицею въ XVI и XVII вѣкахъ являются у насъ мѣха, которые, какъ денежные единицы, начали было уже выходить у насъ изъ употребленія — вмѣсто прежнихъ „кунъ“ явились было татарскія „деньги“, но вотъ открылся новый источникъ такого же богатства, и мѣха, какъ мѣновыя единицы, опять пошли въ ходъ; понятно, что они не составляли теперь, какъ прежде, денегъ въ буквальномъ смыслѣ слова, ихъ не считали деньгами, но, съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что мѣха во многихъ случаяхъ вполне замѣняли деньги: отправлялся ли, напримѣръ, русскій посолъ за границу, ему вмѣсто денегъ выдавались мѣха, приходилось ли московскому правительству производить заграничныя платежи, оно уплачивало ихъ также мѣхами; вообще можно сказать, что мѣха, въ особенности дорогіе соболиныя, представляли собою крупную счетную единицу, нѣчто въ родѣ нашихъ ассигнацій. (Изъ всего вышесказаннаго, мы можемъ видѣть, какъ иногда условія заставляютъ народъ какъ бы возвращаться назадъ, какъ бы повторять прежнее.) Соболиныя шкурки нанизывались обыкновенно по 40 штукъ, отсюда и велся счетъ сороками; сорокъ соболей были различнаго достоинства, и поэтому мы часто встрѣчаемъ узаконенія на то, что такому-то дано столько-то сороковъ соболей добрыхъ, т.-е. хорошихъ, такому-то среднихъ и т. д.; очевидно, что здѣсь нельзя было добиться однообразной счетной единицы.

Кромѣ употребленія мѣховъ на внутреннія потребности, московско-

правительство или отправляло ихъ на продажу за границу иностран-нымъ купцамъ, или же, какъ было выше упомянуто, выплачивало ими за иностранные товары. Кромѣ соболей, добывались и вывози-лись шкурки чернобурыхъ лисицъ, куницъ, бобровъ, горностаевъ, песцовъ, медвѣдей, лосей, рысей, выхолоей и особенно много зайчихъ; торговля этими мѣхами была весьма обширна, и русскіе купцы были знатоками этого рода товара. Англичане, а впоследствии также и гол-ландцы, въ огромныхъ массахъ покупали пушной товаръ и отправляли его на продажу въ западную Европу, и нерѣдко эти мѣха, отдѣлан-ные за границей иностранными скорняками, привозились обратно въ Россію¹⁾. Вслѣдъ за мѣхами слѣдуютъ другіе сырые продукты, на которые мы должны обратить особенное вниманіе, такъ какъ здѣсь мы встрѣчаемся съ началомъ того вывоза, который состав-ляетъ и теперь одну изъ самыхъ значительныхъ статей нашей отпускной торговли; благодаря именно торговлѣ съ англичанами, мы начали отпускать въ западную Европу издѣлія изъ конопли и льна. Обширныя земли нашего сѣвера, скудныя и мало производи-тельныя, оказались однако весьма удобными для разведенія льна, мѣстности же южныя — для воздѣлыванія конопли. Англичане очень рано обратили вниманіе на хорошія свойства нашей пеньки, ко-торая въ видѣ веревокъ, канатовъ и парусовъ особенно важна была для нихъ при ихъ многочисленномъ флотѣ, и поэтому было весьма естественно, что они запасались этимъ продуктомъ у насъ, закупаая его въ огромномъ количествѣ. Въ первое время они даже обучали русскихъ людей издѣліямъ изъ пеньки, и для этой цѣли англичаниномъ Греемъ была заведена первая прядильная фабрика въ Россіи; наука эта пошла русскимъ людямъ въ прокъ, они вы-учились производству канатовъ и парусовъ, а такъ какъ этотъ

¹⁾ Наиболѣе важнымъ для англичанъ пунктомъ мѣховою торговли было селе-ніе Лампожна, которое лежало на рѣкѣ Мезени; въ немъ послѣ окончанія охотничьяго сезона происходила ярмарка, на которую каждый звѣроловъ-охот-никъ приносилъ все, что удалось ему добыть въ продолженіе зимы. На эти ярмарки, съ одной стороны, стекались остяки, самоѣды и прочіе сѣверные народцы съ богатымъ запасомъ дорогой пушныны, съ другой же — сюда при-ѣзжали какъ авглійскіе, такъ и русскіе купцы и на различныя бездѣлки вы-мѣнивали дорогія звѣринныя шкурки. Изъ Лампожни мѣха шли въ Холмогоры и оттуда или могли сбываться за границу, или же при обширномъ внутреннемъ сбытѣ могли расходоватьсѣ внутри Россійскаго государства.

предметъ находилъ всегда обширный сбытъ, то это производство разрастается все болѣе и болѣе. Уже въ то время начинаетъ опредѣляться тотъ центръ пеньковаго производства, который существуетъ и до настоящаго времени,—это мѣстности, лежащія при истокахъ Оки и Истома, которыя теперь сбываютъ свои произведенія преимущественно по Балтійскому бассейну, а тогда сбытъ шелъ по Бѣломорскому. Льняное производство оказывается также въ высшей степени важнымъ, оно по преимуществу сосредоточивается въ теперешней Владимирской губерніи и около Муромъ или, короче сказать, въ мѣстностяхъ, лежащихъ между Окою и Клязьмою; другимъ центромъ льняного производства является Псковъ, имѣющій для сѣверо-восточной Руси въ этомъ отношеніи весьма важное значеніе. Въ Муромѣ и его окрестностяхъ особенно развивается полотняное производство. Хотя русское полотно и не отличалось высокими качествами, и высшіе сорта полотна, какъ фландрское и голландское, привозились изъ-за границы, однако оно по своей дешевизнѣ и прочности въ весьма большихъ размѣрахъ расходилось въ западной Европѣ, главнымъ же образомъ шло на востокъ; наконецъ, русскіе въ послѣдствіи научились весьма хорошо поддѣлываться подъ иностранные образцы, и фландрское полотно стало съ успѣхомъ производиться въ мѣстностяхъ Ярославской и Муромской губерній. (Здѣсь мы встрѣчаемся съ первыми попытками русской мануфактурной дѣятельности, начало которой относится, слѣдовательно, къ московскому періоду нашей торговли.) Кромѣ произведеній изъ пеньки и льна, ввозились также конопляное и льняное масло.

Пенька считалась однимъ изъ выгоднѣйшихъ предметовъ вывоза, и торговля этимъ продуктомъ часто сосредоточивалась въ рукахъ правительства, поэтому-то пенька и принадлежала къ числу извѣстныхъ уже намъ, такъ называемыхъ заповѣдныхъ товаровъ. Вмѣстѣ съ пенькою правительство часто держало въ своихъ рукахъ продажу иностранцамъ лѣса, а также и различныхъ продуктовъ, добывающихся изъ лѣса. Обиліе лѣсовъ въ мѣстностяхъ теперешней Архангельской и Вологодской губерній дѣлало эту страну драгоценною для того народа, который всегда нуждался въ немъ для удовлетворенія самыхъ разнообразныхъ потребностей, въ особенности же, какъ въ матеріалѣ для судостроенія, и, дѣйствительно, мы знаемъ, что здѣсь срубались громадныя по своимъ размѣрамъ

дерева и вывозились англичанами безъ всякой пошлины; этотъ же лѣсъ, кромѣ мачтъ, могъ доставлять смолу и смольчугъ, вывозившихся англичанами въ огромныхъ количествахъ; тотъ же лѣсъ могъ доставлять отличный поташъ; вообще, можно сказать, что обиліе лѣса обуславливало многія потребности того времени, многія особенности русской жизни. Русскіе, не умѣя строить каменные зданія, были весьма искусны въ постройкахъ изъ дерева, которыя достигали такой необыкновенной быстроты, что въ Москвѣ были церкви, выстроенныя по обѣту въ одинъ день. Иностранцы удивлялись нашему лѣсному ряду, въ которомъ видѣли не только громадное количество теса, бревень, балокъ и разнаго рода досокъ, но даже и цѣлыя церкви, продававшіяся по очень дешевымъ цѣнамъ, что, замѣтимъ, было весьма удобно по случаю тѣхъ страшныхъ пожаровъ, которые были не рѣдки въ Москвѣ, и отъ которыхъ она выгорала почти вся, и вскорѣ опять отстраивалась заново. Постройка домовъ была тѣмъ легче, что въ расположеніи комнатъ, названіи ихъ и различныхъ приспособленійхъ, начиная отъ хижины крестьянина и кончая дворцомъ государевымъ, господствовала полнѣйшая старина, — они для всѣхъ были одинаковы, и личный вкусъ и потребности жизненнаго комфорта въ то время были весьма ограничены и играли незначительную роль.

Кромѣ лѣса и мѣстныхъ продуктовъ, англичане въ большомъ количествѣ вывозили изъ степныхъ мѣстностей, богатыхъ скотомъ, преимущественно же изъ странъ черкасскихъ и поволжскихъ, русскія кожи или уже выдѣланныя у насъ, собственно въ великой Россіи, или же, что бывало чаще, они шли въ сыромъ необработанномъ видѣ, потому что англичане были недовольны несовершеннымъ способомъ выдѣлки кожъ нашими туземными кожевниками, и мы часто можемъ встрѣтить, въ дошедшихъ до насъ извѣстіяхъ объ этомъ предметѣ, жалобы ихъ на вышеуказанный недостатокъ кожъ, выдѣланныхъ въ Россіи. Въ большомъ количествѣ за границу шелъ конскій волосъ; въ значительномъ также количествѣ вывозилось сало, которое составляетъ и теперь одну изъ самыхъ доходныхъ статей нашей отпускной торговли; вывозились также различные хлѣба, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ сама Россія получала ихъ съ запада; вообще же, слѣдуетъ замѣтить, что хлѣбная торговля не представляла особеннаго развитія и не имѣла того зна-

ченія, которыя она получила въ послѣдствіи по мѣрѣ заселенія южныхъ русскихъ степей съ ихъ богатымъ черноземомъ. Вывозилась также соль, добывавшаяся на всемъ сѣверѣ, какъ изъ моря, такъ и изъ озеръ, въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ въ настоящее время. Припомнимъ здѣсь, что именно соляныя варницы заставили именитыхъ людей того времени — братьевъ Строгановыхъ, идти на Уралъ, и этимъ главнымъ образомъ ускорилось покореніе и первоначальное заселеніе Сибири. Вывозились еще нѣкоторые минералы, хотя сравнительно и въ незначительномъ количествѣ, но это были не туземныя богатства, такъ какъ Алтайскія горы не были еще открыты, а тѣ, которыя приходили къ намъ съ востока путемъ торговли, и отъ насъ уже переходили къ англичанамъ; что же касается до восточныхъ драгоценныхъ камней, то они по большей части оставались у насъ въ Россіи, и лишь немногія женщины запада имѣли у себя эти продукты востока. Въ первое время послѣ начала своей торговли, англичане открыли близъ Холмогоръ алебастровыя горы, начали ихъ разрабатывать и вывозить алебастръ, русскіе послѣдовали ихъ примѣру и также стали заниматься разработкою алебастра. Вывозились еще нѣкоторыя мѣстныя произведенія собственно сѣвернаго края, какъ-то: рыба, тюлени, ворвань, рыбій зубъ, какъ тогда назывались моржовые клыки, цѣнившіеся весьма дорого, и нѣкоторые другіе предметы.

Вотъ въ главныхъ чертахъ тѣ товары, которые англичане находили въ Россіи. Несмотря на то, что они не бросаются въ глаза, что это товары не эффектные, которые, казалось, не шли въ сравненіе съ вывозившимися изъ Америки и Перу, тѣмъ не менѣе они составляли истинное богатство и приносили собою больше пользы, нежели вывозъ золота и серебра изъ американскихъ рудниковъ. Англичане все это очень хорошо чувствовали и понимали, а потому они въ особенности дорожили своими торговыми сношеніями съ Россіей и, по возможности, старались не допускать конкурентовъ.

Этимъ мы закончимъ описаніе товаровъ, вывозимыхъ англичанами изъ Россіи.

Если мы теперь посмотримъ на предметы, которые ввозились взамѣнъ англичанами и западно-европейцами вообще, то мы замѣтимъ, что это по преимуществу и почти исключительно предметы мануфактурной дѣятельности. На первомъ мѣстѣ стоятъ тѣ же

предметы мануфактурной дѣятельности, какъ и въ предыдущіе періоды русской торговли: главнымъ образомъ матеріи и ткани всякаго рода. Въ продолженіе перваго періода нашей торговли мы получали ихъ изъ Византіи и съ востока, въ продолженіе періода татарскаго получали ихъ изъ Греціи и преимущественно съ востока, чрезъ генуэзцевъ и венеціанцевъ, теперь ихъ получали также съ востока и главнымъ образомъ съ запада черезъ посредство англичанъ. Первое мѣсто между ввозимыми матеріалами занимали сукна, столь необходимыя на нашемъ холодномъ сѣверѣ, которыя между тѣмъ совершенно у насъ не выдѣлывались. Сукна вывозились въ громадномъ количествѣ, и торговля ими была самая оживленная. Англичане сами сознавались, что на этой торговлѣ они наживали болѣе, чѣмъ на какой другой, и что обыкновеннымъ % барыша было на 100—140%. Сукна были разнообразныхъ цвѣтовъ и сортовъ. Наиболѣе употребляемые сорта назывались по мѣсту производства: *Брюннигъ* — изъ Брюгге, „Лундыпгъ“ — изъ Линдина, „амбургское“ — изъ Гамбурга и т. д. Сукна привозились въ кускахъ или такъ называемыми половинками. Много сукна пріобрѣталось въ казну, и эти половинки въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣняли для правительства деньги: казаки донскіе, напримѣръ, получали жалованье именно этими суконными половинками. Привозилась заграничная кошка, тафта, атласъ; большею частью, эти ткани были золотныя, т.-е. съ золотомъ и съ разводами („травами“); ввозился также и бархатъ, особенно любимъ былъ у насъ бархатъ *венеціанскій*.

За матеріями идутъ предметы металлическіе. Металлы привозились къ намъ въ видѣ монеты, слитковъ и издѣлій. Въ монетѣ русское государство нуждалось и потому особенно настаивало на томъ, чтобы покупки иностранцевъ производились на наличныя деньги. Металловъ въ издѣліяхъ къ намъ привозилось очень много, и издѣлія вкуса и фасона западно-европейскаго во дворцахъ царей и теремахъ бояръ начинаютъ вытѣснять издѣлія вкуса и фасона восточнаго.

Потомъ идутъ издѣлія изъ металловъ, служащія не для украшенія, а составляющія предметъ необходимости въ общественномъ быту: ножи, иголки и т. п.; средоточіемъ торговли желѣзнымъ товаромъ были города: Копорье и Орѣшекъ на шведской границѣ.

Русское желѣзо вслѣдствіе дурной обработки было годно только на самыя простыя подѣлки для крестьянскаго быта. Желѣзо въ значительномъ количествѣ привозилось къ намъ изъ Швеціи, гдѣ, какъ извѣстно, до сихъ поръ славятся богатые желѣзные рудники, на примѣръ, фалунскіе. Зависимость отъ иностранцевъ въ этомъ отношеніи была для русскихъ весьма чувствительна. Желѣза было у насъ много, но не было умѣнья обдѣлывать его. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ мы встрѣчаемся съ попытками устроить свое собственное желѣзное производство, и съ этой цѣлью обрусѣвшему иноземцу Марселису дозволено было построить желѣзный заводъ недалеко отъ Тулы. Много привилегій дано было этому иностранцу, но онъ, съ своей стороны, за извѣстное вознагражденіе ежегодно обязанъ былъ доставлять определенное количество полюсъ желѣза, оружія и въ томъ числѣ 20 пушекъ; заводъ находился подъ наблюденіемъ иностранцевъ и былъ устроенъ на европейскій ладъ. Это былъ громаднѣйшій шагъ впередъ, такъ какъ здѣсь впервые мы встрѣчаемся съ правильнымъ фабричнымъ производствомъ, которое начинается еще задолго до Петра Великаго, давшаго всей этой дѣятельности новый толчокъ и надлежащее направленіе.

Затѣмъ привозились также стеклянныя издѣлія. Стекло уже являлось необходимою, но его производить также не умѣли (стекло обыкновенно замѣняла слюда), поэтому стекло привозилось, начиная отъ такихъ высокихъ сортовъ, какъ бемское (изъ Чехіи) и стекло венеціанское (извѣстно, что венеціанское стекло славилось еще въ средніе вѣка и до XVIII вѣка не было превзойдено), и кончая самыми низкими сортами. Съ запада же привозились различныя минеральныя продукты, каковы сѣра, селитра, которыя хотя и добывались у насъ, но тѣмъ не менѣе шли изъ-за границы въ огромномъ количествѣ на зеленое дѣло, т.-е. на приготовленіе пороха. При Ѳеодорѣ Іоанновичѣ былъ изданъ даже указъ, чтобы воскъ и медь, вывозившіеся въ огромномъ количествѣ, продавались не за деньги, а непременно промѣнивались на необходимую сѣру.

Привозились съ запада и колониальныя товары: изюмъ, сахаръ и др. пряности, продукты Индіи. Казалось, они могли бы итти путемъ болѣе прямымъ и близкимъ, но они приходили путемъ болѣе далекимъ и труднымъ. Теперь морской путь давалъ возможность западно-европейцамъ привозить эти товары дешевле, чѣмъ они обходились,

приходя прямо изъ Азіи. Привозились къ намъ и различныя вина, продуктъ западно-европейскаго винодѣлія. Всѣ эти вина носили общее названіе фряжскихъ, т.-е. французскихъ; любимымъ были *ремское* (съ Рейны), *романея* (французское вино), *гишпанское* и пр.; былъ въ употребленіи и табакъ, привозившійся изъ-за границы, несмотря на запрещенія.

Вотъ чѣмъ снабжала насъ западная Европа. Въ заключеніе, говоря объ этомъ пути, необходимо повторить, что уже было сказано: именно, что торговля эта сдѣлалась необыкновенно важной для Россіи и что она связывала насъ все болѣе и болѣе съ западной Европой, и потому XVI и XVII вѣкъ представляютъ переходъ отъ азіатской къ западно-европейской жизни. Въ XVI вѣкѣ видимъ колебаніе; въ 1-й половинѣ XVII видимъ, что, какъ будто, обѣ стороны находятся въ равновѣсіи; во 2-й половинѣ XVII вѣка европейскія моды начинаютъ преобладать, дѣлаются потребностью, хотя и не большинства, но, по крайней мѣрѣ, тѣхъ слоевъ общества, которые даютъ толчокъ и направленіе народнѣй дѣятельности на почвѣ не однихъ только духовныхъ, но и матеріальныхъ интересовъ. Такъ подготовлялся вѣкъ реформъ, подготовлялась личность Петра Великаго.

Вслѣдствіе того, что господствующее направленіе торговли западно-европейской въ Россіи было направленіе сѣверное-Бѣломорское, сѣверъ Россіи оживляется; онъ становится одною изъ самыхъ жизненныхъ частей Московскаго государства. Сѣверъ покрытъ городами, имѣющими важное значеніе, которое не удерживается за ними, когда этотъ путь поворачиваетъ на западъ. Большіе города сѣвера въ XVI и XVII вв. пользовались гораздо большимъ благосостояніемъ и не представляли того вида заброшенности и запустѣнія, какъ теперь. Кромѣ уже прежде упомянутыхъ городовъ, можно указать на *Оршекъ*, центръ шведской торговли; *Каргополь*, въ которомъ сосредоточивался сбытъ соли, мѣховъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ получалъ продукты Ледовитаго моря: рыбу, ворвань, туленьи кожи и т. п.; все это доставлялось въ Каргополь и вывозилось на Балтійское море. Въ Устюжнѣ-Желѣзнопольской, какъ самое названіе показываетъ, сосредоточивались продукты желѣзнаго производства Новгорода. Многіе другіе города извѣстны были тогда своими ярмарками, куда окрестные жители свозили свои

сельскія произведенія. Таковы были ярмарки въ Весьегонскѣ и при монастыряхъ, напр., при Тихвинскомъ. Самое названіе „ярмарка“ (нѣмецкое, отъ Jahrmarkt) распространившееся вмѣсто „базара“ и „торга“, указываетъ на то, что и въ этомъ отношеніи намъ данъ былъ новый толчокъ западно-европейцами, и что ярмарки у насъ первоначально назывались періодическія свиданія нашихъ гостей съ иноземными.

Былъ у насъ еще и 3-й путь на западъ. Это былъ путь сухопутный черезъ Смоленскъ на литовскій рубежъ, но онъ не имѣлъ важнаго значенія. Вслѣдствіе враждебныхъ отношеній, почти постоянно существовавшихъ между Россіей и Польшей за этотъ періодъ, вслѣдствіе разныхъ предосторожностей, которыя принимались русскими отъ воровства литовскихъ людей и литовцами отъ воровства русскихъ, торговля на этомъ пути была очень не развита, тѣмъ болѣе, что пограничныя мѣстности между Россіей и Литвой были заселены людьми буйнаго характера, вовсе неспособными къ торговлѣ: образцомъ мѣстности съ подобнымъ населеніемъ можетъ служить наша сѣверская Украина, населенная большею частью бѣглыми людьми.

Отъ этихъ путей, которые вели на западъ Европы, мы переходимъ къ 2 другимъ внѣшнимъ путямъ, которые тѣсно между собою связаны. Эти пути вели на югъ и востокъ. Первый былъ отчасти сухопутный, отчасти водный и велъ къ Черному морю; его могли бы мы назвать Украинскимъ. Другой путь велъ по Волгѣ.

Путь Украинскій отходилъ въ степь или въ ту Украину, которая была населена черкасами, т.-е. малороссіянами, какъ ихъ въ то время у насъ называли.

Для того, чтобы ясно представить себѣ характеръ этого пути, необходимо уяснить себѣ отношенія, существовавшія между Россіей и степью, — полемъ. Для этого необходимо прежде всего знать, каковы были размѣры этого поля. Размѣры были такого рода, что въ настоящее время они представляются намъ почти невѣроятными: поле начиналось уже очень близко отъ Москвы. Просматривая, напримѣръ, сочиненіе Курбскаго XVI вѣка, мы узнаемъ, что начиналось оно не отъ границъ Московскаго государства, но что сейчасъ же за Тулой открывается „чистое дикое поле“, за Муромомъ тоже чистое поле, отъ Мурома до Казани за лѣсами простирается тоже

поле. Слѣдовательно, полемъ — степью называлась и, дѣйствительно была ею, огромная полоса, именно центральная полоса центральной Россіи. Это была безлюдная пустыня, развѣ только въ немногихъ мѣстахъ, какъ бы оазами, заселенная людьми. Въ этихъ мѣстахъ были выстроены укрѣпленія — остроги, между которыми по засѣчнымъ линіямъ разбѣжали *сторожи*, т.-е. карауль. Степь была мѣстомъ, черезъ которое безпрестанно вторгались крымскіе татары въ Москву, и намъ извѣстно, какими тяжелыми послѣдствіями сопровождались эти набѣги; несмотря на это, только съ конца XVI вѣка начали принимать дѣятельныя мѣры противъ нихъ. Хотя эти мѣры и не уменьшили набѣговъ, и разоренія были тѣ же, плѣнниковъ уведилось столько же, но зато въ значительной степени уменьшилось пространство, въ которомъ могли распространяться эти набѣги. Очевидно, что русскій народъ находилъ въ себѣ все болѣе и болѣе силы противодѣйствовать полю, занимая эту безлюдную землю рядомъ своихъ укрѣпленій; именно со временъ Бориса Годунова начинается правильная военная колонизація правильными военными линіями, и русскій человекъ идетъ по безлюдной степи. На передовой линіи устраивается цѣлый рядъ городовъ-остроговъ: Орель, Воронежъ, Осколь, Харьковъ и др., въ настоящее время очень значительныхъ, которые въ тѣ времена были только простыми укрѣпленіями. Цѣлое военное поселеніе было отправлено въ эти города по разнымъ „шляхамъ“, т.-е. дорогамъ татаръ, слѣдить за послѣдними, а въ случаѣ нужды, оказывать сопротивленіе татарскимъ втизаніямъ. Это населеніе постепенно дѣлало степную мѣстность русскою. Естественно, что путь на Украину въ торговомъ отношеніи не могъ имѣть важнаго значенія. Слишкомъ много препятствій полагалъ онъ правильной торговлѣ: во-1-хъ, степь безлюдная, неприютная, съ ея зноемъ лѣтомъ, съ ея страшными метелями зимой, съ ея непроходимыми дорогами во время дождей и половодія; во-2-хъ, враждебная сила степная. Все это, конечно, мѣшало торговлѣ; тѣмъ не менѣе русскіе люди ходили издавна и этимъ степнымъ путемъ. Этотъ путь велъ въ Кафу, генуэзскую колонію. Хотя генуэзскія колоніи теперь не существовали, но сношенія съ Византіей не прекратились, по крайней мѣрѣ, въ церковномъ отношеніи. Несмотря даже на то, что сами греки измѣнились и частью не оправдывали довѣрія, въ качествѣ единовѣрцевъ, они всегда охотно

принимались въ русской землѣ. Въ первое время имъ давались значительныя привилегіи. Являлись въ Россію греческіе монахи, какъ въ выгодное мѣсто, гдѣ можно было получить какъ царскую, такъ и народную милостыню, и гдѣ они могли выгодно сбывать предметы священнаго поклоненія; являлись также и греческіе купцы, которые продавали драгоцѣнные камни и турецкія ткани, такъ какъ нѣкоторое время турецкія ткани цѣнились у насъ выше западныхъ: *олтава*, высшій сортъ бархата — именно любимый русскими малиновый, получался также оттуда. Между тѣмъ сношенія съ турками были въ высшей степени неправильны: съ одной стороны, отношеніе между Россіей и Турціей были непріязненны; съ другой — правительство московское старалось поддержать сношенія съ турками. Государство московское часто дѣйствовало въ противоположность турецкому: въ то время, когда поднималась эта страшная мусульманская сила для всей Европы, на востокѣ поднималась другая сила, которая переломила первую; въ то время, когда турецкій султанъ завоевывалъ Балканскій полуостровъ, царь московскій завоевалъ Казань, Астрахань, Сибирь — все мусульманскія государства. Невольно глаза всѣхъ славянъ и православныхъ вообще обращались на бѣлаго царя, какъ назывался тогда ими русскій царь; точно также естественно, что татары казанскіе, астраханскіе и главнымъ образомъ крымскіе смотрѣли на турецкаго султана, какъ на главнаго защитника ихъ народности и религіи. При такихъ коренныхъ противоположностяхъ дружелюбныхъ отношеній между Турціей и Россіей не могло быть. Хотя временами и устанавливались сношенія, но эти сношенія были не прочны, потому и торговля не могла установиться, тѣмъ болѣе, что въ степи, кромѣ татаръ, были и свои разбойники, не уступавшіе первымъ, — это были казаки донскіе и др., которые не разбирали часто своихъ купцовъ отъ мусульманскихъ; однажды они умертвили даже турецкаго посла Кантакузина, шедшаго въ Москву при Михаилѣ Феодоровичѣ, потому только, что имъ казались подозрительными всякія дружественныя сношенія московскаго царя съ стамбульскимъ султаномъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго послѣ того, что торговля съ Балканскимъ полуостровомъ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе прекращалась. Греки вызвали своими неблагоприятными поступками даже отвращеніе правительства, и наконецъ, когда греки начали зани-

маться контрабандой и притомъ продавали фальшивые товары, какъ, напр., вмѣсто драгоценныхъ камней продавали стекло, то въ концѣ XVII вѣка имъ было запрещено совершенно торговать въ Московскомъ государствѣ.

Что касается украинской торговли, которая велась съ черкасами, то она только постепенно начинаетъ принимать болѣе оживленный характеръ съ половины XVII вѣка. Торговля сосредоточивалась сперва въ Путивль, но потомъ переходить и въ другіе центры. Форма этой торговли оригинальна, именно потому, что Малороссія особенно терпѣла отъ отсутствія мануфактурной дѣятельности, вслѣдствіе чего торговля носила исключительно ярмарочный характеръ (въ Малороссіи шла, между прочимъ, выдѣланная въ Великой Россіи кожа). Въ XVII вѣкѣ особенно замѣчательна была *Свинская* ярмарка при Свѣнскомъ или Свинскомъ монастырѣ; что эта ярмарка была очень важна и ей придавали большое значеніе, видно, между прочимъ, изъ одного купеческаго челобитья XVII вѣка, гдѣ упоминаются только двѣ ярмарки: Макарьевская и Свинская.

Второе мѣсто послѣ путей, которые вели въ западную Европу, въ XVI и XVII вѣкахъ занималъ тотъ путь, который велъ къ Каспійскому морю, а черезъ него на юго-востокъ Азіи. Путь этотъ представляетъ намъ въ высшей степени интересъ въ томъ отношеніи, что здѣсь мы замѣчаемъ, какъ постепенно мѣняются отношенія Россіи къ Азіи и западу Европы. Въ XVI вѣкѣ у насъ все еще чувствуется перевѣсъ восточнаго вліянія; но въ XVII вѣкѣ оно ослабѣваетъ и уступаетъ мѣсто западному вліянію; это видно на ввозимыхъ въ Россію товарахъ: въ описываемый періодъ мануфактурныя произведенія Европы начинаютъ понемногу вытѣснять мануфактурныя произведенія Востока. Отношенія эти измѣняются настолько, что со второй половины XVII столѣтія для Азіи мы въ извѣстной степени начинаемъ играть такую же роль, какую играли относительно насъ англичане. Всего удобнѣе прослѣдить для этого наши отношенія къ Персіи.

Сношенія съ Персіей въ XVI столѣтіи намъ представляются необыкновенно оживленными, но около первой половины XVII столѣтія они начинаютъ падать; для насъ Персія перестаетъ быть источникомъ, который удовлетворялъ бы всѣмъ нашимъ потребностямъ, но зато, съ другой стороны, для Персіи торговля съ Россіей становится во-

просомъ первой важности. Чтобы объяснить себѣ это, припомнимъ положеніе Персіи.

Въ то время Персія отдѣлялась отъ западной Европы, отъ Средиземнаго моря, турками-османами; какъ теперь между турецкимъ султаномъ и персидскимъ шахомъ нѣтъ дружелюбныхъ отношеній, такъ и тогда они находились въ постоянной враждѣ, при чемъ въ значительной степени содѣйствовала развитію вражды религиозная рознь между шиитами и суннитами. Враждебныя отношенія турецкаго султана заставляли персидскаго шаха искать въ дружелюбныхъ отношеніяхъ съ русскимъ царемъ, котораго историческія обстоятельства невольно поставили въ такія же отношенія къ Турціи, какъ и его самого. Въ то время англичане не успѣли еще утвердиться въ Индіи, потому мануфактурныя произведенія Европы могли проходить въ Персію однимъ путемъ — именно черезъ Россію. Вотъ чѣмъ объясняется, что персіяне начинаютъ въ высшей степени дорожить торговлей съ Россіей.

Если въ XVI вѣкѣ обрадованный русскій царь даетъ грамоты и привилегіи англичанамъ, привозящимъ въ Россію западные товары, то такія же привилегіи въ XVII столѣтіи даетъ персидскій шахъ Аббасъ II русскимъ купцамъ: дозволяетъ имъ торговать беспошлинно въ приморскихъ городахъ персидскаго государства. Отношенія между Персіей и Россіей становятся дружескими до такой степени, что, когда по окончаніи смутнаго времени русскіе нуждались въ деньгахъ и обратились къ сосѣднимъ государствамъ съ просьбою о займѣ, то изъ всѣхъ отозвалась только Персія,¹⁾ которая прислала Россіи извѣстное количество золота и серебра.

Путь въ Персію и среднюю Азію велъ по великой русской рѣкѣ — по Волгѣ. Главный исходный пунктъ этого пути былъ Нижній-Новгородъ, и чѣмъ болѣе Волга становилась рѣкою цивилизованнаго народа, тѣмъ болѣе на ея берегахъ, дикихъ и пустынныхъ, развивается цивилизованная жизнь, а вмѣстѣ съ тѣмъ выдвигается впередъ Нижній Новгородъ, какъ исходный пунктъ этой жизни.

Мы знаемъ, что Нижній Новгородъ получилъ уже нѣкоторое торговое значеніе еще и раньше, но въ XVII вѣкѣ это значеніе значи-

¹⁾ Небольшая ссуда была дана Россіи и въ Англіи, но ее пришлось вернуть, послѣ того какъ московское правительство отказалось дать англійскимъ купцамъ дорогу черезъ Россію въ Персію.

тельно увеличилось. Въ этомъ столѣтїи въ Нижнемъ Новгородѣ впервые учреждаются государственныя таможни, въ которыхъ московское правительство собираетъ пошлину съ товаровъ, идущихъ на Востокъ; въ Нижнемъ Новгородѣ же собираются караваны судовъ, которые отсюда уже направляются въ Персію, и здѣсь сходятся, наконецъ, купцы изъ разныхъ мѣстностей: торговля принимаетъ видъ ярмарочной, кромѣ постоянной, потому что Нижній Новгородъ, какъ было сказано, есть самое удобное мѣсто на Волгѣ, гдѣ могутъ соединяться товары, идущіе изъ Сибири, съ товарами востока и запада.

Но надо замѣтить, что собственно ярмарочная торговля въ то время сосредоточивалась не въ самомъ Нижнемъ Новгородѣ, а рядомъ съ нимъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится Макарьевскій Желтоводскій монастырь, подъ стѣнами котораго, по обычаю, происходили базары. Духовенство понимало всю выгоду и важность такихъ базарныхъ торговъ, ибо монастырямъ, часто строящимся въ малонаселенныхъ мѣстахъ, необходимо было имѣть подобныя базары, чтобы монахи на нихъ могли закупать необходимыя произведенія на цѣлый годъ. Монастыри въ то время пользовались большими льготами, напримѣръ, приписывались монастырямъ крестьяне (тянуть монастырское тягло было легче, чѣмъ государственное); затѣмъ монастыри пользовались разными несудимыми грамотами, т.-е. правительство освобождало монастыри отъ своего свѣтскаго суда, ибо свѣтскій судъ пользовался далеко не блестящей репутаціей. „Московская волокита“ — такъ называлась процедура этого суда, славилась и на сѣверѣ, гдѣ подьячіе (по жалобѣ земскихъ людей 1642 г.) устроили себѣ на посулы (взятки) палаты „неудобосказаемыя“, славилась и на Украинѣ, гдѣ они хуже басурманъ разоряли жителей, наконецъ, славилась и въ Псковѣ, гдѣ, по словамъ лѣтописца, прежняя правда на небеса улетѣла, а московская кривда поселилась въ городѣ. Монастырскій же судъ отличался большей справедливостью, и вотъ причина, почему около монастырей, при свободѣ отъ пошлинъ и отъ извѣстныхъ притязаній воеводъ и ихъ чиновниковъ, являются въ XVI и XVII вѣкахъ въ очень большихъ размѣрахъ базары. Для сѣвера Россїи такимъ монастыремъ является *Бѣлозерскій*, для юга — *Свинскій* и, наконецъ, для востока на Волгѣ вырастаетъ ярмарка подъ стѣнами *Желтоводскаго* монастыря, и базаръ простой, созданный для удовлетворенія первостепенныхъ по-

требностей, принимает огромные размѣры и дѣлается первымъ внутреннимъ торговымъ пунктомъ Московскаго государства.

Все эти привилегіи монастырей утверждаются Алексѣемъ Михайловичемъ и подтверждаются въ концѣ XVII столѣтія царями Петромъ и Иоанномъ Алексѣевичами.

Въ Нижнемъ Новгородѣ обыкновенно собирались караваны для дальнѣйшаго плаванія (караваны обыкновенно ходили дважды въ навигацію, а плаваніе это было далеко и небезопасно, — это мы можемъ сказать съ достовѣрностію, потому что въ этомъ случаѣ мы имѣемъ подробный рассказъ о плаваніи по Волгѣ.

Въ 1632 г. Фридрихъ, герцогъ Шлезвигъ-Голштинскій, снарядилъ въ Москву посольство подъ начальствомъ Крузіуса; посольство въ 1634 г. явилось къ Алексѣю Михайловичу съ просьбою о дозволении проѣхать въ Персію; секретаремъ этого посольства былъ Адамъ Олеарій, оставившій намъ весьма интересный рассказъ о своемъ путешествіи, — въ первой части этого рассказа и описывается поѣздка по Волгѣ. Рассказъ очевидца намъ чрезвычайно интересенъ, потому что онъ рисуетъ намъ великую русскую рѣку такую, какою она была за 200 лѣтъ назадъ. Въ путешествіи Олеарія прежде всего мы встрѣчаемся съ бѣдностію населенія по Волгѣ, состоявшаго большею частью изъ инородцевъ, какъ-то: чувашей, мордвы, черемисовъ и др. Естественно, что рѣка, берега которой были покрыты такимъ неразвитымъ населеніемъ, лишь постепенно дѣлалась русскою рѣкою. За городомъ Тетюшамъ Волга представляла совершенно другую картину, чѣмъ въ настоящее время: берега Волги были дикіи, пустынные и не заселены; те перешіе города на Волгѣ, напр., Симбирскъ, Саратовъ, Черны Яръ и др., получившіе такое значеніе впоследствии, въ половинѣ XVII столѣтія или вовсе не существовали, или были простыми деревушками. Здѣсь, въ степи, очевидно, природа еще господствовала надъ человѣкомъ.

Путешествіе по Волгѣ прежде всего встрѣчало большое затрудненіе въ самой рѣкѣ, которая часто мелѣла и мѣняла свой фарватеръ, но главное препятствіе было со стороны степныхъ жителей которыхъ соблазняла легкая нажива путемъ грабежа каравановъ ходившихъ по великой русской рѣкѣ. Въ степи между Дономъ и Волгою жили казаки: подъ этимъ словомъ подразумѣвались и по

стоянные жители степи, ходившіе по Волгѣ, и разбойничьи шайки вольныхъ людей, т.-е. бѣглыхъ холоповъ. Эти воры собирались въ большія шайки и въ удобныхъ мѣстахъ, напримѣръ, на Жигулевскихъ холмахъ, при устьѣ рѣки Урсы, и въ другихъ „укромныхъ“ мѣстахъ, подстерегали караванъ и очень часто, нападавая на него, совершенно разграбляли. Живое описаніе Олеарія лучше всего рисуетъ намъ различныя опасности, которымъ подвергались караваны при плаваніи по Волгѣ. Напримѣръ, онъ описываетъ намъ, какъ ѣдущіе по Волгѣ вдругъ получаютъ извѣстіе, что въ одномъ мѣстѣ появились казаки и поджидаютъ купцовъ; ѣдущіе готовятся къ бою; капитанъ корабля производитъ ложныя тревоги, желая знать, дѣйствительно ли готовы его люди къ бою, а въ ожидаемомъ мѣстѣ принимаются особыя предосторожности и зорко высматриваются казаки. На берегу навалены бревна — сейчасъ является вопросъ: а что если это укрѣпленіе, которое сдѣлали казаки? — опять все готовится къ бою, пушки заряжаются, даже зажигаются фитили. Ёдутъ рыбаки на лодкѣ, ихъ берутъ въ плѣнъ и задаютъ вопросъ: кто они, куда ѣдутъ и пр., по подозрѣнію, что это переодѣтые казаки, которые хотѣли лучше высмотрѣть состояніе корабля, рыбаки задерживаются до тѣхъ поръ, пока караванъ не проѣдетъ опасное мѣсто. Въ виду такихъ опасностей купцы обыкновенно пускались большими караванами, которые въ XVI вѣкѣ достигали весьма значительныхъ размѣровъ въ одинъ караванъ соединялось иногда до 500 торговыхъ судовъ¹⁾).

Иногда корабли отправлялись не такими массами, напр., когда часть ихъ опаздывала, — тогда при каждомъ отдѣльномъ караванѣ находилось конвойное судно, которое должно было предохранить

¹⁾ Суда, ходившія по Волгѣ, были самыя разнообразныя и многія изъ нихъ сохранились до настоящаго времени; напр., были дощаники, ногойцы и т. д. Эти суда, какъ и теперь, тянулись бечевою. Но и въ то время употреблялся и другой способъ движенія судна: маленькая лодка, называемая *забѣжкой*, брала съ судна якорь и длинный канатъ, забѣгала впередъ на длину каната и бросала якорь; между тѣмъ на суднѣ воротомъ канатъ этотъ навивался на судно, которое, хотя и медленно, но подвигалось впередъ. Это начало такъ называемаго кабестаннаго пароходства, мало-по-малу замѣняющаго въ настоящее время силою пара силу рукъ человѣческихъ и лошадей. Рисунокъ такого перваго русскаго судна въ небольшомъ размѣрѣ представилъ намъ Олеарій.

караванъ отъ разбойничьяго нападенія. Несмотря на то, что на конвойномъ суднѣ находились пушки и стрѣльцы, грабежи производились часто, и часто раздавался грозный, знакомый купцамъ крикъ: „сарынь на кичку“, т.-е. внизъ лицомъ, — хозяева падали внизъ лицомъ, а разбойники по-своему хозяйничали на кораблѣ. Иногда караванъ растягивался, тогда разбойники, пропустивъ переднія судна, нападали на отсталыя и производили грабежь, прежде чѣмъ успѣеть подать помощь неуклюжій конвойный корабль. Во многихъ мѣстахъ Волги начинаютъ выстраивать поселенія съ цѣлью уничтожить разбойничьи притоны, что показываетъ даже самое названіе этихъ селеній, напр., Черный Яръ, основанный во времена Алексѣя Михайловича на томъ мѣстѣ, гдѣ было одно изъ самыхъ сильныхъ побоищъ, — и Олеарій часто видалъ на берегахъ цѣлые ряды крестовъ, свидѣтельствовавшіе о подобныхъ сраженіяхъ.

Среди такихъ затрудненій и препятствій упомянутое голштинское посольство¹⁾ случилось до Астрахани, бывшей главнымъ пунктомъ торговли и дѣятельности по низу Волги. Астрахань — старинный городъ выстроенный, вѣроятно, на мѣстѣ древняго Итела; впоследствии онъ подпалъ татарскому владычеству (сталъ называться Хаджи-Тарханъ или Астраканъ) и потерялъ свое прежнее торговое значеніе: въ Орду, раздираемую смутами и произволомъ, не всякій купецъ рѣшался везти свои товары, и хотя торговля не прекращается, но и не имѣетъ надлежащаго развитія. Когда съ половины XVI столѣтія русское государство крѣпкою ногою стало на Волгѣ, и Астрахань должна была принять русскаго воеводу, тогда значеніе Астрахани быстро увеличивается. Если главнымъ пунктомъ торговли съ Западомъ въ XVI и XVII столѣтіи является Архангельскъ и играетъ значеніе перваго русскаго пункта, то такое же значеніе на югѣ Россіи въ то время имѣла Астрахань, такъ какъ въ послѣдней, какъ и въ Архангельскѣ, появляется множество иностранныхъ частей, и въ Астрахани даже были еще болѣе разнообразныя

¹⁾ Надо замѣтить, что корабль посольства отличался устройствомъ отъ русскихъ кораблей: онъ былъ способенъ къ плаванію какъ въ рѣкѣ, такъ и въ морѣ; впоследствии для безопасности отъ разбойниковъ, которые стали слишкомъ смѣлы, былъ выстроенъ одинъ русскій большой корабль, получившій названіе „Орель“; но плаваніе этого корабля было непродолжительно — въ бунтѣ Разана корабль этотъ былъ сожженъ.

представители народностей: этот городъ своею толкотнею живо напоминаетъ намъ рассказъ арабскаго писателя о торговомъ кварталѣ древняго Ителя. Въ Астрахани были и подворья для иностранныхъ гостей, изъ которыхъ особенное значеніе имѣло подворье *Гилянское* или Персидское, что показываетъ намъ, что торговля русскихъ съ персами была развита и обширна; персидскіе купцы были даже и въ Москвѣ, и тамъ былъ свой персидскій дворъ, но на Гилянскомъ подворьѣ толпилось болѣе персіанъ, чѣмъ въ Москвѣ. Для плаванія по морю изъ Астрахани снаряжались тоже корабли, ходившіе дважды въ годъ, весною и осенью, по Каспійскому морю, но такъ какъ Персія не отличалась изяществомъ постройки кораблей, то корабль голштинскаго посольства, по свидѣтельству Олеарія, произвелъ здѣсь сильное впечатлѣніе и вызвалъ всеобщее удивленіе.

Русскіе морскіе корабли обыкновенно назывались бусами, и большая часть бусъ принадлежала правительству. Каждая буса имѣла своего начальника воеводу и отправлялась въ путь прежде всего къ восточному берегу Каспійскаго моря, гдѣ въ то время была пристань, носившая названіе *Караванскаго* пристанища (теперешній мысъ Тнобъ-Караганъ).

Черезъ караванное пристанище и производилась торговля съ Средней Азіей; обыкновенно по прибытіи въ это мѣсто купцы отправляли гонцовъ съ извѣстіемъ о своемъ приѣздѣ къ купцамъ Хивы и Бухары, Ургенча и др. мѣстностей средней Азіи. Мѣстные купцы по этому зову являлись съ своими товарами, и здѣсь происходилъ мѣнновой торгъ: тѣ же купцы, которые желали сами отправиться въ Русь, имѣли право занять мѣсто на русскихъ бусахъ. Торговля бухаръ имѣла въ то время значительное развитіе: бухарцы съ торговыми цѣлями ходили не только въ караванное пристанище, но и въ Сибирь (по преимуществу въ гор. Тобольскъ, Тюмень, Тару, Томскъ, сдѣлавшіеся значительными торговыми центрами); такъ какъ для Сибири бухарскіе товары имѣли важное значеніе, то мѣстные купцы постоянно обращались къ московскому правительству съ просьбою покровительствовать этой торговлѣ, — иначе Сибирь осталась бы безъ предметовъ самой первой необходимости. Московское правительство, само желавшее завязать болѣе тѣсныя торговыя сношенія съ Средней Азіей, охотно отзывалось на эти призывы, вполне соотвѣт-

ствующіе его видамъ. Бухарскіе купцы, какъ намъ извѣстно, являлись не только въ Астрахань, но пріѣзжали и въ Казань, въ Москву, пробирались даже въ Архангельскъ для закупки заграничныхъ товаровъ изъ первѣхъ рукъ.

Часть бусъ отъ караваннаго пристанища возвращалась назадъ, но другая часть продолжала свое плаваніе къ Каспійскому морю и направлялась въ Дербентъ, Баку, Шемаху и другіе города на юго-западномъ персидскомъ берегу Каспійскаго моря, который назывался *Гилянмъ* (отсюда и названіе подворья). <Товары, привозимые купцами изъ Персіи, имѣли большое значеніе въ XVI вѣкѣ, но, какъ было сказано, уже въ слѣдующемъ же столѣтіи они постепенно замѣнялись мануфактурными произведеніями Европы. Товары эти были слѣдующіе: сафьянъ, шелковыя матеріи (шелководствомъ особенно славилась персидская провинція Гилянъ), парчи, ковры, скатерти, золотыя издѣлія, оружіе, еще сохранившее свою славу; изъ естественныхъ произведеній укажемъ на нешлифованные драгоценныя камни, жемчугъ и затѣмъ индійскіе товары. По причинѣ привоза послѣднихъ товаровъ въ Россію, англичане, голландцы и датчане, торгуя съ русскими, смотрѣли на Россію, какъ на мѣсто транзита для индійскихъ товаровъ, и англичане въ XVI столѣтіи впервые пытались чрезъ Россію завязать сношенія съ Индіей.>

При Алексѣѣ Михайловичѣ мы встрѣчаемся и у русскихъ съ попыткою нашего купца пробраться въ Индію, поводомъ къ чему было посольство индійскаго султана *Бабера*. Въ 1667 г. князю *Козловскому* было предписано пробраться чрезъ Иранъ въ Индію, чтобы завязать съ послѣдней прямыя торговыя сношенія; но если русское правительство запрещало иностранцамъ пробираться въ Индію чрезъ свои владѣнія и вообще желало удержать за собою монополію персидской торговли, то и персидское правительство держалось точно такой же политики относительно русскихъ, и русское посольство не было пропущено въ Индію. Однако русскіе предприимчивые люди задумали иначе пробраться въ Индію — чрезъ Среднюю Азію; подъ начальствомъ гостя *Касимова* караванъ отправился чрезъ Бухару и достигъ Индіи, русскіе однако потерпѣли неудачу: не говоря уже о томъ, что путь этотъ былъ слишкомъ труденъ, неудача произошла и отъ того, что на этихъ гостей подозрительно посмотрѣлъ самъ султанъ *Ауренгазебъ*, который

Symonkin
Tushkanov

конфисковалъ всѣ товары и, выдавъ за нихъ незначительную сумму, отправилъ гостей опять въ Россію. Такъ неудачно кончились попытки русскихъ завязать прямыя сношенія съ Индіей.

Въ Нижній Новгородъ, кромѣ пути изъ Персіи по Волгѣ, шель другой путь — изъ Сибири. Мы уже знаемъ, какой по преимуществу товаръ шель изъ Сибири; теперь же прибавимъ нѣсколько словъ объ этой странѣ.

Сибирскія земли были открыты не сразу, а постепенно русскими промышленниками, которые, наслышавшись объ этой „золотой“ странѣ, шли въ глубь ея все далѣе и далѣе, разыскивая все новыя страны и покоряя эти новыя „земли“ русскому государству. Много народностей встрѣчалось по этому пути, которые приходилось поворять; много тяжелаго и упорнаго труда со стороны русскихъ людей потребовало завоеваніе громадной страны, но, къ сожалѣнію, намъ мало извѣстны имена такихъ предприимчивыхъ русскихъ авантюристовъ, какъ, напримѣръ, Максима *Порфирьева*, который первый открылъ рѣку Ангару, *Бекетова*, *Галкина*, открывшихъ Лену и Енисей; *Хабарова* — смѣлаго и счастливаго путешественника, проникшаго на Амуръ, *Талбузина*, который съ упорствомъ защищалъ съ 500 человекъ городъ Албазинъ противъ 157 тысячъ человекъ китайцевъ и отступилъ только тогда, когда стѣны города были совершенно разрушены. Эти мелкія казачкія дружины, состоявшія изъ 40—50 чел., смѣло и славно вели свое дѣло, которое пополняло оскудѣніе лѣсовъ сѣвера.

Конечно, въ тѣ времена Сибирь не могла представлять правильнаго устройства, и, дѣйствительно, въ Сибири были самыя вопіющіе беспорядки: корысть дружинъ часто вызывала негодованіе туземцевъ, многочисленныя шайки, появлявшіяся одна за другой въ странѣ, занималась грабежомъ, а иногда сами дружины воевали другъ съ другомъ. Къ тому же воеводы, пользуясь отдаленностью Сибири отъ центра русскаго государства, даже въ XVIII и началѣ XIX столѣтія позволяли себѣ самыя вопіющія злоупотребленія: напр., особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи князь *Гагаринъ* при Петрѣ Великомъ и знаменитый *Пестель* при Александрѣ I.

Этотъ произволъ сильно стѣснялъ купцовъ, отдавая ихъ во власть чиновниковъ, при чемъ еще гнетъ усиливало само правительство, которое изъ торговли мѣхами дѣлало монополію.

Такимъ образомъ, въ XVI и XVII стол. въ Сибири мы встрѣчаемъ

лишь первые зародыши торговли; первымъ городомъ по своей торговлѣ (въ то время сибирской, теперь же европейской), было Верхотурье. Изъ сибирскихъ же городовъ, по своей торговлѣ съ Средней Азіей, имѣлъ большое значеніе только *Тобольскъ*, куда сходились и товары, привозимые изъ Россіи. Товары эти, вслѣдствіе отдаленности страны и ея малолюдства, были слѣдующіе: хлѣбъ изъ Россіи, которымъ снабжался весь Сибирскій край, разныя сукна, матеріи, посуда и вообще предметы самой первой необходимости. Изъ Тобольска русскіе торговцы и промышленники пускались внутрь Сибири и достигали Енисейска, гдѣ уже съ 1677 г. былъ гостинный дворъ и таможенная изба, далѣе они проникали въ бассейнъ Лены (торговали въ Якутскѣ и Охотскѣ) и область р. Амура. Съ половины XVII же столѣтія въ Сибири поднимается и другой городъ — *Нерчинскъ*, который къ концу вѣка имѣлъ такое же значеніе, какое имѣетъ теперь Кяхта, а именно: въ Нерчинскѣ сосредоточилась торговля съ Китаемъ¹⁾. Пути, ведшіе изъ этихъ городовъ, сначала сосредоточивались въ Казани, а потомъ уже начали сосредоточиваться въ Нижнемъ Новгородѣ.

Вотъ въ краткихъ словахъ обзорънѣе тѣхъ путей, которые существовали въ Россіи и Сибири въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

IX.

Эпоха преобразованій въ Московскомъ государствѣ и Петровскія реформы.

Во второй половинѣ XVII столѣтія является сознаніе, по крайней мѣрѣ, въ средѣ лучшихъ русскихъ людей, тѣхъ недостатковъ, которыми страдало тогдашнее общество и государство. Во всѣхъ

*) Русско-китайская торговля началась съ попытки одного изъ смѣлыхъ русскихъ предпринимателей проникнуть въ предѣлы Китая. Въ 1655 г. нѣкій Феодоръ Байковъ, отправившись изъ Тобольска въ Китай „для присматриванія въ торгахъ и товарахъ и въ прочихъ тамошнихъ поведеніяхъ“ достигъ Пекина. Съ тѣхъ поръ завязалась торговля съ Китаемъ, и въ 1689 г. въ Нерчинскѣ былъ заключенъ торговый трактатъ о взаимной свободной торговлѣ русскихъ и китайцевъ. Черезъ 10 лѣтъ въ Нерчинскѣ былъ устроенъ особый гостинный дворъ.

сферахъ его дѣятельности, а также и въ области торговли, замѣчаемъ мы, является стремленіе къ извѣстнаго рода преобразованіямъ, реформамъ. Если бы мы познакомились съ тѣмъ, каковы были эти реформы, мы бы узнали сущность этихъ недостатковъ.

Въ 60-хъ годахъ XVII столѣтія при дворѣ Алексѣя Михайловича выдвигается человѣкъ незнатнаго рода, но съ талантливою головою, человѣкъ, получившій хорошее образованіе и умѣвшій воспользоваться своимъ образованіемъ для служенія своему государству; человѣкъ этотъ не даромъ заслужилъ отъ нѣкоторыхъ историковъ названіе предтечи преобразователя — рѣчь идетъ объ Аѳанасіи Лаврентьевичѣ Ордынѣ-Нащокинѣ. Онъ болѣе, чѣмъ кто-либо, присматривался къ тому, что дѣлалось въ западной Европѣ, и знавалъ необходимость для русскихъ людей поучиться у своихъ сосѣдей ихъ болѣе развитому строю жизни. Получивъ мѣсто псковскаго воеводы, Ордынѣ-Нащокинъ посмотрѣлъ на дѣло не съ той точки зрѣнія, съ которой обыкновенно относились другіе воеводы къ своей службѣ, — съ точки патріархальнаго кормленія; ему хотѣлось поднять, возвысить своихъ людей. И здѣсь-то, на границѣ съ Европою, присматриваясь къ тому, что дѣлается на Западѣ, онъ впервые увидѣлъ тѣ недостатки, которые впоследствии старался искоренить. Прежде всего онъ замѣтилъ, что русскіе не могли, не были въ состояніи выдержать конкуренціи съ иностранцами. Послѣдніе вступали обыкновенно въ общины, компаніи, чѣмъ и способствовали успѣшному ходу торговли, — у насъ ничего подобнаго не было. Для того, чтобы сколько-нибудь пособить недостатку и поднять самостоятельность русскихъ торговцевъ, особенно тѣхъ, которые имѣли небольшія средства и вслѣдствіе этого попадали въ извѣстную кабалу къ иностраннымъ капиталистамъ, онъ предложилъ богатымъ псковскимъ людямъ помогать нуждающимся. Наконецъ, чтобы поддержать ихъ дѣятельность, онъ устроилъ нѣчто въ родѣ ссуднаго банка изъ средствъ воеводства (изъ земской избы стали выдавать деньги торговцамъ, имѣющимъ въ нихъ нужду) и вмѣстѣ съ тѣмъ постарался уничтожить нѣкоторыя монополіи. Особенно тяжела была одна монополія, именно питейная, такъ какъ продажа вина составляла исключительную собственность казны. Нащокинъ ввелъ у себя, въ Псковѣ, вольную продажу вина. Немного успѣлъ сдѣлать Ордынѣ-Нащокинъ въ Псковѣ, какъ былъ уже отозванъ въ

Москву, — и за временемъ реформъ наступала извѣстная реакція. Люди старины были недовольны всѣми его нововведеніями, особенно тѣмъ, что онъ хотѣлъ поднять меньшихъ людей, сами же меньшіе люди не умѣли сладить съ новыми, непривычными для нихъ порядками. Вызванный въ Москву и пользуясь довѣріемъ царя, Нащокинъ могъ однако имѣть большое вліяніе и значеніе на все государство. Въ политическомъ отношеніи это былъ первый человекъ, который спустя много лѣтъ возобновилъ политику Іоанна IV и Бориса Годунова и требовалъ сближенія съ Западомъ, для чего совѣтовалъ приобрести берега Балтійскаго моря. Для насъ особенно важны его реформы въ торговомъ отношеніи: большею частью ему обязанъ своимъ появленіемъ торговый уставъ 1667 г. Этотъ уставъ старался поднять дѣятельность русскихъ купцовъ и сколько-нибудь ослабить монополистическое преобладающее вліяніе иностранцевъ; съ этой цѣлью онъ запрещалъ иностранцамъ мелочную торговлю и торговлю внутри Россіи, дозволяя имъ торговать только въ Архангельскѣ, и въ то же время пытался придать извѣстную корпоративную организацію русскимъ заграничнымъ торговцамъ для торговаго суда и сбора пошлинь.

Мы видимъ такимъ образомъ, что уставъ 1667 г. былъ плодомъ системы протекціонизма, которая господствовала во всей Европѣ. Эта была та система, главнымъ представителемъ которой былъ современникъ Ордынь-Нащокина, знаменитый французскій министръ Кольберъ. Аванасій Лаврентьевичъ является у насъ первымъ представителемъ этой новой системы¹⁾. Надо замѣтить, что въ то время эта

¹⁾ Система протекціонизма состояла въ охранѣ національной промышленности отъ чужеземнаго соперничества путемъ 1) обложенія высокими таможенными пошлинами иноземныхъ произведеній, съ цѣлью сократить ихъ привозъ, поднять на нихъ цѣну и тѣмъ самымъ возвысить прибыль владѣльцевъ туземныхъ фабрикъ, производящихъ тѣ же издѣлія (хотя бы по своему достоинству эти издѣлія туземнаго производства стояли несравненно ниже произведеній иностранцевъ); 2) наложенія пошлинь на вывозъ сырыхъ матеріаловъ; 3) запрещенія вывоза усовершенствованныхъ орудій съ цѣлью лишить иноземцевъ возможности пользоваться выгодами новыхъ изобрѣтеній; 4) запрещенія вывоза опытныхъ мастеровъ, дабы не распространять усовершенствованныхъ способовъ производства; 5) выдачи денежныхъ субсидій, монополій, премій и пр. для поощренія мѣстной промышленности и т. д. Такимъ образомъ, система протекціонизма стремилась къ тому, чтобы данная страна

система была совершенно необходима для развитія народа: ею обуславливалась независимость одного народа отъ другого. Въ этомъ желаніи освободить свой народъ отъ вліянія иноземцевъ ясно чувствуется сознание того недостатка, который давалъ себя знать и въ XVI вѣкѣ: именно недостатка самостоятельной дѣятельности, подчиненіе иностранцамъ, что мы видѣли въ торговлѣ Новгорода съ Ганзою. Горькій опытъ долженъ былъ привести русскихъ людей къ убѣжденію о невыгодности такого господства иностранцевъ для развитія отечественной промышленности и торговли, и, негодуя на англійскаго царя, т.-е. Ивана Васильевича IV (такъ называли его за любовь къ англичанамъ), русскіе купцы старались избавиться отъ вліянія иноземцевъ и постоянно настаивали на ихъ изгнаніи и ограниченіи ихъ правъ. Но, съ другой стороны, въ Ордынѣ-Нащокинѣ чувствуется вліяніе того, что дѣлалось въ западной Европѣ. Почти въ каждой своей реформѣ онъ ссылается на примѣры „иностранныхъ, чужихъ земель“: еще въ Псковѣ онъ устраиваетъ беспошлинные торги „по примѣру чужихъ земель“. Иностранная государства наиболѣе всего заботились о развитіи торговли и считали ее въ числѣ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ. И у насъ прежде на торговлю также смотрѣли, какъ на нѣчто важное, но не было яснаго, можно сказать, научнаго сознанія органической связи между народнымъ благосостояніемъ, политическимъ могуществомъ и торговлею. Впервые въ Ордынѣ-Нащокинѣ мы видимъ человѣка, для котораго эта истина дѣлается сознательно ясною. Стараясь освободить русскую торговлю отъ подавляющаго вліянія иноземцевъ, онъ своимъ торговымъ уставомъ уничтожаетъ различныя мѣры стѣснительныя для оя внутренняго развитія. Торговый уставъ отмѣняетъ безчисленное множество существовавшихъ пошлинъ, какъ-то: мостовая, гостинная, сотенная, вѣсчая и друг., которыя, конечно, значительно стѣсняли тор-

сама производила все то, что ей необходимо. Эта система явилась результатомъ распространившагося въ XVII в. ученія, получившаго названіе меркантилизма. Тогда господствовало мнѣніе, что богатство страны измѣряется количествомъ находящагося въ ней денегъ, вслѣдствіе чего правительство должно стремиться увеличить по возможности вывозъ товаровъ и уменьшать ввозъ ихъ, продавать отечественные товары по дешевой цѣнѣ и покупать иностранные товары по цѣнѣ дорогой.

говое движеніе. Затѣмъ торговый уставъ старается какъ-нибудь изъ купцовъ, дѣйствовавшихъ въ разбродъ, составить нѣчто цѣлое, для этого онъ предлагаетъ устроить приказъ „купецкихъ дѣлъ“, который бы исключительно „вѣдалъ торговыя дѣла“. Въ первый разъ, слѣдовательно, торговля вырастаетъ въ сознаніи правительственныхъ людей русскихъ на степень самостоятельной отрасли, которая нуждается въ особомъ управленіи и покровительствѣ. Дѣйствительно, по мысли Ордынь-Нащокина, устраивается приказъ „купецкихъ дѣлъ“. Это былъ важный шагъ впередъ. Наконецъ, въ томъ же уставѣ является первая попытка облегчить положеніе русскихъ гостей и вообще всего городского сословія, такъ какъ у этого сословія, собственно говоря, почти не было опредѣленныхъ правъ. Торговые, посадскіе люди и люди черныхъ сотней — всѣ подвергались значительнымъ стѣсненіямъ: обременительно было и тягло государево, которое должны были они нести; тяжело имъ было и отъ податей, отъ притѣсненій властей — воеводъ, посадниковъ и т. п., отъ которыхъ ихъ нужно было избавить. Торговый уставъ старается облегчить ихъ положеніе. Такимъ образомъ въ реформѣ Ордынь-Нащокина ясно высказываются недостатки русскаго общества XVI и XVII столѣтій: 1) отсутствіе самостоятельной дѣятельности, какъ въ промышленности, такъ и въ торговлѣ, вслѣдствіе чего русскіе подпали подъ вліяніе иностранцевъ; 2) отсутствіе сознанія необходимости развитія городского сословія, которое на Западѣ образовалось еще въ XII и XIII столѣтіяхъ и достигло въ средніе вѣка значительнаго развитія, вызвавъ тѣмъ самымъ появленіе такихъ замѣчательныхъ торговыхъ центровъ, какъ города Италіи, фламандскіе и ганзейскіе, — у насъ ничего подобнаго не было; 3) торговля не выросла въ сознаніи народа, и правительство, само усердно занимаясь торговлею, не понимало однако же ея государственнаго и народнаго значенія.

Итакъ, первыя попытки устранить эти недостатки сдѣланы были во второй половинѣ XVII вѣка. Аѳанасія Лаврентьевича называютъ предтечею великаго преобразователя, и онъ заслуживаетъ вполне этого имени; онъ дѣйствительно былъ лучшимъ представителемъ того времени, когда, хотя и смутно, но уже сознавалось приближеніе перелома, какъ бы чувствовалось рожденіе тѣхъ реформъ, которыя

двинуть русскую землю по новому пути и закончить такъ называемый московскій періодъ ея жизни.

Въ XVI и XVII вѣкахъ выполняется важная задача: совершается постепенно объединеніе земли русской. Страна суздальская вырастаетъ въ продолженіе двухъ этихъ столѣтій прежде въ царство Московское, а потомъ, присоединивъ Малороссію, въ государство Россійское. Если въ это время и не вполне еще рѣшилась задача объединенія, то, по крайней мѣрѣ, въ значительной степени опредѣляется дальнѣйшее развитіе страны. Суздальская земля, расширяя свои предѣлы и объединяя въ этихъ предѣлахъ землю русскую, вмѣстѣ съ тѣмъ должна была выйти изъ своего замкнутого, провинціального положенія. Земля суздальская тянула на востокъ, но земля русская по своему положенію на востокъ тянуть не могла. Несмотря на всѣ препятствія, объединеніе происходитъ, и общія географическія условія всей страны рано или поздно должны были сблизить Россію съ остальною Европою. Это сближеніе невольно совершалось, начиная съ XVI в., хотя и сознавалось только лучшими людьми того времени. Мы видимъ, какъ понемногу начинаютъ господствовать западные интересы, и какъ это господство появляется не въ видѣ какого-нибудь единичнаго усилія и требованія, но очень часто невольно, почти инстинктивно: нужда заставляетъ русскихъ обращаться къ западнымъ мастерамъ; нужда заставляетъ обращаться къ западному военному строю; наконецъ, нужда доставляетъ перевѣсъ товарамъ европейскимъ надъ товарами Востока на нашихъ рынкахъ. Матеріальные интересы такимъ образомъ влекутъ насъ къ Европѣ. Но вслѣдъ за матеріальными интересами вырастаютъ интересы и духовные. Сближеніе съ Западомъ необходимо было для русскихъ людей. Это входитъ въ сознаніе даже людей, не отличавшихся особенной энергіей характера. Представителемъ подобнаго рода людей является „Типаипшій“ царь Алексѣй Михайловичъ. Онъ не былъ созданъ для какого-либо поворота, не былъ способенъ къ энергическимъ реформамъ, но тѣмъ не менѣе въ немъ сильно сказывалось вліяніе запада, — вліяніе, проявляющееся даже въ мелочахъ, напримѣръ, въ житейской обстановкѣ; и если Алексѣй Михайловичъ уже рѣшился, хотя и не безъ трепета душевнаго, ходить въ „комедійную хранину“, то это было знаменіемъ новаго времени, по требованіямъ котораго русскій царь даетъ иностранное воспитаніе своимъ дѣтямъ.

Но рѣзко поворотить къ Западу было трудно, должна была быть какая-нибудь промежуточная ступень; такая промежуточная ступень нашлась. Прежде чѣмъ насталь періодъ вліянія западнаго, для насъ былъ періодъ вліянія польскаго, во второй половинѣ XVII вѣка. Знакомство съ Западомъ началось для насъ сближеніемъ съ южнорусскими людьми, которые отстаивали свою вѣру и національность отъ поляковъ и отстаивали средствами, заимствованными отъ тѣхъ же поляковъ, ибо школа южнорусская, борвавшаяся съ іезуитами, была построена на іезуитскій манеръ. Такимъ образомъ во второй половинѣ XVII вѣка, какъ впоследствии языки нѣмецкій и французскій, для извѣстнаго, небольшого числа образованныхъ московскихъ людей польскій языкъ сдѣлался языкомъ моды; являются польскіе учителя, которые даютъ русскимъ людямъ западно-европейское образованіе и готовятъ ихъ къ перевороту, совершившемуся при Петрѣ Великомъ. Не нужно забывать, что не будь этого польскаго полуперіода, и дѣятельность Петра не могла бы существовать: онъ не нашелъ бы себѣ помощниковъ для этого въ высшихъ слояхъ общества.

Западное вліяніе на русскихъ людей сказывалось очень разнообразно. Подъ вліяніемъ Запада вырабатывается личность Аѳанасія Лаврентьевича, который умѣлъ учиться, не теряя своей самостоятельной воли и національнаго сознанія; но вмѣстѣ съ подобною личностью является въ то время масса людей, которая не была въ состояніи удержать свою національность и которая сильно подпала вліянію иноземцевъ: таковы, напримѣръ, Измайловъ, Воинъ Нащокинъ, Котошихинъ и др. Измайловъ, сынъ смоленскаго воеводы, есть плодъ смутнаго періода, когда сразу нахлынулъ на Россію польскій элементъ, увлекшій въ своемъ теченіи массу русскихъ людей; Измайловъ съ высокомернымъ презрѣніемъ относится къ русскимъ: „Гдѣ уже нашему московскому плюгавству бороться съ такимъ рыцарствомъ“, говоритъ онъ и подъ Смоленскомъ входитъ въ сношенія съ поляками. Воинъ Аѳанасьевичъ, сынъ преобразователя, поступаетъ еще рѣзче. Получивъ западное образованіе отъ польскаго шляхтича-учителя, онъ не можетъ примирить того, что онъ узналъ вновь, съ тѣмъ, что его окружало, и если отецъ его старается изо всѣхъ силъ, чтобы воспользоваться опытностью Запада и подвинуть впередъ Русское государство, сынъ покидаетъ

свою родину и дѣлается русскимъ эмигрантомъ точно такъ же, какъ и знаменитый подъячій посольскаго приказа Григорій Котошихинъ, который написалъ очень интересное сочиненіе о Московскомъ государствѣ.

Итакъ въ XVII вѣкѣ все болѣе и болѣе появляется сознание необходимости реформъ, — сознание недовольства своимъ настоящимъ. Реформа чувствуется; она должна во всякомъ случаѣ непременно произойти, но эта реформа должна была имѣть крутой и рѣзкій характеръ.

Много, конечно, условій вызвало то, что земли суздальская и московская замкнулись въ самихъ себѣ. Главнымъ образомъ, эта замкнутость была результатомъ лѣснаго уединенія, потому-что въ лѣса приходилось бѣжать отъ дикихъ, степныхъ сосѣдей; въ лѣсу приходилось обрабатывать свою самостоятельность, но глухая, вѣковая жизнь не можетъ быстро измѣниться, также и человѣкъ, выросшій въ степи, въ кельѣ, не можетъ сразу выступить дѣятельнымъ членомъ общества. Если прибавить къ этому несомнѣнные и вредные слѣды вліянія господства степного, именно періодъ татарщины, то ясно будетъ, почему русская земля выработала въ себѣ извѣстныя основы нетерпимости, замкнутости и почему такъ долго не чувствовалось необходимости сближенія съ другимъ народомъ. Намъ не должно изумлять, почему съ паденіемъ Греціи, которая постоянно поддерживала отвращеніе русскихъ къ Западу, русскій человѣкъ былъ убѣжденъ, что единственная земля, гдѣ сохранилась истинная религія и вѣра, есть земля свято-русская. Только рядъ горькихъ опытовъ приводитъ его къ сознанию, что есть земли, порядки которыхъ лучше порядковъ земли свято-русской. Но сознание это не скоро могло проникнуть въ массу; оно сначала сдѣлалось достояніемъ лучшихъ людей. Такихъ людей было не много; напротивъ, больше было людей старины, и они постоянно оказывали сопротивленіе реформамъ. Вы припомните, что еще въ XVI вѣкѣ Берсенъ-Беклемишевъ жалуется, что такая земля не долго стоитъ, которая „премѣняетъ свою старину, свои старые обычаи“. Берсенъ-Беклемишевы были во всякое время, и потому приверженцы старины всегда составляли массу, которая замедляла прогрессивное движеніе впередъ. Не безъ борьбы, не безъ переворота совершается это движеніе. Если реформа подготавлилась понемногу, если она и чув-

ствовалась смутно въ русскомъ обществѣ, то необходимо было повернуть рѣзко и круто. Нужно было, чтобы народъ получилъ толчокъ. Однимъ словомъ, общая идея вѣка должна была найти себѣ индивидуальное воплощеніе. Законъ исторіи говоритъ намъ, что ни одинъ великій человѣкъ не является совершенно независимо отъ времени и народа, но тотъ же примѣръ исторіи указываетъ намъ на то, что великія идеи находили себѣ обыкновенно воплощеніе въ одной личности. Такъ совершилось объединеніе западныхъ европейцевъ во времена Карла Великаго, такъ совершилась и реформація и т. д. Не нужно забывать, что отдѣльныя личности имѣютъ важное вліяніе и значеніе въ исторіи. Личность, которая живо выражаетъ въ себѣ одной всѣ идеи, смутно чувствуемыя большинствомъ, называется великимъ человѣкомъ. При переходѣ изъ одного состоянія въ другое необходимо былъ такой человѣкъ. И такой великій человѣкъ долженъ былъ явиться и въ русской землѣ. Двумя реформаторами, которые опредѣлили и обозначили собою переходъ отъ одного періода къ другому, отъ XVII до XVIII вѣка, являются два лица, тѣсно связанныя между собою. Оба они не были людьми тихой, умѣренной реформы, въ которой находилъ свое выраженіе Алексѣй Михайловичъ. Это были люди крутыхъ и рѣзкихъ переворотовъ — патріархъ Никонъ и Петръ Великій.

Мы видимъ, что Петръ Великій есть воплощеніе самосознанія русскаго народа XVII вѣка; онъ выражаетъ въ себѣ лично, явно то, что чувствовалось, какъ бы носилось въ воздухѣ. Современникъ Петра Великаго, знаменитый крестьянинъ писатель Посошковъ, замѣчаетъ, что „государь самъ-другъ, самъ-третьей въ гору тянетъ, а милліоны тянутъ подъ гору“, — фраза эта является выраженіемъ только видимости, большей частью обманывающей.

Дѣйствительно милліоны тянули подъ гору не только потому, что жизнь ихъ измѣнялась, а потому, что жить въ эпоху реформъ въ высшей степени тяжело, — тяжело даже въ отношеніи матеріальномъ, финансовомъ. Вотъ почему эта тяжесть и трудность вызываетъ такого рода характерный отзывъ о Петрѣ: „Міроѣдъ“ — называли его. „Весь міръ переѣлъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ на царство сѣлъ, красныхъ дней не видно, все рубли да полтины“. Какъ бы то ни было, тому, что реформа Петра Великаго не умерла вмѣстѣ съ нимъ, содѣйствуетъ то обстоятельство, что, какъ мы

увидимъ въ послѣдствіи, эта реформа особенно сильно сказалась въ періодъ правленія его преемниковъ. Лозунгъ этой реформы былъ одинъ: энергическая самодѣятельность народа; самодѣятельность есть самостоятельность народа, и, слѣдовательно, эта реформа опиралась на народную самостоятельность.

Общая идея реформъ Петра Великаго, какъ извѣстно, заключалась въ желаніи ввести русскій народъ въ систему народовъ западной Европы, развить и усовершенствовать политическій и общественный строй его жизни до той степени, которую выработала себѣ западная Европа, благодаря болѣе выгоднымъ условіямъ, въ которыхъ она была поставлена исторіею. Вводя русское государство въ систему государствъ Европы, Петръ Великій желалъ учиться, но не оставаться постоянно на степени ученика-подражателя и вступить въ ихъ среду въ качествѣ самостоятельнаго члена. Подражаніе учителямъ у него не являлось цѣлью, а было только временною необходимостью. Имѣя такого рода взгляды и идеалы, Петръ Великій, естественно, долженъ былъ обратить вниманіе на русское общество во всѣхъ его отправленіяхъ. Матеріальное развитіе стояло у него на первомъ планѣ. Дѣйствительно, мы видимъ, что ни одинъ русскій государь не отдавался такъ заботливо наблюденію за интересами торговыми и промышленными, какъ Петръ, видѣвшій въ развитіи ихъ одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ приобщить Россію къ западно-европейской культурѣ. Желая поставить русское государство въ политическомъ отношеніи выше, чѣмъ оно прежде стояло, ему необходимо было достигнуть моря. Море было нужно Петру Великому, какъ международное нейтральное поле. Инстинктивно сознавалъ Петръ Великій ту идею, что великое государство и великій народъ не можетъ обойтись безъ моря, ибо безъ моря невозможна полная самостоятельность, независимость отъ другихъ народовъ. Ведя войну съ Швеціей, Петръ потребовалъ отъ своего народа напряженія не только силъ умственныхъ, но и силъ матеріальныхъ. Для войны необходимы были деньги — не даромъ онъ говорилъ, что „деньги есть артерія войны“. Деньги при неразвитомъ состояніи нашихъ финансовъ добывались съ трудомъ: извѣстно, что у насъ не было правильной денежной системы; но, съ другой стороны, неразвитая денежная система была только результатомъ нашей неразвитой промышленной

и торговой дѣятельности — такъ тѣсно и неразрывно связывались между собою разнородные интересы. Поставить русскій народъ на самостоятельную почву, поставить такъ, чтобы онъ не зависилъ отъ иноземцевъ, чтобы онъ развилъ себя самостоятельно, ибо вся наша торговля находилась въ полной зависимости отъ западныхъ монополистовъ, — вотъ въ чемъ заключалась идея Петра Великаго. Мысль эта была великая; будучи приведена въ исполненіе, она необходимо должна была выдвинуть впередъ русскій народъ. Чувствовалась и сознавалась она и до Петра Великаго, но недоставало энергіи, чтобы сразу двинуться по новому пути. Трудно было сразу отрѣшиться отъ своей апатіи, неумѣнія пользоваться тѣмъ, что давала природа.

Для того, чтобы дѣйствительно совершить переворотъ, Петру Великому необходимо было обратить вниманіе на слѣдующія стороны общественной жизни. Во-первыхъ, необходимо было сдѣлать что-нибудь для того сословія, которое занималось промышленностью и торговлею. Въ XVII столѣтіи это сословіе было въ неудовлетворительномъ положеніи: не было городского, опредѣленнаго сословія, не было сословія ремесленниковъ, не было ничего того, что могло бы обезпечить ихъ положеніе; оно тянуло тягло государево и вмѣстѣ съ тѣмъ находилось очень часто въ рукахъ самовластныхъ воеводъ. Вслѣдствіе этого русскіе люди привыкли дѣйствовать отдѣльно; единства дѣйствій у нихъ не было. Въ то время, когда западные иностранцы, еще со временъ Ганзы, дѣйствовали сообща, русскіе этому сплошному, дисциплинированному войску не могли противопоставить ничего, кромѣ нестройныхъ дружинъ. Причины, по которымъ русскія войска терпѣли пораженія отъ регулярныхъ иностранныхъ войскъ, и причины, по которымъ русскіе купцы не могли конкурировать съ иностранцами, были тождественны и заключались главнымъ образомъ въ той нестройной толпѣ, которую представляли наши войска, и въ той отдѣльной торговлѣ, которая велась въ разбродѣ. Устранить эти причины было необходимо. И дѣйствительно, Петръ Великій съ самаго начала своего царствованія обратилъ на это серіозное вниманіе и вездѣ въ своихъ реформахъ старался ввести коллегіальное устройство на европейскій образецъ. Въ 1700 году онъ издаетъ указъ, по которому русскимъ людямъ предоставляется дѣйствовать компаніями. Причина превосходства

западной торговли передъ русскою именно и заключалась въ томъ, что тамъ торговля производилась сообща, компаніями. Русскимъ купцамъ было приказано также составить такую компанію и отпра- влять свои товары въ Архангельскъ вмѣстѣ, а не отдѣльно. Попытка Петра Великаго устроить торговую компанію возбудила силь- ное опасеніе въ средѣ иностранныхъ купцовъ, которые боялись выпустить изъ своихъ рукъ Россію и потерять монополію, такъ какъ Россія у нихъ во многихъ отношеніяхъ была золотымъ дномъ. Гол- ландскій резидентъ Ванъ-деръ-Гульдъ съ большимъ опасеніемъ до- носилъ Штатамъ объ этомъ намѣреніи русскаго царя и принималъ, съ своей стороны, всѣ усилія, чтобы затормозить это дѣло, и, къ сожалѣнію, оно дѣйствительно затормозилось и затормозилось само собою, безъ вліянія иноземцевъ. Черезъ нѣсколько времени Ванъ-деръ-Гульдъ не безъ удовольствія доносилъ, что замыселъ царя не состоялся, потому что русскіе купцы не привыкли еще къ компаніямъ¹⁾. Если дѣло это не устроилось, то все-таки оно не пошло по старому. Если нельзя было купцовъ соединить въ компа- нію, то Петръ попытался по возможности дать имъ общее устрой- ство и управленіе и составить изъ нихъ отдѣльное сословіе. Какъ та- бель о рангахъ устраиваетъ у насъ опредѣленное сословіе, дворян- ское или шляхетское, какъ выражались тогда, изъ сброда служилыхъ людей, то такого же рода законодательство создаетъ особое купе- ческое сословіе. Естественно было, пытаясь создать это сословіе, слѣдовать западнымъ, уже готовымъ образцамъ. На Западѣ купе- ческое сословіе пользовалось особыми привилегіями и законами въ разныхъ мѣстностяхъ различными, но наиболѣе были регламентиро- ваны эти привилегіи въ законахъ города Магдебурга; вотъ почему магдебургское право сдѣлалось господствующимъ въ западной Европѣ, перешло въ Польшу, а оттуда и къ намъ при Петрѣ Ве- ликомъ. Уже въ 1699 году была устроена у насъ въ Москвѣ такъ называемая Бурмистровская палата или ратуша, гдѣ должны были принимать участіе выборные люди изъ городского сословія. Долж- ность ихъ состояла въ томъ, что они завѣдывали городскими

¹⁾ Торговья компаніи стала возникать у насъ лишь въ половинѣ XVIII в. и то не для западной, а для юго-восточной торговли, въ которой иностранцы не могли являться опасными конкурентами.

дѣлами, распредѣляли налоги и подати. Оберъ-инспекторомъ этой ратуши, которому были поручены все остальные, былъ назначенъ извѣстный прибыльщикъ Петра Великаго Алексѣй Александровичъ Курбатовъ, одинъ изъ любопытнѣйшихъ типовъ людей, выдвинувшихся въ царствованіе Петра Великаго. Бывшій дворецкій и крѣпостной боярина Шереметьева, Курбатовъ вмѣстѣ съ нимъ ѣздилъ за границу, гдѣ присматривался къ образцамъ и издалъ проектъ о гербовой „орленой“ бумагѣ. Петръ оцѣнилъ достоинство этого проекта и выдвинулъ Курбатова впередъ. Послѣдній сдѣлался родоначальникомъ цѣлой массы людей, которые должны были помогать Петру Великому въ матеріальномъ отношеніи; отсюда они получили названіе государевыхъ прибыльщиковъ, ибо они разыскивали государю прибыль.

Новое учрежденіе, конечно, не могло сразу ужиться съ русскими нравами. Трудно было переменить то, что устраивалось вѣками. Самое учрежденіе во многихъ случаяхъ не приносило желаемыхъ результатовъ; попрежнему воеводы оставались сильны, попрежнему властвовали они надъ старыми людьми и относились къ своей должности по старой привычкѣ, какъ къ кормленію, привычкѣ, которая болѣе, чѣмъ какая другая, укоренилась въ русской землѣ; и сами выборные обвиняли и притѣсняли тѣхъ же людей, которые ихъ выбирали. Петръ вездѣ проводилъ мысль объ общности, о равенствѣ; вездѣ у него начальствующее лицо было „не яко владыко, но яко президентъ,“ и вездѣ эта основная его мысль плохо прививалась къ непривычнымъ къ ней людямъ. Но онъ тѣмъ не менѣе не останавливался на этихъ неудачахъ и уже въ послѣдній годъ своей жизни ввелъ въ Россіи магдебургское право въ обширныхъ размѣрахъ и привелъ городское самоуправленіе къ должному порядку. Именно въ 1723 году былъ изданъ цѣлый рядъ законовъ, цѣль которыхъ ясно была выражена имъ самимъ: *русскаго купечества разсытланную храниму наки собрать*. Для этого городское сословіе, по обычаю Запада, было раздѣлено надвое: на собственно купцовъ и на бывшихъ посадскихъ людей, получившихъ новое названіе „мѣщанъ“ (съ польскаго „място“ — городъ). Купцы были раздѣлены по европейскому образцу на 2 гильдіи; дѣленіе это основывалось на количествѣ оплачиваемаго капитала и взимаемыхъ пошлинъ. Ремесленники были раздѣлены на цехи.

Такимъ образомъ, гильдейское и цеховое устройства были цѣликомъ перенесены къ намъ съ Запада. Для общаго управленія купеческими и посадскими дѣлами являются городскіе магистраты. Это ни что иное, какъ прежнія бурмистровскія ратуши, но только болѣе распространенныя въ городахъ и съ болѣе опредѣленными правами. Наконецъ, для того, чтобы правительство имѣло мѣсто, откуда бы оно могло слѣдить за успѣхами торговли и дѣлало бы необходимыя для этого распоряженія, приказъ купецкихъ дѣлъ замѣняется коммерцъ-коллегіей. Такими заботами, такими трудами Петру удалось „разсыпанную хранину паки собрать“. Если, конечно, не сразу высказалось это прогрессивное движеніе впередъ, не сразу проявилось то, чего онъ добивался, то, по крайней мѣрѣ, это было важное начало для его будущихъ реформъ. Это была первая забота Петра Великаго. Второю его заботою было постараться увеличить и развить, по возможности, самостоятельную русскую торговлю, а для этого ему необходимо было позаботиться объ удобствахъ этой торговли, какъ виѣшной, такъ и внутренней.

Какъ мы уже говорили, внутренняя торговля далеко не пользовалась у насъ тѣми удобствами, которыя доставляла ей страна, и, главное, не сознавалась необходимость прибавить что-нибудь къ тому, что существовало прежде. Въ этомъ отношеніи особенно важенъ былъ вопросъ о путяхъ сообщенія, съ улучшеніемъ которыхъ тѣсно связано было и экономическое развитіе страны. Пути сообщенія древнерусскіе представляются намъ очень неудобными, мало доступными, и вотъ почему товары у насъ привозились караванами, преимущественно въ удобное время, зимою; лѣтомъ товары перевозились, пользуясь обиліемъ рѣкъ, водными путями, но при этомъ не дѣлалось никакихъ улучшеній, никакихъ усовершенствованій этихъ водныхъ путей. Первою мыслью Петра Великаго было воспользоваться этими водными путями, соединить ихъ посредствомъ каналовъ и устроить такимъ образомъ непрерывный водный путь отъ различныхъ морей, омывающихъ землю русскую. Главное вниманіе онъ, естественно, долженъ былъ обратить на тотъ путь, который велъ отъ моря Балтійскаго къ морю Каспійскому. Вслѣдствіе приобрѣтенія моря Балтійскаго, отстраняются всѣ преграды, существовавшія прежде. Мы знаемъ, что путь Бѣломорскій былъ удобенъ. Собственно говоря, путь этотъ былъ искусственный, хотя

его и создали не отдѣльныя лица, а извѣстныя историческія условія; путь же Балтійскій былъ естественнѣе, онъ былъ древній путь и уже извѣстный въ VIII и IX столѣтіяхъ. Побѣды надъ народами, запиравшими намъ путь къ Балтійскому морю, доставили возможность снова повернуть на этотъ водный путь. Сознавая важность возвращенія этого пути, Петръ строить въ 1703 году городъ, который, по его мнѣнію, долженъ былъ сдѣлаться столицей русскаго государства, и онъ дѣйствительно ею сдѣлался, потому что онъ выражалъ историческое движеніе русскаго народа на Западъ. Петръ любилъ выстроенный имъ Петербургъ, не только какъ свое созданіе, въ которомъ онъ видѣлъ, какъ онъ выразился, какой-то рай, но потому, что онъ сознавалъ необходимость направить русскую торговлю по этому пути къ западу. Вновь созданный городъ и вновь открытые торговые пути не могли однако сразу измѣнить прежняго направленія. Иностранные купцы привыкли ѣздить въ Архангельскъ, куда также приходили и русскіе купцы и привозили свои товары. Тамъ были устроены главные складочные пункты и магазины: все было приспособлено для передвиженія товаровъ. И хотя еще во второй половинѣ XVII ст. замѣчается переворотъ, но онъ не могъ рѣзко проявиться безъ энергическихъ мѣръ, предпринятыхъ Петромъ Великимъ. Его главная мѣра заключалась въ томъ, что онъ для новаго города устроилъ и новое городское управленіе: для того, чтобы пріохотить иноземцевъ, Меншиковъ, какъ мы знаемъ, по приказанію Петра, выдалъ шкиперу перваго прибывшаго корабля 300 талеровъ и каждому матросу по 30 талеровъ и просилъ еще пріѣхать въ этотъ новый городъ. Наконецъ, были приняты и болѣе рѣшительныя мѣры; въ 1710 году былъ изданъ указъ, по которому не было дозволено вывозить хлѣбъ изъ Архангельска, а только можно было оттуда вывозить одну пеньку; хлѣбъ долженъ былъ итти на Петербургъ, а иностранцамъ было запрещено ввозить шелковыя издѣлія, ткани и парчи; черезъ 3 года запрещено было возить въ Архангельскъ и Вологду также и пеньку и юфть, такое же запрещеніе было положено и на „государевы товары“: икру, клей, поташъ, смолу, щетину и ремень — все это повелѣно было привозить въ Петербургъ. Съ другой стороны, и торговые иноземцы приглашались уведомить своихъ соотечественниковъ за границей, чтобы корабли для

нагрузки русскихъ товаровъ присылались къ Петербургу, а не къ Архангельску, для чего обычная 5%-ная пошлина была понижена до 3%. Иностранцы, особенно голландцы и англичане, сильно желали помѣшать Петру Великому и указывали ему на то, что тотъ путь былъ старый, уже извѣстный, что повернуть на новый путь очень трудно; но какъ бы то ни было, Петръ Великій не обратилъ вниманія на всѣ эти доводы. Главная причина была та, что новый городъ лучше, чѣмъ старый могъ усвоить, какъ это и случилось, новыя самостоятельныя формы торговли. Голландцы опасались здѣсь конкуренціи другихъ народовъ, которые могли прійти сюда по близости моря, и опасались также новыхъ отношеній русскихъ людей къ торговлѣ. Петръ не обратилъ вниманія на всѣ эти представленія и въ 1718 году издалъ указъ, по которому русскіе купцы должны были непременно отправлять $\frac{2}{3}$ своихъ товаровъ въ Петербургъ, при чемъ съ товаровъ, предназначенныхъ для вывоза, не взималось никакихъ пошлинъ на внутреннихъ заставахъ¹⁾. Всѣми этими мѣрами былъ нанесенъ страшный ударъ Архангельску, откуда съ 1717 г. въ Петербургъ были переселены и самые именитые купцы; торговля Архангельска сразу остановилась, и съ тѣхъ поръ торговое значеніе города начало все болѣе и болѣе падать; городъ не могъ уже оправиться и впослѣдствіи. Мѣра Петра Великаго въ этомъ отношеніи увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: въ 1710 году въ Архангельскъ прибыло 150 съ небольшимъ кораблей; болѣе всего было англійскихъ, именно 70, около 60 голландскихъ, 10 гамбургскихъ и около 10 остальныхъ; въ 1722 году въ новый городъ, который въ то время считалъ себѣ 19 лѣтъ, уже прибыло 114 кораблей, а черезъ 2 года число кораблей возросло до 240. Такими исполинскими шагами шель Петербургъ впередъ, и число кораблей возростало все болѣе и болѣе, и уже въ 1724 году молодой, только что созданный городъ могъ почти сравняться съ старымъ городомъ, съ Ригею, потому что число прибывшихъ кораблей въ этомъ году доходило до 300²⁾.

1) Впослѣдствіи, по ходатайству купцовъ, при скопленіи экспортныхъ товаровъ въ Петербургъ давались разрѣшенія известную часть товара вести къ Архангельску.

2) Приводимая ниже табличка даетъ наглядное представленіе о перемѣщеніи центра внѣшней торговли при Петрѣ изъ Архангельска въ Петербургъ. До основанія новой столицы, когда Петръ не имѣлъ еще въ распоряженіи береговъ

Сознавая важность Балтійскаго моря, Петръ не могъ не сознавать важнаго значенія и другого моря,— моря Каспійскаго.

Азія въ XVI, XVII, а также и въ XVIII столѣтіи не потеряла своего прежняго значенія для Европы, хотя отношенія ея съ послѣднею начали измѣняться. Товары азіатскіе все-таки были важны на европейскіихъ рынкахъ въ обработанномъ или сыромъ видѣ, особенно товары изъ далекой Индіи, потому что оттуда привозились товары колоніальные. Еще въ XVII вѣкѣ у русскаго правительства является попытка проникнуть въ Индію. У Петра Великаго постоянно была въ виду такая же мысль отправить товары транзитомъ изъ Индіи черезъ Хиву и Бухару въ Россію; поэтому онъ внимательно наблюдалъ за Азіей и не упускалъ никакого случая, чтобы разузнать о ея богатствахъ. Когда, напр., до него дошло извѣстіе, что при устьѣ рѣки Дарья находится мѣсто Эркети, въ которомъ будто бы видѣли золотыя прииски, Петръ Великій немедленно разослалъ людей узнать объ этомъ и, наконецъ, отправилъ туда, въ Хиву, цѣлое войско подъ начальствомъ князя Бековича-Черкискаго, чтобы завладѣть мѣстностью и выстроить тамъ русскій городъ. Но, какъ извѣстно, походъ этотъ окончился полною неудачею, такъ какъ войско потерпѣло много отъ самаго пути, а также и отъ хивинцевъ, которые обманомъ заманили Бековича и перерѣзали почти все его войско. Такимъ образомъ, эта попытка Петра Великаго окончилась не только неудачею, но даже ухудшила наши отношенія къ Азіи, которыя въ XVIII вѣкѣ, когда Россія становится все болѣе и болѣе западною страной, начинаютъ слабѣть. Здѣсь не удалось, тогда Петръ, не оставляя своего

Балтійскаго моря, онъ принималъ энергичныя мѣры къ расширенію архангельской торговли (трижды посѣтилъ самъ Архангельскъ, построилъ здѣсь нѣсколько кораблей для экспорта казенныхъ товаровъ за границу и т. д.); мѣры эти были настолько успешны, что торговый оборотъ Архангельской ярмарки, достигавшій въ концѣ XVII в. едва 850.000 руб., поднялся въ 1870 г. до 1½ милл. руб., а черезъ восемь лѣтъ до 3 милл. руб. Въ 1726 г. въ Архангельскѣ отпущено было уже товаровъ всего лишь на 285.387 руб., а привезено на 35.846 руб., т.-е. оборотъ ярмарки благодаря переводу торговли въ Петербургъ упалъ до 300.000 руб. Изъ Петербурга въ 1718 г. вывезено было товаровъ на 268.520 р., а въ 1726 г.—на 2.403.423 р.; въ 1718 г. привезено было въ Петербургъ на 218.049 руб., въ 1726 г.—на 1.549.697 руб. Такимъ образомъ торговый оборотъ въ Петербургѣ достигъ 4 милліоновъ руб.

намѣренія, обратилъ виды на Персію, куда былъ назначенъ посломъ Артемій Петровичъ Волынской, которому была дана инструкция разузнать, нѣтъ ли тамъ какой-либо рѣки, которая протекала бы изъ Индіи черезъ Персію и впадала въ Каспійское море. Волынскому было также внушено хлопотать о томъ, чтобы всю торговлю шелкомъ-сырцомъ и другими товарами персидскій шахъ направлялъ черезъ Россію, а не черезъ Аллеко и Смирну, владѣнія турецкаго хана. Съ Персіей въ 1715 г. былъ заключенъ торговый договоръ, и русскіе купцы, преимущественно изъ Астрахани, вели довольно оживленную активную торговлю. Когда въ Персіи вспыхнулъ бунтъ, и въ Шемахѣ и въ Дербентѣ были разграблены русскіе купцы, Петръ немедленно предпринялъ походъ въ эти мѣстности. Этотъ походъ окончился присоединеніемъ къ Россіи береговъ Каспійскаго моря, которые его преемники, не сознавая ихъ важности, опять возвратили Персіи.

Имѣя въ виду направить товары моря Каспійскаго къ морю Балтійскому, Петръ долженъ былъ заботиться объ улучшеніи внутреннихъ путей сообщенія. Для этого въ 1706 году былъ прорытъ каналъ, соединяющій Цну съ Тверцою (Вышневолоцкая система); позже, а именно въ 1718 г., начались работы по другому каналу, который необходимъ былъ для обхода Ладожскаго озера, потому что бури не позволяли ходить кораблямъ. Работы по этому каналу производилъ Минихъ, и насколько интересовался Петръ трудами Миниха, указываютъ его слова во время болѣзни: „труды моего Миниха дѣлаютъ меня здоровымъ“, — сказалъ онъ. Система русской канализаціи можетъ назваться своимъ отцомъ и изобрѣтателемъ Петра Великаго, который для нея сдѣлалъ то же, что его близкій современникъ Кольберъ для Франціи.

Петръ также употреблялъ всѣ усилія для того, чтобы разыскать для русскихъ купцовъ новые рынки, какъ напримѣръ, въ Китаѣ, куда въ 1719 г. посломъ былъ отправленъ капитанъ гвардіи Измаиловъ, заключившій съ китайцами торговый трактатъ; и въ западной Европѣ всѣмъ посламъ русскимъ было предписано заключать торговые трактаты, и во всѣхъ почти главнѣйшихъ городахъ Европы были учреждены консульства. Для того, чтобы привлечь испанцевъ и французовъ къ Балтійскому морю, Петръ давалъ обѣщаніе отправлять взаимнъ въ эти страны такое же количество ко-

раблей, снаряженных на казенный счет и снабженных в особенности сырыми материалами — дѣсомъ, необходимымъ въ этихъ бездѣсныхъ странахъ для постройки судовъ, кораблей и пр. При отсутствіи предприимчивости у этихъ народовъ попытка Петра Великаго не имѣла значительнаго успѣха, но начало торговаго сближенія съ западными народами было тѣмъ не менѣе положено. Построивъ новый русскій портъ, Петръ рѣшился въ этой мѣстности выстроить и новую русскую верфь, которая должна была строить корабли для новаго моря. При такихъ условіяхъ и съ такою цѣлью была выстроена верфь въ Ладейномъ полѣ, на которой началъ строиться балтійскій флотъ. Преемники Петра Великаго мало понимали значеніе флота, и вотъ почему въ скоромъ времени русскій флотъ начинаетъ падать (а торговый флотъ находится и теперь еще въ сравнительно жалкомъ положеніи).

Перейдемъ теперъ къ третьему предмету заботъ Петра Великаго — о самостоятельной промышленности, на которой основано главное благосостояніе народа. До тѣхъ поръ, пока русскіе должны были продавать иностранцамъ свои сырыя произведенія и не могли обрабатывать своихъ естественныхъ богатствъ, до тѣхъ поръ они должны были находиться въ полной зависимости отъ иностранцевъ. Народъ никогда не можетъ быть самостоятельнымъ, если онъ не развилъ своей промышленности. Вотъ почему значительная часть торговой дѣятельности Петра Великаго была обращена на развитіе обрабатывающей и перерабатывающей промышленности. Первые попытки фабричной дѣятельности были еще въ XVII столѣтіи, но онѣ остались одними попытками. Для Петра же Великаго вопросъ этотъ былъ вопросомъ жизни и смерти русскаго матеріальнаго развитія.

Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на дѣятельность горно-заводскую, которая, въ свою очередь, была тѣсно связана съ нѣсколькими другими вопросами: во-первыхъ, съ тѣмъ, что добыча руды являлась весьма простымъ и легкимъ способомъ пользоваться природою; во-вторыхъ, разработка и добыча металловъ вліяли на финансы и торговлю, потому что этимъ обусловливался невывозъ металловъ за границу. На денежную систему Петръ обращаетъ съ самаго начала свое усиленное вниманіе. Онъ прямо указываетъ на то, что Россія богата минералами и металлами, но

только не могут приступить къ разработкѣ рудъ: „Наше Россійское государство передъ многими иными землями изобилуетъ и потребными металлами и минералами благословена есть, которые до нынѣшняго времени безъ всякаго прилежанія исканы“. Въ указѣ 1702 года было сказано о необходимости разработкѣ рудъ. Теперь всякому разрѣшалось, гдѣ бы онъ ни нашелъ на своей или на чужой землѣ минералы или металлы, заявивъ объ этомъ правительству, производить разработку и сплавку металловъ. Съ другой стороны, употреблялись всевозможныя усилія, чтобы добыть иностранныхъ учителей, мастеровъ для производства, разработки и устройства заводовъ и поручить опытнымъ людямъ заняться этимъ дѣломъ. Когда Петръ Великій былъ еще молодъ, то всѣмъ горнозаводскимъ дѣломъ распоряжался Андрей Андреевичъ Виниусъ, старый обрусѣвшій нѣмецъ, который съ сочувствіемъ отнесся къ дѣятельности молодого реформатора. Благодаря трудамъ Виниуса, было много сдѣлано. Въ послѣдніе годы ему помогать въ этомъ дѣлѣ Геннингъ, и дѣятельность этихъ лицъ дѣйствительно создали наше горнозаводское дѣло. Геннингъ прежде всего добываетъ руду изъ болотъ въ Олонецкой губерніи, и здѣсь появляется новый городъ, получившій названіе Петрозаводска; въ 20-хъ годахъ XVIII столѣтія Геннингъ былъ переведенъ на другое мѣсто, гдѣ открывалось болѣе обширное поле для его дѣятельности, именно на Уралѣ. Тамъ въ 1723 году былъ основанъ новый городъ, названный въ честь императрицы Екатерины Екатеринбургомъ, который и теперь составляетъ главный центръ горнозаводской дѣятельности. Въ другихъ мѣстностяхъ также открываются или новые заводы, или передѣлываются старые. Въ западной Сибири, которая впоследствии дѣлается рудникомъ для всей Россіи, производятся первыя попытки разработки рудъ: въ Нерчинскѣ разрабатываютъ серебряную руду, въ Кунгурѣ — мѣдную и т. д. вмѣстѣ съ добычею усиливается и обработка металловъ. Во многихъ мѣстахъ южной Россіи устраиваются заводы селитряные, между тѣмъ какъ прежде у насъ не хватало своей селитры для приготовленія пороха. Желая устроить больше заводовъ, Петръ давалъ значительныя ссуды тѣмъ, которые изъявляли желаніе открыть свои, или черезъ нѣсколько времени, когда заводы были устроены, Петръ старался передавать ихъ въ частныя руки. Такимъ образомъ у насъ являются

заводы ярославскіе, тульскіе, уральскіе, принадлежавшіе братьямъ Строгоновымъ. Особенную роль въ этой заводской дѣятельности Петра Великаго играетъ Демидовъ, родоначальникъ одной изъ богатѣйшихъ и знатныхъ теперь фамилій. Демидовъ былъ простымъ тульскимъ оружейникомъ, умѣвшимъ дѣлать ружья не хуже европейскихъ. Вся помощь, всякая льгота доставлялись ему. Для постройки завода ему выдается субсидія; правительство обязывается принимать отъ него оружіе, и Демидовъ дѣйствительно дѣлается первымъ богачомъ Россіи и, помимо тульского завода, устраиваетъ заводъ на Уралѣ. Въ другое время Демидовъ могъ остаться незамѣченнымъ: на его примѣръ мы знакомимся съ геніальнымъ умънемъ Петра отличать и отыскивать людей.

Вопросъ о монетѣ, какъ о денежной единицѣ и монетной системѣ, — важный вопросъ, что и сознавалъ Петръ Великій. При немъ происходитъ у насъ важная реформа въ денежномъ дѣлѣ, которое становится на одномъ уровнѣ съ западною Европою. У насъ устраиваются первые монетные дворы въ Петербургѣ, Москвѣ, Екатеринбургѣ. Такъ какъ прежде у насъ крупной монеты не было, а чеканилась только одна серебряная, и то грубой формы, удобная для поддѣлокъ и обрѣзокъ, то въ 1700 году впервые начали чеканить по иностранному образцу золотую, серебряную и мѣдную монету. Сумма вычеканенной монеты, благодаря открытію новыхъ рудниковъ, значительно увеличивается: уже въ 1702 году вычеканено было монеты почти до 2 милліоновъ, а въ 1704 году уже 4¹/₂ милліона.

Петръ Великій сознавалъ, что для финансоваго развитія русскаго народа, для его самостоятельнаго положенія относительно иностранцевъ необходимо самостоятельное развитіе русской промышленности; вотъ почему онъ обращалъ особенное вниманіе на русскую производительность.

При Петрѣ Великомъ, можно сказать, систематически начинаются всѣ производства, которыя развились въ настоящее время до громадныхъ размѣровъ.

При Алексѣѣ Михайловичѣ, мы знаемъ, появились нѣкоторыя фабрики, какъ сознаніе необходимости быть независимыми отъ иностранцевъ, но полную систему развитія, залогъ дальнѣйшаго прочнаго существованія фабричное дѣло получаетъ только со временъ великаго преобразователя. Фабрики, которыя заводилъ Петръ, не

были случайной потребностью, не были его прихотью, но были настоятельной потребностью русского общества; всё онъ былъ направленъ на удовлетвореніе самыхъ настоятельныхъ потребностей. При Петрѣ было заведено до 233 фабрикъ.

Прежде всего появляются сельскохозяйственные заводы. Такъ, напримѣръ, указомъ о конныхъ заводахъ было предписано выписывать для разведенія хорошихъ породъ лошадей изъ Шлезвига и Пруссіи; голштинскія ломовыя лошади имѣютъ также начало съ того времени. Относительно скотоводства достаточно упомянуть о холмогорско-голландской породѣ коровъ. Принимаются мѣры для разведенія овцеводства, и предписывается выписывать изъ-за границы силескихъ (силезскихъ) тонкорунныхъ овецъ и людей, умѣющихъ съ ними обращаться.

Появляются затѣмъ и мануфактурныя фабрики. Мастеровыхъ приходилось также призывать изъ-за границы, съ цѣлью обучить русскихъ людей ремесламъ; они призывались изъ Голландіи, Англіи и Франціи, смотря по роду фабрикъ. Наконецъ, и русскихъ людей посылали за границу, чтобы они, на дѣлѣ ознакомившихъ съ спеціальными производствами, могли по возвращеніи открывать у насъ фабрики. Изъ новооткрывавшихся фабрикъ вниманіе Петра по преимуществу останавливалось на суконныхъ, такъ какъ сукно, какъ мы уже неоднократно могли убѣдиться, являлось постоянною потребностью на сѣверо-востокѣ, обусловливаемой мѣстнымъ климатомъ.

До временъ великаго преобразователя русскіе всегда находились въ зависимости отъ иностранцевъ относительно этого производства и, несмотря на самую настоятельную и историческую потребность въ сукнѣ, не могли выйти изъ этой зависимости. Вотъ почему суконное дѣло привлекало вниманіе Петра. Открывая фабрики, онъ задавался мыслью производить не цѣнные, высшіе предметы роскоши, а лишь предметы первой необходимости. Прежде всего сукно нужно было для арміи, поэтому открываются фабрики для приготовленія армейскаго сукна. Въ 1712 году былъ изданъ указъ объ открытіи суконныхъ фабрикъ, и сейчасъ видна мысль великаго реформатора — не покидать задуманнаго дѣла, а довести его до возможно большаго развитія, чтобы быть вполне самостоятельными. Въ указѣ говорится, что надо такъ завести фабрику, чтобы лѣтъ черезъ пять не выписывать заморскихъ мундировъ, и дѣятельность Петра Великаго не

осталась бесплодной: въ 1718 году вышелъ другой указъ, въ которомъ предписывалось поставлять въ армию вмѣсто суконъ иностраннаго образца сукно московское; такимъ образомъ въ первый разъ является у насъ свое самостоятельное систематическое производство.

Чтобы поощрить зарождающуюся дѣятельность, приходилось по-неволѣ прибѣгать къ различнымъ покровительственнымъ мѣрамъ, тѣмъ болѣе, что въ остальной Европѣ не существовало еще системы физиократовъ, слѣдовательно системы свободной промышленности и торговли. Россія, вступая въ составъ европейскихъ державъ и пересаживая на свою почву чужеземное торговое развитіе, естественно должна была усвоить тѣ формы, которыя выработала европейская жизнь. На западѣ Европы въ то время въ полной силѣ было господство протекціонизма и меркантилизма. Такъ какъ у насъ фабрики являются не отъ общества, а отъ правительства, то естественно, что Петръ Великій долженъ былъ взять на себя инициативу протекціонизма и меркантилизма, которые у насъ были умѣстнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Общество глухо отзывалось на призывъ преобразователя; непосильнымъ и непривычнымъ казался ему трудъ приняться за новое иноземное дѣло, и вотъ почему наши фабрики въ первой половинѣ XVIII вѣка имѣютъ оригинальный характеръ полуправительственныхъ и участныхъ заведеній. Петръ обыкновенно давалъ заимообразно извѣстную сумму денегъ тѣмъ лицамъ, которыя заявляли готовность взять на себя устройство фабрики. Но одной этой суммы было недостаточно: надо было подумать о дальнѣйшемъ обезпеченіи существованія фабрики; для этого прежде всего были необходимы рабочія умѣлыя руки и вѣрный сбытъ произведеній. Правительство бралось помочь фабриканту и въ этомъ дѣлѣ, но при рѣдкомъ населеніи городовъ, при скудномъ финансовомъ положеніи и недостаткѣ рабочихъ рукъ, могущихъ обезпечить правильную фабричную дѣятельность, не легко было справиться съ этимъ вопросомъ, а потому правительство было поставлено въ необходимость посылать на фабрики солдатскихъ дѣтей, казенныхъ крестьянъ, иногда и бѣглыхъ и т. д. и въ то же время вмѣнять въ обязанность нѣкоторому числу рабочихъ всегда работать на извѣстной фабрикѣ, т.-е. прикрѣплять ихъ.

Чтобы обезпечить сбытъ произведеній, казна обязывалась дѣлать заказы фабрикантамъ, а эти послѣдніе за правительственныя суб-

сиди должны были поставлять безвозмездно въ казну опредѣленное количество суконъ, холста или шляпъ, смотря по фабрикъ.

Конечно, фабрика, имѣя казенный характеръ, не могла достигнуть той цѣли, къ которой шелъ Петръ Великій; необходимо было, чтобы не одна казна являлась заказчикомъ, но, чтобы кругъ дѣятельности фабрикъ распространился и на частныхъ потребителей. Для этого правительство употребляло протекціонныя мѣры, облагало пошлиной ввозимые товары, такъ что, благодаря высокой пошлинѣ, русскія произведенія могли конкурировать съ иностранными (первый охранительный тарифъ былъ изданъ въ 1724 г.) Кромѣ того, употреблялись различныя средства для притѣсненія иностранной торговли: законъ противъ роскоши долженъ былъ, на примѣръ, уменьшать ввозъ къ намъ иностранныхъ произведеній этого рода, и слугамъ боярскимъ предписывалось носить платье изъ русскаго сукна, а не заморскаго.

Рядомъ съ суконными фабриками открывались и другія фабрики на заграничный ладъ: на примѣръ, шпалерныя и ковровыя въ Петербургѣ, полотняныя, бумажныя, шляпныя и т. д. Какъ только появлялась новая фабрика, немедленно выходилъ указъ: не покупать заморскихъ издѣлій: шляпъ и т. д., а покупать шляпы, на примѣръ, у московскаго фабриканта француза Манбрио.

Фабрики, находясь подъ опекой правительства, подвергались со стороны его контролю: опредѣлялось даже заготовленіе произведеній и давались образцы. Затѣмъ въ 1724 году было предписано, чтобы фабрики представляли казнѣ отчеты о своихъ дѣйствіяхъ, о состояніи фабрикъ и посылали образцы своихъ издѣлій. Но не всегда требованія правительства выполнялись: такъ, на примѣръ, вышелъ указъ — выдѣлывать холстъ шире того, чѣмъ его дѣлали, на томъ основаніи, что широкій холстъ охотнѣе покупаютъ иноземцы. Многіе крестьяне, не умѣя выдѣлывать болѣе широкій холстъ, должны бы бросить свою работу; начинавшееся производство должно было уничтожиться, если бы слѣдовали указу.

Первое время фабричная дѣятельность не обѣщала въ будущемъ благопріятныхъ обстоятельствъ. Частная дѣятельность была очень незначительна ¹⁾, но со временемъ она стала все болѣе и болѣе уве-

¹⁾ Сколь незначительные результаты дали первыя попытки создать путемъ покровительственной системы національную промышленность, показываютъ нѣко-

личиваться. Самъ Петръ Великій въ одномъ своемъ указѣ, объясняя причины частной непредпримчивости, откровенно сознается: „по-нежѣ русскій народъ — яко дѣти; когда ихъ засадятъ за азбуку, плачуть, а когда выучатся, благодарятъ“. Петръ былъ совершенно правъ: русскіе люди въ дѣйствительности находились въ положеніи школьничковъ.

Но какъ бы то ни было, первый толчокъ былъ данъ; первые робкіе шаги были сдѣланы, зародышъ будущаго успѣха былъ вложенъ. Россія, благодаря Петру Великому, повернула на путь самостоятельнаго развитія своихъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ. Петръ хорошо понималъ, что духовное развитіе тѣсно связано съ матеріальнымъ, что одно обуславливаетъ другое, вотъ почему онъ сознавалъ, что образованіе необходимо русскому купечеству, а для этого ему приходилось учиться у заграничныхъ купцовъ, присматриваться къ ихъ способу торговли, завести у себя по ихъ образцу компаніи, установить систему въ производствѣ и торговлѣ и т. д. Онъ старался образовать русское купечество, распространить въ его средѣ коммерческія знанія и добиться того, чтобы со временемъ русскіе купцы стали на одной ногѣ съ иностранными.

Сознавая, что матеріальному успѣху много содѣйствуетъ умственное развитіе, Петръ ясно видѣлъ причину иностраннаго превосходства и руководился этимъ сознаніемъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Вотъ въ короткихъ словахъ значеніе реформъ Петра Великаго для торговли ¹⁾).

торыя данныя, относящіяся къ 30-мъ годамъ XVIII столѣтія: когда въ это время была произведена правительственная провѣрка существующимъ фабрикамъ, то многія изъ этихъ фабрикъ оказались „подложными“, т.-е. владѣльцы держали ихъ только для вида съ цѣлью пользоваться тѣми привилегіями и преимуществами, право на которыя было связано съ владѣніемъ промышленными заведеніями.

¹⁾ Вліяніе реформъ Петра на торговлю сказалось впоследствии, но при самомъ преобразованіи въ сущности характеръ русской торговли измѣнился мало. По сравненію съ предыдущимъ періодомъ размѣры торговли значительно возросли, но попрежнему внѣшняя торговля составляетъ почти $\frac{2}{3}$ всего оборота товаровъ въ странѣ, при чемъ вывозъ русскихъ товаровъ значительно преобладаетъ надъ ввозомъ заграничныхъ (въ 1726 г. вывозъ превышалъ 4 милл., а ввозъ

X.

XVIII вѣкъ.

По смерти Петра Великаго наступаетъ періодъ (1725—1762) его преемниковъ, который продолжается до Екатерины Великой. Въ продолженіе всего этого времени Россія должна была отдохнуть отъ того страшнаго напряженія силъ, въ которомъ она находилась при Петрѣ; теперь она должна была усвоить, переработать своимъ государственнымъ организмомъ и развить то, что было начато до этого періода. Дѣйствительно, преемники Петра слѣпо и безотчетно слѣдовали по пути, указанному Петромъ. Если мы не видимъ за этотъ періодъ никакой самостоятельной дѣятельности въ политическомъ отношеніи, то также не замѣтимъ никакой самостоятельности и въ другихъ отношеніяхъ — постоянно указывается на то, какъ дѣлалъ Петръ. Только при Екатеринѣ благоговѣніе къ памяти великаго преобразователя не мѣшало дальнѣйшему національному развитію.

Время, наступившее послѣ Петра, должно было показать, насколько были необходимы реформы Петра Великаго. Пробное время съ 1725 по 1762 годъ блистательно оправдываетъ дѣятельность великаго русскаго реформатора. Русскій народъ, предоставленный самъ себѣ, пошелъ по пути, начертанномъ Петромъ. Русскій народъ не вернулся назадъ, не вернулся къ своей старинѣ, какъ многіе того ожидали; онъ бодро вступилъ въ новый періодъ государственной жизни.

Прежде всего мы видимъ стремленіе воспользоваться средствами страны, разыскать ихъ и разработать. Такимъ образомъ горнозаводское дѣло, которое получило начало въ XVII вѣкѣ, продолжало также развиваться и въ первую четверть XVIII вѣка. На Уралѣ

2 милл.); главной статьёй вывоза являются сырые продукты (русская промышленность работаетъ лишь для внутренняго потребленія), тѣ же въ общихъ чертахъ, что и прежде (выдвигаются продукты горнодѣлія—железо), внѣшняя торговля попрежнему остается въ рукахъ иностранцевъ (преимущественно голландцевъ и англичанъ) и для русскихъ носитъ пассивный характеръ, лишь казна ведетъ за границей активную торговлю и то въ незначительныхъ размѣрахъ.

мы встрѣчаемъ знаменитаго сотрудника Петра Великаго, чужестранца Гейне, и множество заводовъ вырастаетъ подъ его руководствомъ. Впослѣдствіи его мѣсто занялъ русскій человѣкъ, получившій достаточное образованіе, извѣстный историкъ Василій Никитичъ Татищевъ. Онъ былъ человѣкъ весьма дѣятельный и сдѣлалъ очень много открытій въ горнозаводскомъ дѣлѣ; изъ его донесеній Сенату мы видимъ постоянное стремленіе открыть и разработать новые рудники. Ему удалось открыть гору, всю состоящую изъ руды; эту гору онъ назвалъ горой Благодатью. Впослѣдствіи дѣлались новые розыски рудниковъ въ сибирской странѣ; въ Екатеринбургѣ (названномъ такъ по имени Екатерины I) устроенъ былъ новый монетный дворъ; геологическія изслѣдованія сдѣланы были и въ Оренбургской губерніи, гдѣ дѣятелемъ является ученикъ Петра Великаго, извѣстный *Нелюевъ*.

Изъ добывавшихся матеріаловъ особенно важна была соль.

Положеніе соляного дѣла рисуетъ намъ въ наглядныхъ чертахъ состояніе тогдашней заводской и фабричной дѣятельности, такъ какъ именно въ соляномъ дѣлѣ того времени особенно рѣзко бросаются въ глаза недостатки русской промышленности

Мы уже знаемъ, что и до Петра Великаго выварка соли производилась въ Россіи въ значительномъ количествѣ; при Петрѣ она увеличилась еще болѣе. Главный источникъ соли находился въ мѣстностяхъ приуральскихъ, гдѣ именитые люди Строгоновы держали въ своихъ рукахъ главные соляныя варницы, получая для выварки соли субсидіи и заказы отъ правительства, которое считало торговлю солью своей монополіей. Но положеніе Строгоновыхъ было далеко неудовлетворительно, главнымъ образомъ вслѣдствіе недостатка въ рабочихъ рукахъ. Случалось такъ, что соли было выварено достаточное количество и надо было отправить ее въ Москву или С.-Петербургъ, — здѣсь-то и ощущался этотъ недостатокъ: некому было сопровождать соль, и, на примѣръ, если суда съ солью по мелководью попадали на мель, бѣдѣ этой совершенно невозможно было помочь. Этотъ недостатокъ въ рабочихъ увеличивался еще отъ того обстоятельства, что со временъ Петра была введена паспортная система. Необходимо было требовать отъ нанимавшихся работниковъ печатныхъ видовъ, а у людей, живущихъ въ глуши, конечно, могло не быть даже никакихъ ви-

довъ, а если и были письменные виды, то принимать съ ними за-
прещалъ указъ¹⁾). По необходимости Строгоновы обращались съ тре-
бованіемъ, чтобы правительство дало имъ рабочихъ. Отъ Сената
въ такомъ случаѣ поступалъ запросъ о количествѣ нужныхъ ра-
ботниковъ. Однажды Строгоновы потребовали огромное число (въ то
время) — 9 тысячъ. Сенатъ не согласился, начался споръ, окончив-
шійся тѣмъ, что Строгоновы уступили и согласились на 5 тысячъ.
Немедленно является указъ Сената къ губернскимъ воеводамъ —
строго-настрого заставить такое-то число крестьянъ итти на Каму,
на работу къ Строгоновымъ; начинается возня съ рабочими, ко-
торые берутъ жалованье впередъ и убѣгаютъ, полиція не можетъ
услѣдить за бѣглыми людьми, — она не могла даже справиться съ
шайкой разбойниковъ въ 300 человекъ, которые подъ самой Москвой
грабили и убивали безнаказанно. Положеніе Строгоновыхъ такимъ
образомъ не улучшилось, отъ оставшейся соли они терпятъ боль-
шой убытокъ и у нихъ не хватаетъ капитала для дальнѣйшей
заварки соли.

Несмотря на то, что Строгоновы постоянно обращались къ казнѣ
и получали отъ нея субсидіи, ихъ дѣло было сопряжено съ такими
издержками, что они не разъ просили правительство отобрать въ
казну ихъ варницы. Но казенная разработка не выгодна, и при-
томъ правительство старалось подражать Петру въ поддержаніи и
развитіи частной производительности, поэтому оно не принимало
ихъ предложенія, тѣмъ болѣе, что частное производство оказыва-
лось весьма слабымъ. Въ несостоятельности послѣдняго прави-
тельству не разъ приходилось убѣждаться; напримѣръ, при Аннѣ
Ивановнѣ кирпичное дѣло шло такъ дурно, что казна вынуждена
была принять его подъ свою опеку и выписать изъ-за границы ма-
стеровъ, которые бы научили русскихъ искусству дѣлать кирпичи.

Положеніе соляного дѣла охарактеризовываетъ намъ и положеніе
другихъ отраслей промышленности.

¹⁾ Впрочемъ, исполненіе такого указа на дѣлѣ было совершенно невозможно,
и правительство по необходимости шло на уступки: несмотря на указъ оста-
навливать суда и забирать съ нихъ беспаспортныхъ людей, приходилось нани-
мать массу работниковъ, не имѣвшихъ вовсе никакихъ видовъ; суда въ испол-
неніе указа продолжали останавливать, но рабочихъ, по крайней мѣрѣ, не
забирали.

Развитіе фабрикъ тѣмъ не менѣе продолжается при прежнемъ правительственномъ протекціонизмѣ и меркантилизмѣ. Правительство, напримѣръ, дѣлаетъ всевозможныя облегченія производителямъ сукна и особенно старается покровительствовать лучшимъ суконнымъ фабрикантамъ, и суконное производство въ первые же года настолько вырастаетъ, что оказывается возможнымъ прекратить покупку иноземнаго сукна низшаго сорта. Когда при испытаніи въ казнѣ сукна, доставленнаго всѣми московскими фабрикантами, лучшимъ оказалось сукно Болтина, Полуярославцева и Сѣрикова, то немедленно было предписано, чтобы Болтинъ поставлялъ свое сукно въ казну, несмотря на то, что и у него было много забракованнаго; а для поощренія его дѣятельности правительство ссудило ему даже сумму денегъ въ 30 тысячъ рублей серебромъ и уплату этой суммы разсрочило на 10 лѣтъ.

На ряду съ суконными фабриками усиливается производство бумажныхъ и парусинныхъ тканей, выдѣлка которыхъ была столь успѣшна, что уже Петръ съ удовольствіемъ могъ замѣтить, что онѣ „яко близко къ голландскимъ“. Потомъ распространяются стеклянные заводы, и подъ вліяніемъ образцовъ восточныхъ и западныхъ является производство шелковыхъ и парчевыхъ тканей. Въ правленіе Елизаветы Петровны (въ 1749 году) былъ сдѣланъ запросъ фабрикантамъ шелковыхъ матерій, въ состояніи ли они своими произведеніями удовлетворить потребности русскаго народа, чтобы можно было прекратить выписываніе иностранныхъ произведеній. Изъ обзорѣнія выписокъ, представленныхъ фабрикантами, оказалось, что выдѣлывается столько различныхъ шелковыхъ матерій — парчи, газету и другихъ шелковыхъ и золотныхъ тканей, тафты и т. д., что русскіе фабриканты вполне могутъ исполнить требованіе правительства. Это уже большой шагъ впередъ, когда свои фабрики самостоятельно могутъ удовлетворять потребности не однихъ низшихъ классовъ народа, но и высшихъ. Прежде всѣ эти ткани привозились къ намъ съ востока, а теперь армянскіе и персидскіе купцы везутъ уже шельъ-сырецъ, который обрабатывается на русскіхъ фабрикахъ.

Но несмотря на такіе успѣхи фабричнаго дѣла, фабрики продолжаютъ сохранять оригинальный, полуказенный и получастный характеръ. Правительство также должно было прибѣгать къ протек-

ціоннымъ мѣрамъ и рѣшать рабочій вопросъ. Извѣстный намъ Болотовъ постоянно нуждался въ рабочихъ; особенно ему нужны были мальчишки и, видя, что ихъ взять не откуда, онъ обращается съ просьбой къ правительству: позволить ему набрать рабочихъ изъ солдатскихъ дѣтей съ 12-до 25-лѣтняго возраста на 4—5-лѣтній срокъ, обѣщая платить имъ извѣстное вознагражденіе, а потомъ отдать въ военную службу, „яко будетъ имъ выгодно“, — заключаетъ онъ свое прошеніе. Просьба его была исполнена.

Другое интересное дѣло изъ фабричной дѣятельности того времени представляетъ вопросъ о шляпной фабрикѣ, находившейся въ Москвѣ и принадлежавшей Черикову и Сафьянникову. Они завели большую фабрику для приготовленія пуховыхъ шляпъ. Для того чтобы поддержать ихъ дѣятельность, правительство тотчасъ же издаетъ указъ, который запрещаетъ вывозъ за границу боброваго пуха, а фабрика получаетъ монополію на приготовленіе пуховыхъ шляпъ; покупать же иностранныя шляпы было запрещено.

Крестьяне, работавшіе на фабрикахъ, несли тяжелую жизнь; трудъ былъ слишкомъ не по силамъ, и результатомъ этого явилась необходимость приписывать крестьянъ къ фабрикамъ, что вызвало народное бѣдствіе на фабрикахъ. Начались возмущенія фабричныхъ. Первый бунтъ затѣялся въ городѣ Малоярославцѣ на фабрикѣ Гончарова; крестьяне возстали и говорили, что не хотятъ работать; сопротивленіе возмутившихся было такъ упорно, что отрядъ въ 800 человекъ, посланный для подавленія бунта, терпитъ поражение, и только бригадиръ Хомяковъ съ 3 полками усмиряетъ бунтовщиковъ. Вслѣдъ за этимъ бунтомъ начинаютъ такія же возмущенія и въ другихъ фабрикахъ. За бунтомъ на гончаровской фабрикѣ, послѣдовалъ бунтъ у Демидова на заводѣ въ Тверской губерніи, и вездѣ эти бунты приходилось подавлять вооруженной рукой и съ большимъ трудомъ. Извѣстный намъ Болотовъ долженъ былъ заявить правительству, что у него 800 человекъ рабочихъ взбунтовались и отказались работать. Явилась военная сила усмирять бунтовщиковъ и силой заставить ихъ работать; бунтъ былъ подавленъ, произошла экзекуція — зачинщики были наказаны плетью. Отказывались они работать, потому что работа была тяжела.

Средоточіемъ промышленной дѣятельности является Москва, которая попрежнему остается центромъ матеріальнаго развитія жизни

русского народа. Причинъ, почему Москва не теряет своего значенія, много: во-1-хъ, привычка къ городу съ большимъ населеніемъ; во-2-хъ, центральное положеніе Москвы среди населенной мѣстности, и, наконецъ, важное для производительности условіе — дешевое содержаніе рабочихъ. Петербургъ не представлялъ такихъ благопріятныхъ условій въ промышленномъ отношеніи, какъ Москва; извѣстенъ случай, что одинъ московскій шелковый фабрикантъ открылъ въ Петербургѣ фабрику, но такъ какъ содержаніе рабочихъ было значительно дороже (что обуславливалось скудостью болотистой почвы), то произведенія его оказались дороже, и онъ сталъ снова проситься въ Москву.

Проникаясь сознаниемъ необходимости развитія въ Россіи самостоятельной промышленности и торговой дѣятельности, само правительство того времени усердно хлопочетъ о ихъ усовершенствованіи. Правда, мы не замѣчаемъ теперь той энергии, которая отличала дѣятельность Петра Великаго; напримѣръ, мы видимъ, что любимое созданіе Петра Великаго — русскій флотъ, падаетъ, но тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что и при преемникахъ Петра совершается значительное движеніе впередъ.

Во-первыхъ, какъ видимъ мы, улучшаются пути сообщенія. Собственно говоря, уже при Петрѣ Великомъ является правильная почта; но эта почта ходитъ только между Москвой и Петербургомъ и между Москвой и Кіевомъ. Теперь же устанавливается правильное сообщеніе почти между всѣми значительными городами.

Въ началѣ 30-хъ годовъ (около 1731 или 1732 г.) открытъ былъ, наконецъ, Ладожскій каналъ. Открытіе этого канала не могло не содѣйствовать развитію внутренняго сообщенія и успѣху торговли. Но въ особенности дѣятельность правительства становится важной во время Елизаветы Петровны. У насъ является человекъ, въ высшей степени понимающій и сознающій потребности времени — Петръ Ивановичъ Шуваловъ, благодаря дѣятельности котораго русская торговля сдѣлала огромные шаги впередъ. Въ особенности два изъ учреждений, возникшихъ по инициативѣ П. И. Шувалова, имѣли важное значеніе для развитія русской торговли: одно изъ нихъ — учрежденіе перваго банка въ Россіи; другое — отмена внутреннихъ пошленъ.

Открытіе перваго банка относится къ 1733 году; указъ объ

открытіи этого банка сообщаетъ намъ весьма интересныя свѣдѣнія о состояніи кредита и положеніи общества того времени. Изъ него мы видимъ, что денегъ у насъ было мало, и купцы, которые всегда нуждаются въ кредитѣ, доставали деньги за весьма высокой процентъ, простиравшійся отъ 12 до 15 и доходившій до 20 и болѣе, чего, надо замѣтить, не было въ то время въ западной Европѣ, что обусловливалось обиліемъ денегъ и безопасностью тамъ кредита.

Страна, гдѣ не было безопасности въ финансовомъ отношеніи, стоять высоко не могла, а потому понятно, почему въ основаніи перваго банка, въ которомъ ощущалась настоятельная потребность, не участвовала частная предприимчивость ¹⁾.

Но этотъ банкъ скоро сталъ забываться и, вообще говоря, не достигъ той цѣли, которую имѣлъ въ виду Шуваловъ. Это объясняется тѣмъ, что Шувалову впервые приходилось братья за это новое дѣло, потому что въ Россіи тогда банковъ вовсе не было, а были лишь конторы, специально устроенныя для ссуды денегъ.

Съ легкой руки Шувалова вслѣдъ за первымъ банкомъ открылся въ 1753 году дворянскій банкъ съ основнымъ капиталомъ въ 750 тысячъ рублей серебромъ, а потомъ, въ 1754 г., открылся банкъ купеческій съ капиталомъ 500 тысячъ рублей серебромъ. Этотъ банкъ имѣлъ опредѣленную цѣль и выдавалъ деньги за 6%.

Понятно, что въ первое время было много недоразумѣній по поводу банковъ. Такъ, напр., чтобы обезпечить банкъ въ случаѣ банкротства частныхъ лицъ, былъ изданъ указъ, что купцы могутъ брать деньги только подъ залогъ своихъ товаровъ. Купцы тогда мало стали обращаться въ банкъ за деньгами, заявляя, что, если они будутъ брать деньги подъ залогъ своихъ товаровъ, то потеряютъ довѣріе. Пришлось сознаться, что купцы правы, и это стѣснительное условіе было отмѣнено.

Рядомъ съ основаніемъ банковъ стоитъ другая мѣра Петра Ивановича Шувалова, которая имѣла своимъ послѣдствіемъ развитіе торговли; эта мѣра есть *уничтоженіе внутреннихъ заставъ, а съ ними и пошлинъ*.

Какъ извѣстно, въ средніе вѣка вездѣ существовало множество внутреннихъ пошлинъ, соотвѣтственно раздробленію на множество

¹⁾ Размѣръ учета опредѣлила сама императрица — онъ не долженъ былъ превышать 8%.

мелких самостоятельных центров. Чѣмъ болѣе средніе вѣка замѣняло новое время, тѣмъ болѣе уничтожались эти пошлыны, и тѣмъ болѣе въ глубь вѣковъ подвигалось время феодализма въ западной Европѣ. Отмѣну этого остатка средних вѣковъ во Франціи принялъ на себя, какъ извѣстно, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ ея государственныхъ людей Кольберъ, но, хотя его дѣятельность въ правленіе Людовика XIV дѣйствительно принесла много пользы, однако еще во время Людовика XVI мы встрѣчаемся съ внутренними пошлынами во Франціи, и только великая французская революція совершенно уничтожила это вредное препятствіе торговлѣ. Россія въ этомъ отношеніи предупредила Францію: въ ней, по настоянію Петра Ивановича Шувалова, внутреннія пошлыны были отмѣнены въ 1753 году.

Указывая на неудобство этихъ препятствій въ торговлѣ, Шуваловъ обращалъ вниманіе правительства на то, что довѣренныя сборщики пошлыны (цѣловальники) берутъ себѣ почти половину получаемыхъ денегъ; кромѣ этого доказательства, онъ приводилъ факты весьма интересные относительно цѣнъ, существовавшихъ въ XVIII в. Такъ, напр., крестьянинъ везетъ въ Москву возъ дровъ изъ Троицы; въ Москвѣ возъ дровъ стоилъ 15 или 20 коп. По дорогѣ въ Москву и изъ Москвы обратно къ Троицѣ онъ долженъ заплатить два раза мостовыя пошлыны и, кромѣ того, прокормить себя въ дорогѣ. Въ результатѣ оказывалось, что дорога стала ему въ половину денегъ, вырученныхъ имъ за дрова. Слѣдовательно, онъ отправлялся въ Москву изъ-за 7½ коп. или немного болѣе.

Прежде чѣмъ уничтожить пошлыны, сдѣлано было исчисленіе, сколько онѣ приносили дохода въ казну; оказалось, около 900000 руб. серебромъ, не считая другихъ мелкихъ поборовъ, которыхъ всѣхъ было около 17 и которые теперь всѣ отмѣнялись. Чтобы правительство не потеряло этой суммы, Шуваловъ предложилъ увеличить внѣшнюю таможенную пошлыну съ 5% до 13%.

Уничтоженіе внутреннихъ заставъ содѣйствовало сліянію страны. Малороссійскіе купцы остались недовольны уничтоженіемъ пошлыны, потому что они увидѣли вокругъ себя много конкурентовъ и, кромѣ того, сознавали, что уничтоженіе заставъ на границѣ Россіи съ Малороссіей нанесло послѣдній ударъ политической самостоятельности Малой Руси, но торговля отъ этого только выиграла.

Мы видѣли, что во второе двадцатипятилѣтіе XVIII столѣтія Россія продолжаетъ идти по вновь указанному Петромъ Великимъ пути. Она продолжаетъ развивать свои торговыя и промышленныя силы по образцу, указанному западно-европейской жизнью, и приучается къ независимой дѣятельности. Мы видѣли, что за это время было много сдѣлано, и, дѣйствительно, по вновь указанному пути народъ русскій пошелъ быстро и сознательно, при чемъ, конечно, нельзя было въ короткое время замѣнить упущеннаго медленнымъ долгимъ историческимъ развитіемъ, и потому многія начинанія прививались слабо. Особенно сильно сказалась непривычка къ общей дѣятельности, и въ этомъ отношеніи правительству приходилось направлять — толкать впередъ общество.

Во второй половинѣ XVIII вѣка въ остальной Европѣ происходитъ цѣлый рядъ переворотовъ, являющихся предвѣстникомъ новаго жизненнаго движенія — новаго направленія. Перевороты эти, до нѣкоторой степени, отозвались и у насъ. Съ Екатерины Великой наступаетъ новое историческое движеніе въ Россіи, заканчивается какъ будто подготовительный періодъ дѣятельности Петра Великаго, и открывается возможность слѣдующаго шага впередъ на пути развитія.

Познакомимся теперь съ тѣмъ, что произошло въ XVIII вѣкѣ въ Европѣ. Мы не будемъ останавливаться подробно на разсмотрѣніи этихъ переворотовъ, а постараемся только схватить ихъ сущность. XVIII вѣкъ называется вѣкомъ просвѣщенія, вѣкомъ либеральныхъ реформъ; около половины этого столѣтія все яснѣе и яснѣе выступаютъ новыя идеи, которыя измѣняютъ характеръ и направленіе общественной дѣятельности, и въ этомъ отношеніи XVIII вѣкъ представляетъ намъ, нѣкоторымъ образомъ, сходство съ XVI, который открылъ собою новый періодъ общественной европейской жизни, распространивъ новыя политическія и умственныя понятія, различныя изобрѣтенія и усовершенствованія, сопровождаемая развитіемъ матеріальныхъ выгодъ. Необыкновенное оживленіе охватываетъ въ XVI в. все общество, ибо новизна борется со стариной, гуманисты борются съ обскурантами; съ такими же характеристическими чертами является и XVIII вѣкъ.

Новыя идеи, распространившіяся въ обществѣ въ XVIII вѣкѣ, могутъ назваться общимъ именемъ идей гуманныхъ — либеральныхъ.

Гуманисты этого вѣка распространяютъ въ массѣ то, что прежде было достояніемъ только нѣкоторыхъ избранныхъ. Впервые въ XVIII в. является сознательное представленіе о народѣ, въ противоположность того односторонняго мнѣнія, которое въ XVI и XVII стол. проявлялось въ мысли и понятіи о государствѣ. Хотя государство, въ формѣ абсолютной монархіи, было уже шагомъ впередъ, хотя оно могло дать порядокъ и законъ и уничтожить средневѣковую анархію, но государство въ такой формѣ не заключало въ себѣ всего: изъ-за государства позабывалось понятіе о народѣ. Государь, сдѣлавшійся представителемъ государства, отождествлялся съ государствомъ — олицетворялъ собою государство: „l'état c'est moi“, говорилъ Людовикъ XIV. Государь преслѣдовалъ только специально свои одностороннія цѣли, и этимъ объясняются системы меркантилизма и протекціонизма, это — всеобщее и подчасъ даже деспотическое вмѣшательство государства во всѣ подробности народной и частной жизни: стѣснительные законы относительно роскоши костюмовъ и т. п., постоянное стремленіе регулировать и опредѣлять рамками самыя обыкновенныя явленія жизни; введеніе или отмена пошлинъ и таможенныхъ налоговъ, запрещенія на ввозъ или вывозъ извѣстныхъ товаровъ. Въ XVIII вѣкѣ, напротивъ, является идея о народѣ и о свободѣ, и эта идея проникаетъ въ сферы общественной дѣятельности. Благодаря сознанію; что такое народъ, является потребность просвѣщенія для этого народа, и просвѣщеніе, бывшее прежде достояніемъ немногихъ людей, дѣлается теперь достояніемъ массы. Впервые въ XVIII вѣкѣ является сознание равенства людей между собой, равенства не абсолютнаго, которое могло являться потомъ только въ крайнихъ утопическихъ ученіяхъ, но равенство въ сознаніи общечеловѣческихъ достоинствъ. Вмѣстѣ съ гуманными идеями о возвышеніи челоѣка, распространяются идеи филантропическія — челоѣколюбивыя. Сознание равенства людей и существующее въ противоположность ему неравенство въ общественномъ положеніи болѣе всего бросаются въ глаза. Въ обществѣ XVII вѣка еще замѣчаются извѣстные остатки средневѣковой жизни. Мы видимъ кастическое отчужденіе одного класса передъ другимъ, и это отчужденіе поддерживается общественнымъ неравенствомъ передъ закономъ — передъ судомъ. Теперь же, т.-е. съ XVIII столѣтія, является сознание необходимости уничто-

жить подобное неравенство, желаніе возможнаго сліянія сословіи, является сознание, что всѣ — люди, и именно потому, что они люди, должны быть свободны; вслѣдствіе этого сознаниа является повсемѣстно уничтоженіе рабства, отмѣна крѣпостнаго права.

Отношенія государства къ народу могутъ характеризоваться системой фізіократовъ, которая замѣняетъ собой меркантилизмъ. У фізіократовъ есть свои заблужденія: они исключительно заняты земледѣіемъ, стараются о возвышеніи сельскаго сословіа, которое будто одно составляетъ производительный классъ, потому что оно одно вырабатываетъ изъ земли новыя цѣнности, остальные же классы не производятъ новыхъ цѣнностей, а только перерабатываютъ существующія; такимъ образомъ, трудъ ученаго — трудъ умственный является для нихъ совершенно непродуцительнымъ и не имѣющимъ никакой цѣны. Несмотря однако на такіа крайности, система фізіократовъ была извѣстнымъ шагомъ впередъ въ прогрессивномъ развитіи: ихъ система была шагомъ къ пониманію важности матеріальной жизни народа. *Laissez faire, laissez passer* — вотъ лозунгъ фізіократовъ, который является противоположностью прежнему лозунгу, чисто государственному. Понятно, что изъ лозунга фізіократовъ вытекаетъ понятіе и о свободѣ торговли и промышленности. Нѣтъ сомнѣнія, что многія идеи фізіократовъ, теоретически вѣрныя, практически не могли примѣняться, по крайней мѣрѣ, не могли примѣняться тамъ, гдѣ торговля и промышленность не были еще поставлены высоко и самостоятельно, гдѣ онѣ еще только зачинались, гдѣ извѣстная доля протекціонизма приносила еще большую пользу, чѣмъ полная свобода, какъ, на примѣръ, у насъ въ Россіи, но, по крайней мѣрѣ, въ этихъ идеяхъ выразился идеаль, къ которому слѣдовало стремиться. Такъ, фізіократы возстаютъ противъ монополіи и откуповъ, требуютъ свободной конкуренціи, утверждая, что эта свобода болѣе всего развиваетъ народную самодѣятельность. Въ обществѣ начинаетъ понемногу распространяться идея равенства всѣхъ передъ судомъ и идея свободы вѣроисповѣданія: „Въ моемъ государствѣ всякій своимъ путемъ можетъ попасть въ царство небесное“ — говоритъ великій король (Фридрихъ II). Несмотря на появленіе такихъ либеральныхъ идей, мы еще встрѣчаемся въ XVII и XVIII вв. съ остатками чисто средневѣковаго варварства, съ отсутствіемъ пониманія, что такое преступленіе и что такое наказаніе за пре-

ступленіе. Наказаніе заключалось тогда въ мести за преступленіе; предотвращенія преступленій искали не въ распространеніи образованія въ массѣ, а въ страхѣ и запугиваніи этой массы: еще въ XVIII вѣкѣ продолжаютъ сожигать колдуній. Вѣрное представленіе о преступленіи и о наказаніи за него впервые является у западныхъ писателей въ XVIII вѣкѣ, и въ особенности ясно высказано въ извѣстномъ сочиненіи итальянскаго юриста маркиза Беккариа. Преступникъ, по его мнѣнію, есть врагъ общества; общество должно предупреждать совершеніе преступленія, но, если оно совершено, то общество обязано наказывать за него, но не должно мстить преступнику за совершенное преступленіе; пытка должна быть уничтожена, и всѣ сословія должны быть равны передъ закономъ.

Изъ писателей того времени особенно популярны были Вольтеръ и Монтескьё, которые боролись съ іезуитами и также требовали равенства всѣхъ передъ закономъ. Эти люди, по справедливости, могутъ назваться гуманистами XVIII вѣка.

Вмѣстѣ съ умственнымъ развитіемъ руку объ руку шло матеріальное развитіе. Въ концѣ XVIII в. мы встрѣчаемся съ дѣльнымъ рядомъ открытій и изобрѣтеній, которыя значительнымъ образомъ увеличиваютъ производство, а увеличеніе производства неминуемо влечетъ за собой удешевленіе производимаго. Какъ прежде книгопечатаніе доставило народу возможность просвѣщенія, такъ теперь увеличеніе фабричной дѣятельности вмѣстѣ съ разнаго рода изобрѣтеніями доставило ему возможность жить болѣе удобно. Вездѣ, однимъ словомъ, видно стремленіе къ демократизаціи — къ извѣстному сравненію рода человѣческаго.

Первый періодъ этого движенія впередъ есть періодъ такъ называемаго просвѣщеннаго абсолютизма; типическими представителями этого періода могутъ явиться Фридрихъ II и Екатерина II. Государи, какъ высшіе образованные и просвѣщенные представители своего народа, въ половинѣ XVIII вѣка являются просвѣщенными реформаторами своего народа, его учителями, его просвѣтителями. Вотъ почему это время называется временемъ просвѣщеннаго абсолютизма.

Екатерина II открыла собой этотъ періодъ у насъ въ Россіи, и мы должны указать на то, что сдѣлалъ русскій народъ подъ предводительствомъ этой великой государыни. Вступая на престолъ,

Екатерина II была воодушевлена тѣми же самыми стремленіями и желаніями, какъ и Фридрихъ II, который говоритъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: „Не народъ созданъ для государя, а государь для народа; государь“, прибавляетъ онъ, есть первый слуга своего народа, его обязанность посвящать всю жизнь свою на благосостояніе своихъ подданныхъ“. Екатерина самостоятельно приобрѣла себѣ это гуманное образованіе; сочиненія Вольтера, Беккариа и Монтескье были изучены ею въ совершенствѣ; о послѣднемъ она говорила: „C'est le bréviaire des rois“—это требникъ, справочная книга государей, и „если бы я была папой“, продолжаетъ она, „я бы помѣстила Монтескье въ число святыхъ“.

Первою гениальной мыслью Екатерины была мысль ближе познакомиться со своимъ народомъ. Съ этой-то цѣлью была собрана извѣстная всѣмъ комиссія объ уложеніи, предлогомъ къ которой послужила необходимость собрать старыя и издать новыя законы. Подъ влияніемъ такихъ потребностей былъ написанъ Екатериной знаменитый Наказъ, который доставилъ автору популярность не только во всей Россіи, но и во всей Европѣ. Идеи Наказа были систематическимъ изложеніемъ тѣхъ идей, которыя проводили гуманисты XVIII вѣка. Комиссія объ уложеніи состояла изъ выборныхъ людей всѣхъ сословій и всѣхъ народовъ, обитавшихъ въ Россіи; эти выборные собрались въ Москву въ 1767 году. Комиссія объ уложеніи, несомнѣнно, имѣетъ весьма важное значеніе, но ея дѣятельность долго не была оцѣниваема, потому что долго не понимали, въ чемъ именно заключалась суть этой комиссіи; говорили, что идеи Екатерины были выше развитія русскаго народа, указывали на то, что комиссія не исполнила своего дѣла, т.-е. не составила законовъ, но забывали то, что впоследствии высказывала сама Екатерина. Екатерина говорила, что большая часть совершенныхъ ею реформъ была внушена ей депутатами этой комиссіи. Не обратили вниманія на то, что это признаніе было совершенно вѣрно, потому что многія реформы, касающіяся русской общественной жизни, дѣйствительно въ значительной степени, если не въ общихъ чертахъ, были высказаны депутатами этой комиссіи. Наконецъ, не обратили вниманія на то, что во время собранія были высказаны многія мысли, которыя только въ послѣднее время стали приводить въ исполненіе, напримѣръ, мысль о нотаріусахъ, мысль о третейскомъ гласномъ судѣ и пр. Комиссія должна была

разсмотрѣть разные законы, въ томъ числѣ, конечно, и законы о купечествѣ, слѣдовательно, законы, касающіеся торговли. Рѣчи, произнесенныя въ комиссіи депутатами, требованія купцовъ и возраженія на нихъ дворянъ, разночинцевъ и крестьянъ настолько важны для характеристики состоянія торговли Россіи въ XVIII вѣкѣ, что необходимо остановиться на этомъ предметѣ болѣе подробно.

У собранія мы видимъ ясное представленіе о важности торговли и пониманія, что торговля есть источникъ народнаго благосостоянія: Комиссія — говоритъ одинъ изъ депутатовъ комиссіи Межениковъ — можетъ назваться источникомъ, изъ котораго истекающія струи наполяютъ многіе милліоны народовъ. Взгляды относительно того, въ какомъ положеніи должна находиться коммерція, кто и въ какой степени долженъ ею заниматься, были въ высшей степени разнообразны, и эта разнообразность взглядовъ вызвала много столкновеній, существованіе которыхъ показываетъ намъ, что русскіе люди не пассивно отнеслись къ предложенію совѣщаться о своихъ дѣлахъ. Начало преній произошло вслѣдствіе случайнаго заявленія одного изъ дворянскихъ депутатовъ, Толмачева, о томъ, что необходимо привилегіи купечества распространить и на мѣщанъ. Противъ этого заявленія отъ имени купечества взялся возразить депутатъ отъ торговцевъ Рыбной слободы — Поповъ; его рѣчь была встрѣчена единогласнымъ одобреніемъ купечества. Поповъ началъ свою рѣчь съ того, что вспомнилъ заботы о купечествѣ „обновителя Россіи“, который „прилагалъ отеческое попеченіе для приведенія въ цвѣтущее состояніе коммерціи и русскаго купечества“. „Но (продолжалъ Поповъ), къ крайнему несчастію для купечества, съ кончиною его величества оно не могло, согласно съ его намѣреніемъ, достигнуть до желаемаго имъ состоянія“. Затѣмъ Поповъ выразилъ надежду купечества на то, что государыня не оставитъ этого сословія „безъ ея милостиваго презрѣнія“ и дастъ ему способы къ поправленію „бѣднаго своего состоянія“ и тѣмъ избавитъ „отъ стыда передъ счастливыми европейскими купцами“. Купечество отягощено, а теперь ему „готовится большее отягощеніе, какъ будто оно вовсе не нужно для государства“. Далѣе онъ замѣчаетъ, что въ особенности нужно препятствовать тому, чтобы дворяне, разночинцы и крестьяне входили въ торговыя занятія,

которыя имъ вовсе несвойственны. Вслѣдъ за мнѣніемъ Попова были поданы и другія мнѣнія. Разбирая все, что было сказано отъ купечества, можно прийти къ заключенію, что главныя требованія были слѣдующія: 1) надо возвысить положеніе купческаго сословія въ обществѣ; слѣдуетъ увеличить штрафъ за безчестіе купца (очевидно, что у насъ въ то время средневѣковая старина далеко еще не исчезла, и купецъ еще не былъ гарантированъ отъ оскорбленія своей личности); 2) купечеству слѣдуетъ предоставить исключительное право заниматься торговлей и промыслами. Такъ, одинъ изъ купческихъ депутатовъ требовалъ уничтоженія дворянскихъ фабрикъ, которыя „великій подрывъ чинять“ настоящимъ купцамъ; другой заявилъ, что многіе крестьяне, въ особенности въ краяхъ оренбургскомъ и казанскомъ — башкиры и татары, производя беспошлинную торговлю, причиняютъ купечеству большой убытокъ. Нѣкоторые, наконецъ, доходили до такой крайности, что требовали запрещенія крестьянамъ сбыта сельскихъ произведеній на рынкахъ и пристаняхъ. Купечество, вполне естественно, желало захватить въ свои руки торговую монополію; оно ловко ссылалось на нѣкоторыя мѣста изъ Наказа, напримѣръ, на то, гдѣ говорилось, что дворянину не свойственно заниматься торговлей, а онъ долженъ преимущественно служить государству военной и гражданской службой. 3) Многіе депутаты заявили, главнымъ образомъ рижскій депутатъ Емфимовъ и торопецкій — Гундаровъ, что купечество отягощено многими казенными натуральными повинностями, напримѣръ, должно содержать на свой счетъ ямъ, или почту. Очевидно, что это былъ остатокъ московской старины, когда весь чинъ государственныхъ людей долженъ былъ нести, тянуть какое-нибудь тягло, когда человѣкъ служилый обязанъ былъ идти на войну, а человѣкъ торговый долженъ былъ служить въ торговомъ дѣлѣ; купцы жаловались, что натуральныя повинности ихъ очень отягощаютъ, затрудняя веденіе ихъ собственныхъ дѣлъ. 4) Многими депутатами отъ купечества было заявлено, что для поддержки нѣкоторыхъ фабрикъ необходимо приписать къ нимъ крѣпостныхъ людей. 5) Нѣкоторые добивались, чтобы купцамъ было разрѣшено имѣть своихъ дворовыхъ людей, потому что, говорили они, приказчики — народъ ненадежный, часто вмѣстѣ съ деньгами хозяйскими убѣгаютъ, и найти ихъ бываетъ трудно. Конечно, это заявленіе есть продолженіе

вѣчной жалобы на недостатокъ рабочихъ рукъ. 6) Требовали отмѣны нѣкоторыхъ мелкихъ законовъ, стѣснительныхъ для купечества: такъ, на примѣръ, въ случаѣ банкротства, деньги уплачивались сперва иностраннымъ кредиторамъ, а потомъ уже и отечественнымъ. Очевидно, этотъ законъ былъ вызванъ желаніемъ вовлечь въ русскую торговлю иностранцевъ, поддержать съ ними сношенія.

Съ перваго же взгляда видно, что требованія купцовъ были слишкомъ неограниченны и слишкомъ исходили изъ желанія захватить въ свои руки монополію. Естественно, что подобныя требованія вызвали сильный протестъ со стороны другихъ сословій, не желавшихъ дать купечеству такого привилегированнаго положенія. Изъ ораторовъ дворянства первое мѣсто занималъ извѣстный историкъ того времени, человекъ, получившій иностранное образованіе, князь Щербатовъ: онъ всѣхъ яснѣе формулируетъ свои возраженія. Прежде всего онъ протестовалъ противъ монополіи внутри самой страны: торговля не должна быть монополіей одного сословія, потому что истинное занятіе торговлей есть выраженіе экономическихъ силъ одного народа по отношенію къ силамъ другихъ народовъ, а потому спеціальностью купцовъ должна быть торговля внѣшняя, но, замѣчаетъ онъ, „купечество наше не весьма (тщательно) къ иностранной торговлѣ прилежитъ; къ стыду и позору земли нашей — продолжаетъ онъ — гамбурцы являются для китоваго промысла къ мурманскому берегу и на глазахъ нашихъ занимаютъ ловлей китовъ“. Нѣтъ сомнѣнія, что упреки Щербатова во многихъ отношеніяхъ остаются вѣрными и до настоящаго времени. Далѣе Щербатовъ утверждалъ, что добыча руды должна принадлежать дворянамъ, какъ владѣтелямъ земли. Это мнѣніе вызвало неудовольствіе со стороны Екатерины, которая, напротивъ, хотѣла признать добычу руды собственностью казны. Затѣмъ Щербатовъ излагаетъ свое мнѣніе о фабрикахъ. Купечество требовало, чтобы дворяне совершенно были исключены изъ фабричныхъ дѣятелей, онъ, наоборотъ, утверждалъ, что фабричная дѣятельность есть достояніе всѣхъ сословій. Для объясненія этого пункта, онъ бралъ въ примѣръ обработку льна. Ленъ, говорилъ онъ, есть продуктъ чисто сельскій — земледѣльческій, а потому, безспорно, принадлежитъ крестьянину или помѣщику, но для продажи ленъ долженъ быть вымоченъ, размягченъ и т. д., однимъ словомъ, обработанъ. Слѣдовательно и здѣсь уже

начинается известная фабричная дѣятельность. Если дозволить первую форму обрабатыванія льна, то отчего же не позволить и вторую, именно пряденіе льна; наконецъ, совершенно послѣдовательно является третья форма: приготовленіе холста изъ пряжи. Нельзя же вѣдь настаивать, чтобы эта обрабатывающая дѣятельность была запрещена сельскому населенію?! Наконецъ, Щерба-товъ возражаетъ противъ желанія купцовъ покупать дворовыхъ людей безъ земли, и здѣсь высказываетъ самыя гуманныя воз-зрѣнія для того времени. Продажа людей, говоритъ онъ, от-дѣльно отъ земли должна быть строжайше запрещена. „Хотя мы сами судьбой и поставлены владѣтелями и господами нашихъ крестьянъ“, обращается онъ къ своимъ односословцамъ, „но все-таки мы не должны забывать, что они такіе же люди, какъ и мы“. Другой изъ депутатовъ отъ дворянъ, депутатъ Пронскій, съ особеннымъ оживленіемъ возражаетъ противъ купцовъ и иронически сопоставляетъ ихъ требованія. Требующій права имѣть крестьянъ — есть дворянинъ, требующій права торговли — есть купецъ, тре-бующій исключительнаго права заниматься чѣмъ-нибудь — есть от-купщикъ, монополистъ; все это и желаютъ захватить себѣ купцы, только одного сословія они не пожелали имѣть права, а именно сельскаго, то-есть заниматься хлѣбопашествомъ.

Поданы были также голоса и крестьянами, и голосовъ было очень много. Представителемъ депутатовъ отъ крестьянъ можетъ служить Вонифатьевъ, *депутатъ отъ черносошныхъ олонекскихъ* крестьянъ. Крестьянамъ и разночинцамъ, говоритъ онъ, слѣдуетъ запретить торговлю товарами, упомянутыми въ *тарифѣ*, но нельзя запретить имъ сбывать свои сельскія произведенія на рынкахъ и торжкахъ; точно также нельзя имъ запретить, безъ крайняго ихъ обѣднѣнія, продажу на сельскихъ рынкахъ предметовъ, необходи-мыхъ для сельскихъ надобностей. Такіе предметы, говоритъ Вонифатьевъ, составляютъ: рыба, кожа, овчины, хомуты, колеса, телѣги, рогожи и т. д.; однимъ словомъ, нельзя запретить продажу тѣхъ предметовъ, которые обыкновенно встрѣчаются на сельскихъ рын-кахъ. Остальные депутаты крестьянскихъ обществъ всѣ единогласно требовали того же самаго, съ ними совершенно согласились и ино-родцы, изъ которыхъ преимущественно подавали голоса башкиры и татары, сильно заинтересованные въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ они

уже съ того времени начали заниматься продажей и выдѣлкой нѣкоторыхъ изъ тѣхъ предметовъ, продажей и выдѣлкой которыхъ они занимаются въ настоящее время.

Различіе мнѣній разныхъ сословій вызвало такія пренія, о которыхъ можно сказать, что они были слишкомъ бурны. Это обстоятельство показываетъ, насколько трактуемое было для всякаго близко. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ вологодскихъ купцовъ (Глазовъ) заявилъ, что крестьяне, забывая страхъ Божій, торгуютъ какъ сущіе купцы и нагло чиняютъ подрывъ коммерціи; купцы же принуждены увѣзжать въ другія страны, потому что ихъ притѣсняють. Глазовъ получилъ выговоръ отъ предсѣдателя комиссіи Бибикова за то, что невѣжественно отзывался о крестьянахъ.

Если Похвисневъ, дворянскій депутатъ, съ нескрываемой ироніей соединилъ всѣ требованія купцовъ, то и купцы, съ своей стороны, нашли хорошаго оратора — Солдатенкова, который хотѣлъ придать дѣлу довольно ловкій оборотъ. Онъ началъ свою рѣчь съ иронической похвалы Щербатову, который все основываетъ на своихъ соображеніяхъ, да только никогда не ссылается на существующіе законы. „Ужь не спровергнуть ли прежде существующія узаконенія?“ — спрашиваетъ онъ шутливо-серіознымъ тономъ. Потомъ замѣчаетъ, что многія рѣчи Щербатова не указаны въ Наказѣ императрицы и, наконецъ, заканчиваетъ свою рѣчь наставленіемъ дворянамъ: не слѣдъ дворянамъ вмѣшиваться не въ свое дѣло и выходить изъ своего состоянія.

По поводу вопроса о правахъ торговли и о правахъ торговаго сословія должны были подать свои мнѣнія и нѣкоторые изъ официальныхъ депутатовъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательно мнѣніе, высказанное Минихомъ, сыномъ знаменитаго фельдмаршала. Онъ, между прочимъ, высказался противъ монополіи, на которую заявлялись притязанія со стороны купцовъ. По его мнѣнію, требованія различинцевъ были справедливы, и право торговли должно быть предоставлено крестьянамъ, но въ извѣстномъ ограниченномъ размѣрѣ, какъ, напримѣръ, торговля сельскими произведеніями и, кромѣ того, торговля рыночная и мелочная. Такого рода взгляды дѣйствительно легли въ основу дальнѣйшихъ отношеній государства къ этому предмету. Изъ другихъ мнѣній, поданныхъ въ комиссію, наше вниманіе останавливаетъ на себѣ оригинальное мнѣніе депутата отъ

коммерцъ-коллегіи—Меженинова. Онъ, по поводу различныхъ столкновений въ вопросѣ о правахъ торговли, высказался такъ: „Нашъ народъ подобенъ птицамъ, которыя, найдя кусокъ хлѣба, до тѣхъ поръ одна у другой его отнимаютъ, пока, раскроша его въ самыя мелкія крупинки, не смѣшаютъ съ пескомъ и землею, и совсѣмъ все не растеряютъ“. Это мнѣніе намъ, дѣйствительно, указываетъ на одно болѣзненное явленіе нашей общественной жизни — привычки дѣйствовать всегда врознь, а не сообща. Межениновъ отстаивалъ права торговаго сословія и, между прочимъ, находилъ, что необходимо стараться ограничивать открытіе фабрикъ, потому что при многочисленности ихъ произведенія будутъ хуже, и онъ не въ состояніи будутъ выдержать конкуренціи. Очевидно, что взгляды Меженинова были противъ начинавшаго тогда господствовать взгляда фізіократовъ, но въ этомъ взглядѣ выразилось извѣстное состояніе тогдашней земли, русской. Онъ предполагалъ направить всю внѣшнюю торговлю на одно только Балтійское море и для этого запретить вывозъ товаровъ изъ Малороссіи въ Польшу и въ Черное море. Кромѣ того, онъ предлагалъ для развитія русской торговли и промышленности принять тѣ усовершенствованія, которыя въ западной Европѣ уже давнымъ-давно были приняты. Точно также любопытно его предложеніе ввести учрежденіе нотаріата во всѣхъ главныхъ городахъ государства. По его мнѣнію, въ столицахъ должно быть, по крайней мѣрѣ, по 10 нотаріусовъ, но въ губернскихъ городахъ число ихъ можетъ быть и меньше, смотря по надобности. Такимъ образомъ, Межениновъ на цѣлыя 100 лѣтъ предупредилъ то, что въ настоящее время признано положительно за необходимость и что уже у насъ введено. Для торговыхъ дѣлъ Межениновъ предлагалъ устроить третейскій судъ, который долженъ былъ разбирать дѣла, касающіяся только одной торговли, такъ какъ тогдашніе суды вели дѣла очень медленно и не удовлетворяли требованіямъ.

Вообще во время споровъ въ комиссіи о вопросахъ, касающихся торговли, можно было убѣдиться, что русская земля въ XVIII столѣтіи сдѣлала значительный шагъ впередъ. Являются банки, понятіе о кредитѣ, векселя и другія нововведенія. Съ другой стороны, видно также, какъ медленно прививались къ обществу всѣ эти нововведенія. Напримѣръ, возьмемъ хоть векселя. Они были принадлежностью

исключительно только торгового сословія, и, кромѣ него, обязываться этими векселями никто не имѣлъ права, въ томъ числѣ и дворяне, а если они и давали векселя, то не иначе какъ отъ имени какого-нибудь кушца. Такимъ образомъ давать векселя было неудобно, и вотъ является новый проектъ ввести для дворянъ особые векселя, которые стали называться честными билетами. Выдавая такой билетъ, дворянинъ на честномъ словѣ соглашался уплатить по такому векселю, что, конечно, и принужденъ былъ сдѣлать.

Во время разсужденій комиссіи однимъ изъ депутатовъ былъ предложенъ цѣлый проектъ объ учрежденіи городского сословія, которымъ опредѣлялись права и положеніе городского сословія; въ этомъ проектѣ, между прочимъ, высказывалась необходимость въ учрежденіи особаго мѣщанскаго сословія. Насколько реформы иногда туго прививались къ народу, можно видѣть на вопросѣ о внутреннихъ пошлинахъ. Жители Малороссіи отнеслись къ этой реформѣ очень недружелюбно и были этимъ чрезвычайно недовольны, причину чему слѣдуетъ искать въ томъ, что Малороссія почти постоянно стремилась жить совершенно иною жизнью, чѣмъ остальная Россія. Украинцы предложили, напротивъ, возобновить пошлины между Малороссіей и Великороссіей. Противъ уничтоженія внутреннихъ пошлинъ болѣе другихъ возставалъ барнаульскій депутатъ Каршевъ. Онъ указывалъ на то, что прежде, т.-е. до 53-го года, пошлины были значительно меньше, чѣмъ послѣ этого: такъ, напримѣръ, до 53-го года платили на 1 руб.—11 коп. внутренней пошлыны и 11 коп. внѣшней; между тѣмъ какъ послѣ 53-го года плата удвоилась—стали платить 23 коп. за право торговли, да еще 1 копейку за каналъ.

Комиссія объ уложеніи, какъ извѣстно, не докончила своихъ занятій и не исполнила своей цѣли—составленія законовъ, но тѣмъ не менѣе она не прошла безслѣдно. Хотя въ царствованіе Екатерины II главное вниманіе правительства и было обращено на внѣшнія границы, на укрѣпленіе политическаго могущества Россіи, но въ то же время Россія и на пути своего внутренняго торговаго и промышленнаго развитія сдѣлала громаднѣйшій шагъ впередъ, и, какъ мы уже говорили, многія изъ преобразованій Екатерины, напримѣръ, учрежденіе губерній, введеніе городского положенія, прямо вытекали изъ мнѣній депутатовъ и имѣли прямое, непосредственное вліяніе

на торговлю, потому что они обеспечивали государственное благоустройство и вводили Россію въ тотъ кругъ реформъ, въ который западная Европа вступила уже давнымъ-давно. Многія изъ предположеній Екатерины не могли осуществиться, вслѣдствіе самаго положенія земли русской, и самое главное изъ нихъ есть, безъ всякаго сомнѣнія, мысль объ уничтоженіи рабства. Мы уже знаемъ, какія невыгодныя условія вызвало у насъ учрежденіе рабства, т.-е. крѣпостного права. Екатерина, при вступленіи на престолъ, задавалась мыслью объ его уничтоженіи; съ этою цѣлью и отъ Вольнаго Экономическаго Общества, учрежденнаго для покровительства и развитія сельскаго хозяйства, была предложена тема такого содержанія: чтѣ лучше — свободное ли или крѣпостное состояніе крестьянъ? Общество на эту тему получило очень много отвѣтовъ; первую премію получило сочиненіе французскаго писателя Баярде-де-Лабе; въ немъ говорилось въ общихъ выраженіяхъ, что свобода труда предпочтительна передъ рабствомъ; заканчивалось же оно заявленіемъ, что всякія реформы должны производиться постепенно. Вторую премію получило русское сочиненіе Полѣнова. Этотъ писатель указывалъ не только на необходимость уничтоженія рабства, но вмѣстѣ съ тѣмъ и на способы, какими оно должно быть произведено. Главная особенность этого сочиненія заключается въ томъ, что, по мнѣнію писателя, крестьяне должны освободиться не только лично, но вмѣстѣ и съ землею; они сами должны сдѣлаться землевладѣльцами.

Мысль Екатерины не могла себѣ найти сочувствія въ некультурномъ большинствѣ русскаго общества того времени, и не могла его найти по различнымъ причинамъ. Комиссія объ уложеніи показываетъ намъ, что купцы требовали, чтобы имъ позволено было покупать людей съ землями; фабриканты настаивали, чтобы крестьяне приписывались къ ихъ фабрикамъ, и т. д.; все это указываетъ намъ, что прежняя причина крѣпостного права продолжала все еще существовать. Сама Екатерина рассказываетъ намъ, какъ много приходилось ей спорить по поводу освобожденія крестьянъ съ Сумароковымъ, который настаивалъ на томъ, что не слѣдуетъ уничтожать крѣпостного права.

Если свободная дѣятельность сельскаго населенія такимъ образомъ составляла только доброе, но не исполнимое желаніе луч-

шихъ людей русскихъ второй половины XVIII вѣка, то по отношенію къ торговлѣ, въ главныхъ чертахъ по крайней мѣрѣ, нашли себѣ примѣненіе болѣе свободныя взгляды, отмѣнявшіе прежнюю запретительную систему. Такъ, напримѣръ, торговля хлѣбомъ за немногими исключеніями была объявлена свободною; Архангельскъ впервые послѣ Петра Великаго былъ сравненъ въ своихъ правахъ съ Петербургомъ; монополія казны относительно торговли нѣкоторыми товарами (напримѣръ, ревенемъ и чаемъ) была отмѣнена, также какъ и другія монополіи, иногда отдаваемые въ прежнее время въ собственность частныхъ лицъ; въ 1766 году былъ изданъ новый таможенный тарифъ, который позволялъ ввозъ многихъ товаровъ, прежде или совершенно запрещенныхъ, или обложенныхъ слишкомъ высокою пошлиною, и т. д.

Со времени Екатерины у насъ въ Россіи появляются и значительно расширяютъ свою дѣятельность различныя учрежденія, способствующія обращенію капитала; такъ, въ ея царствованіе у насъ впервые появляется Ассигнаціонный банкъ (первая попытка къ учрежденію такого банка была сдѣлана во Франціи Джономъ Ло). Учрежденіе такого банка было уже значительнымъ шагомъ впередъ, потому что онъ увеличилъ число мѣновыхъ единицъ; вся сущность этого банка заключалась въ нормальномъ выпускѣ ассигнацій, но выпускъ этихъ ассигнацій произвелъ большое затрудненіе, вслѣдствіе чего заграничныя курсы стали быстро падать (въ XIX вѣкѣ цѣнность ассигнацій дошла до отношенія 1 : 3¹/₂).

Вмѣстѣ съ Ассигнаціоннымъ банкомъ у насъ появляется и Земельный банкъ, учрежденный при Опекунскомъ совѣтѣ. Для того, чтобы доставить возможность въ каждомъ провинціальномъ городѣ за незначительные проценты доставить значительную сумму денегъ, устроены были конторы банка, которыя и занимались этими операціями.

Екатерина Великая много заботилась и о развитіи фабричной¹⁾ и сельскохозяйственной дѣятельности: она старалась, напримѣръ, чтобы ленъ вывозился за границу не въ сыромъ, а въ обработанномъ видѣ.

Первое мѣсто изъ ея административныхъ реформъ, безспорно, занимаютъ учрежденіе губерній и введеніе городского положенія

¹⁾ Число фабрикъ при Елизаветѣ II достигло 3161 (въ 1796 г.).

въ 1785 году. Въ ея царствованіе у насъ вводится болѣе правильная администрація; власть губернаторовъ и воеводъ значительно уменьшается — „намѣстникъ не есть судья, но только оберегатель узаконеній“. Городовое положеніе утверждало и развивало то, что было начато еще Петромъ Великимъ.

Мы видимъ такимъ образомъ, что въ царствованіе Екатерины Великой было сдѣлано очень много или, по крайней мѣрѣ, было положено много основъ для будущаго развитія русской жизни. Въ 1783 году совершилось еще одно, едва ли не самое замѣчательное событіе ея царствованія — это присоединеніе Крыма, которое упрочило и утвердило то, что было сдѣлано въ 1703 году основаніемъ Петромъ Великимъ новой русской столицы — С.-Петербурга.

Присоединеніе Крыма имѣло чрезвычайно важное значеніе въ исторіи русскаго народа. Съ этого времени русскіе приобрѣли еще новое море, и уже море русское, въ полномъ смыслѣ этого слова: русскіе стали крѣпкою ногою на Черномъ морѣ. Само собою разумѣется, что новая полоса земли, приобретенная русскимъ государствомъ, не могла развиваться сразу, но развитіе ея шло постепенно, и ему чрезвычайно способствовалъ извѣстный дѣятель Екатерининскихъ временъ — Потемкинъ. На берегу моря Екатерина замѣтила маленькую, незначительную турецкую крѣпость Ходжибей, и вотъ черезъ нѣсколько лѣтъ эта незначительная крѣпость разрастается въ значительный приморскій городъ — Одессу, которая приобрѣла весьма важное значеніе въ ряду европейскихъ портовыхъ городовъ. Насколько благодаря всему этому увеличивалась русская торговля за рассматриваемый нами періодъ, можно видѣть изъ того, что въ 1793 году было отпущено товаровъ на весьма почтенную сумму, а именно на 31 миллионъ рублей: въ 1769 году таможенный сборъ не доходилъ до 600000 руб., въ 1784 — уже превосходилъ 700000 руб.

